

ЖЮЛЬ ВЕРН

СТРАНЕ МЕХОВ

Annotation

«В стране мехов» — один из самых интересных географических романов Жюль Верна. Автор дает в общем правдивое представление об американском секторе Арктики, привлекая многочисленные источники, раскрывающие историю изучения и освоения этих далеких земель.

Экспедиция компании Гудзонова залива основала факторию на берегу океана. Неожиданно выясняется, что они находятся на льдине, припаянной к материку. Мужество и знания путешественников помогают им с честью выйти из, казалось бы, гиблой ситуации.

- [Жюль Верн](#)
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [1. ГОСТИ В ФОРТЕ РЕЛАЙАНС](#)
    - [2. ПУШНАЯ КОМПАНИЯ ГУДЗОНОВА ЗАЛИВА](#)
    - [3. ОТТАЯВШИЙ УЧЕНЫЙ](#)
    - [4. ФАКТОРИЯ](#)
    - [5. ОТ ФОРТА РЕЛАЙАНС ДО ФОРТА ЭНТЕРПРАЙЗ](#)
    - [6. БИТВА «ВАПИТИ»](#)
    - [7. ПОЛЯРНЫЙ КРУГ](#)
    - [8. БОЛЬШОЕ МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО](#)
    - [9. БУРЯ НА ОЗЕРЕ](#)
    - [10. ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ](#)
    - [11. ВДОЛЬ БЕРЕГА](#)
    - [12. ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ](#)
    - [13. ФОРТ НАДЕЖДЫ](#)
    - [14. НЕСКОЛЬКО ЭКСКУРСИЙ](#)
    - [15. В ПЯТНАДЦАТИ МИЛЯХ ОТ МЫСА БАТЕРСТ](#)
    - [16. ДВА ВЫСТРЕЛА](#)
    - [17. ПРИБЛИЖЕНИЕ ЗИМЫ](#)
    - [18. ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ](#)
    - [19. ВИЗИТ СОСЕДЕЙ](#)
    -
    - [20. РТУТЬ ЗАМЕРЗАЕТ](#)
    - [21. ПОЛЯРНЫЕ МЕДВЕДИ](#)
    - [22. ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ](#)
    - [23. СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ 18 ИЮЛЯ 1860 ГОДА](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- 1. ПЛАВУЧИЙ ФОРТ
- 2. ГДЕ ОНИ?
- 3. ОБСЛЕДОВАНИЕ ОСТРОВА
- 4. НОЧНОЙ ПРИВАЛ
- 5. С 25 ИЮЛЯ ПО 20 АВГУСТА
- 6. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ШТОРМА
- 7. ОГОНЬ И КРИК
- 8. ПРОГУЛКА МИССИС ПОЛИНЫ БАРНЕТ
- 9. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАЛЮМАХ
- 10. КАМЧАТСКОЕ ТЕЧЕНИЕ
- 11. СООБЩЕНИЕ ДЖАСПЕРА ГОБСОНА
- 12. ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ
- 13. ЧЕРЕЗ ЛЕДЯНОЕ ПОЛЕ
- 14. ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ
- 15. ПОСЛЕДНЯЯ РАЗВЕДКА
- 16. ДВИЖЕНИЕ ЛЬДОВ
- 17. ОБВАЛ
- 18. ВСЕ ЗА РАБОТОЙ
- 19. БЕРИНГОВО МОРЕ
- 20. В ОТКРЫТОМ МОРЕ
- 21. ОСТРОВ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОСТРОВ
- 22. ЧЕТЫРЕ СЛЕДУЮЩИХ ДНЯ
- 23. НА ЛЬДИНЕ
- 24. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

Жюль Верн
В стране мехов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ГОСТИ В ФОРТЕ РЕЛАЙАНС

В тот вечер — 17 марта 1859 года — капитан Крэвенти устроил праздник в форте Релайанс.

Но пусть читатель не думает, что это было какое-то парадное собрание, или пышный бал, или шумный раут, или фестиваль под гром большого оркестра. Прием у капитана Крэвенти был много скромнее, хотя хозяин ничего не пожалел, чтобы придать ему как можно больше блеска.

В самом деле, благодаря распорядительности капрала Джолифа просторная зала в нижнем этаже дома совершенно преобразилась. Правда, деревянные стены из грубо отесанных и горизонтально уложенных бревен остались на виду; однако четыре британских флага, укрепленные в четырех углах, и щиты с развешанным на них оружием, заимствованным из арсенала форта, скрашивали наготу стен. Длинные потолочные балки, шероховатые и почерневшие, покоились на топорных, не слишком прямо вбитых столбах, зато две лампы с жестяными рефлекторами раскачивались на концах цепей, словно люстры, и, несмотря на мглистый воздух, довольно ярко освещали залу. Окна были узкие, некоторые даже походили на бойницы; и густой слой инея, покрывавший стекла, не давал проникнуть сквозь них любопытному взору; два или три полотнища красной, красиво задрапированной ткани вызывали восхищение приглашенных. Пол из плотно пригнанных друг к другу толстых трехдюймовых досок был по случаю праздника тщательно подметен капралом Джолифом. Ни кресел, ни диванов, ни стульев, ни других предметов современной мебелировки, которые только мешали бы гостям свободно расхаживать, не было вовсе. всю обстановку залы составляли деревянные скамьи, накрепко вделанные в толстые стены, несколько больших обрубков дерева, которым топор придал кубическую форму, да два стола на массивных ножках. Но внутренняя стена с узкой одностворчатой дверью в соседнюю комнату была живописно и вместе с тем богато разукрашена. На бревнах в безупречном порядке висели роскошный мех: такого редкостного подбора не встретишь, пожалуй, и в самых заманчивых витринах Риджент-стрит или Невского проспекта. Казалось, вся фауна арктических областей была здесь представлена лучшими образцами своих мехов. Глаза разбегались при вида всех этих богатств; здесь были шкуры волков, медведей бурых и полярных, выдр, росомх, американских норок, бобров, мускусных крыс, горностаев, серебристых лисиц! А над этой своеобразной выставкой

красовалась надпись, составленная из искусно вырезанных цветных картонных букв. То был девиз знаменитой Компании Гудзонова залива: PROPELLE CUTEM!^[1]

— Ну, капрал Джолиф, — сказал капитан Крэвенти своему подчиненному, — вы просто превзошли самого себя!

— Пожалуй, капитан, пожалуй, — ответил капрал. — Но воздадим каждому свое. Добрая половина ваших похвал причитается по справедливости миссис Джолиф. Ведь это она мне во всем помогала!

— Ваша жена — большая искусница, капрал!

— Ей нет равных, капитан.

Середину залы занимала громадная печь, наполовину кирпичная, наполовину кафельная; ее большая железная труба, выведенная сквозь потолок, выбрасывала наружу клубы черного дыма. Печь пытела, гудела и накалялась, поглощая полные лопаты угля, которые, не жалея, подбрасывал в нее специально приставленный к этому делу солдат-истопник. Порою в трубу залетал снаружи порыв ветра. Тогда едкий дым вырывался из топки и расползался по зале; языки пламени лизали кирпичную кладку, густое облако заволакивало лампы, свет тускнел, и сажа осаждалась на потолочные балки. Но это мало смущало гостей форта Релайанс. Печь их согревала, и за щедро распространяемое ею тепло всякий готов был заплатить такой пустяковой неприятностью, как дым, тем более что на дворе стояла страшная стужа, а резкий северный ветер усиливал ее еще больше.

Слышно было, как за окнами дома бушевала непогода. Оледенелые снежинки с шумом ударялись о замерзшие стекла. Острые струйки холодного воздуха, пробиваясь сквозь щели дверей и окон, временами производили явственный свист. Затем наступала полная тишина. Стихии, казалось, переводили дух, а затем буря вновь разражалась с ужасающей силой. Дом дрожал до самого основания, брусья скрипели, балки стонали. Человек новый, не привыкший, как гости форта Релайанс, к таким неистовствам природы, невольно спросил бы себя — не снесет ли бешеный ветер все это сооружение из столбов и досок? Но гостям капитана Крэвенти буря была нипочем; даже выйдя наружу, они испугались бы ее не больше, чем буревестники, что носятся над волнами в самый разгар урагана.

Однако пора объяснить, кто были эти приглашенные. Здесь собралось около ста мужчин и женщин; но лишь двое из них — две дамы — не принадлежали к числу завсегдатаев форта Релайанс. Среди постоянных обитателей форта были: капитан Крэвенти, лейтенант Джаспер Гобсон, сержант Лонг, капрал Джолиф и человек шестьдесят солдат и служащих

компании. Некоторые были женаты, среди них — капрал Джолиф, счастливый супруг живой и веселой уроженки Канады, затем некий Мак-Нап, шотландец, женатый на шотландке, и Джон Рэй, недавно взявший себе в жены местную жительницу — индианку. Все это общество без различия рангов — офицеры, служащие и солдаты пировали в тот вечер у капитана Крэвенти.

Следует добавить, что среди приглашенных были не одни только должностные лица форта Релайанс. Соседние форты — а в этих далеких краях люди, живущие за сто миль друг от друга, считают себя соседями — охотно приняли приглашение капитана Крэвенти. Множество служащих и комиссионеров прибыло из фортов Провидено и Резольюшен, входивших в округ Невольничье озеро, а также из фортов Чипевайан и Лайард, расположенных южнее. Затерянные в безмолвии северных пустынь, словно какие-нибудь отшельники или ссыльные, люди с радостью воспользовались редким и неожиданным случаем рассеяться и развлечься.

Не отказались от приглашения и несколько индейских вождей. Эти туземцы, находившиеся в постоянных сношениях с факториями, поставляли в порядке обмена большую часть мехов, которыми торговала компания. Главным образом, это были индейцы племени чиппевеев — сильные, великолепно сложенные люди, одетые в куртки из кож и необычайно эффектные меховые плащи. Их лица, разрисованные наполовину красной, наполовину черной краской, были точь-в-точь, как те маски, какими «для пущей убедительности» в Европе наделяют в феериях дьяволов. На макушке каждого индейца, точно раскрытый веер какой-нибудь синьоры, колыхались пучки орлиных перьев, вздрагивавшие при каждом движении черноволосой головы. Индейские вожди, числом двенадцать, не привезли с собой жен: эти несчастные «сквау» живут на положении простых рабынь.

Таков был круг гостей, которых в тот вечер так радушно принимал капитан форта Релайанс. За неимением оркестра танцы не могли состояться, но обильное угощение с успехом заменяло наемных музыкантов европейских балов. На столе возвышался пирамидальный пудинг, приготовленный собственными руками миссис Джолиф. Он представлял собою усеченный конус из муки, оленьего жира и мяса мускусного быка; не хватало в нем, быть может, только яиц, молока и лимона, рекомендованных поваренными книгами, но этот недостаток вполне возмещался его гигантскими размерами. Миссис Джолиф отрезала от него кусок за куском, а огромному пудингу все не было конца. На столе лежали также груды сандвичей, приготовленных за неимением английского

хлеба из морских сухарей; между двумя сухарями, с которыми, несмотря на их черствость, без труда расправлялись крепкие зубы чиппеев, миссис Джолиф ловко вложила тонкие ломтики «корнбифа», особого рода солонины, заменившей на этот раз йоркскую ветчину и заливное с трюфелями, — блюдо, которое подают к столу в домах Старого Света. Что касается напитков — виски и джина, — то наполненные ими оловянные стаканчики так и ходили вокруг стола. Увенчать весь этот праздник, о котором долго еще будут толковать в индейских вигвамах, должен был великолепный пунш.

Зато каких только комплиментов не наслушались в тот вечер супруги Джолиф! Но и потрудились же они, и с какой готовностью! Они просто разрывались на части! Как усердно потчевали они гостей всевозможной снедью! Нет, они не дожидались, пока их попросят, они предупреждали желания каждого. Гости не успевали и рта раскрыть, не успевали даже захотеть чего-нибудь. За сандвичами следовали куски неистощимого пудинга! За пудингом — стаканчики джина или виски!

— Ах, увольте, миссис Джолиф!

— Вы слишком любезны, капрал! Умоляю вас, разрешите передохнуть!

— Миссис Джолиф, верьте, я сыт по горло!

— Капрал Джолиф, что вы со мной делаете!

— Нет, сударыня, решительно нет!.. Я больше не в состоянии!

Вот восклицания, которые то и дело выслушивала счастливая чета. Но капрал и его супруга умели настоять на своем, и даже самые упорные в конце концов сдавались. И еда продолжалась, и питье шло своим чередом. Разговоры становились громче. Солдаты, служащие — все понемногу оживились. Тут говорили об охоте, там о торговле. Сколько планов было у каждого на будущий сезон! Всей фауны арктических областей, пожалуй, не хватило бы, чтоб удовлетворить этих предприимчивых охотников. Медведи, лисы, мускусные быки так и валялись под их пулями. Бобры, крысы, горностаи, куницы, норки тысячами попадались в капканы! Драгоценные меха целыми ворохами накапливались на складах компании, доходы которой, кстати сказать, действительно превзошли в том году все ожидания. Щедро разливаемые спиртные напитки разгорячили воображение европейцев; индейцы же, важные и молчаливые, слишком гордые, чтобы чему-нибудь удивляться, и слишком осмотрительные, чтобы что-нибудь обещать, не мешали этой болтовне, поглощая стакан за стаканом «огненную воду» капитана Крэвенти.

А сам капитан от души радовался шумному веселью: он был счастлив,

что ему удалось доставить удовольствие этим горемыкам, заброшенным за пределы обитаемого мира, и, весело расхаживая среди своих гостей, неизменно отвечал на все расспросы, если они касались праздника:

— Спросите у Джолифа! Спросите у Джолифа!

И гости обращались к Джолифу, который для всех находил ласковое слово.

О некоторых лицах, охранявших и обслуживавших форт Релайанс, следует рассказать более подробно, ибо именно им довелось впоследствии стать игрушкой ужасных событий, предвидеть которые не был в состоянии никакой, даже самый прозорливый человеческий ум. Так, несколько слов надо сказать о лейтенанте Джаспере Гобсоне, сержанте Лонге, о супругах Джолиф и о двух приезжих дамах, в честь которых капитан и устроил этот вечер.

Лейтенанту Джасперу Гобсону было сорок лет. Невысокий и худощавый, он не обладал особой физической силой, но его душевная энергия была такова, что он всегда выходил победителем из любых испытаний и самых затруднительных положений. Джаспер воистину был «дитя компании». Его отец, майор Гобсон, ирландец из Дублина, умерший несколько лет назад, долгое время вместе с миссис Гобсон жил в форте Ассинибойн. Здесь и родился Джаспер Гобсон. Здесь, у самого подножья Скалистых гор, проходили его детство и юность. Суровое воспитание майора Гобсона сделало его взрослым мужчиной, хладнокровным и смелым еще в ту пору, когда он был всего лишь подростком. Джаспер Гобсон не был охотником, — он был воином, умным и храбрым офицером. Когда Компании Гудзонова залива пришлось выдержать в Орегоне упорную борьбу с конкурентами, он отличился своим рвением и отвагой и быстро достиг чина лейтенанта. Вследствие его общепризнанных достоинств компания назначила Гобсона начальником экспедиции на крайний север. Этой экспедиции предстояло обследовать расположенные выше семидесятой параллели северные берега Большого Медвежьего озера и основать форт на самой границе американского континента. Отъезд лейтенанта Джаспера Гобсона должен был состояться в первых числах апреля.

Если лейтенант представлял собой законченный тип превосходного офицера, то сержант Лонг, пятидесятилетний человек с такой жесткой бородой, словно она была из кокосовой мочалки, являл собою идеальный тип солдата; храбрый от природы, дисциплинированный, ничего не признающий, кроме приказа, беспрекословно подчиняющийся любому распоряжению, каким бы странным оно ни казалось, никогда не

рассуждающий, если дело идет о службе, — Лонг был настоящей машиной в мундире, но машиной совершенной, исправной, которая всегда была на ходу и не знала усталости. Быть может, сержант Лонг иногда бывал слишком строг к своим подчиненным, но так же строг он был и по отношению к себе. Он не терпел ни малейшего нарушения дисциплины и за всякую оплошность безжалостно наказывал; самому же ему никогда не приходилось подвергаться взысканиям. Чин сержанта обязывал его командовать, но, командуя, он не испытывал ни малейшего удовлетворения. Он был рожден повиноваться, и это отсутствие личного честолюбия как нельзя более гармонизировало с его пассивной натурой. Именно из таких людей и составляются грозные армии. Они — всего только руки на службе одной головы. И разве не в этом заключается секрет правильной организации всякой военной силы? Мифология создала два образа силы: сторукого Бриарея и стоглавую Гидру. Если б эти чудовища вступили в единоборство, то какое из них одержало бы победу? Бриарей.

С капралом Джолифом читатель уже знаком. Он вечно суетился, как хлопотливая муха, но его деловитое жужжание всем было приятно. Из него получился бы хороший дворецкий, солдат же он был неважный и сам это хорошо понимал. Поэтому он охотно именовал себя «капралом по хозяйственной части», но и в этой «хозяйственной части» запутался бы сто раз, если б маленькая миссис Джолиф не направляла мужа своей твердой рукой. Волей-неволей капрал подчинялся супруге, хотя и не желал в этом признаться, без сомнения говоря себе, как философ Санчо: «Совет женщины — это не бог весть что, но надо быть круглым болваном, чтобы к нему не прислушаться!»

На вечере, как уже говорилось, присутствовали две приезжие дамы. Обеим было лет по сорок. Одна из них заслуженно занимала место в первом ряду самых знаменитых путешественниц, соперничая с такими отважными женщинами, как Пфейфер, Тиннэ, Омер де Гелль. Звали ее Полина Барнет, и это имя нередко с почтением упоминалось на заседаниях Королевского географического общества. Свои качества смелой путешественницы Полина Барнет доказывала неоднократно: и когда поднималась вверх по течению Брампутры до гор Тибета и когда пересекала неисследованную область Австралии от бухты Лебединой до залива Карпентария. Пятнадцать лет назад она овдовела, и с тех пор страсть к путешествиям увлекала ее то в одну, то в другую неизвестную страну. Полина Барнет была высокого роста. Гладкие пряди кое-где уже серебрившихся волос обрамляли ее энергичное лицо. Несколько близорукие глаза скрывались за стеклами очков в серебряной оправе,

сидевших на длинном, прямом носу с подвижными ноздрями, которые, казалось, «вдыхали воздух неизведанных далей». Ее походка, надо сознаться, скорее напоминала мужскую, нежели женскую, и от всего ее облика веяло не столько грацией, сколько душевной силой. Она была англичанка, уроженка графства Йорк, владела порядочным состоянием, значительную долю которого тратила на всевозможные опасные экспедиции. И если сейчас Полина Барнет оказалась в форте Релайанс, то привело ее в этот отдаленный край, несомненно, какое-то новое задуманное ею смелое предприятие. После путешествия по тропическим странам ей, видимо, захотелось достигнуть крайних границ северных областей. Ее присутствие в форте было целым событием. Директор компании специальным письмом рекомендовал миссис Барнет вниманию капитана Крэвенти. В этом письме говорилось, что капитан должен всячески способствовать знаменитой путешественнице в осуществлении ее намерения достичь берегов Ледовитого океана. Великое предприятие! Ей предстояло следовать по пути Хэрна, Макензи, Рэя, Франклина. Сколько трудностей, испытаний, опасностей предстояло ей преодолеть в борьбе с грозными стихиями Арктики! Как могла решиться эта женщина отправиться в области, перед которыми отступили или где погибли уже многие и многие исследователи? Но гостя форта Релайанс была не просто женщина: она была Полина Барнет, лауреат Королевского географического общества.

Тут уместно будет заметить, что спутница знаменитой путешественницы, Мэдж, была для нее больше, чем служанка: это был преданный и смелый друг. Мэдж жила только интересами Полины Барнет; своим мужественным характером она походила на древнюю шотландку, вполне достойную стать супругой пресловутого Калеба. Мэдж — рослая и крепко сложенная женщина — была лет на пять старше своей госпожи. Мэдж и Полина были на «ты». Полина относилась к Мэдж, как к старшей сестре; Мэдж обращалась с Полиной, как с дочерью. Эти два существа составляли как бы одно целое.

Для полноты картины добавим, что именно в честь Полины Барнет капитан Крэвенти и пригласил к себе всех этих служащих фортов компании и индейцев племени чиппевеев. Путешественница должна была присоединиться к отряду лейтенанта Гобсона, отправлявшемуся на север. И в тот вечер в большой зале фактории миссис Полину Барнет приветствовали радостными криками «ура».

В этот памятный день печка поглотила добрый центнер угля; причиной тому был сильный холод: на дворе было двадцать четыре градуса ниже

нуля по Фаренгейту (31° мороза по Цельсию), ибо форт Релайанс находился на 61°47' северной широты, то есть всего в четырех градусах от Полярного круга.

2. ПУШНАЯ КОМПАНИЯ ГУДЗОНОВА ЗАЛИВА

— Капитан!

— Миссис Барнет?

— Что вы думаете о лейтенанте Джаспере Гобсоне?

— Думаю, что этот офицер далеко пойдет.

— Как понимать ваши слова — «далеко пойдет»? Не значит ли это, что он пересечет восьмидесятую параллель?

Вопрос миссис Барнет вызвал у капитана Крэвенти невольную улыбку. Они беседовали в уголке у печки в то время, как остальные гости расхаживали по зале, останавливаясь то у стола с кушаньями, то у стола с напитками.

— Сударыня, — ответил капитан, — Джаспер Гобсон совершит все, что в силах совершить человек. Компания поручила ему обследовать север ее владений и основать факторию возможно ближе к границам американского континента; эта фактория будет основана.

— Какая громадная ответственность лежит на лейтенанте Гобсоне! — сказала путешественница.

— Да, сударыня, но Джаспер Гобсон никогда не отступал перед трудностями, как бы велики они ни были.

— Верю вам, капитан, — ответила миссис Барнет, — и скоро увижу лейтенанта Гобсона в деле. Но интересно, какой расчет компании строить форт на берегах Ледовитого океана?

— О, расчет большой, сударыня, — ответил капитан, — я сказал бы даже — двойной. Надо думать, что Россия в недалеком будущем уступит свои американские владения правительству Соединенных Штатов.^[2] Как только эта сделка состоится, доступ компании к Тихому океану будет сильно затруднен, если только открытый Мак-Клюром Северо-Западный проход не будет превращен в удобный для сообщения путь. Это-то и должны выяснить новые изыскания, и адмиралтейство намерено послать судно, которое должно будет пройти вдоль американского побережья от Берингова пролива до бухты Коронации — нашей восточной границы, по эту сторону которой и должен быть основан новый форт. Если это предприятие увенчается успехом, новая фактория станет важным пунктом — в ней сосредоточится вся северная торговля мехами. Пароходы, выйдя из нового форта, уже через несколько дней будут в Тихом океане, тогда как перевозка мехов через индейские территории требует значительного

времени и огромных затрат.

— Да, если окажется возможным использовать Северо-Западный проход, это и в самом деле будет большая удача, — ответила миссис Полина Барнет. — Но вы, кажется, говорили о каком-то двойном расчете...

— Сейчас объясню, сударыня, — продолжал капитан, — и вы увидите, что для нашей компании — это вопрос жизни. С вашего разрешения я в двух словах напомним вам ее историю, и тогда вам станет ясно, почему над нашим торговым товариществом, некогда процветавшим, теперь нависла угроза лишиться самого источника своего промысла.

И капитан Крэвенти вкратце изложил историю знаменитой Компании Гудзонова залива.

Известно, что человек еще в глубокой древности заимствовал у животных их шкуры, чтобы прикрывать ими свою наготу. Таким образом, торговля мехами восходит к самым отдаленным временам. Понемногу роскошь в одежде все увеличивалась, и, наконец, дело дошло до того, что пришлось издать специальные законы против расточительности, в частности против моды на меха. Так, в середине XII века была запрещена одежда из пятнистой и серой белки.

В 1553 году Россия основала в своих северных землях несколько зверобойных промыслов, и английские компании не замедлили последовать ее примеру. Торговля соболями, горностаем, бобрами осуществлялась тогда через посредство самоедов. Но в царствование королевы Елизаветы ношение дорогих мехов волею королевы было строго ограничено, и эта отрасль торговли оказалась парализованной на долгие годы.

Наконец, 2 мая 1670 года Компания Гудзонова залива получила привилегию на право торговли мехами. Среди ее акционеров было несколько представителей высшей аристократии — герцог Йоркский, герцог Олбермейль, граф Шефтсбери и некоторые другие. Ее капитал составлял всего восемь тысяч четыреста двадцать фунтов стерлингов. С нею соперничали различные частные общества, агенты которых, французы, обосновавшиеся в Канаде, пускались в рискованные, но весьма выгодные предприятия. Эти бесстрашные охотники, известные под именем «канадских путешественников», оказались для нарождающейся компании столь серьезными конкурентами, что самое существование ее повисло на волоске.

Но завоевание Канады англичанами упрочило это положение. Через три года после взятия Квебека, в 1766 году, торговля мехами вновь заметно оживилась. Агенты английских компаний освоились с трудностями промысла: они ознакомились с обычаями страны и приспособились к

правам индейцев и их условиям обмена. Однако доходы компании все еще равнялись нулю. А тут еще купцы Монреаля, объединившись, образовали около 1784 года мощную «Северо-Западную компанию», в руках которой вскоре и сосредоточились все операции по торговле пушниной. В 1798 году это новое товарищество вывезло шкур на громадную сумму — сто двадцать тысяч фунтов стерлингов, — и Компания Гудзонова залива вновь оказалась под ударом.

Надо сказать, что «Северо-Западная компания» не брезговала никакими, даже самыми сомнительными средствами, когда дело касалось ее выгоды. Эксплуатируя собственных служащих, спекулируя на нищете индейцев, жестоко обращаясь с ними, грабя и спаивая их, несмотря на запрет парламента продавать спиртные напитки на индейской территории, агенты «Северо-Западной компании» добивались громадных прибылей, хотя с ними тогда уже соперничали американские и русские предприниматели, которые основали в 1809 году «Американскую компанию по торговле мехами» с капиталом в миллион долларов, производившую свои операции к западу от Скалистых гор.

Но более всех других товариществ страдала от конкуренции Компания Гудзонова залива, пока, наконец, в 1821 году, после бесконечно обсуждавшегося договора, она не поглотила свою старую соперницу «Северо-Западную компанию», слившись с нею в одно предприятие под общим названием «Пушной компании Гудзонова залива».

Ныне эта солидная фирма имеет только одного конкурента — «Сен-Луисскую американскую пушную компанию» — и владеет множеством факторий, разбросанных по обширной территории в три миллиона семьсот тысяч квадратных миль. Главные из них расположены в заливе Джемса, возле устья реки Северн, затем южнее и у границ Верхней Канады, а также на озерах Атабаска, Виннипег, Верхнем, Мичиган, Буффало и вдоль рек Колумбия, Макензи, Саскачеван, Ассинибойн и других. Форт Йорк, контролирующий течение реки Нельсон, которая несет свои воды в Гудзонов залив, служит главной квартирой компании и основным складом пушнины. Кроме того, в 1842 году, за ежегодную компенсацию в двести тысяч франков, компания арендовала русские фактории в Северной Америке. Таким образом, она теперь эксплуатирует, и притом за свой собственный счет, огромную область, расположенную между Миссисипи и Тихим океаном. Снаряжаемые компанией отважные путешественники исколесили страну во всех направлениях: в 1770 году к Ледовитому океану отправился Хэрн и обнаружил там медные месторождения; за годы между 1819 и 1822-м Франклин прошел пять тысяч пятьсот пятьдесят миль вдоль

американского побережья; Макензи, открыв реку, которой присвоено его имя, достиг у берегов Тихого океана 52°24' северной широты. В 1833–1834 годах компания экспортировала в Европу следующее количество шкур и мехов, что дает ясное представление о размерах ее торговых оборотов:

Бобров	1074
Мертворожденных бобров и бобрового молодняка...	92 288
Мускусных крыс	694 092
Барсуков	1069
Медведей	7451
Горностаев	491
Речных выдр	5296
Лис	9937
Рысей	14 255
Куниц	64 490
Хорьков	25 100
Выдр морских	22 303
Енотов	713
Лебедей	7918
Волков	8484
Росомах	1571

Такая добыча должна была бы обеспечить Компании Гудзонова залива весьма солидные прибыли; но, к сожалению, эти высокие цифры не удержались, и в течение последующих двадцати лет они непрерывно снижались.

Причину этого упадка капитан Крэвенти и пытался объяснить миссис Барнет.

— До тысяча восемьсот тридцать седьмого года, — сказал он, — дела компании, сударыня, шли блестяще. В том году экспорт шкур еще увеличился — до двух миллионов трехсот пятидесяти восьми тысяч штук. Но с тех пор он неуклонно шел на убыль и теперь сократился по меньшей мере наполовину.

— В чем же заключается причина такого резкого снижения экспорта? — спросила миссис Барнет.

— В том, что звери перевелись; а перевелись они из-за чрезмерного усердия и, я бы сказал, преступности охотников. В отведенных для охоты местах зверей травили и убивали без передышки и разбора, не щадя ни детенышей, ни даже беременных самок. В результате количество пушных зверей неизбежно должно было сократиться. Выдра исчезла почти совсем и встречается теперь лишь у островов на севере Тихого океана. Бобры

перебрались небольшими колониями на берега самых дальних рек. То же случилось и с остальными ценными животными: все они должны были бежать от нашествия охотников. Капканы, когда-то переполненные, теперь пустуют. Цены на пушнину растут, ибо в наше время меха в большом ходу. А охотники потеряли вкус к своему делу, остались только самые отчаянные и неутомимые, но и тем приходится уходить за добычей чуть ли не к границам американского континента.

— Тогда понятно, — заметила миссис Барнет, — почему компания придает такое значение постройке фактории на берегах Ледовитого океана: звери удалились за пределы Полярного круга.

— Именно так, сударыня, — ответил капитан. — Впрочем, компания все равно была бы вынуждена перенести центр своей деятельности на север, ибо два года назад решением английского парламента ее владения были сильно сокращены.

— Чем мотивировал парламент это сокращение? — спросила путешественница.

— Важными экономическими соображениями, которыми были сильно озабочены государственные деятели Великобритании. Надо сказать, что цивилизаторских целей компания действительно никогда не имела. Напротив. В ее интересы прямо входило, чтобы земли в ее громадных владениях оставались невозделанными. Все попытки обрабатывать почву, которые вспугнули бы пушных зверей, пресекались ею самым беспощадным образом. В силу самого характера ее промысла она являлась естественным врагом всякого земледельческого предприятия. Более того, административный совет компании попросту не желал знать ничего, что не имело прямого отношения к ее деятельности. Этот произвол компании, нередко наносивший ущерб стране, и вызвал принятые парламентом меры; в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году комиссия, назначенная министром по делам колоний, постановила присоединить к Канаде все пригодные для обработки земли — например, долины рек Красной и Саскачеван, а компании оставить лишь те ее владения, которые с точки зрения земледелия все равно не имеют никакой будущности. В следующем году компания потеряла западный склон Скалистых гор, перешедший в непосредственное ведение министерства колоний; таким образом, он навсегда был изъят из числа территорий, находившихся ранее в ее ведении. И вот, сударыня, по этим-то причинам, прежде чем вообще отказаться от торговли мехами, компания и решила распространить свою деятельность на почти не исследованные еще области Арктики и через Северо-Западный проход попытаться связать их с Тихим океаном.

Теперь миссис Барнет была посвящена в дальнейшие планы знаменитой Компании Гудзонова залива. Ей предстояло даже присутствовать при основании нового форта на берегах Ледовитого океана. Капитан Крэвенти познакомил ее с положением дел; так как он вообще не прочь был поговорить, то, быть может, пустился бы и в дальнейшие подробности, если б неожиданное обстоятельство не положило конец его красноречию.

Капрал Джолиф во всеуслышание объявил, что с помощью миссис Джолиф он приступает к приготовлению пунша. Это известие, как и следовало ожидать, было принято с восторгом. Послышались даже крики «ура». В чашу (скорее это была целая лохань) была вылита драгоценная влага — не менее десяти пинт бренди. На дне, отмеренные рукой миссис Джолиф, громоздились куски сахара. На поверхности плавали сморщенные от старости ломтики лимона. Оставалось только поджечь это озеро алкоголя, и капрал с фитилем в руке ожидал команды своего капитана, как будто дело шло по меньшей мере о взрыве мины.

— Джолиф, пора! — возгласил капитан Крэвенти.

Огонь охватил ликер, и в одно мгновение пунш запылал при громких аплодисментах присутствовавших.

Десять минут спустя полные стаканы уже обходили круг гостей и к ним, словно к акциям на бирже во время повышения курса, со всех сторон протягивались руки.

— Ура! Ура! Ура миссис Барнет! Ура капитану!

Вдруг в разгар этих радостных приветствий снаружи донеслись какие-то громкие крики. Все разом смолкли.

— Сержант Лонг, — сказал капитан, — посмотрите, что там такое.

По приказу своего командира сержант, не допив стакана, тотчас вышел из залы.

3. ОТТАЯВШИЙ УЧЕНЫЙ

Проходя по узкому коридору к наружным дверям, сержант Лонг услышал, что крики еще больше усилились. Кто-то изо всех сил колотил в ворота, через которые открывался доступ в обнесенный высокой деревянной стеной двор форта. Сержант открыл дверь. Слой снега толщиной в фут покрывал землю. Проваливаясь по колено в эту белую массу, ослепленный метелью, до мозга костей пронизываемый страшным холодом, сержант наискось пересек двор и подошел к воротам.

«Какого это черта принесло в такую погоду! — размышлял он про себя, методически, или, лучше сказать, „дисциплинированно“, снимая тяжелые засовы. — Одни только эскимосы рискнут пуститься в путь в подобную стужу!»

— Да откройте же, откройте, наконец! — нетерпеливо кричали снаружи.

— Вам открывают, — спокойно ответил сержант Лонг, даже и не думая торопиться.

Наконец, обе половинки ворот распахнулись. Во двор, как молния, влетели запряженные тремя парами собак сани и отбросили сержанта в сугроб. Еще секунда, и достойный Лонг был бы раздавлен! Но он поднялся, не проронив ни звука, не спеша запер ворота и своей обычной походкой, то есть делая по семьдесят пять шагов в минуту, направился к дому.

На крыльце уже стояли капитан Крэвенти, лейтенант Джаспер Гобсон и капрал Джолиф и, не обращая ни малейшего внимания на холод, с любопытством разглядывали остановившиеся перед ними белые от снега сани.

Из них тотчас вылез человек, с головой укутанный в меха.

— Форт Релайанс? — спросил он.

— Вы не ошиблись, — ответил капитан.

— Капитан Крэвенти?

— Я. А вы кто?

— Курьер компании.

— Вы один?

— Нет, я привез путешественника!

— Путешественника! Зачем он сюда прибыл?

— Смотреть на луну.

Услыхав такой ответ, капитан Крэвенти подумал, уж не имеет ли он

дело с сумасшедшим? При подобных обстоятельствах такое предположение было вполне естественно. Но он не успел еще облечь свою мысль в слова, как курьер уже вытащил из саней какой-то неподвижный предмет — нечто вроде запорошенного снегом мешка — и двинулся было с ним к дому.

Капитан спросил его:

— Что это за мешок?

— Это мой путешественник, — ответил курьер.

— Что за путешественник?

— Астроном Томас Блэк.

— Да ведь он же замерз!

— А мы его сейчас разморозим.

И Томас Блэк, подхваченный сержантом, капралом и курьером, вступил таким образом в помещение форта. Его внесли в комнату первого этажа, где благодаря накаленной докрасна печке была весьма сносная температура. Там его положили на кровать, и капитан пощупал его руку.

Рука была совершенно ледяная. Когда одеяла и меховые плащи, в которые был плотно запакован Томас Блэк, были развернуты, присутствующие увидели человека лет пятидесяти, толстого, низенького, с седоватыми волосами и растрепанной бородой. Глаза его были закрыты, а губы сжаты так плотно, точно их склеили гуммиарабиком. Человек этот не дышал, а если и дышал, то настолько слабо, что зеркало не затуманилось бы от его дыхания. Джолиф принялся его раздевать, проворно переворачивая с боку на бок и все время приговаривая:

— Ну, ну, сударь! Придете ли вы когда-нибудь в себя?

Но таинственный посетитель, явившийся при столь странных обстоятельствах, казался безжизненным трупом. Чтобы отогреть его, капрал Джолиф готов был уже прибегнуть к героическому средству — а именно окунуть своего пациента в кипящий пунш.

К счастью для Томаса Блэка, лейтенанту Джасперу Гобсону пришла в голову другая мысль.

— Снега! — распорядился он. — Сержант Лонг, побольше снега!

Уж чего-чего, а снега было вдоволь во дворе форта Релайанс. Пока сержант ходил за ним, Джолиф окончательно раздел астронома. Несчастный весь был покрыт беловатыми пятнами, свидетельствовавшими о том, что холод успел уже глубоко проникнуть в его тело. Необходимо было немедленно вызвать приток крови к пораженным местам. Этого результата Джаспер Гобсон и надеялся достичь путем сильного растирания снегом. Известно, что в северных странах всегда применяется этот способ, когда нужно возобновить циркуляцию крови, которую, так же как и течение

рек, останавливает жестокий мороз.

Тем временем сержант Лонг вернулся, и вместе с Джолифом они подвергли вновь прибывшего такому свирепому растиранию, какому, вероятно, тот не подвергался за всю свою жизнь. То было не легкое поглаживание и не успокаивающее прикосновение смазанных жиром пальцев, а более чем энергичный массаж: засучив рукава, оба, как скребницей, терли злополучного Блэка.

Пока эта операция продолжалась, словоохотливый капрал то и дело» обращался к путешественнику, хотя тот еще не мог его слышать:

— Да ну же, сударь, хватит! Что это вы вздумали так промерзнуть? Полноте! Будет вам упрячиться!

По всей вероятности, Томас Блэк действительно упрямылся, ибо прошло добрых полчаса, прежде чем он согласился подать признаки жизни. Все уже потеряли надежду его оживить, и массажисты даже думали было прекратить свою утомительную работу, как вдруг несчастный несколько раз тихонько вздохнул.

— Он жив! Он приходит в себя! — воскликнул Джаспер Гобсон.

Растирание и правда разогрело тело астронома снаружи, но средством внутренним тоже отнюдь нельзя было пренебрегать. Поэтому капрал Джолиф сбегал за пуншем, и путешественник, проглотив несколько стаканов живительной влаги, тотчас же почувствовал сильное облегчение: его щекам возвратился румянец, глаза вновь обрели способность видеть, губы — шевелиться. Только теперь капитан получил надежду, что Томас Блэк объяснит, наконец, зачем он явился в эти края и к тому же в столь жалком виде.

Астроном, укутанный во множество одеял, немного приподнялся и, опершись на локоть, слабым голосом спросил:

— Форт Релайанс?

— Так точно, — ответил капитан.

— Капитан Крэвенти?

— Да, это я, и говорю вам: «Добро пожаловать, сударь!» Однако позвольте все же узнать, с какою целью прибыли вы в форт Релайанс?

— Смотреть на луну! — откликнулся курьер, которому, видимо, сильно понравилась эта фраза, потому что он повторял ее уже второй раз.

Но Томаса Блэка его ответ, должно быть, вполне удовлетворил, ибо он утвердительно кивнул головой и затем задал следующий вопрос:

— А где лейтенант Гобсон?

— Я здесь, — ответил лейтенант.

— Значит, вы еще не уехали?

— Нет еще, сэр.

— Тогда мне остается только поблагодарить вас, — сказал Томас Блэк, — а самому уснуть покрепче до завтрашнего утра!

Капитан и его товарищи тотчас удалились, предоставив этому чудаку спокойно отдыхать.

Через полчаса праздник кончился, и гости разошлись в отведенные им помещения: кто — в комнаты самого форта, кто — в жилые дома, расположенные за его оградой.

На следующий день Томас Блэк был почти здоров. Его крепкая натура выдержала атаку свирепого мороза. Всякий другой не оттаял бы, но он все делал не так, как другие.

Однако кто же такой был этот астроном? Откуда он взялся? Зачем пустился в странствие по владениям компании, когда стужа еще продолжала свирепствовать? Что означал ответ курьера? Смотреть на луну! Разве луна светит не всюду и нужно скакать за нею чуть ли не к самому Полярному кругу?

Все эти вопросы задавал себе капитан Крэвенти. Но на другой день, побеседовав в течение часа со своим новым гостем, он уже знал все.

Томас Блэк действительно был астрономом Гринвичской обсерватории, с таким блеском возглавляемой мистером Эйри. Обладая скорее пытливым и живым, нежели теоретическим умом, Томас Блэк за двадцать лет своей деятельности сделал немалый вклад в уранографическую науку. Но в житейском смысле он был человеком беспомощным; вне вопросов астрономии он просто не существовал, словно жил не на земле, а на небесах, и его с успехом можно было принять за потомка того простака-ученого из Лафонтеновой басни, который, сам не зная как, провалился в колодезь. С ним нельзя было говорить ни о чем, кроме звезд и созвездий. Он с удовольствием поселился бы в подзорной трубе. Но когда Томас Блэк делал наблюдения, ему на всем свете не было равных! Его терпение было поистине неиссякаемо! В продолжение многих месяцев он способен был подстеречь какое-нибудь небесное явление! Специальностью Томаса Блэка были болиды и падающие звезды, и открытия, сделанные им в этой области астрономии, заслуживали особого упоминания. Всякий раз, когда требовались какие-нибудь кропотливые изыскания, тончайший анализ и точнейшие определения, неизменно обращались к Томасу Блэку, у которого был на редкость «верный глаз». Способность наблюдать дана не всякому. Поэтому не удивительно, что именно на гринвичского астронома пал выбор, когда пришла пора разгадать, наконец, одно явление, в высшей степени интересовавшее

ученых-селенографов.

Известно, что во время полного затмения солнца луна бывает окружена сияющей короной. Но каково происхождение этой короны? Что это — некая плотная субстанция? Или же просто световой эффект — результат преломления солнечных лучей в непосредственной близости от луны? Вот вопрос, который, несмотря на все изыскания, до тех пор оставался нерешенным.

Уже с 1706 года астрономы делали научные описания этого сияющего ореола. Лувилль и Галлей во время полного затмения 1715 года, Маральди — в 1724 году, Антонио де Уллоа — в 1778, Будич и Феррер — в 1806, — все внимательно изучали эту корону; но из их противоречивых гипотез нельзя было сделать окончательных выводов. Во время полного затмения 1842 года ученые всех стран — Эйри, Араго, Петаль, Ложье, Мовэ, Отто, Струве, Пети, Бэйли и другие — пытались добиться полной разгадки этого явления; однако как ни тщательны были их наблюдения, но Араго пришлось признать, что «разногласия крупнейших астрономов, наблюдавших одно и то же затмение в различных пунктах земного шара, до такой степени затемнили этот вопрос, что прийти к какой-либо определенной точке зрения относительно источника этого явления по-прежнему оказывается невозможным». С тех пор наблюдалось еще несколько полных солнечных затмений, но найти убедительное решение так и не удалось.

Между тем селенографы считали этот вопрос чрезвычайно важным. Разрешить его нужно было во что бы то ни стало. Наконец, представился новый случай для изучения этой вызвавшей столько споров, сияющей короны. В 1860 году, 18 июля, должно было состояться новое солнечное затмение — полное на крайнем севере Америки, в Испании, в Северной Африке и еще в некоторых странах. Астрономы условились между собой, что наблюдения будут делаться одновременно в разных местах того пояса, где затмение должно быть полным. И вот Томасу Блэку было поручено наблюдать это затмение в арктических широтах Америки. Таким образом, ему предстояло вести наблюдения приблизительно в тех же условиях, в каких во время затмения 1851 года их вели английские астрономы в Швеции и Норвегии.

Легко догадаться, что Томас Блэк с радостью ухватился за представившийся ему случай изучить сияющую корону. Кроме того, он должен был по возможности определить природу красноватых протуберанцев, появляющихся иногда вокруг контура спутника Земли. Если б гринвичскому астроному удалось неопровержимым образом

разрешить этот вопрос, он заслужил бы дружную похвалу всех ученых Европы.

Приготовляясь к отъезду, Томас Блэк заручился рекомендательными письмами, адресованными директорам Компании Гудзонова залива. Как раз в это время компания снаряжала экспедицию к северному побережью американского континента с целью основать там новую факторию. Этим обстоятельством следовало воспользоваться, и Томас Блэк пустился в путь. Он пересек Атлантический океан, высадился в Нью-Йорке и через озера добрался до поселения на реке Красной; далее, от форта к форту, он мчался в санях, управляемых курьером компании, и, несмотря на зиму и жестокие морозы, наперекор всем опасностям путешествия в северных широтах, 17 марта 1859 года достиг форта Релайанс при уже известных читателю обстоятельствах.

Вот что рассказал астроном капитану Крэвенти, который, конечно, выразил полную готовность предоставить в его распоряжение все необходимое.

— Однако, мистер Блэк, — любопытствовал капитан, — что заставило вас так торопиться?. Ведь солнечное затмение будет лишь в тысяча восемьсот шестидесятом, то есть будущем, году?

— Меня уведомили, капитан, — ответил астроном, — что компания посылает экспедицию на американское побережье, к северу от семидесятой параллели, и я побоялся опоздать к отъезду лейтенанта Гобсона.

— Мистер Блэк, — возразил капитан, — если б вы даже и не застали здесь лейтенанта, я почел бы своим долгом сопровождать вас лично к берегам Ледовитого океана.

Затем он еще раз заверил астронома, что последний во всем может на него рассчитывать и что в форте Релайанс он желанный гость.

4. ФАКТОРИЯ

Невольничье озеро — одно из самых больших озер, расположенных выше шестьдесят первой параллели. Оно имеет двести пятьдесят миль в длину, пятьдесят — в ширину и лежит ровно на $61^{\circ}25'$ северной широты и на 114° западной долготы. Вся окружающая местность спускается пологими террасами к одному центру — обширной, занятой озером котловине.

Компания сразу же оценила выгодное расположение озера: оно со всех сторон окружено охотничьими угодьями, которые некогда кишмя кишели разным пушным зверем. В озеро впадает и из него вытекает множество рек: Макензи, Атабаска и другие. На его берегах компания выстроила несколько фортов важного значения и между ними: форт Провиденс — на севере и форт Резольюшен — на юге. Что касается форта Релайанс, то он был основан у северо-восточной оконечности озера, милях в трехстах от начала длинного и узкого залива Честерфильд, образуемого водами Гудзонова залива.

Невольничье озеро все усеяно возвышающимися на сто — двести футов над его поверхностью островками, на которых часто попадаются обнаженные пласты гранита и гнейса. К его северному холмистому берегу вплотную подступают густые леса, граничащие другим своим краем с бесплодным и оледенелым пространством, получившим — и не без причины — название «Проклятой Земли». Зато область, расположенная к югу от озера, почва которой состоит главным образом из известняков, — совершенно плоская, без единого пригорка или малейшей возвышенности. Здесь проходит рубеж, который никогда не переступают крупные жвачные животные полярных областей Америки — буйволы, или, иначе, бизоны, мясо которых составляет почти единственную пищу канадских охотников и индейцев.

Леса, окаймляющие северный берег озера, великолепны. Так далеко на севере — и вдруг роскошная растительность! Но этому не следует удивляться: ведь Невольничье озеро расположено на широте отнюдь не более высокой, чем широта Стокгольма в Швеции или Христианин в Норвегии. Правда, нельзя не отметить, что линии изотерм, показывающие распространение равных температур, вовсе не соответствуют земным параллелям и что на одной и той же широте климат в Америке может быть гораздо холоднее, чем в Европе. В апреле улицы Нью-Йорка еще покрыты

снегом, а между тем Нью-Йорк лежит почти на той же параллели, что и Азорские острова. Дело в том, что самый характер континента, его положение относительно океанов и даже состав его почвы оказывают существенное влияние на климатические условия.

Итак, в летнее время форт Релайанс утопал в зелени, и после долгой суровой зимы на ней с особенным наслаждением отдыхал глаз. Эти леса, почти целиком состоящие из тополей, сосен и берез, служили источником ценной древесины. На островках озера росли великолепные ивы. Чащи изобиловали всевозможной дичью, не покидавшей этих мест даже в холодное время года. Несколько южнее водились бизоны и лоси, которых успешно преследовали охотники форта, так же как и канадских дикобразов, чье мясо превосходно на вкус. В водах Невольничьего озера ловилось множество всякой рыбы. Форели достигали здесь невероятных размеров, и вес их часто превышал шестьдесят фунтов. Щуки, прожорливые налимы, особый вид хариуса, называемый англичанами «голубым», неисчислимые полчища «титтамегов» — по терминологии натуралистов «белых коррегу» — целыми косяками плавали в озере. Итак, для обитателей форта Релайанс вопрос питания разрешался легко: сама природа удовлетворяла все их потребности, и раз их одежда зимою была так же тепла, как одежда лисиц, куниц, медведей и прочих пушных зверей, то бояться сурового климата им было нечего.

Самый форт состоял из одного лишь деревянного двухэтажного дома, в котором жили командир гарнизона и офицеры. Вокруг этого дома в стройном порядке разместились помещения для солдат, склады компании и конторы, где происходил обмен товаров. Маленькая часовня — ей недоставало только священника — и пороховой погреб дополняли ансамбль построек. Все это было обнесено частоколом в двадцать футов вышиной, составлявшим внушительный параллелограмм, в углах которого возвышались остроконечные крыши четырех охраняющих форт небольших бастионов. Таким образом, форт Релайанс был достаточно защищен на случай неожиданного нападения. Эта предосторожность была необходима в свое время, когда индейцы не только не были поставщиками компании, но, напротив того, даже вели с ней борьбу за независимость своего края; не лишней была она и по отношению к агентам и солдатам конкурирующих обществ, оспаривавших друг у друга исключительное право на владение и эксплуатацию этой богатейшей страны мехов.

Компания Гудзонова залива насчитывала тогда на всей своей территории около тысячи человек персонала. Ее власть над подчиненными ей служащими и солдатами была неограниченна и простиралась вплоть до

права на их жизнь и смерть. Начальники фактории могли по своему усмотрению устанавливать размер жалования, цены на продовольствие и на меха. Благодаря такой абсолютно бесконтрольной, системе получаемая ими прибыль нередко достигала трехсот процентов.

Следующая таблица, заимствованная из «Путешествия капитана Роберта Лэйда», покажет читателю, на каких условиях производился некогда меновой торг с индейцами, позднее превратившимися в основных и лучших охотников компании. Платежной единицей в те времена служила бобровая шкура.

Индейцы платили:

За ружье — 10 шкур бобра

полфунта пороха — 1 шкуру

четыре фунта свинца — 1 шкуру

топор — 1 шкуру

шесть ножей — 1 шкуру

фунт стеклянных изделий — 1 шкуру

платье с галуном — 6 шкур

платье без галуна — 5 шкур

женскую одежду с галуном — 6 шкур

фунт табаку — 1 шкуру

пороховницу — 1 шкуру

гребень и зеркало — 2 шкуры

Но с некоторых пор бобровая шкура сделалась такой редкостью, что уже не могла служить денежной единицей; ее заменила шкура бизона, являвшаяся ко времени нашего повествования основой всех меновых операций. Когда в форт приходил какой-нибудь индеец, агенты компании давали ему столько деревянных бирок, сколько тот приносил бизоньих шкур, и он тут же обменивал их на промышленные товары. При подобной системе, к тому же самопроизвольно назначая цены на покупаемые и продаваемые ею предметы, компания, естественно, должна была получать и действительно получала громадные доходы.

Таков был порядок, установившийся во всех факториях, а следовательно, и в форте Релайанс. Миссис Барнет имела возможность изучить его во время своего пребывания в форте, длившегося до 16 апреля. Путешественница и лейтенант Гобсон часто беседовали между собой и, твердо решив не отступать ни перед какими препятствиями, строили грандиозные планы. Что касается Томаса Блэка, то он вступал в разговор, только когда речь заходила о его ответственной миссии. Сияющая корона и красноватые протуберанцы вокруг луны составляли его страсть. Видно

было, что он решил посвятить свою жизнь разгадке их происхождения, и, слушая его, миссис Барнет мало-помалу сама живо заинтересовалась этим сугубо научным вопросом. Ах! как им обоим хотелось скорее перейти границу Полярного круга и каким отдаленным казалось 18 июля 1860 года нетерпеливому астроному!

Приготовления к отъезду не могли начаться раньше середины марта, и целый месяц прошел прежде, чем они закончились. Снаряжать экспедицию в полярные страны — трудное и долгое дело! Надо брать с собою все: провиант, одежду, утварь, инструменты, оружие, боевые припасы.

Отряд, возглавляемый лейтенантом Джаспером Гобсоном, состоял из одного офицера, двух унтер-офицеров и десяти солдат; из этих военных трое были люди женатые, и их жены отправлялись вместе с ними. Вот список лиц, которых выбрал капитан Крэвенти из числа наиболее энергичных и бесстрашных:

1. Лейтенант Джаспер Гобсон
2. Сержант Лонг
3. Капрал Джолиф
4. Петерсен, солдат
5. Бельчер, солдат
6. Рэй, солдат
7. Марбр, солдат
8. Гарри, солдат
9. Понд, солдат
10. Мак-Нап, солдат
11. Сэбин, солдат
12. Хоуп, солдат
13. Келлет, солдат

Сверх перечисленных: Миссис Рэй, Миссис Джолиф, Миссис Мак-Нап и трое приезжих: Миссис Полина, Барнет Мэдж, Томас Блэк.

Всего девятнадцать человек, которым предстояло проделать несколько сот миль по пустынной и малоисследованной территории.

Агенты компании доставили в форт Релайанс все необходимое для экспедиции. Подготовлено было двенадцать саней с собачьими упряжками. Эти сани, самого примитивного устройства, представляли собой платформу из нескольких легких досок, прочно скрепленных между собой поперечными железными полосами. Их закругленный передок, сделанный из одного куска дерева с полозьями, загибался кверху, как носок у коньков, благодаря чему сани, не зарываясь глубоко, легко разрезали снег. Движущей силой — разумной и быстрой — служили шесть собак,

запряженных попарно; погоняемые длинным бичом проводника, эти собаки способны делать до пятнадцати миль в час.

Путешественники были одеты в подбитые густым мехом олени дохи. Для защиты от простуды при резких колебаниях температуры, столь частых в этих северных широтах, на всех было шерстяное белье. Каждый — будь то офицер или солдат, мужчина или женщина — был обут в тюленьи, сшитые жилами сапоги, с неподражаемым искусством изготавливаемые индейцами. Эти сапоги совершенно непромокаемы и вследствие своей упругости очень удобны при ходьбе. К их подошвам можно прикреплять короткие лыжи, сделанные из сосны, которые не прогибаются под тяжестью человека даже на самом рыхлом снегу и позволяют передвигаться с такой же скоростью, с какой скользят по льду конькобежцы. Меховые шапки и замшевые кушаки дополняли наряд путешественников.

Что касается оружия, то компания снабдила отряд лейтенанта Гобсона полагающимися по уставу карабинами и достаточным количеством боевых припасов; кроме того, в его распоряжении были пистолеты и несколько сабель казенного образца. Из инструментов он взял все, что требуется для плотничьих работ: топоры, пилы, рубанки и прочее; из утвари — все необходимое для обзаведения в условиях фактории крайнего севера, в том числе печь, кузнечный горн, два воздушных насоса для вентиляции и особую лодку — род резинового челнока, — которую надувают в случае надобности.

Что касается довольствия, то тут уже целиком полагались на солдат отряда. Некоторые из них были хорошие охотники, а недостатка в олених не могло быть в этой полярной стране. Целые племена индейцев и эскимосов, почти совершенно лишенные хлеба и других продуктов питания, кормятся исключительно оленьим мясом, которого здесь вдоволь и которое к тому же очень вкусно. Тем не менее в предвидении неизбежных задержек и всякого рода затруднений кое-какие припасы все же пришлось захватить. Они состояли главным образом из мяса бизонов, лосей и ланей, убитых во время продолжительных облав на юге от озера, из «корнбифа», годного к хранению на очень длительные сроки, а также из мясного порошка, приготовленного по способу индейцев. Способ этот заключается в том, что мясо толкут до тех пор, пока оно не превратится в тончайший порошок, который, занимая минимум места, сохраняет в то же время все питательные свойства мяса. Этот мясной порошок не нужно даже варить — он и в натуральном виде представляет собой весьма полезную пищу.

Что касается напитков, то лейтенант Гобсон распорядился взять

несколько бочонков бренди и виски, предполагая, однако, расходовать алкоголь как можно экономнее, так как в северных широтах употребление спиртного очень вредно для здоровья человека. Зато компания наряду с походной аптечкой предоставила в его распоряжение значительное количество лимонного сока, свежих лимонов и различных овощей, необходимых для борьбы с цингой и для предотвращения этого столь страшного на дальнем севере заболевания. Само собой разумеется, что все участники экспедиции подверглись строгому отбору; допущены были только сильные люди, не слишком полные и не слишком худые, привыкшие за многие годы к суровому местному климату и потому легче других способные переносить трудности путешествия к берегам Ледовитого океана. К тому же все это были люди упорные, смелые, неустрашимые, по собственной охоте вызвавшиеся участвовать в экспедиции. Всем им на время их пребывания у границ американского континента, — если только им удастся обосноваться за семидесятой параллелью, — был назначен двойной оклад.

Для миссис Барнет и ее верной Мэдж были изготовлены особые сани, несколько более комфортабельные. Отважная женщина ни за что не хотела пользоваться какими бы то ни было преимуществами по сравнению со своими спутниками, но ей пришлось уступить настояниям капитана, который, впрочем, выражал в данном случае лишь волю компании. И миссис Барнет вынуждена была подчиниться.

Что касается Томаса Блэка, то те же сани, на которых он прибыл в форт Релайанс, должны были доставить ученого вместе с его скромным багажом к конечной цели путешествия. Весьма немногочисленные инструменты астронома — подзорная труба для наблюдения за луной, секстан и хронометр для определения широты и долготы, несколько карт, две-три книги — все это легко уместилось в санях, и Томас Блэк твердо надеялся, что собаки не вывалят его среди дороги.

Понятно, не была забыта и пища для многочисленных упряжек. Всего собак было семьдесят две — целая свора, которую надо было кормить в пути; и забота об их пропитании была возложена на охотников отряда. Эти собаки, умные и выносливые, были куплены у индейцев-чиппевеев, которые умело приучают их к тяжелому труду.

Лейтенант Джаспер Гобсон быстро и уверенно снаряжал свой маленький отряд. Рвение, с каким он отдавался своим обязанностям, было превыше всяких похвал. Гордый возложенным на него поручением, увлеченный своим делом, он входил во все подробности, желая надежно обеспечить успех предприятия. Капрал Джолиф, и без того вечно

озабоченный, теперь просто разрывался на части, хотя и без особого толку; зато его жена, как и следовало ожидать, была весьма полезна для экспедиции. Миссис Барнет сильно привязалась к этой рассудительной и расторопной женщине — светловолосой уроженке Канады с большими ласковыми глазами.

Разумеется, капитан Крэвенти приложил все усилия, чтобы оправдать доверие компании. Из инструкций, которые он получил от ее высших должностных лиц, явствовало, какое громадное значение придается благоприятному исходу экспедиции и основанию новой фактории севернее семидесятой параллели. Можно было с уверенностью сказать, что для достижения этой цели сделано все доступное человеческим силам. Вопрос был только в том, не поставит ли сама природа неодолимых препятствий на пути отважного лейтенанта. Но этого не мог знать никто!

5. ОТ ФОРТА РЕЛАЙАНС ДО ФОРТА ЭНТЕРПРАЙЗ

Наконец, наступили первые весенние дни. На холмах местами стоял снег и кое-где зазеленела прошлогодняя трава. Лебеди, тетерева, орлы с лысой головой и другие перелетные птицы, возвращаясь с юга, уже показались в потеплевших небесах. На молодых ветвях тополей, ив и берез начали набухать почки. К болотцам, образовавшимся там и сям от таяния снегов, слетались красноголовые утки разных пород, которых так много водится на севере Америки. Чистики, топорки и гагары устремились на север в поисках более прохладных мест. Землеройки — крошечные мыши величиной с орех — уже отваживались вылезать из своих норок, оставляя на земле прихотливые узоры, нарисованные кончиками коротких острых хвостов. Какое наслаждение было вдыхать пьянящий воздух, впитывать в себя живительные лучи весеннего солнца! Природа пробуждалась от долгого сна после бесконечной зимы и, пробуждаясь, улыбалась. Быть может, нигде на земле не бывает так ощутимо это возрождение, как в северных краях!

Однако настоящее таяние снегов еще не наступило. Днем термометр Фаренгейта показывал сорок один градус выше нуля (+5°C), но по ночам еще держалась низкая температура, и на равнинах сохранялся крепкий снежный наст; этим обстоятельством, благоприятным для езды на санях, и хотел воспользоваться Джаспер Гобсон прежде, чем наступит полная оттепель.

Лед на озере еще оставался не тронутым. За истекший месяц охотники форта сделали несколько удачных вылазок за дичью, которая уже начала появляться на бескрайних, покрытых сплошной снежной пеленой равнинах. Миссис Барнет не могла надивиться умению охотников пользоваться лыжами. Обутые в эти «снеговые башмаки», они носились с быстротой лошади, пущенной в галоп. По совету капитана Крэвенти путешественница стала упражняться в ходьбе на лыжах, и скоро сама научилась довольно ловко скользить по снегу.

Последние дни в форт толпами стекались индейцы, чтобы обменять на разные промышленные изделия добытые ими за зиму меха. Год был несчастливый. Шкур было мало; правда, добыча куньих мехов достигла довольно больших размеров, но бобры, выдры, рыси, горностаи и лисицы были редкостью. Компания поступала разумно, перенося свою

деятельность в новые, более северные места, пока еще не подвергшиеся хищничеству человека.

Утром 16 апреля лейтенант Джаспер Гобсон со своим маленьким отрядом был готов к отъезду. Маршрут по знакомой области между Невольничьим озером и Большим Медвежьим, расположенным уже за Полярным кругом, был намечен заранее. Прежде всего Джаспер Гобсон должен был достичь форта у северной оконечности Большого Медвежьего озера. Следующей остановкой для пополнения запасов отряда назначен был форт Энтерпрайз, построенный в двухстах милях далее к северо-западу, на берегу маленького озера Снэр. Делая по пятнадцати миль в день, Джаспер Гобсон рассчитывал быть там в первых числах мая.

Оттуда отряду предстояло кратчайшим путем добраться до американского побережья и затем двигаться в направлении мыса Батерст. Было условлено, что ровно через год капитан Крэвенти отправит к этому мысу караван с провизией и снаряжением, а лейтенант выйдет навстречу несколько человек, которые проводят караван к тому месту, где будет заложен новый форт. Таким образом, будущность фактории была гарантирована от всяких досадных случайностей, а лейтенанту и его спутникам — этим добровольным изгнанникам — обеспечивалась хотя бы слабая связь с остальным миром.

Рано утром 16 апреля запряженные собаками сани уже стояли наготове у ворот форта, ожидая только своих седоков. Капитан Крэвенти собрал отъезжавших и сказал им в напутствие несколько прочувствованных слов. Больше всего он рекомендовал им сохранять постоянную и тесную сплоченность, столь необходимую среди тех опасностей, с которыми им предстояло встретиться. Беспрекословное повиновение начальникам, — внушал он, — является важным условием успеха этого предприятия, требующего самоотвержения и преданности делу. Громкие крики «ура» были ответом на его речь. Наскоро попрощавшись с остающимися, все разместились в заранее намеченных для них санях. В голове отряда ехали Джаспер Гобсон и сержант Лонг. За ними — миссис Полина Барнет и Мэдж, которая, как заправский погонщик, размахивала длинным эскимосским кнутом с пучком сушеных жил на конце. В третьих санях сидел Томас Блэк и один из солдат, канадец Петерсен. Далее следовало несколько саней, в которых помещались солдаты и женщины. Замыкал поезд капрал Джолиф со своей супругой. По распоряжению Джаспера Гобсона все должны были по возможности держаться своего места и не нарушать положенного между санями расстояния. При той скорости, с какой они ехали, всякий беспорядок мог привести к столкновению саней и

повлечь за собой весьма серьезные последствия.

Покинув форт Релайанс, Джаспер Гобсон двинулся прямо на северо-запад. В первый же день пути надо было пересечь широкую реку, соединявшую Невольничье озеро с озером Уолмсли. Но эта река, еще скованная толстым слоем льда, ничем не отличалась от окружавшей ее необозримой равнины. Сплошной снежный ковер покрывал всю окружающую местность, и сани, подхваченные резвыми собаками, с необыкновенной скоростью летели по снежному насту.

Погода стояла прекрасная, но было еще очень холодно. Солнце, едва поднявшись над горизонтом, описывало в небе длинную, низкую дугу. Его лучи, отраженные ослепительно белым снегом, давали больше света, чем тепла. К счастью, ни малейшее дуновение не возмущало воздух, и благодаря этому легче было переносить мороз. Однако при быстром движении холодный ветер больно резал лицо тем спутникам лейтенанта Гобсона, которые еще не приспособились к полярному климату.

— Пока все идет как нельзя лучше, — говорил Джаспер Гобсон сержанту, неподвижно сидевшему рядом с ним с таким видом, словно он в любой момент был готов взять на караул. — Путешествие началось хорошо. Небо нам благоприятствует, температура вполне приемлемая, собаки мчатся, как экспресс, и если такая погода удержится, то этот перегон мы совершим без помех. А что вы об этом думаете, сержант Лонг?

— То же, что и вы, лейтенант Гобсон, — ответил сержант, который всегда был одного мнения со своим начальником.

— И вы, сержант, как и я, готовы идти до самых берегов Ледовитого океана для пользы нашей разведки? — продолжал Джаспер Гобсон.

— Мне достаточно вашего приказа, лейтенант, и я подчинюсь.

— Я это знаю, сержант, — ответил Джаспер Гобсон. — Я знаю, что вам достаточно распоряжения, чтобы вы его исполнили. Вот если бы все наши люди, подобно вам, исполнились важностью порученного нам дела и душой и телом прониклись бы интересами компании! Ах, сержант Лонг, я уверен, прикажи я вам сделать даже что-нибудь невыполнимое...

— Невыполнимых приказаний не бывает.

— Как! А если я прикажу вам отправиться на Северный полюс?

— Я пойду, лейтенант.

— Да, но надо будет и возвратиться! — добавил, улыбаясь, Джаспер Гобсон.

— Я возвращусь, — просто ответил сержант Лонг.

Пока между лейтенантом Гобсоном и сержантом шла эта беседа, миссис Барнет и Мэдж тоже время от времени обменивались несколькими

словами, пользуясь для этого каждым случаем, когда какой-нибудь крутой подъем немного замедлял бег саней. Отважные женщины, надвинув на самые глаза теплые капоры из выдры, по пояс укрывшись плотной шкурой белого медведя, с изумлением глядели на неприветливую природу севера и на бледные очертания вырисовывавшихся на горизонте ледяных гор. Холмы, возвышавшиеся на северном берегу Невольничьего озера, на вершинах которых торчали искривленные остовы деревьев, остались уже далеко позади. Во все стороны, насколько хватал глаз, простиралась совершенно однообразная равнина. Несколько птиц оживляли своим полетом и пением застывшее в безмолвии пространство. Иногда пролетали стаи направлявшихся на север лебедей, белое оперенье которых сливалось с белизной снегов. Заметить их можно было, только когда они появлялись на фоне сероватого неба. На земле же их не различил бы даже самый зоркий глаз.

— Какая удивительная страна! — говорила миссис Барнет. — Какая разница между этим полярным краем и вечнозелеными равнинами Австралии! Помнишь, милая Мэдж, как нас мучила жара на берегу залива Карпентария? Помнишь это неумолимо палящее небо, без единой тучки, без облачка?

— Нет, дочка, — отвечала Мэдж, — я не умею вспоминать. Тыохранишь в памяти пережитое, а я все забываю.

— Как, Мэдж! — воскликнула миссис Барнет. — Ты позабыла, что такое тропический зной Индии или Австралии? У тебя не осталось воспоминания о муках, которые мы испытали в пустыне, когда у нас не было ни глотка воды, когда солнце жгло чуть ли не до самых костей и даже ночь не приносила облегчение страданиям?

— Нет, Полина, нет! — отвечала Мэдж, плотнее закутываясь в меха. — Ничего не помню. Посуди сама, как мне помнить обо всех этих мучениях? О каком-то там зное, о муках жажды, — да к тому же помнить об этом в то время, когда кругом нас сплошной лед и мне достаточно опустить руки за край саней, чтоб набрать полные пригоршни снега! Мы тут дрогнем под медвежьими шкурами, а ты толкуешь про какую-то жару! Вспоминаешь палящие лучи, когда здесь апрельское солнце не в состоянии растопить даже сосульки у нас под носом! Нет, дочка, и не думай убедить меня, что где-то существует тепло, не уверяй, будто я когда-то жаловалась, что мне слишком жарко, — я все равно не поверю!

Миссис Барнет не могла удержаться от улыбки.

— Видно, ты сильно промерзла, бедняжка Мэдж? — проговорила она.

— Конечно, дочка, промерзла, но не скажу, чтоб эта температура мне

не нравилась. Напротив. Такой климат, должно быть, очень полезен, и я не сомневаюсь, что буду прекрасно себя чувствовать в этой части Америки! Положительно, это превосходная страна!

— Да, Мэдж, страна восхитительная, и мы еще ничего не видели из тех чудес, которые в ней таятся! Но дай нам только добраться до берегов Ледовитого океана, дай наступить зиме с ее горами льда, с ее снежной шубой, полярными бурями, северным сиянием, с россыпью ярких звезд, с долгой шестимесячной ночью, и тогда ты поймешь, как разнообразно повсюду и всегда творение создателя!

Так говорила миссис Барнет, увлеченная своим живым воображением. Глушь, суровый климат — все ей было нипочем: она не желала замечать ничего, кроме удивительных явлений природы. Инстинкт путешественницы был в ней сильнее разума. В этом студенном краю она видела только его поэтическую сторону, его грозную красоту, овеянную легендами, увековеченную сагами, воспетую бардами оссиановых времен. Но более положительная Мэдж не закрывала глаза ни на опасности путешествия к далеким областям Арктики, ни на лишения, ожидающие их во время зимовки меньше чем в тридцати градусах от Северного полюса.

Сколько сильных выносливых людей уже погибло здесь, не выдержав усталости, лишений, моральных и физических мук, свирепого мороза! Правда, отряду лейтенанта Джаспера Гобсона не предстояло проникнуть в самые высокие широты. Он не должен был непременно достичь полюса, по примеру всех этих Парри, Россов, Мак-Клюров, Кинов, Мортон. Но дело в том, что за пределами Полярного круга опасности не возрастают пропорционально высоте широт — они повсюду более или менее одинаковы. Да, Джаспер Гобсон не предполагал забираться выше семидесятой параллели! Все это так. Однако нельзя забывать, что Франклин и его несчастные спутники погибли от холода и голода, не переступив даже шестьдесят восьмого градуса северной широты!

В санях, занимаемых мистером и миссис Джолиф, велась тем временем совсем иная беседа. Возможно, капрал во время проводов хватил лишнего, ибо происходило невероятное: он вел спор со своей маленькой женошкой. Да! Он ей противился, что случалось с ним лишь при самых исключительных обстоятельствах.

— Да нет же, миссис Джолиф, — твердил он, — не бойтесь! Бояться совершенно нечего! Управлять санями ничуть не труднее, чем колясочкой, в которую впряжен пони, и будь я проклят, если я не справлюсь с какой-то собачьей упряжкой!

— Я не сомневаюсь в твоей ловкости, — отвечала миссис Джолиф. —

Я прошу тебя только умерить свой пыл. Смотри! Ты уже опередил всех, и — слышишь — лейтенант Гобсон кричит, чтобы ты вернулся на свое место в хвосте отряда!

— Пусть его кричит, миссис Джолиф, — пусть кричит!

И, вновь хлестнув собак бичом, капрал еще наддал ходу.

— Осторожней, Джолиф! — останавливала его жена. — Не так быстро, тут же спуск!

— Спуск! — отвечал капрал. — Вы это называете спуском, миссис Джолиф? Да тут, наоборот, подъем!

— Говорю тебе — спуск!

— А я говорю — подъем! Смотрите! Вон как собаки тянут!

Но сколько он ни уверял, будто собаки тянут, они не тянули вовсе. Напротив, тут был спуск, и очень заметный. Сани летели с головокружительной быстротой и уже сильно вынеслись вперед. Мистера и миссис Джолиф то и дело встряхивало. Толчки, происходившие от неровностей снежного покрова, все учащались. Супругов кидало то вправо, то влево, ударяло друг о друга и подбрасывало ужасающим образом. Но капрал ничего не желал слушать — ни увещаний жены, ни криков лейтенанта Гобсона. Тот, понимая, как опасна такая бешеная езда, тоже погнался свою упряжку в надежде перехватить неосторожных, — а за ним и весь поезд пустился вскачь.

Капрал между тем знай себе мчался! Он упивался сумасшедшей скачкой — жестикулировал, кричал, размахивал своим длинным бичом, словно заправский погонщик собак.

— Замечательная штука этот бич! — восклицал он. — И здорово же эти эскимосы им владеют — как никто!

— Но ведь ты-то не эскимос! — кричала его жена, пытаясь, но тщетно, схватить за руку своего неосторожного возницу.

— Говорят, — продолжал свое капрал, — говорят, будто эскимосы умеют стегнуть любую собаку по какому им месту вздумается. И что будто они даже могут оторвать кусочек собачьего уха концом этой твердой жилы. А ну-ка, попробуем...

— Не пробуй, Джолиф, не пробуй! — вскричала его испуганная до последней степени жена.

— Да не бойтесь же, миссис Джолиф, не бойтесь! Я свое дело знаю! Вот как раз пятая справа чего-то там пошаливает. Сейчас я ее проучу!..

Но, видимо, капрал еще не совсем был «эскимосом» и не достаточно освоился с употреблением бича, ремень которого достает на четыре фута дальше первой пары собак, — ибо этот бич, со свистом развернувшись во

всю длину, обратным взмахом нечаянно обвился вокруг головы самого почтенного Джолифа и сорвал с него меховую шапку. Шапка взлетела высоко вверх, и, если б не этот плотный головной убор, капрал, вне всякого сомнения, оторвал бы кончик собственного уха.

В тот же миг собаки шарахнулись в сторону, сани опрокинулись и чету Джолифов выбросило в снег. К счастью, снег был мягкий, и супруги не ушиблись. Но какой конфуз для капрала! Как уничтожающе глянула на него его жена! И каких только упреков не выслушал он от лейтенанта Гобсона!

Сани были подняты, но было решено, что бразды правления не только по части хозяйства, но и по части собачьей упряжки по праву перейдут отныне в руки миссис Джолиф. Пристыженный капрал должен был подчиниться, и отряд после этой небольшой задержки двинулся дальше.

Следующие пятнадцать дней прошли без особых приключений. Погода все время благоприятствовала путешественникам, температура была сносная, и 1 мая отряд прибыл в форт Энтерпрайз.

6. БИТВА «ВАПИТИ»

Со дня выезда из форта Релайанс экспедиция покрыла расстояние в двести миль. Собаки бежали дружно, и путешественники, пользуясь продолжительными сумерками, не выходили из саней день и ночь, так что, когда, наконец, показалось озеро Снэр, на берегу которого стоял форт Энтерпрайз, они буквально валились с ног от усталости.

Этот форт, всего несколько лет назад основанный Компанией Гудзонова залива, представлял собою в сущности лишь пост малого значения, служивший складом съестных припасов. Тут, по пути от Большого Медвежьего озера, расположенного милях в трехстах к северо-западу, всегда останавливались отряды, сопровождавшие обозы с мехами. Гарнизон форта насчитывал всего двенадцать солдат, самый форт состоял из одного деревянного дома, окруженного частоколом. Как ни мало комфортабельно было это жилище, но спутники лейтенанта Гобсона с радостью воспользовались его кровом и два дня отдыхали после первого длительного перегона.

Скромная полярная весна уже и здесь давала себя чувствовать. Снег мало-помалу стаивал и больше не подмерзал к утру, так как и по ночам не бывало сильных морозов. Кое-где зазеленели тощий мох и редкая трава; мелкие бледные цветочки поднимали между камнями свои влажные венчики. Эти проявления жизни, полупробудившейся после долгой зимы, ласкали утомленный белизной снега взор, и глаз с восторгом останавливался на редких представителях скупой арктической флоры.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон воспользовались досугом, чтобы прогуляться по берегу маленького озера. Оба любили и глубоко чувствовали природу. Они шли рядом, то проваливаясь в рыхлый снег, то перепрыгивая через образовавшиеся из талых вод стремительные ручьи. Озеро Снэр еще было сковано льдом. Ни одна трещина не предвещала его близкого вскрытия. На его прочной поверхности там и сям возвышались разрушавшиеся ледяные глыбы самых причудливых и живописных очертаний, и лучи солнца, преломляясь в их гранях, окрашивали льдины, в различные тона. Казалось, это были куски радуги, которую чья-то могучая рука бросила на землю и разбила вдребезги.

— Как тут красиво, мистер Гобсон! — восклицала миссис Барнет. — Эти краски, как в призме, меняются до бесконечности, чуть переменишь место. Вам не кажется, будто мы склонились над гигантским

калейдоскопом? Или эта картина, такая новая для меня, вам уже давно приелась?

— Нет, сударыня, — отвечал лейтенант. — Хотя я и родился на севере и провел здесь все детство и юность, но до сих пор не могу налюбоваться его величественной красотой. Вот вы приходите в восхищение уже сейчас, когда так ярко светит солнце и благодаря этому вид местности совершенно изменился; что же будет, когда вы увидите наш край в разгар жестокой зимы? Признаюсь, сударыня, — это солнце, столь драгоценное в умеренном климате, на мой взгляд только портит наш арктический пейзаж!

— Вот как? — улыбнулась путешественница. — А я все-таки нахожу, что солнце — прекрасный дорожный товарищ, и даже в полярных странах, по-моему, не следует жаловаться на тепло, которое оно дает!

— Э, да что там, сударыня! — ответил Джаспер Гобсон. — Нет, я принадлежу к тем, кто считает, что в Россию надо ехать зимой, а в Сахару летом. Только тогда можно увидеть эти страны в их настоящем виде. Солнце — принадлежность тропических поясов и жарких стран. В тридцати градусах от полюса оно положительно не у места! Подлинное северное небо — чистое и холодное небо зимы, усеянное звездами и озаренное северным сиянием. Наш край полунощный, а не полуденный, и, верьте слову, сударыня, долгая полярная ночь приберегает для вас множество чудес и очаровательных впечатлений.

— Мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — бывали вы когда-нибудь в странах умеренного климата Европы или Америки?

— Да, сударыня, и оценил их по достоинству. Но с тем большим нетерпением и восторгом я каждый раз возвращался в родные края. Я северянин, и нет ничего удивительного, что не боюсь мороза. Меня холод не берет, и я, как эскимос, могу месяцами жить в ледяном доме.

— Мистер Гобсон, — воскликнула путешественница, — вы блестящий адвокат этого страшного врага — мороза! Надеюсь оказаться вполне достойной вас спутницей, и, как бы далеко вы ни пошли сражаться с полярной стужей, я пойду вместе с вами!

— Отлично, сударыня, отлично! Вот, если б все наши спутники — все эти солдаты и женщины — были бы так же отважны! Тогда с божьей помощью мы проникли бы очень далеко!

— Что ж! Начало путешествия вполне удачно, и пока вам не приходится жаловаться. До сих пор — ни одного досадного происшествия, погода благоприятствует санной дороге, температура вполне сносная. Все идет просто на славу.

— Так-то оно так, — ответил лейтенант, — но, сударыня, то самое

солнце, которое приводит вас в такой восторг, скоро воздвигнет на нашем пути множество преград и потребует от нас громадной затраты сил.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет.

— Я хочу сказать, что солнечные лучи скоро совершенно изменят и вид и характер местности; талый лед станет только помехой для скольжения саней, дорога сделается неровной и тряской, измученные собаки уже не будут мчать нас с быстротой стрелы, реки и озера растают, и их придется объезжать или перебираться через них вброд. Все эти перемены, сударыня, которыми мы будем обязаны солнцу, отзовутся для нас лишней усталостью, задержками, всевозможными опасностями, самая малая из которых — крошащийся, проваливающийся под ногами снег и лавины, обрушивающиеся с ледяных гор! Да! Вот во что обойдется нам это солнышко, которое каждый день все выше и выше поднимается над горизонтом! Запомните хорошенько, сударыня! Из четырех элементов древней космогонии нам полезен, нужен, необходим лишь один — воздух. Три остальные — земля, огонь и вода — просто не должны были бы для нас существовать! Они враждебны самой природе полярных стран!..

Лейтенант, конечно, преувеличивал. Миссис Барнет легко опровергла бы его доводы, но ей нравился пыл, с каким он выражал свои мысли. Лейтенант страстно любил край, в который забросили путешественницу превратности ее беспокойной жизни, и эта его любовь служила речательством, что он не отступит ни перед какими препятствиями.

Однако Джаспер Гобсон был прав, обвиняя солнце во всех будущих неприятностях. Подтверждение этому последовало три дня спустя, 4 мая, когда отряд вновь двинулся в путь. Термометр даже в самые холодные часы ночи теперь неизменно стоял выше тридцати двух градусов. На обширных равнинах началось бурное таяние. Их белоснежный покров превращался в воду. На неровностях первобытной каменистой почвы сани то и дело подсакивали, и толчки эти передавались путешественникам. Собаки тянули через силу, лишь изредка переходя на бег, и теперь можно было бы без всякой опаски вручить вожжи разудалому Джолифу. Ни его крики, ни подбадривание кнутом не заставили бы измученных псов бежать быстрее.

Случалось, что путешественники, желая облегчить труд собак, часть пути шли пешком. Такой способ передвижения был удобен для охотников отряда, незаметно приблизившегося к более богатым дичью областям Британской Америки. Миссис Барнет и ее верная Мэдж с любопытством следили за охотой, тогда как Томас Блэк, напротив, обнаруживал полнейшее равнодушие к этому занятию. Не затем приехал он сюда, чтобы

гоняться за какими-то норками или горностаями: в этом дальнем краю ему нужно было уловить лишь луну и притом в тот самый миг, когда она закроет своим диском диск солнца. И чуть только ночное светило выплывало над горизонтом, нетерпеливый астроном так и впивался в него глазами. В таких случаях лейтенант обыкновенно говорил:

— Мистер Блэк, а что, если луна — предположим невероятное! — не явится к вам на свидание восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года? То-то вам будет обидно!

— Мистер Гобсон, — невозмутимо возражал ученый, — если луна позволит себе такое нарушение приличий, я привлеку ее к судебной ответственности!

Лучшими охотниками отряда были Марбр и Сэбин — оба замечательные мастера своего дела. В точности прицела им не было равных, и даже среди самых искусных охотников-индейцев немногие обладали таким метким глазом и такой верной рукой. Они были и звероловы и охотники одновременно. Оба превосходно умели расставлять всякие капканы и западни, с помощью которых ловят куниц и выдр, волков, лис и медведей. Не существовало такой хитрости, которая не была бы им известна. Марбр и Сэбин были люди искусные и сметливые, и капитан Крэвенти поступил мудро, присоединив их к отряду лейтенанта Гобсона.

Однако в пути ни Марбр, ни Сэбин не успевали ставить ловушки. Отлучаться дольше, чем на час или на два, было нельзя, и поневоле приходилось довольствоваться лишь дичью, которую можно было подстрелить из ружья. Все же им посчастливилось убить двух крупных жвачных животных американской фауны, из той породы, которая почти не попадает в этих высоких широтах.

Как-то раз утром — это было 15 мая — оба охотника, лейтенант Гобсон и миссис Барнет отделились от отряда и пошли стороной, несколькими милями восточнее маршрута. Марбр и Сэбин попросили у лейтенанта позволения проследить свежие отпечатки копыт, которые они только что высмотрели, и Джаспер Гобсон не только разрешил им это, но и сам пожелал сопровождать их вместе с путешественницей.

Несколько больших ланей, по-видимому, совсем недавно пробежали здесь. Сомнений быть не могло. Марбр и Сэбин настолько были в этом уверены, что при желании могли бы даже точно определить, к какому виду они принадлежали.

— Вас, кажется, удивляет присутствие здесь этих животных, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет у лейтенанта.

— По правде говоря, да, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. —

Такие лани очень редко заходят выше пятьдесят седьмого градуса. Если нам когда и случалось их убивать, то только к югу от Невольничьего озера. Там, в тополевых и ивовых рощах, встречается особый сорт диких роз, которыми эти лани очень любят лакомиться.

— Значит, остается предположить, что жвачные животные, как и пушные звери, бегут от преследования охотников туда, где еще спокойно.

— Другого объяснения их присутствию на высоте шестьдесят пятой параллели я не вижу, — ответил лейтенант, — если только, конечно, наши молодцы не ошиблись в определении природы и происхождения этих следов.

— Нет, лейтенант, — ответил Сэбин, — нет, мы с Марбром не ошиблись. Это следы тех ланей, которых мы, охотники, называем «красными», а индейцы зовут их «вапити».

— Именно так, — вставил Марбр. — Нас, старых звероловов, не проведешь. Да вот, лейтенант! Слышите этот свист?

Джаспер Гобсон, миссис Барнет и их товарищи как раз подошли к подножью небольшого холма; с его склонов уже стоял снег, и по ним легко можно было взобраться. Пока они поспешно поднимались, своеобразный свист, о котором говорил Марбр, стал явственно слышен. Временами к нему примешивался крик, похожий на ослиный, что подтверждало предположение охотников.

Джаспер Гобсон, миссис Барнет, Марбр и Сэбин, взойдя на вершину холма, окинули взглядом простиравшуюся на восток равнину. На ее неровной поверхности, местами еще заснеженной, кое-где уже проступала зелень, резко выделяясь рядом с ослепительными пятнами снега. Там и сям виднелись обнаженные корявые деревца. На горизонте, на сероватом фоне неба, четко вырисовывались громадные айсберги.

— Вапити! Вапити! Вот они! — разом воскликнули Марбр и Сэбин.

На расстоянии четверти мили действительно виднелась тесная кучка животных, в которых легко было распознать вапити.

— Что это они делают? — спросила путешественница.

— Дерутся, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Это у них такой обычай, когда весеннее солнце разгорячит им кровь. Вот еще одно пагубное следствие влияния вашего лучезарного светила!

С того места, где стояли Джаспер Гобсон, миссис Барнет и их спутники, вапити были хорошо видны. Это были великолепные представители того семейства ланей, которому присвоено столько разных названий: олени круглорogie, олени американские, просто лани, лани красные, лани серые. Эти грациозные существа на высоких точеных

ножках были одеты в коричневые шкурки, пестревшие отдельными рыжеватыми волосками, которые в теплое время года становятся особенно яркими. По белым, прекрасно развитым рогам сразу можно было определить, что все это неукротимые самцы, ибо самки ланей совершенно лишены этого украшения. Когда-то вапити водились по всей Северной Америке и главным образом в Соединенных Штатах, где их было очень много; но так как повсюду стали распахивать землю и леса рушились под топором новых поселенцев, вапити пришлось бежать в еще не тронутые области Канады. Но скоро и там их безопасность оказалась под угрозой, и тогда вапити избрали своим местопребыванием побережье Гудзонова залива. Вапити в сущности животные холодного пояса, но, как правильно заметил лейтенант, они почти никогда не встречаются выше пятидесяти седьмой параллели. Значит, те, которых видели сейчас путешественники, бежали так далеко на север потому, что только в полярной пустыне могли найти покой и спастись от чиппевеев, которые их беспощадно истребляли.

Между тем вапити продолжали ожесточенно драться. Они, должно быть, еще не заметили охотников, присутствие которых, впрочем, вряд ли остановило бы их схватку. Марбр и Сэбин хорошо знали, что во время драки, ослепленные яростью, вапити уже ни на что не обращают внимания и к ним можно подойти совсем близко; поэтому спешить с выстрелом охотники не находили нужным.

Наконец, лейтенант Гобсон спросил, почему же все-таки они так медлят.

— Прошу прощенья, лейтенант, — ответил Марбр, — но мы лучше побережем пули и порох для чего-нибудь другого. Эти и так бьются насмерть, и мы всегда успеем подобрать побежденных.

— Вапити имеют какую-нибудь промысловую ценность? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Их шкуры не так толсты, как у обыкновенных оленей, и из них выделяется очень ценная кожа. Ее натирают их же собственными мозгами и салом, от чего она становится очень мягкой и не боится ни сухости, ни сырости. Индейцы, можно сказать, прямо гоняются за шкурами вапити.

— А их мясо приятно на вкус?

— Нет, сударыня, мясо это неважное, — ответил лейтенант. — Совсем даже неважное. Жесткое и не сочное, а сало застывает и прилипает к зубам, как только снимешь его с огня. Мясо у вапити гораздо хуже, чем у простых ланей, и охотников до него мало. Но, конечно, в голодное время, за неимением лучшего, едят и его, и по питательности оно не уступает

всякому другому.

Пока миссис Барнет и Джаспер Гобсон беседовали таким образом, на поле битвы произошла неожиданная перемена. Может быть, вапити уже удовлетворили свою ярость? Или же они заметили охотников и почуяли близкую опасность? Как бы то ни было, но вдруг все стадо, за исключением двух самых крупных самцов, шарахнулось в сторону и с необыкновенной быстротой умчалось на восток. Через несколько мгновений их и след простыл, и самый быстрый конь не мог бы их догнать.

Но два бесподобных по красоте вапити остались на поле сражения. Опустив головы с ветвистыми рогами, крепко упершись в землю задними копытами, эти равные по силе противники, видимо, собирались биться не на жизнь, а на смерть. Как два борца, которые, раз сойдясь, уже не ослабляют хватки, вапити только переступали передними ногами, но не отпускали друг друга, точно их кто-то сковал между собой.

— С какой яростью они дерутся! — воскликнула миссис Барнет.

— Да, — подхватил Джаспер Гобсон. — Вапити — существа мстительные, и эти двое, надо думать, сводят сейчас какие-то старые счеты!

— Вот бы к ним и подойти, пока они ослеплены злобой, — посоветовала путешественница.

— Время есть, сударыня, — ответил Сэбин. — Они уж от нас не уйдут. Если б мы были даже в трех шагах с ружьем у плеча и уже держали палец на курке, они и то не тронулись бы с места!

— Неужели?

— Он прав, сударыня, — подтвердил Джаспер Гобсон, который, выслушав ответ Сэбина, внимательнее присмотрелся к дерущимся животным. — Не от наших пуль, — сказал он, — так от волчьих зубов они все равно рано или поздно погибнут на этом самом месте.

— Я вас не понимаю, мистер Гобсон, — сказала путешественница.

— А вы подойдите поближе, сударыня, — ответил лейтенант, — и не бойтесь их вспугнуть: они уже не могут никуда убежать, как правильно заметил наш охотник.

Миссис Барнет в сопровождении Сэбина, Марбра и лейтенанта спустилась с холма. Через несколько минут она была уже у самого театра военных действий. Вапити не двинулись. Они продолжали, как два барана, стукаться лбами, несмотря на то, что давно уже были неразрывно и безнадежно связаны друг с другом.

Дело в том, что в пылу драки вапити так переплетаются рогами, что, только сломав их, могут расцепиться. Такие случаи нередки, и на

охотничьих угодьях люди постоянно наталкиваются на их ветвистые придатки, валяющиеся на земле и перевитые между собой. Сцепившиеся таким образом животные скоро умирают с голоду или же становятся легкой добычей хищных зверей.

Две пули прикончили битву вапити. Марбр и Сэбин тут же их освежевали, забрав кожу, выделкой которой надеялись заняться на досуге, а окровавленные туши бросили на съеденье волкам и медведям.

7. ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

Экспедиция продолжала двигаться к северо-западу, но усталым собакам все тяжелее было тянуть сани по неровной дороге. Эти мужественные животные, которых в начале путешествия с таким трудом удерживала рука погонщика, теперь уже не порывались быстро бежать. Восемь — десять миль в день — большего нельзя было добиться от переутомленных упряжек. Однако Джаспер Гобсон всячески торопил свой отряд. Он спешил как можно скорей добраться до северных берегов Большого Медвежьего озера, в форт Конфиданс. Там он надеялся получить некоторые необходимые экспедиции сведения. Ему надо было узнать, ходили ли индейцы, постоянно посещающие эти места, на разведку к ближайшей прибрежной полосе Ледовитого океана? И свободен ли от льдов океан в это время года? Все это были важные вопросы, и от того или иного ответа на них зависела судьба новой фактории.

Местность, по которой проходил теперь маленький отряд, была во всех направлениях пересечена ручьями и речками, большей частью притоками двух главных рек, которые, протекая с юга на север, впадают в Ледовитый океан. На западе течет река Макензи, на востоке — река Коппермайн. Пространство между этими основными водными артериями было все усеяно бесчисленными озерами, озерками и топями. По их подернутой тонким льдом поверхности уже нельзя было отважиться ехать в санях. Поневоле приходилось двигаться в объезд, что намного удлиняло путь. Действительно, зима — самое подходящее для северных стран время года, ибо в эту пору они всего более доступны. Миссис Барнет предстояло еще не раз в этом убедиться.

Вся эта область, входящая в состав Проклятой Земли, была совершенно пустынна, как, впрочем, почти все северные территории американского континента. Подсчитали, что в среднем тут приходится по одному жителю на десять квадратных миль. Кроме индейцев, число которых заметно убавилось, население здесь состоит из нескольких тысяч агентов и солдат, находящихся на службе у разных пушных компаний. Сосредоточено оно главным образом в южных областях и в окрестностях факторий. В продолжение всего пути отряд ни разу не видел человеческого следа. Все следы, сохранившиеся на рыхлом снегу, принадлежали жвачным животным или грызунам. Несколько раз в виду отряда появлялись медведи, которые бывают чрезвычайно опасны, если принадлежат к полярным

породам. Все-таки миссис Барнет очень удивлялась, почему эти хищники так редко здесь попадаются. Основываясь на рассказах зимовщиков, она думала, что в полярных областях их можно встретить на каждом шагу. Ведь потерпевшим кораблекрушение, а также китоловам в Баффиновом заливе, на Шпицбергене и в Гренландии ежедневно приходится отражать их нападения, а здесь всего только несколько медведей показалось на окружавшем отряд просторе.

— Подождите зимы, сударыня, — отвечал ей лейтенант Гобсон, — подождите, когда наступят холода, а с ними и голод, и к вашим услугам медведей будет сколько угодно.

Двадцать третьего мая, после долгого и утомительного перегона, маленький отряд подошел, наконец, к Полярному кругу. Как известно, эта параллель, отстоящая от Северного полюса на $23^{\circ}27'57''$, представляет собою математическую границу, которой достигают солнечные лучи, когда сияющее светило описывает крайнюю дугу над противоположным полушарием. Здесь экспедиция вступала уже в собственно арктическую зону.

Эта широта была тщательно определена при помощи точнейших инструментов, которыми астроном Томас Блэк и Джаспер Гобсон владели одинаково искусно. Присутствовавшая при этом миссис Барнет с радостью узнала, что ей удалось достичь Полярного круга: самолюбие путешественницы, впрочем вполне понятное, было удовлетворено.

— В предыдущих ваших странствиях, сударыня, — сказал ей лейтенант, — вы пересекли два тропика, а сегодня стоите на границе Полярного круга. Немногие исследователи отваживались проникать в столь различные пояса! Одни — если можно так выразиться — специализируются на жарких странах, причем Африка и Австралия составляют главное поле их деятельности; так поступают Барт, Бартон, Ливингстон, Спек, Дуглас, Стюарт. Других, напротив, больше привлекают области Арктики, до сих пор почти неизвестные; я имею в виду — Макензи, Франклина, Пэнни, Кэйна, Парри, Рэя, по стопам которых мы сейчас и идем. Миссис же Полину Барнет следует поздравить вдвойне, как путешественницу, так сказать, универсальную.

— Человек должен увидеть или по крайней мере должен стремиться увидеть все, мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет. — Лишения и опасности, я думаю, приблизительно везде одинаковы, — в каком бы поясе человек ни очутился. Если в полярных странах не приходится опасаться тропических лихорадок, вредного влияния жаркого климата и свирепости чернокожих племен, то холод — враг отнюдь не менее грозный. Дикие

звери встречаются во всех широтах, и вряд ли белые медведи оказывают путешественникам более любезный прием, чем тибетские тигры или африканские львы. Так что опасностей и преград в пределах обоих полярных кругов столько же, сколько и между двумя тропиками. И тут и там есть области, которые еще долго будут сопротивляться попыткам исследователей проникнуть в них.

— Это так, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — но у меня есть основания полагать, что арктические области окажут более упорное сопротивление. В тропических странах самым неодолимым препятствием являются туземцы; известно, какое количество путешественников пало жертвой африканских дикарей, но они когда-нибудь подчинятся цивилизующей силе. В областях же Арктики и Антарктики исследователю преграждают путь не туземцы, а сама природа — непроходимые торосы и холод, жестокий холод, парализующий силы человека!

— Следовательно, мистер Гобсон, вы считаете, что жаркий пояс будет исследован раньше и что даже в самые тайники Африки проникнут прежде, чем удастся из конца в конец пройти царство льдов?

— Безусловно, сударыня, — ответил лейтенант, — и мое мнение основано на фактах. Самые смелые первооткрыватели арктических областей — Парри, Пэнни, Франклин, Мак-Клур, Койн, Мортон — достигли только восемьдесят третьей параллели, не дойдя до полюса целых семи градусов. В то же время отважный Стюарт несколько раз прошел Австралию с юга на север и обратно, а Африку, столь страшную для всякого, кто решится бросить ей вызов, пересек от бухты Лоанго до устья Замбези доктор Ливингстон. Так что можно с полным правом полагать, что экваториальные страны удастся подробно исследовать в географическом отношении раньше, чем полярные территории.

— А как вы думаете, мистер Гобсон, достигнет ли какой-нибудь путешественник самого полюса? — спросила миссис Барнет.

— Вне всякого сомнения, сударыня, — воскликнул Джаспер Гобсон. — Путешественник или путешественница, — добавил он улыбаясь. — Однако мне кажется, что средства, которые до сих пор применялись людьми, пытавшимися достичь этой точки скрещения всех меридианов земного шара, нужно решительно изменить. Говорят, будто некоторые исследователи видели на крайнем севере открытое море. Но до этого свободного ото льдов моря — если только оно действительно существует — очень трудно добраться, и никто не может с достаточно веским основанием утверждать, что оно простирается до полюса. Я, кстати, считаю, что открытое море скорее затруднило бы, чем облегчило задачу

исследователя, и предпочел бы на протяжении всего пути иметь под ногами твердую почву — безразлично, будет ли это камень, или лед. Тогда силами нескольких последовательных экспедиций я создал бы расположенные все ближе и ближе к полюсу склады продовольствия и угля; таким образом, правда с большой затратой времени и средств, — и, может быть, пожертвовав даже людьми для разрешения этой важной научной проблемы, — я все-таки непременно достиг бы этой недостижимой точки земного шара.

— Я разделяю ваше стремление, мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет, — и если когда-нибудь вы решитесь осуществить свой замысел, я, не колеблясь, разделю с вами все трудности и опасности, чтобы водрузить на Северном полюсе флаг Соединенного королевства! Но в настоящий момент у нас иная цель.

— Да, сейчас это так, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Однако, если мы выполним поручение компании и на северной границе американского континента воздвигнется новый форт, тем самым будет создан естественный пункт отправления для всякой будущей экспедиции на Север. К тому же мы так усиленно охотимся на пушных зверей, что они бегут от нас к полюсу, и нам волей-неволей придется за ними туда последовать!

— Да, если только не пройдет, наконец, эта разорительная мода на меха, — ответила миссис Барнет.

— Эх, сударыня, — воскликнул лейтенант, — всегда найдется хорошенькая женщина, которой захочется Иметь соболью муфту или норковый палантин, и попробуйте-ка не исполнить ее желания!

— Что и говорить, это трудно! — смеясь, ответила путешественница. — И, пожалуй, окажется, что первым до Северного полюса доберется какой-нибудь охотник в погоне за куницей или серебристой лисой!

— Я в этом убежден, сударыня, — сказал Джаспер Гобсон. — Уж такова человеческая натура! Ради наживы человек пойдет куда угодно: нажива — гораздо более сильный и действенный стимул, чем научный интерес!

— Как! И это говорите вы, Джаспер Гобсон!

— Но разве я не агент Компании Гудзонова залива, сударыня, и разве эта компания не рискует своими капиталами и служащими с единственной целью умножить свои доходы?

— Мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет, — мне кажется, я вас уже достаточно знаю и могу с уверенностью сказать, что вы способны

пожертвовать жизнью ради науки. Если из чисто географического интереса понадобилось бы добраться до полюса, я вполне уверена, что вы не колебались бы ни минуты. Впрочем, — добавила она, улыбнувшись, — вопрос о полюсе — вопрос большой, и разрешится он еще очень не скоро. Мы же с вами пока только у Полярного круга и, надеюсь, пересечем его без особых затруднений!

— Не уверен, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, который во время разговора внимательно изучал небо. — Погода за последние дни стала портиться. Смотрите, какой однообразно-серой пеленой затянут горизонт! Вся скопившаяся влага не замедлит обрушиться на нас снегопадом, а если вдобавок поднимется ветер, то нас изрядно потреплет буря. Говоря по правде, хотелось бы мне скорее добраться до Большого Медвежьего озера!

— Тогда, мистер Гобсон, — сказала, вставая, Полина Барнет, — не будем терять времени; давайте сигнал к отъезду.

Торопить лейтенанта не было нужды. Будь он один или в сопровождении таких же энергичных людей, как он сам, Гобсон продолжал бы двигаться вперед, не теряя ни одного дня, ни одной ночи. Но он не мог требовать такой же выносливости от всех, и если на свою собственную усталость он не обращал никакого внимания, то с усталостью других ему приходилось считаться. И в тот день он из предосторожности дал своему маленькому отряду немного передохнуть, но уже в три часа пополудни прерванное путешествие возобновилось.

Джаспер Гобсон не ошибся, предсказывая близкую перемену погоды. Эта перемена и в самом деле не заставила себя ждать. К вечеру того же дня тучи еще больше сгустились и приобрели зловещий желтоватый оттенок. Лейтенант был сильно встревожен, хотя ничем не обнаруживал своего беспокойства; и в то время как собаки из последних сил тянули его сани, он мирно беседовал с сержантом Лонгом, которого тоже сильно беспокоили признаки надвигающейся бури.

На беду, местность, по которой двигался теперь отряд, была почти совсем непригодна для езды в санях. Неровная, кое-где пересеченная оврагами поверхность, загроможденная то огромными глыбами гранита, то едва подтаявшими громадами льда, чрезвычайно замедляла движение упряжек. Несчастные, до предела измученные собаки едва брели, и бич погонщиков не оказывал на них никакого действия.

Лейтенанту и его спутникам часто приходилось вылезать из саней и помогать загнанным псам, то подталкивая сани сзади, то поддерживая их, чтобы они не перевернулись на неожиданных неровностях почвы. Этот непрестанный труд, понятно, страшно утомлял, но люди терпеливо

переносили его. Один только Томас Блэк никогда не покидал своих саней: во-первых, он был слишком погружен в свои мысли, во-вторых, его комплекция препятствовала ему предаваться подобного рода мучительным упражнениям.

Со времени перехода через Полярный круг характер местности, как видит читатель, совершенно изменился. Эти разбросанные повсюду громадные каменные глыбы свидетельствовали о когда-то происшедшей здесь геологической катастрофе. Растительность между тем стала заметно богаче. Уже не только кусты и деревца, но и целые группы деревьев росли на склонах холмов, там, где какой-нибудь выступ заслонял их от пагубного северного ветра. Породы были все те же: сосны, ели да ивы; и то, что они прижились в этой мерзлой земле, доказывало их несомненную жизнеустойчивость; Джаспер Гобсон надеялся, что эти представители арктической флоры будут сопровождать его до самых берегов Ледовитого океана. Ведь деревья — это бревна, из которых он выстроит свой будущий форт, это дрова, которыми он обогреет его обитателей. Не ему одному — всем его спутникам приходили те же мысли, и всех поражал контраст между этим сравнительно обильным растительностью краем и бесконечными белыми равнинами, простиравшимися между Невольничьим озером и фортом Энтерпрайз.

К ночи плотный желтый туман окутал землю. Поднялся ветер. Вскоре большими хлопьями повалил снег и в несколько минут покрыл землю толстым слоем. В какой-нибудь час снеговой покров достиг фута толщины, но так как он не отвердевал, а тотчас превращался в жидкую грязь, то движение саней еще более затруднилось. Их закругленный кверху передок глубоко зарывался в мягкую массу, останавливавшую сани на каждом шагу.

Около восьми часов вечера ветер задул с удвоенной силой. Косо гонимый снег, который то вдруг прибывало к земле, то вновь поднимало в воздух, крутился теперь сплошным вихрем. Собаки, отбрасываемые порывами ветра, ослепленные вьюгой, насилу передвигали ноги. Отряд в это время проходил по тесному, сжатому с обеих сторон высокими ледяными горами ущелью, в которое с невероятной яростью врывалась буря. Куски льда, оторванные ураганом, лавиной низвергались в проход и делали путь чрезвычайно опасным. Даже самый мелкий из этих обломков льда мог раздавить и сани и сидевших в них людей. При таких условиях ехать дальше было невозможно. Джасперу Гобсону пришлось уступить. Посоветовавшись с сержантом Лонгом, он велел остановиться. Но надо было еще найти укрытие от бушевавшей вокруг метели. Для людей, привыкших к полярным экспедициям, это не составляло труда. Джаспер

Гобсон и его товарищи знали, что делать в подобных случаях. Не в первый раз застигала их непогода в нескольких стах милях от фортов компании, в местах, где не было ни эскимосской хижины, ни индейского шалаша, куда они могли бы укрыться.

— К горам! К ледяным горам! — крикнул Джаспер Гобсон.

Его призыв поняли все. Нужно было вырубить в этих оледенелых глыбах так называемые «snow-houses», то есть «снежные дома», или, вернее, просто норы, в которые все забились бы на время бури. Тотчас в хрупкие ледяные пласты вонзились топоры и ломы. Три четверти часа спустя в ледяном массиве был выкопан десяток берлог с узким входом, в каждой из которых могло поместиться по два-три человека. Собак, полагаясь на их смекалку, отпрягли и предоставили самим себе: эти умные животные всегда сумеют найти себе укромный приют под снегом.

К десяти часам все участники экспедиции надежно укрылись в «снежных домах». Разместились по двое или по трое, с кем кому нравилось. Миссис Барнет, Мэдж и лейтенант Гобсон заняли одну ледяную пещеру, в соседней поместился Томас Блэк с сержантом Лонгом. Остальные тоже выбрали себе товарищей по своему желанию. Если эти снежные убежища и не были особенно удобны, зато в них было по-настоящему тепло: недаром индейцы и эскимосы пользуются такими пристанищами даже в самый лютый мороз. Теперь Джаспер Гобсон и его спутники могли спокойно переждать метель, заботясь только о том, чтобы вход в их норы не занесло снегом, который они с этой целью разгребали каждые полчаса. Пока длилась буря, Джаспер Гобсон и его солдаты только раз или два рискнули выглянуть наружу. К счастью, у каждого было при себе достаточно провизии, и все, словно бобры, не страдая ни от голода, ни от холода, легко перенесли это временное затворничество.

В течение сорока восьми часов ураган бушевал со все возрастающей силой. Ветер выл в узком ущелье, срывая на своем пути верхушки ледяных гор. По страшному грохоту, двадцать раз повторенному эхом, можно было догадаться, в какой стороне особенно часто происходят обвалы. Джаспер Гобсон не без основания опасался, что вследствие этих обвалов на дороге между горами встанут непреодолимые препятствия. К грохоту временами примешивался рев, в происхождении которого лейтенант не мог ошибиться и не счел нужным скрывать от храброй Полины Барнет, что по ущелью бродят медведи. По счастью, эти свирепые хищники, озабоченные собственным спасеньем, не открыли убежища путешественников. Ни собаки, ни сани, погребенные под толстым слоем снега, не привлекли их внимания, и медведи ушли, не причинив никому вреда.

Всего ужаснее была ночь с 25 на 26 мая. Сила урагана достигла таких размеров, что можно было опасаться крушения ледяных гор. Слышно было, как эти гигантские массы льда содрогались до самого основания. Страшная смерть была бы уделом несчастных, если б они оказались погребенными под ледяными громадами! Глыбы льда раскалывались с ужасающим треском, и кое-где уже образовались просветы, грозившие близким обвалом. Но этого не произошло. Основной ледяной массив устоял, и к концу ночи — явление нередкое в полярных странах — под влиянием сильного мороза буря внезапно утихла, и с первыми проблесками дня в природе наступила полная тишина.

8. БОЛЬШОЕ МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО

Это была счастливая случайность. Резкого, хотя и не длительного похолодания (в мае месяце такие похолодания бывают даже в умеренном климате) было достаточно, чтобы укрепить толстый слой снега. Дорога исправилась. Джаспер Гобсон снова пустился в путь, а вслед за его санями со всей возможной скоростью понеслись и другие упряжки отряда.

Прежний маршрут был слегка изменен. Вместо того чтобы двигаться прямо на север, экспедиция направилась на запад — если можно так выразиться, вдоль дуги Полярного круга. Лейтенант спешил добраться до форта Конфиданс, построенного у самой оконечности Большого Медвежьего озера. Несколько холодных дней сильно облегчили его задачу; отряд двигался очень быстро и, не встретив на пути никаких препятствий, 30 мая прибыл в факторию.

Форт Конфиданс и форт Доброй Надежды, основанные на реке Макензи, были самыми северными из всех, какими располагала в те времена Компания Гудзонова залива. Форт Конфиданс, находившийся на северном берегу Большого Медвежьего озера, был очень важен по своему положению: самые воды озера, замерзавшие зимой, свободные летом, служили удобным средством сообщения с фортом Франклина, построенным на южном берегу озера. Помимо постоянного обмена с охотившимися в этих высоких широтах индейцами, обе эти фактории, и главным образом форт Конфиданс, контролировали также берега и воды Большого Медвежьего озера. Это озеро — настоящее «средиземное» море — раскинулось на пространстве нескольких градусов широты и долготы. Его причудливо очерченные берега сближаются на середине, образуя два острых мыса; северная часть озера напоминает собою опрокинутый треугольник. Общий же вид озера походит на распластанную шкуру какого-то большого зверя, у которого не хватает только головы.

Форт Конфиданс построен в конце «правой лапы»; от него до залива Коронации — одного из тех бесчисленных лиманов, которыми так капризно изрезано северное побережье Америки, — менее двухсот миль. Таким образом, форт находится несколько выше Полярного круга, однако все же градусах в трех от семидесятой параллели, за пределами которой Компании Гудзонова залива так важно было основать новую факторию.

По своему устройству форт Конфиданс был точной копией южных факторий. Он состоял из жилого дома для офицеров, помещений для солдат

и складов для пушнины; все постройки были деревянные и окружены высоким частоколом. Командовавший фортом капитан находился тогда в отсутствии. Он уехал на восток вместе с партией индейцев и солдат, отправившихся на поиски мест, более богатых пушным зверем. Прошедший сезон не был удачен. Дорогих мехов не хватало. И только шкурок выдры благодаря соседству озера добыли — как бы в компенсацию — вдоволь; но весь этот запас только что был отослан в центральные фактории Юга, так что в то время склады форта Конфиданс пустовали.

Вместо отсутствовавшего капитана Джаспера Гобсона принял в форте сержант. Этот унтер-офицер по имени Фелтон приходился шурином сержанту Лонгу. Он предоставил всю факторию в распоряжение лейтенанта, который, желая дать своим спутникам хотя бы небольшой отдых, решил провести здесь два-три дня. Так как маленький гарнизон находился в походе, то помещения хватило на всех. Люди и собаки были быстро и удобно размещены. Самую лучшую комнату главного дома отвели, разумеется, миссис Барнет, которая не могла нахвалиться любезностью сержанта Фелтона.

Первым делом Джаспер Гобсон расспросил Фелтона, не промышляет ли в эту пору какое-нибудь северное индейское племя на берегах Большого Медвежьего озера.

— Да, лейтенант, — ответил Фелтон. — Нам недавно сообщили, что на другом северном выступе озера обнаружена стоянка Индейцев-зайцев.

— В каком расстоянии от форта? — спросил Джаспер Гобсон.

— Милях в тридцати, — ответил сержант. — Вы хотели бы войти с ними в сношения?

— Непременно, — сказал Джаспер Гобсон. — Эти индейцы могут дать мне полезные сведения о территории, граничащей с Ледовитым океаном и оканчивающейся мысом Батерст. Если местность около мыса окажется подходящей, я построю там новую факторию.

— Что ж, лейтенант, — ответил Фелтон, — добраться до стоянки Индейцев-зайцев очень просто.

— Берегом озера?

— Нет, прямо водой. Озеро сейчас свободно ото льдов и ветер попутный. Мы предоставим в ваше распоряжение лодку и матроса-рулевого, так что через несколько часов вы будете у стоянки.

— Спасибо, сержант, — сказал Джаспер Гобсон. — Я принимаю ваше предложение, и завтра утром, если позволите...

— Когда вам будет угодно, лейтенант, — ответил сержант Фелтон.

Отъезд был назначен на следующее утро. Узнав о предстоявшей

поездке, миссис Барнет попросила разрешения принять в ней участие, и это разрешение, как и следовало ожидать, Джаспер Гобсон дал ей с полной готовностью.

Однако остаток дня тоже надо было на что-то употребить. И вот миссис Барнет, Джаспер Гобсон, несколько солдат, Мэдж, миссис Мак-Нап и миссис Джолиф отправились в сопровождении Фелтона осматривать ближний берег озера. Этот берег не был лишен растительности. Его отлогие склоны, с которых уже сошел снег, поросли хвойными деревьями из породы шотландской сосны. Деревья эти, футов сорока вышиной, доставляли в течение долгих зимних месяцев необходимое для обитателей форта топливо. Их толстые, густо усаженные гибкими ветвями стволы отличались совершенно особой сероватой окраской. Образуя тенистые чащи, эти прямые, одинаковой высоты сосны спускались к самой воде, но при-этом группировались так однообразно, что почти не придавали живописности пейзажу. Между перелесками земля была покрыта невысокой беловатой травой, наполнявшей воздух пряным запахом тимьяна. Сержант Фелтон сообщил своим гостям, что эта сильно пахнущая трава носит здесь название «травы-ладана», которое она вполне оправдывает, если бросить ее на горячие уголья.

Отойдя от форта на несколько сот шагов, путешественники очутились у маленькой естественной гавани, окруженной высокими гранитными скалами, защищавшими ее от прибоя. Здесь причаливала флотилия форта Конфиданс, состоявшая, впрочем, из одной рыбацкой лодки, которая и должна была завтра утром доставить Джаспера Гобсона и миссис Барнет к стоянке индейцев. Необозримая даль открывалась с этого места: и лесистые холмы, и извилистые, с мысами и бухточками, берега, и подернутая рябью гладь озера, над которой еще кое-где вырисовывались подвижные силуэты айсбергов. В южном направлении взгляд упирался в настоящий морской горизонт — явственно закругленную линию между небом и землей, сейчас почти сливавшимися под ослепительными лучами солнца.

Большое водное пространство Медвежьего озера, его заваленные гранитными глыбами и усыпанные крупной галькой берега, заросшие травой пригорки, холмы и возвышавшиеся на них деревья — все говорило о присутствии здесь разнообразной растительной и животной жизни. По озеру с громким криканьем сновали утки всевозможных пород: гаги, свистуны, чирки, болтливые «старички», которые так и плавают с всегда раскрытым клювом. Сотни быстрых чистаков и тупиков рассекали воздух во всех направлениях. Поддеревьями важно расхаживали высокие орланы

— вид соколов, фута в два высотой, с пепельно-серым брюшком, синими лапами и клювом и оранжевыми глазами. Гнезда этих пернатых, устроенные из водяных трав на развилинах ветвей, были необыкновенной величины. Охотнику Сэбину удалось убить пару таких громадных орланов, размах крыльев которых равнялся шести футам. Это были великолепные образцы питающихся рыбой перелетных птиц, которых зима гонит к берегам Мексиканского залива, а лето — в самые высокие широты Северной Америки.

Но больше всего заинтересовала наших путников добытая в их присутствии выдра, шкура которой стоила несколько сот рублей. Меха этих редких животных когда-то очень ценился в Китае. Последнее время спрос на них в Небесной империи значительно упал, но на рынках России они по-прежнему в большом почете. Там им всегда обеспечен сбыт, и по очень высоким ценам. Русские купцы, промышляющие на границах Нового Корнуоллиса вплоть до берегов Ледовитого океана, без усталости охотятся за морской выдрой, которая встречается все реже и реже. Эти животные все дальше и дальше уходят от охотников, и теперь выдру можно встретить только на берегах Камчатки и на островах Берингова архипелага.

— Однако, — добавил сержант Фелтон, сообщивший своим гостям эти сведения, — американской выдрой тоже не следует пренебрегать; та, например, что водится на берегах Большого Медвежьего озера, как-никак, а двести пятьдесят — триста франков за штуку стоит.

Действительно, в водах озера скрывались выдры изумительной красоты. Одну такую выдру ловко подстрелил сам сержант, и, пожалуй, она ни в чем не уступала своим камчатским сородичам. У нее были короткие, с перепончатыми ступнями, лапы, а сама она — от носа до кончика хвоста — была двух с половиной футов длиной, с коричневой, более темной на спине и более светлой на брюхе шкуркой и шелковистым, длинным и блестящим мехом.

— Удачный выстрел! — сказал лейтенант Гобсон, поднося миссис Барнет убитого зверя, чтобы она могла полюбоваться его великолепным мехом.

— Да, мне повезло, мистер Гобсон, — ответил сержант Фелтон. — Если б мы каждый день добывали по шкурке, нам не приходилось бы горевать! Ведь сколько времени потратишь, пока их подстережешь, — так быстро они ныряют и плавают! Выдры охотятся только по ночам и днем очень редко выходят из своих убежищ — древесного дупла или расселины в скале, — так что даже самый опытный охотник не так-то легко их обнаружит.

— Наверно, они тоже мало-помалу исчезают? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, — ответил сержант. — И когда их не станет вовсе, доходы компании значительно уменьшатся. За этим мехом гоняются все охотники и особенно наши главные конкуренты — американцы. Вы не встретили во время своего путешествия агентов американских компаний, лейтенант?

— Ни одного, — ответил Джаспер Гобсон. — А разве они заходят в такие высокие широты?

— То и дело, мистер Гобсон, — сказал сержант. — И если эти проныры появились поблизости, так уж держи ухо востро!

— Ведь не грабители же они с большой дороги, эти агенты! — заметила миссис Барнет.

— Грабители — не грабители, — ответил сержант, — а соперники очень опасные, и когда дичи мало, охотники оспаривают друг у друга каждого убитого зверя с ружьем в руках. Осмелюсь даже утверждать, что, если дело, задуманное компанией, увенчается успехом и вам удастся основать форт на крайнем севере материка, американцы — черт их побери! — не замедлят последовать вашему примеру.

— Не беда! — ответил лейтенант. — Охотничьи угоды велики, и места под солнцем хватит всем. Наше дело начать! Пока под ногами твердая земля, мы будем идти вперед — и да хранит нас бог!

После трехчасовой прогулки приезжие возвратились в форт Конфиданс. В большой зале их ожидало обильное угощение из рыбы и свежей дичи, и все с удовольствием отдали дань обеду, устроенному сержантом. День закончился продолжительной и приятной беседой, а ночь принесла гостям форта прекрасный сон.

На следующее утро, 31 мая, миссис Барнет и Джаспер Гобсон были на ногах уже с пяти часов. Этот день лейтенант решил посвятить посещению лагеря индейцев, надеясь получить у них нужные ему сведения. Он предложил Томасу Блэку присоединиться к экскурсии. Но астроном предпочел остаться на суше. Он должен был сделать кое-какие астрономические наблюдения и с точностью определить широту и долготу форта Конфиданс. Таким образом, миссис Барнет и Джасперу Гобсону предстояло совершить переезд через озеро в обществе Одного только перевозчика — старого матроса Нормана, уже многие годы состоявшего на службе компании.

Оба пассажира в сопровождении сержанта Фелтона явились в маленький порт, где старый Норман уже ждал их в своем суденышке. Это

была простая рыбацья лодка — без палубы, шестнадцати футов длиной, оснащенная, как кутер; ею легко мог управлять один человек. Погода стояла хорошая. Дул благоприятствовавший переезду легкий северо-восточный ветер. Сержант Фелтон распрощался со своими гостями, прося извинения, что не сопровождает их сам; но в отсутствие капитана он не имел права оставить факторию. Подняли якорь, лодка вышла из гавани и, идя правым галсом, быстро понеслась по прохладным водам озера.

Действительно, это путешествие было всего только прогулкой, и прогулкой прелестной. Старый матрос, человек, видимо, малоразговорчивый, молча сидел на корме, положив руку на руль. Миссис Барнет и Джаспер Гобсон, расположившись на боковых скамьях, глядели на разворачивавшийся перед ними пейзаж. Лодка пересекала Большое Медвежье озеро по прямой, вдоль его северной стороны, держась милях в трех от берега. С этого расстояния отлично были видны высокие лесистые холмы, постепенно спускавшиеся к западу. С северо-запада к озеру примыкала совершенно плоская равнина, и тут линия горизонта отступала на значительное расстояние. Все это побережье составляло резкий контраст с образующим острый угол берегом, в глубине которого возвышался окруженный зелеными елями форт Конфиданс. Еще можно было различить флаг компании, развевавшийся на верхушке башни. На юге и западе воды озера местами ярко сверкали под косо ударявшими в них лучами солнца; движущиеся айсберги, похожие на груды расплавленного серебра, ослепляли взор; они с такой силой отражали солнечный свет, что глаз не мог выдержать их нестерпимого блеска. От льда, сковывавшего озеро в зимние месяцы, не осталось и следов. Только эти плавучие горы не поддавались таянию и, казалось, противились лучам сияющего светила, которое описывало в течение дня сильно удлиненную дугу, давая земле больше тепла, чем света.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон мирно беседовали, делясь воспоминаниями и обмениваясь впечатлениями от удивительной природы этого края; а между тем лодка, едва колебля спокойные воды, быстро подвигалась вперед.

И в самом деле, отплыв в шесть часов утра, в девять они уже заметно приблизились к той части северного берега, куда держали путь. Стоянка индейцев находилась в северо-западной части Большого Медвежьего озера. Еще не было десяти, когда старый Норман подвел свое суденышко к месту расположения индейского лагеря и бросил якорь у крутого откоса невысокой прибрежной скалы.

Лейтенант и миссис Барнет тотчас же сошли на берег. Навстречу им

выбежало несколько индейцев и среди них сильно разукрашенный перьями человек — сам вождь, который обратился к ним с приветствием на малопонятном английском языке.

Индейцы-зайцы, как и Индейцы — медная кожа, Индейцы-бобры и еще некоторые принадлежат к племени чиппевеев и потому мало отличаются друг от друга обычаями и одеждой. К тому же, находясь в постоянных сношениях с факториями, они значительно «британизировались» — в той мере, конечно, в какой это вообще доступно дикарям. Они несут в форты свои охотничьи трофеи и обменивают их на жизненно необходимые предметы, которые за последние годы совершенно перестали вырабатывать сами. Эти индейцы как бы состоят на жаловании компании, от которой во многом зависит их существование, поэтому не удивительно, что они почти уже утратили своя своеобразные черты. Кто хочет видеть туземцев, на которых общение с европейцами не наложило своего отпечатка, тот должен подняться в еще более высокие широты, в те ледяные области, где живут эскимосы. Эскимос и гренландец — вот истинные дети полярных стран.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон направились к стоянке Индейцев-зайцев, расположенной в полумиле от берега. Там они увидели человек тридцать туземцев — детей, женщин и мужчин, которые промышляли рыбной ловлей и охотой в окрестностях озера. Эти индейцы совсем недавно побывали в северных областях американского континента и могли сообщить Джасперу Гобсону кое-какие — правда, весьма скудные — сведения относительно характера и состояния морского побережья в районе семидесятой параллели. Однако лейтенант с удовлетворением узнал, что ни один — ни европейский, ни американский — отряд не встретился им в полярном поморье, а также — что Ледовитый океан в это время года свободен от льдов. Что же касается самого мыса Батерст, где Гобсон собирался обосноваться, то Индейцы-зайцы этого мыса не знали. По словам вождя, местность, простиравшаяся от Большого Медвежьего озера в направлении этого мыса, была труднопроходима, сильно пересечена и в данное время малодоступна из-за освободившихся повсюду от льда озер и речушек. Он советовал лейтенанту переправиться к северо-восточной оконечности озера, спуститься по течению реки Коппермайн и оттуда кратчайшим путем добираться до морского берега. И тогда отряду будет уже легче двигаться вдоль побережья Ледовитого океана, и он остановится там, где найдет это для себя подходящим.

Джаспер Гобсон поблагодарил индейского вождя и распрощался с ним, предварительно вручив ему несколько подарков. Затем он вместе с миссис

Барнет отправился побродить в окрестностях стоянки: они вернулись к лодке лишь в три часа пополудни.

9. БУРЯ НА ОЗЕРЕ

Старый моряк с нетерпением ожидал возвращения своих пассажиров.

С час назад погода переменилась. Небо неожиданно помрачнело, и вид его не мог не внушать беспокойства чело-веку, привыкшему прислушиваться к указаниям ветра и туч. Солнце скрылось за густой пеленой тумана, сквозь которую тускло просвечивал его беловатый, лишенный лучей диск. Ветер утих, но слышно было, как на юге озера глухо рокотали волны. Все эти признаки близкой перемены погоды проявились со свойственной высоким широтам внезапностью.

— Едем, лейтенант, едем! — крикнул старый Норман, тревожно вглядываясь в низко нависший над головой туман. — Едем, не теряя ни минуты. Небо становится грозным.

— Оно и правда уже не то, что было утром, — заметил Джаспер Гобсон. — А мы с вами, миссис Барнет, и не заметили, как изменилась погода!

— Вы опасаетесь бури? — спросила путешественница, обращаясь к Норману.

— Да, сударыня, — ответил старый моряк. — На Медвежьем озере бури не шуточные. Ураганы бывают такие, что и Атлантическому океану впору! Этот неведь откуда взявшийся туман не предвещает ничего хорошего. Впрочем, может быть, шквал и не сейчас налетит, пройдет часа три-четыре, а за это время мы доберемся до форта Конфиданс. Но коли ехать, так ехать, не то лодку разобьет о те вон скалы, что торчат из воды.

Лейтенант не решился вступать с Норманом в спор о вещах, в которых тот знал больше толку, чем он. Переезд через озеро был для старого моряка делом привычным — следовало поэтому положиться на его опыт. Миссис Полина Барнет и Джаспер Гобсон вошли в лодку.

Однако, подняв якорь и уже взявшись за руль, старый Норман (быть может, его сердце сжалось в предчувствии беды) пробормотал себе под нос:

— А не лучше ли нам переждать?

Джаспер Гобсон, от которого не ускользнули эти слова, внимательно посмотрел на сидевшего за рулем старика. Будь лейтенант один, он, не колеблясь, решил бы ехать. Но присутствие миссис Полины Барнет заставляло его быть осторожней. Путешественница угадала причину его нерешимости.

— Не думайте обо мне, мистер Гобсон, — сказала она, — и поступайте так, точно меня здесь нет. Раз уж такой бывалый моряк, как Норман, находит, что нужно ехать, едем не мешкая.

— Что ж! Ехать так ехать! — повторил Норман, убирая якорь. — Пойдем к форту кратчайшим путем!

Лодка отчалила. Но прошел час, а она почти не продвинулась вперед. Порывистый, поминутно менявший направление ветер едва надувал бившийся о мачту парус. Туман все сгущался. Лодку довольно сильно качало, ибо на озере, которое раньше воздуха «чувствовало» надвигающуюся бурю, уже началось волнение. Пассажиры сидели молча, а старый моряк пристально вглядывался своими воспаленными глазами в непроницаемую мглу. Норман, видимо, приготовился ко всему и, ожидая ветра, крепко держал шкот, чтобы тотчас его потравить, если ветер налетит внезапно.

Однако стихии еще не вступили между собой в борьбу, и все обошлось бы, если б лодка плыла хоть немного быстрее. Но прошел уже час, а они и двух миль не отъехали от стоянки индейцев. Вдобавок порывы ветра, налетавшие с суши, словно назло, далеко отбросили лодку, и берег стал едва виден в тумане. Это было весьма досадное обстоятельство, так как если бы ветер продолжал упорно дуть с севера, то, несмотря на все старания Нормана держаться ближе к берегу, легкую лодку, не способную противиться волнам, неминуемо отнесло бы на середину озера.

— Мы почти не движемся, — заметил лейтенант старому моряку.

— Да, мистер Гобсон, не движемся, — ответил матрос. — Ветер никак не хочет установиться, а когда он установится, то, боюсь, будет дуть не в ту сторону, в какую нужно. Тогда, — добавил он, указывая рукой на юг, — мы раньше увидим форт Франклина, чем форт Конфиданс!

— И совершив еще более продолжительную прогулку — вот и все, — пошутила миссис Барнет. — Оно дивное, это ваше Медвежье озеро, — по нему стоит прокатиться с севера на юг! Ведь из форта Франклина люди, надеюсь, возвращаются, — не так ли, Норман?

— Возвращаются, сударыня, когда им удастся до него добраться, — отвечал старый Норман. — Но бури иной раз длятся здесь по пятнадцати дней кряду, и если злая судьба погонит нас к южному берегу, то я не поручусь, что мистер Джаспер Гобсон вернется в форт Конфиданс раньше, чем через месяц!

— О, это дело серьезное! — воскликнул лейтенант. — Такая задержка нарушит все наши планы. Будьте осмотрительны, мой друг, и, если нужно, скорей поворачивайте на север. Миссис Барнет, я думаю, не испугается

перехода в двадцать — двадцать пять миль пешком.

— Я и рад бы вернуться обратно, мистер Гобсон, — ответил Норман, — да это уж мне теперь не удастся. Сами видите: ветер устанавливается с северной стороны. Теперь можно попытаться держать только на северо-восток, и, если ветер не разгуляется, быть может, мы еще доедем благополучно.

Однако около половины пятого появились явственные признаки надвигающейся бури. Что-то пронзительно засвистело в вышине. Ветер, по атмосферическим причинам державшийся верхних слоев воздуха, пока не спускался к поверхности озера, но ждать этого можно было с минуты на минуту. Слышно было, как громко кричали проносившиеся в тумане испуганные птицы. И вдруг туман разорвался. В просвете мелькнули огромные низкие тучи, рваные и косматые, словно клубы черного пара, со страшной быстротой мчавшиеся к югу. Опасения старого моряка оправдались. Ветер дул с севера и скоро должен был достигнуть силы урагана.

— Берегись! — крикнул Норман, натягивая шкот и поворачивая руль так, чтобы судно стало против ветра.

Шквал налетел. Лодка сначала легла на борт, потом выпрямилась и вдруг взлетела на гребень огромного вала. С этой минуты озеро забурлило, как море. Его воды были не особенно глубоки, и волны, тяжело ударяясь о дно, с невероятной силой вырывались затем на поверхность.

— На помощь! На помощь! — крикнул старый моряк, пытаясь спустить парус.

Джаспер Гобсон, а затем и миссис Барнет бросились к Норману, пытаясь ему помочь, но все их усилия не привели ни к чему, ибо они были мало знакомы с управлением судна. Между тем фал заело на топе мачты, парус не спускался, а Норман не мог выпустить из рук руля. Лодка каждую минуту могла опрокинуться, и уже несколько валов перехлестнуло через борт. Покрытое тучами небо темнело все больше и больше. Хлынул холодный дождь пополам со снегом, и ураган, свирепея, срывал верхушки волн.

— Рубите! Да рубите же! — кричал старый матрос, стараясь перекрычать рев бури.

Джаспер Гобсон, с которого ветром снесло шапку, ослепленный ливнем, схватил нож Нормана и перерезал фал, натянутый, как струна арфы. Но намокший трос заело в отверстиях блоков, и рея осталась висеть на топе мачты.

Тогда Норман решил прекратить бесполезную борьбу и, отдавшись на

волю ветра, плыть к югу, — плыть, хотя это был чрезвычайно рискованный маневр, ибо скорость волн превосходила скорость лодки, плыть, хотя ветер неудержимо погнал бы легкое суденышко к южным берегам Большого Медвежьего озера!

Джаспер Гобсон и его отважная спутница сознавали, какая опасность им угрожает. Утлый челн не способен был долго сопротивляться ударам валов. Он или будет разбит, или опрокинется. Жизнь тех, кто в нем находился, была во власти провидения.

Тем не менее ни лейтенант, ни миссис Полина Барнет не поддавались отчаянию. Крепко уцепившись за скамьи, с головы до ног окатываемые холодными волнами, насквозь пронизываемые ледяным ветром, вымокшие под дождем и снегом, они пристально всматривались в окружавший их туман. Земля совершенно исчезла из виду. На расстоянии одного кабельтова от лодки тучи и воды озера сливались в сплошную темную массу. Время от времени взоры путешественников вопросительно обращались на старого Нормана, который, стиснув зубы и судорожно сжимая руль, все еще пытался держать свою лодку круто к ветру.

Но скоро ураган достиг такой силы, что управлять лодкой стало уже невозможно. Ударяясь носом о встречные валы, она неизбежно должна была разлететься в куски. Наружная обшивка уже местами отстала, и когда лодка всей тяжестью низвергалась с гребня волны в пучину, казалось, что больше ей уже не выплыть.

— И все же вперед! вперед! — бормотал старый моряк.

Повернув руль и отпустив шкот, он направил лодку прямо на юг. Парус мгновенно надулся, и суденышко помчалось с головокружительной быстротой. Но громадные валы, более подвижные, чем лодка, бежали еще скорее, и в этом заключалась главная опасность стремительного движения при попутном ветре. Потоки воды то и дело переливались через борт, и лодка уже не могла от «их» спастись. Она наполнялась, и надо было все время вычерпывать воду, чтобы не пойти ко дну. Чем больше они приближались к середине озера и тем самым дальше удалялись от берегов, тем более бурными становились волны. Ураган бесновался на просторе, не встречая никаких преград — ни холмов, ни полосы леса, как то бывает на суше. Иногда в просветах, или, вернее, разрывах тумана, можно было различить огромные айсберги, которые, словно гигантские поплавки, неслись по волнам, как и лодка, гонимые к югу.

Было половина шестого. Норман и Джаспер Гобсон уже не могли определить ни расстояния, какое они проплыли, ни направления, в каком двигались. Лодка их больше не слушалась, она давно стала игрушкой волн.

В это мгновение в ста футах от кормы поднялся чудовищный вал, увенчанный ярким белым гребнем. Вся водная поверхность перед ним ушла вглубь, образовав зияющую пропасть. Мелкие промежуточные волны, раздавленные ветром, исчезли. В этой кипящей, все более углублявшейся пучине вода казалась черной. Лодку втягивало в эту бездну, и она опускалась все ниже и ниже. Гигантский вал приближался, вбирая в себя все ближние волны. Он уже настигал лодку, грозя раздавить ее. Норман, обернувшись, увидел надвигавшийся вал. Джаспер Гобсон и миссис Барнет тоже глядели на него расширенными от ужаса глазами и ждали, когда он на них обрушится, ибо избежать его они не могли!

И он обрушился с неслыханным грохотом и, разбившись, покрыл собой корму лодки. Страшный толчок потряс судно. Невольный крик вырвался из уст лейтенанта и его спутницы, погребенных под этой громадой воды. Им показалось, что лодка идет ко дну.

Однако она все же удержалась на поверхности, хотя и была на три четверти наполнена водой... но старый матрос исчез!

— Норман! — в отчаянии крикнул лейтенант.

Миссис Барнет оглянулась.

Джаспер Гобсон показал ей на опустевшую корму.

— Несчастный, — прошептала путешественница.

И оба вскочили, рискуя быть выброшенными за борт лодки, которую так и швыряло с гребня на гребень. Но они не увидели ничего. Ни крика, ни зова не донеслось до их слуха. Не показалось и тела среди белой пены... Старый моряк нашел свою смерть в волнах.

Миссис Барнет и Джаспер Гобсон опустились на скамьи. Они остались одни и теперь сами должны были заботиться о своем спасении. Но лейтенант, и его спутница не умели обращаться с лодкой, тем более при таких отчаянных обстоятельствах, когда с нею не смог бы справиться и опытный моряк. Волны играли суденышком, как щепкой. Натянутый парус мчал его неизвестно куда. Мог ли Джаспер Гобсон остановить этот стремительный бег?

Положение злополучных путешественников, застигнутых бурей на утлом челне, которым они не умели даже управлять, было ужасно.

— Мы пропали! — воскликнул лейтенант.

— Нет, мистер Гобсон, — ответила неустрашимая Полина Барнет. — Постараемся как-нибудь помочь себе, тогда нам поможет и небо!

Только теперь Джаспер Гобсон узнал настоящую цену женщине, с которой его столкнула судьба.

Прежде всего надо было вычерпать из лодки сильно утяжелявшую ее

массу воды. Следующий вал наполнил бы ее до краев, и дно могло треснуть. Кроме того, освобожденная от воды лодка легче держалась бы на гребне волн и скорее могла бы уцелеть. Поэтому Джаспер Гобсон и миссис Барнет принялись быстро вычерпывать воду, которая, ударяясь о борт лодки, уже одним этим могла ее опрокинуть. Дело было нелегкое, так как волны поминутно перехлестывали через борт, и надо было работать черпаком, не переставая. Этим главным образом занималась путешественница. Лейтенант сел за руль и прилагал все усилия держать судно по ветру.

В довершение беды спустилась ночь или если не ночь, — в этих широтах и в это время года она длится всего несколько часов, — то во всяком случае все более и более сгущавшаяся тьма. Низкие тучи, сливаясь с туманом, образовали плотную пелену, сквозь которую едва пробивался рассеянный свет. В нескольких метрах от лодки нельзя было ничего разобрать, между тем если б она наскочила на блуждающую льдину, то тут же разлетелась бы в куски. Плавающие льдины могли появиться в любую минуту, и избежать их при этой скорости не было никакой возможности.

— Руль вам не повинуется, мистер Гобсон? — спросила, воспользовавшись кратким затишьем, миссис Барнет.

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант, — и вы должны быть готовы ко всему.

— Я готова! — просто ответила мужественная женщина.

В ту же секунду послышался оглушительный, раздирающий уши треск. Под напором ветра парус лопнул и улетел, как белое облачко. Лодка, покорная набранной скорости, пронеслась еще немного, потом остановилась и забила в волнах, как скорлупка. Джаспер Гобсон и миссис Барнет поняли, что наступает конец. Их сбросило со скамей и, раненных и ушибленных, с силой стало швырять по лодке. На борту не было ни куска полотна, который можно было бы натянуть вместо паруса. В потемках, под проливным дождем и снегом злосчастные путешественники едва различали друг друга. За воем бури они даже не слышали своих голосов. Так продолжалось около часа: каждую минуту они ждали гибели и поручили себя воле провидения, которое одно могло их спасти.

Как долго носились они по расвирепевшим волнам, этого не могли бы сказать ни лейтенант Гобсон, ни миссис Полина Барнет. И вдруг оба почувствовали страшный толчок.

Лодка наскочила на огромный айсберг — гигантскую плавающую глыбу льда с крутыми и скользкими боками, за которые рука человека не могла бы ухватиться. От внезапного удара, отвлечь который не было возможности,

нос лодки расселся, и в нее потоками хлынула вода.

— Тонем! Тонем! — закричал Джаспер Гобсон.

Действительно, лодка быстро погружалась, и вода дошла уже до высоты скамей.

— Сударыня! Сударыня! — воскликнул лейтенант. — Я здесь... я вас... не покину!

— Нет, мистер Гобсон! — ответила миссис Полина Барнет. — Один — вы можете спастись... Со мной — вы погибнете! Оставьте меня! Оставьте!

— Никогда! — вскричал лейтенант.

Но едва он произнес это слово, как налетела новая волна, и лодка разом пошла ко дну.

Оба исчезли в водовороте, образовавшемся от стремительного погружения лодки. Несколько мгновений спустя они вновь показались на поверхности. Джаспер Гобсон изо всех сил работал одной рукой, а другой поддерживал свою спутницу. Но было очевидно, что его борьба с разъяренными волнами не может длиться долго и он погибнет вместе с той, кого хотел спасти.

Внезапно до его слуха донеслись какие-то странные звуки. Это не был крик испуганных птиц — это был человеческий голос, это был зов. Джаспер Гобсон, сделав последнее усилие, приподнялся над водой и окинул взглядом бушующие волны.

Он ничего не увидел в густом тумане. Тем не менее крик слышался снова, и на этот раз ближе. Какие смельчаки отважились прийти к нему на помощь? Но кто бы они ни были, они явились слишком поздно. Намокшая одежда стесняла его движения, и он чувствовал, что его тянет ко дну вместе с несчастной женщиной, даже голову которой он уже не в силах был удержать на поверхности.

Инстинктивно испустив отчаянный крик, Джаспер Гобсон исчез под огромной волной.

Но он не ошибся. Три человека, которых тоже застигла буря, заметили терпевшую бедствие лодку и устремились к ней на помощь. Только эти люди и могли с некоторой надеждой на успех рискнуть вступить в бой со свирепыми волнами — у них одних были лодки, способные противиться буре.

То были трое эскимосов, крепко привязанные к своим каякам. Каяк — это длинная, приподнятая с обоих концов пирога; она состоит из очень легкого деревянного остова, на который туго натянуты тюленьи кожи, прочно сшитые жилами нерпы. Сверху каяк также во всю длину обтянут кожей, и только посередине оставлено круглое отверстие, в которое садится

одетый в непромокаемую куртку эскимос. Края отверстия он туго стягивает у пояса, превращаясь таким образом как бы в одно целое с лодкой, в которую уже не может проникнуть ни единая капля воды. Такой каяк, гибкий и подвижный, легко скользит по гребням волн и никогда не тонет; он способен разве что перевернуться, но и тогда один удар весла тотчас возвращает ему правильное положение. Каяк может остаться и остается невредимым, когда всякая другая шлюпка неизбежно становится добычей бури.

Три эскимоса поспешили на последний отчаянный крик лейтенанта и вовремя подоспели на помощь тонущим. Полузахлебнувшиеся Джаспер Гобсон и миссис Барнет почувствовали, как чьи-то сильные руки извлекают их из бездны. Но в окружавшем их мраке они даже не могли разглядеть, кто были их спасители.

Один из эскимосов подхватил лейтенанта и положил его поперек своей лодки, другой сделал то же с миссис Барнет, и все трое, ловко действуя шестифутовыми пагаями, понеслись в своих каяках по пенящимся волнам.

Полчаса спустя потерпевшие крушение были бережно вынесены на песчаный берег в трех милях южнее форта Конфиданс: Только старого моряка не доставало при возвращении!

10. ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

Около десяти часов вечера миссис Барнет и Джаспер Гобсон постучались в ворота форта. Можно себе представить, с какой радостью они были встречены, — ведь их уже считали погибшими! Но эта радость уступила место глубокой печали, когда они рассказали о гибели старого Нормана. Смелый моряк был общим любимцем, и все вспоминали о нем с чувством глубокого сожаления. Что же касается отважных и самоотверженных эскимосов, то, выслушав с невозмутимым спокойствием горячую благодарность лейтенанта и его спутницы, они даже не пожелали зайти в форт. Их поступок казался им совершенно естественным. Не в первый раз случалось им спасать утопающих, и они тотчас же вновь пустились в опасное плавание по озеру, с которым не расставались круглые сутки, охотясь за выдрами и водоплавающими птицами.

Ночь, следующий день 1 июня, а также ночь с первого на второе, были целиком посвящены отдыху. Товарищи Джаспера Гобсона не прочь были бы задержаться и дольше, но лейтенант твердо решил выехать утром 2 июня, а тут как раз кончилась и буря.

Сержант Фелтон предоставил в распоряжение отряда все имевшиеся в фактории средства. Некоторые упряжки были заменены новыми, и, выйдя из форта, Джаспер Гобсон увидел, что сани отряда в полном порядке выстроились за воротами форта.

Началось расставанье. Все искренне благодарили сержанта Фелтона, в момент нужды оказавшего им такое теплое гостеприимство, и миссис Полина Барнет была не последней в выражении своих чувств. Крепкое рукопожатие, которым обменялся сержант со своим шурином Лонгом, завершило церемонию прощания.

Все попарно разместились в отведенных им санях, и на сей раз миссис Барнет и лейтенант сели вместе. За ними ехала Мэдж с сержантом Лонгом.

Следуя совету индейского вождя, Джаспер Гобсон решил двигаться к побережью Ледовитого океана кратчайшим путем — от форта Конфиданс прямо наперерез к поморью. Внимательно изучив карты, — впрочем, только приблизительно воспроизводившие очертания местности, — он счел целесообразным спуститься по долине довольно большой реки Коппермайн, которая несет свои воды в залив Коронации.

Расстояние между фортом Конфиданс и устьем реки равняется самое большее полутора градусам, иными словами — восьмидесяти пяти —

девятиста миль. Глубокий вырез берега, образующий залив Коронации, заканчивается на севере мысом Крузенштерна, и от этого мыса берег по прямой линии уходит далеко на запад, постепенно поднимаясь к мысу Батерст, находящемуся уже за семидесятой параллелью.

Таким образом, Джаспер Гобсон изменил первоначальный маршрут, которому до сих пор следовал, и, направившись на восток, рассчитывал за несколько часов достичь реки.

На следующий день к полудню, 3 июня, отряд добрался до берегов реки. Быстрая и прозрачная река Коппермайн была уже свободна от льдов; переполняя берега, она протекала по широкой долине, пересеченной множеством мелких речушек, извилистых, но легко переходимых вброд. Итак, путники довольно быстро покрыли в санях значительное расстояние. В дороге Джаспер Гобсон рассказывал своей спутнице историю края, по которому они ехали. Между лейтенантом Гобсоном и путешественницей возникла настоящая близость и искренняя дружба, вполне естественная в их возрасте и положении. Охотница до всего нового, сама отличаясь врожденной жаждой открытий, миссис Полина Барнет любила слушать рассказы об исследователях новых стран.

Джаспер Гобсон, который знал полярные области Америки, можно сказать, «наизусть», вполне мог удовлетворить любопытство своей спутницы.

— Лет девятью назад, — начал он, — вся область, по которой протекает река Коппермайн, была совершенно неизвестна, и исследованием ее мы обязаны агентам Компании Гудзонова залива. Однако, как это часто случается в науке, ищут одно, а открывают другое. Так, в поисках Азии Колумб открыл Америку.

— А что искали агенты Компании Гудзонова залива? — спросила миссис Полина Барнет. — Все тот же пресловутый Северо-Западный проход?

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант. — Сто лет назад компания не была заинтересована в этом новом пути сообщения — он скорее был на руку ее конкурентам, чем ей самой. Рассказывают даже, что в тысяча семьсот сорок первом году некий Кристоф Мидлтон, которому было поручено обследовать побережье, был публично обвинен в получении от компании пяти тысяч фунтов стерлингов за то, чтобы удостоверить, будто между двумя океанами не существует и не может существовать морского пути сообщения.

— Это не служит к чести знаменитой компании, — заметила миссис Барнет.

— В данном случае я ее не защищаю, — продолжал Джаспер Гобсон. — Добавлю, что парламент строго осудил действия компании и в тысяча семьсот сорок шестом году пообещал премию в двадцать тысяч фунтов стерлингов тому, кто откроет этот проход. И в том же году два отважных путешественника, Вильям Мур и Фрэнсис Смит, добрались до бухты Репалс в надежде обнаружить этот вожаделенный путь. Однако их попытка не удалась, и после полуторагового отсутствия они вынуждены были возвратиться в Англию ни с чем.

— Неужели не нашлось других людей, не менее смелых и предприимчивых, которые тотчас устремились бы по их следам? — спросила миссис Барнет.

— Нет, сударыня, и еще в течение тридцати лет, несмотря на обещанную парламентом высокую награду, никто не решался обратиться к исследованию северо-западной части американского континента, или, лучше сказать, Британской Америки, так как именно это название следовало бы за ней сохранить. Только в тысяча семьсот шестьдесят девятом году один из агентов компании попытался продолжить дело, начатое Муром и Смитом.

— Значит, компания в конце концов отказалась от своего узкого и эгоистичного взгляда, мистер Гобсон?

— Нет, сударыня, тогда еще нет. Сэмюэлю Хэрну — так звали этого агента — было поручено лишь уточнить расположение медных месторождений, о которых сообщали туземные следопыты. Шестого ноября тысяча семьсот шестьдесят девятого года он покинул форт Принца Уэльского на реке Черчилль у западного берега Гудзонова залива. Сэмюэль Хэрн сразу же двинулся на северо-запад, но жестокие морозы и недостаток съестных припасов заставили его вернуться в форт. По счастью, он был не из тех, у кого легко опускаются руки. На следующий год двадцать третьего февраля он вновь отправился в путь в сопровождении нескольких индейцев. Это второе путешествие было связано с необычайными лишениями. Дичи и рыбы, на которые рассчитывал Сэмюэль Хэрн, очень часто не попадалось вовсе. Однажды он целую неделю питался одними дикими плодами, кусками старой кожи и жжеными костями. Этот неустрашимый путешественник, не добившись никаких результатов, вынужден был опять возвратиться в факторию. В третий раз он отправился седьмого декабря тысяча семьсот семидесятого года и после девятнадцати месяцев различных испытаний, тринадцатого июля тысяча семьсот семьдесят второго года, обнаружил реку Коппермайн; он спустился до ее устья и увидел, по его утверждениям, свободное ото льдов море. Так

впервые удалось достичь северных берегов Америки.

— Но Северо-Западный проход, иными словами прямой путь сообщения между Атлантическим и Тихим океанами, все-таки не был открыт? — спросила миссис Барнет.

— Не был, сударыня, — ответил лейтенант. — А сколько отважных моряков пускалось с тех пор на его поиски! Фиппс в тысяча семьсот семьдесят третьем году, Джеймс Кук и Клерк с тысяча семьсот семьдесят шестого по тысяча семьсот семьдесят девятый год, Коцебу с тысяча восемьсот пятнадцатого по тысяча восемьсот восемнадцатый год, Росс, Парри, Франклин и многие другие отдавали все свои силы на разрешение этой трудной задачи — и все напрасно; единственный человек, которому действительно удалось северным морским путем пройти из одного океана в другой, был наш современник, бесстрашный исследователь Мак-Клур.

— Это было географическое открытие огромной важности, мистер Гобсон, — заметила миссис Барнет, — и мы, англичане, можем им гордиться! Но скажите, поощряла ли Компания Гудзонова залива, проникшись, наконец, более благородными идеями, других путешественников после Сэмюэля Хэрна?

— Конечно, сударыня, и благодаря этому капитан Франклин мог осуществить свое путешествие, продолжавшееся с тысяча восемьсот девятнадцатого по тысяча восемьсот двадцать второй год, и исследовать пространство между рекой Хэрна и мысом Турнаген. На этот раз тоже не обошлось без трудностей и жестоких испытаний. Очень часто путешественники оставались совсем без пищи. Два канадца были убиты и съедены своими товарищами... Однако, несмотря на все трудности, капитан Франклин обследовал целых пять тысяч пятьсот пятьдесят миль совершенно неизвестной до него территории северо-американского поморья.

— То был человек необыкновенной энергии, — заметила миссис Полина Барнет, — и он вполне доказал это впоследствии, когда после всего, что ему уже пришлось пережить, отправился еще на завоевание Северного полюса!

— Да, — ответил Джаспер Гобсон, — и нашел жестокую смерть на самом театре своих открытий. Однако теперь точно установлено, что не все спутники Франклина погибли вместе с ним. Многие из этих несчастных, надо думать, еще скитаются среди ледяного безмолвия! Ах! У меня сжимается сердце, когда я представляю себе их страшное одиночество! Настанет день, сударыня, — добавил лейтенант с волнением и какой-то странной уверенностью, — настанет день, когда я обыщу неведомые земли,

где произошла эта мрачная трагедия, и...

— И в этот день, — подхватила миссис Барнет, крепко пожав руку лейтенанта, — в этот день я буду вашим товарищем по экспедиции. Да! Я думала об этом не раз, как и вы, мистер Гобсон, и мое сердце, как и ваше, содрогалось при мысли, что наши соотечественники, англичане, быть может, ждут помощи...

— Которая явится слишком поздно для большинства из этих несчастных, сударыня, но некоторые из них, я уверен, непременно ее дождутся!

— Да услышит вас бог, мистер Гобсон! — ответила миссис Барнет. — И, на мой взгляд, агенты компании, живущие вблизи поморья, должны скорее, чем кто-либо другой, попытаться исполнить этот долг человеколюбия.

— Я разделяю ваше мнение, сударыня, — ответил лейтенант, — тем более что эти агенты привыкли к суровому климату Арктики. Впрочем, они уже не раз доказывали на деле свою самоотверженность. Не они ли помогли капитану Бэку во время его экспедиции тысяча восемьсот тридцать четвертого года, когда он открыл Землю Короля Вильгельма, на которой и произошло впоследствии несчастье с Франклином? И разве не двое наших товарищей, смельчаки Дизи Симпсон, специально посланные в тысяча восемьсот тридцать восьмом году директором компании обследовать побережье Ледовитого океана, — разве не они первые изучили Землю Виктории? Я думаю, что окончательное завоевание Арктики в будущем принадлежит нашей компании. Мало-помалу ее фактории будут забираться все дальше на север, в это вынужденное убежище пушных зверей, и в один прекрасный день какой-нибудь форт возникнет на самом полюсе — математической точке, где скрещиваются все меридианы земного шара!

Во время этой беседы и многих других, за нею последовавших, Джаспер Гобсон рассказал и о собственных приключениях, о борьбе, которую он как агент Компании Гудзонова залива вел с агентами конкурирующих компаний, и о своих попытках исследования неизвестных северных и западных территорий. Со своей стороны, миссис Барнет поделилась с ним воспоминаниями о странствиях по областям, расположенным между двумя тропиками, о том, что уже было ею сделано и что она надеется еще когда-нибудь совершить. Так, в приятной беседе, лейтенант и его спутница коротали долгие часы путешествия.

Тем временем сани, уносимые мчавшимися во весь опор собаками, быстро двигались к северу. Долина реки Коппермайн заметно расширялась

по мере приближения к Ледовитому океану. Тянувшиеся вдоль обоих берегов пологие холмы понемногу становились все ниже. Разбросанные там и сям группы хвойных деревьев нарушали однообразие этого необычайного пейзажа. По реке еще плыли льдины, сопротивлявшиеся действию солнца, но число их сокращалось день ото дня, и лодка, даже шлюпка, без труда спустилась бы по ее течению, ибо на всем протяжении реки не встречалось ни нагромождения скал, ни какого-либо другого естественного препятствия. Русло реки Коппермайн было глубоким и широким. Ее прозрачные воды, питаясь таянием снегов, неслись довольно быстро, но нигде не образовывали бурных стремнин. Чрезвычайно извилистая в верховьях, река мало-помалу выравнивалась и иногда на пространстве нескольких миль текла совсем прямо. По ее широкому и плоскому берегу, покрытому мелким твердым песком и кое-где поросшему низкой сухой травой, легко скользили полозья саней, и весь поезд свободно разворачивался во всю длину. На ровной гладкой дороге почти не встречалось подъемов, и собаки бежали дружно.

Итак, отряд быстро продвигался вперед. Ехали днем и ночью, если только это выражение применимо по отношению к стране, над которой солнце, описывая почти горизонтальную дугу, можно сказать, совсем и не заходит. В этих широтах ночь по-настоящему не длится и двух часов, и в весеннее время утренняя заря тотчас сменяет вечернюю. Погода стояла прекрасная, небо было чистое, хотя и несколько затуманенное на горизонте, и путешествие совершалось при самых благоприятных обстоятельствах.

Два дня отряд без всяких задержек ехал берегом реки Коппермайн. Пушные звери мало посещали ее окрестности, зато птиц было множество. Они насчитывались здесь тысячами. Почти полное отсутствие куниц, бобров, горностаев и лис немало беспокоило лейтенанта. Он задавал себе вопрос: а что, если все звериное население, хищники и грызуны, слишком рьяно преследуемые охотниками, покинули и эти уголья, так же как они покинули южные? Это было вполне вероятно, так как то здесь, то там встречались следы стоянок и погасшие костры, свидетельствовавшие о недавнем пребывании здесь туземных или иных охотников. Джаспер Гобсон ясно видел, что ему придется перенести свои розыски гораздо дальше на север и что, достигнув устья реки Коппермайн, он проделает лишь половину пути. Поэтому он очень спешил, наконец, достигнуть той области поморья, которую мельком видел Хэрн, и всей данной ему властью торопил отряд.

Впрочем, спутники Джаспера Гобсона вполне разделяли его нетерпение. Каждому непременно хотелось поскорее достичь побережья

Ледовитого океана. Какая-то непреодолимая сила влекла вперед этих отважных путешественников. Очарование неизведанного манило их к себе. Быть может, действительные испытания и начнутся именно там, на этом желанном берегу? Пусть так! Но все спешили встретиться с ними лицом к лицу и, не отклоняясь, шли к своей цели. Места, по которым они тогда проезжали, не представляли для них прямого интереса: только на берегах Ледовитого океана их ждали настоящие исследования. И всем хотелось бы уже сейчас очутиться в той береговой полосе, которую пересекает в нескольких стах милях к западу семидесятая параллель.

Наконец, 5 июня, через четыре дня после отъезда из форта Конфиданс, лейтенант Гобсон увидел, что река Коппермайн вдруг необычайно расширилась. Западный ее берег, слегка изгибаясь, уходил прямо на север. Восточный же, закругляясь вправо, терялся в туманной дали горизонта.

Джаспер Гобсон остановил отряд и рукою указал своим спутникам на простиравшееся перед ними безбрежное море.

11. ВДОЛЬ БЕРЕГА

Широкий лиман, к которому после шестинедельного путешествия подошел отряд, представлял собою четкий, напоминавший по форме трапецию вырез в побережье американского континента. В западный угол лимана впадала широкая река Коппермайн. В восточной же его части глубоко в сушу вдавался длинный рукав, получивший название Батерст-Инлет. С этой стороны капризно извивавшийся берег, изрезанный небольшими заливами и бухтами, оцетинившийся острыми скалами и отвесными утесами, терялся вдали в хаосе ущелий, проливов и кос, придающих картам полярных стран столь причудливые очертания. С другой, левой стороны лимана, от самого устья реки Коппермайн, берег поворачивал круто на север и заканчивался мысом Крузенштерна.

Этот лиман именовался заливом Коронации; он был усеян островами, островками и отмелями, образующими архипелаг герцога Йоркского.

Посоветовавшись с сержантом Лонгов, Джаспер Гобсон решил предоставить здесь отряду однодневный отдых.

Отсюда в сущности и начиналось настоящее исследование, в результате которого лейтенант должен был отыскать удобное место для постройки новой фактории. Компания предписала ему держаться берегов Ледовитого океана и притом возможно выше семидесятой параллели. Чтобы исполнить это поручение, лейтенант мог только на западе искать пункт, принадлежащий к американскому континенту и расположенный на такой высокой широте. На востоке же все эти разрозненные земли представляли собой части арктической территории, за исключением, пожалуй, полуострова Бутия; здесь действительно проходит семидесятая параллель, но его географическое образование пока почти не изучено.

Джаспер Гобсон, вычислив долготу и широту и установив по карте местонахождение отряда, увидел, что он находится еще больше чем в ста милях к югу от семидесятой параллели. За мысом Крузенштерна берег сначала несколько отклонялся к востоку, но затем вновь уходил на север и приблизительно у сто тридцатого меридиана под острым углом пересекал семидесятую параллель — как раз на высоте мыса Батерст, который был назначен капитаном Крэвенти как место будущей встречи. До этого-то пункта и должен был добраться отряд, с тем чтобы построить там новый форт, если только окружающая природа предоставит необходимые для фактории ресурсы.

— Вот это место, сержант Лонг, удовлетворяет всем требованиям компании, — сказал лейтенант, показывая унтер-офицеру карту полярных областей. — Море, свободное ото льдов большую часть года, позволит судам попадать через Берингов пролив прямо в форт; доставляя сюда припасы, они одновременно будут забирать добытые меха.

— Не говоря уже о том, что наши люди, — добавил сержант, — живя за семидесятой параллелью, заслуженно получают двойной оклад!

— Само собой разумеется, — сказал лейтенант, — и вряд ли будут этим недовольны!

— Выходит, нам остается только ехать к мысу Батерст, — заключил сержант Лонг.

Но так как день был отведен для отдыха, то отъезд состоялся лишь на завтра, 6 июня.

Вторая часть путешествия, как этого и следовало ожидать, проходила совершенно иначе, чем первая. Строгий распорядок движения саней больше не соблюдался. Каждый ехал как ему нравилось. Двигались короткими переходами, останавливаясь на всех выступях побережья, и большей частью шли пешком. Лейтенант Гобсон требовал от своих товарищей только одного: не удаляться от берега больше чем на три мили и два раза в сутки — в полдень и вечером — непременно собираться всем вместе. На ночь располагались лагерем. Погода, как и бывает в это время года, стояла прекрасная, и температура была относительно высока — в среднем пятьдесят девять градусов по Фаренгейту (+15°C). Раза два или три налетали снежные бури, но длились они недолго и заметного понижения температуры с собой не принесли.

За время между 6 и 20 июня было тщательно обследовано более двухсот пятидесяти миль американского побережья — от мыса Крузенштерна до мыса Парри. География этого края была изучена как нельзя более добросовестно, и Джаспер Гобсон, которому в этом весьма помог Томас Блэк, внес даже кое-какие исправления в гидрографическое описание местности; всю близлежащую территорию обследовали не менее тщательно и уже со специальной, прямо интересовавшей Компанию Гудзонова залива точки зрения.

Водится ли в этих местах дичь? Можно ли с уверенностью рассчитывать, что здесь найдутся и пушные звери и годные на мясо животные? Позволят ли здешние ресурсы снабжать факторию всем необходимым хотя бы в летнее время? Все это были важные вопросы, естественно сильно заботившие лейтенанта Гобсона. И вот что он выяснил.

Дичи — той именно, которой капрал Джолиф и некоторые другие

отдавали особое предпочтение, — было маловато. В пернатых, принадлежавших к обширному семейству уток, недостатка, правда, не ощущалось, но грызуны были весьма скудно представлены небольшим количеством полярных зайцев, к которым охотники с трудом могли приблизиться на ружейный выстрел. Зато медведей в этой части американского континента было, видимо, достаточно. Сэбин и Марбр часто натыкались на свежие следы этих хищников. Нескольких они даже увидели и выследили, но те упорно держались на почтительном расстоянии. Однако было очевидно, что зимой эти звери, проголодавшись, спустятся с более высоких широт и будут бродить по берегам Ледовитого океана.

— Медведь — штука тонкая, — разглагольствовал капрал Джолиф, которого сильно занимал вопрос питания. — Когда он в кладовке, пренебрегать его мясом не следует. Но пока он на свободе, дичью назвать его мудрено. Во всяком случае, вы, охотники, будьте уверены: он все силы приложит, чтобы участь, которую вы ему готовите, стала вашей собственной!

Трудно было рассуждать более здраво. Действительно, медведей не приходилось считать надежным источником пропитания. По счастью, целые стада других животных, гораздо более полезных, чем медведи, постоянно посещали эту область; их мясом, прекрасным на вкус, главным образом и питаются эскимосы и некоторые индейские племена. Это олени; и капрал Джолиф, к полному своему удовольствию, убедился, что эти жвачные в изобилии водятся в этой части побережья. Сама природа сделала все, чтобы привлечь их сюда; она щедро покрыла землю тем особым лишайником, который олени так любят и так ловко умеют добывать из-под снега в зимнюю пору, когда он составляет их единственную пищу.

Джаспер Гобсон обрадовался не меньше капрала, обнаружив во многих местах олени следы; их очень легко было распознать, так как копыто у оленя сзади не плоское, а выпуклое, как у верблюда. Замечены были даже довольно большие олени стада: в некоторых частях Америки дикие олени, бывает, сходятся по несколько тысяч голов. Пойманные живыми, олени быстро приручаются и становятся очень полезными для факторий своим прекрасным молоком (более питательным, чем коровье), а также как упряжные животные. Убитые олени не менее полезны, ибо их весьма плотная кожа идет на выделку верхней одежды, а из шерсти вырабатывается прекрасная пряжа; мясо их очень вкусно; можно сказать, что в высоких широтах нет более драгоценного животного, чем олень. Окончательно убедившись, что в оленях недостатка не будет, Джаспер Гобсон уже почти не сомневался в возможности построить факторию в

этих краях.

Удовлетворительным оказалось положение и с пушным зверем. На ручьях виднелись многочисленные хатки бобров и мускусных крыс. Барсуки, рыси, горностаи, росوماхи, куницы и норки, которых не успели еще распугать охотники, часто посещали побережье. Человек пока ничем не обнаружил своего присутствия в этих местах, и животные чувствовали себя в безопасности. Обнаружены были также следы прекрасных голубых и серебристых лис, которые встречаются ныне все реже и реже и чьи шкуры ценятся на вес золота. Сэбин и Марбр, обследуя берега, не раз могли бы добыть великолепного зверька. Но лейтенант благоразумно запретил всякую охоту подобного рода. Он боялся распугать животных раньше наступления охотничьего сезона, то есть зимних месяцев, когда их мех делается гораздо гуще и красивее. Кроме того, нельзя было перегружать сани. Сэбин и Марбр все это отлично понимали, но тем не менее руки у них так и чесались спустить курок, когда они держали на прицеле какого-нибудь соболя или роскошную лису. Однако слова Джаспера Гобсона были приказом, а лейтенант не терпел, когда его приказы нарушались.

Таким образом, если охотникам в этот период путешествия и приходилось иногда стрелять в четвероногих, то лишь в полярных медведей, которые изредка показывались на пути отряда. Но эти хищники, не побуждаемые голодом, тотчас убегали, и встречи с ними ни разу не привели к серьезным стычкам. Однако если четвероногие вовсе не пострадали от появления отряда, то для пернатых дело обернулось хуже, и они заплатили своей кровью за все животное царство. Убивали белоголовых орлов — огромных птиц, отличающихся необыкновенно пронзительным криком; соколов-рыболовов, которые в летнее время прилетают в арктические широты и устраивают гнезда в дуплах сухих деревьев; убивали белоснежных полярных гусей и диких казарок, лучше которых нет для гурмана птицы во всем гусяном семействе; убивали красногловых с черной грудкой уток, серебристых галок, являющихся разновидностью удивительно безобразных соек-пересмешниц, гагар, чирков и еще многих и многих представителей мира пернатых, крики которых рождали громкое эхо в прибрежных скалах. В северных областях эти птицы живут миллионами, а на побережье Ледовитого океана их количество поистине неисчислимо.

Вполне понятно, что охотники, которым было строго запрещено преследовать четвероногих, с увлечением напали на обитателей пернатого царства. В первые две недели было убито несколько сот различных птиц, большею частью съедобных, составивших приятное

дополнение к порядку надоевшему всем рациону из сушеного мяса и сухарей.

Итак, жаловаться на недостаток животных в этих краях не приходилось. Компании будет чем наполнить свои склады, и личный состав форта тоже не останется при пустых кладовых. Но эти два обстоятельства еще не обеспечивали будущего фактории. В таких высоких широтах нельзя было бы обосноваться, если бы окружающая местность не давала необходимого топлива и в таком количестве, чтобы можно было успешно бороться с жестоким арктическим морозом.

К счастью, край оказался лесистым. Гряды холмов, возвышавшиеся немного поодаль от берега, были увенчаны зелеными деревьями, среди которых преобладала сосна. Местами скопления хвойных пород были настолько значительны, что вполне заслуживали названия леса. Кое-где Джаспер Гобсон заметил также группы ив, тополей, карликовых берез и целые заросли толокнянки. В это теплое время года все деревья были покрыты зеленью и странно поражали глаз, привыкший к суровым, обнаженным контурам полярного пейзажа. У подножья холмов земля оделась низкой травкой, которую жадно щипали олени; эта же травка должна была питать их всю долгую зиму. По всей видимости, лейтенанту оставалось только радоваться, что он решил искать новую арену для пушного промысла именно на северо-западе американского континента.

Если животных в этих местах было достаточно, то людей, как уже говорилось, здесь вовсе как будто не было. Не видно было ни эскимосов, которые предпочитают охотиться на землях, прилегающих к Гудзонову заливу, ни индейцев, почти никогда не отваживающихся заходить так далеко за пределы Полярного круга. И верно, в этих отдаленных краях охотника всегда может захватить затяжное ненастье или неожиданный возврат зимы, и тогда он окажется отрезанным от остального мира. Лейтенант Гобсон, надо думать, отнюдь не сетовал на отсутствие себе подобных. Всякий человек здесь был бы для него конкурентом. Он искал никем не занятого края, пустыню, где пушные звери нашли для себя надежный приют; он не раз толковал на эту тему с миссис Барнет, которая тоже живо была заинтересована в успехе предприятия. Путешественница не забывала, что она гостя Компании Гудзонова залива, и потому, естественно, желала, чтобы лейтенанту во всем сопутствовала удача.

Каково же было разочарование Джаспера Гобсона, когда утром 20 июня он наткнулся на следы недавно покинутой стоянки!

Случилось это на берегу небольшого узкого залива, который носит название залива Дарнли и с запада защищен далеко выступающим в море

мысом Парри. Тут, у подножья невысокого холма, были обнаружены вбитые в землю колья, служившие, вероятно, оградой, а в стороне, где разводили костер, — кучка остывшей золы.

Около покинутой стоянки собрался весь отряд. Все понимали, что это неожиданное открытие должно крайне огорчить лейтенанта.

— Это действительно большая неприятность! — сказал он. — И я, право, предпочел бы встретиться с целым семейством белых медведей!

— Да, но кто бы ни были люди, которые здесь останавливались, теперь они, вероятно, уже далеко отсюда, — заметила миссис Барнет. — Может быть, они давно вернулись на юг, поближе к знакомым местам.

— Как сказать, сударыня! — ответил лейтенант. — Если это эскимосы, то скорей всего они отправились дальше на север. Если индейцы, то, наверно, они, как и мы, ищут новых охотничьих угодий, а для нас, повторяю, это очень и очень досадное обстоятельство!

— А разве нельзя распознать, к какой народности принадлежат эти охотники? — спросила миссис Барнет. — По-моему, это не так трудно было бы выяснить, ведь эскимосы и индейцы так отличны друг от друга по нравам и обычаям, что и устройство лагеря не может у них быть одинаково.

Миссис Полина Барнет была права: тщательный осмотр стоянки мог дать ответ на этот тревоживший всех вопрос.

Джаспер Гобсон и еще несколько человек занялись подробным обследованием местности в надежде обнаружить какой-нибудь знак — забытый предмет или даже след, который мог бы разрешить их сомнения. Но ни земля, ни остывшая зола не сохранили никаких свидетельств. Разбросанные вокруг кости животных не говорили ровно ничего. Раздосадованный лейтенант готов был уже бросить бесполезные поиски, как вдруг его окликнула миссис Джолиф, которая отошла шагов на сто влево.

Джаспер Гобсон, миссис Барнет, сержант, капрал и другие тотчас поспешили на зов молодой женщины, которая остановилась и пристально разглядывала что-то на земле.

— Вы ищете следы? — спросила миссис Джолиф у лейтенанта, когда он приблизился к ней. — Вот они, смотрите!

И миссис Джолиф показала на довольно многочисленные следы, явственно отпечатавшиеся на глинистой почве; характер следа мог служить верной приметой, потому что индейцы и эскимосы носят совершенно различную обувь.

Однако Джаспера Гобсона прежде всего поразили необычайный вид этих следов. Они, несомненно, принадлежали человеку, и человеку

обутому, но странное дело: человек этот ступал как будто на одни носки! Отпечаток пятки отсутствовал. Кроме того, их оказалось очень много на небольшом пространстве, и все они были необыкновенно между собой перепутаны и то сближались, то скрещивались.

Джаспер Гобсон указал своим спутникам на эту особенность.

— Это не следы идущего человека, — сказал он.

— И не следы человека, который прыгает, ибо здесь нет пятки, — добавила миссис Барнет.

— Пятки нет, ибо это следы человека, который танцует! — заявила миссис Джолиф.

И миссис Джолиф была безусловно права. Внимательный осмотр подтвердил ее догадку: следы явно принадлежали человеку, предавшемуся каким-то хореографическим упражнениям, причем это не было мерное, тяжелое и — неуклюжее топотанье, а легкий, грациозный и веселый танец. Факт был неопровержимый. Но кто же тот жизнерадостный субъект, которому вздумалось или который вдруг почувствовал потребность пуститься в пляс на границе американского континента, в нескольких градусах за Полярным кругом?

— Это, конечно, не эскимос, — сказал лейтенант.

— И не индеец! — воскликнул капрал Джолиф.

— Нет, — это француз! — спокойно заметил сержант Лонг.

И все сошлись в убеждении, что только француз способен танцевать в этом пункте земного шара!

12. ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Не был ли вывод сержанта Лонга слишком поспешным? Тут танцевали — сомнений в этом быть не могло. Но из того только, что танцевали легко, нельзя было еще решительно утверждать, что исполнял танец непременно француз.

Однако лейтенант Гобсон согласился с мнением сержанта, которое, впрочем, никому не показалось чересчур смелым. Все признали за достоверное, что какие-то путешественники, среди которых находился по меньшей мере один соотечественник Вестриса, недавно посетили это место.

Вполне понятно, что такое открытие не слишком обрадовало лейтенанта. Джаспер Гобсон имел все основания опасаться, что его опередили неведомые конкуренты, что они рыщут в северо-западной части Британской Америки, — и следовательно, как ни старалась компания держать свои планы в тайне, а слух о них все же дошел до коммерческих кругов Канады или Соединенных Штатов.

Прерванное путешествие возобновилось, но лейтенант казался весьма встревоженным; тем не менее, пройдя такое огромное расстояние, он уже не мог думать о возвращении назад.

Это неожиданное приключение, естественно, заставило миссис Барнет обратиться к лейтенанту со следующим вопросом:

— Мистер Джаспер, оказывается, французов еще можно встретить на арктических территориях?

— Конечно, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — или если не французов, то канадцев, что в сущности одно и то же, так как они потомки прежних хозяев Канады, — ведь Канада, как известно, когда-то принадлежала Франции! И по правде говоря, они-то и есть самые опасные для нас конкуренты.

— А я-то воображала, — заметила путешественница, — что Компания Гудзонова залива, поглотив в свое время Северо-Западную компанию, уже не имеет соперников на американском континенте.

— Сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — сейчас действительно не существует ни одного крупного объединения, помимо нашей компании, занимающегося сбытом пушнины, но есть еще частные и совершенно независимые от нас фирмы. Большею частью это фирмы американские, сохранившие у себя на службе французских охотников или же их потомков.

— Значит, ими очень дорожат? — спросила миссис Барнет.

— А как же, сударыня, и они того стоят. Все девяносто четыре года, что французы владели Канадой, их охотники всегда и во всем превосходили наших. Что поделаешь! Надо воздавать должное даже своим соперникам!

— Соперникам — особенно! — подтвердила миссис Полина Барнет.

— Да... особенно... В те времена французские охотники, уходя из Монреалья, где была их главная квартира, продвигались на север куда смелее, чем другие. Они годами жили среди индейских племен и, случалось, даже женились на индианках. Их называли «лесными бродягами» или «канадскими путешественниками», а они звали друг друга свояками и братьями. То были люди отважные, ловкие и искусные в деле речной навигации, бесстрашные и беспечные, умевшие приспособиться к любым условиям со свойственной их нации гибкостью, прямодушные и веселые, готовые по всякому поводу и при любых обстоятельствах попеть и поплясать!

— И вы считаете, что люди, на следы которых мы наткнулись, явились в эти дальние края, чтобы охотиться на пушных зверей?

— Другого объяснения быть не может, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон. — Конечно, они ищут новых охотничьих угодий. А так как остановить их нет никакой возможности, то нам остается только поспешить добраться до цели нашего путешествия, а там-то уж мы сумеем потягаться с любыми соперниками!

Джаспер Гобсон, видимо, примирился с неизбежностью конкуренции, которой, впрочем, все равно не мог бы воспрепятствовать, и теперь торопился как можно скорее перейти со своим отрядом за семидесятую параллель. Может быть, — по крайней мере он на это надеялся, — его соперники туда за ним не пойдут!

В последующие дни маленькому отряду пришлось опуститься на двадцать миль к югу, чтобы удобнее обогнуть залив Франклин. Кругом по-прежнему все было зелено. Те же четвероногие и птицы водились в изобилии и здесь, и было похоже, что так будет продолжаться на всей северо-западной оконечности американского континента.

Омывавшее эти берега море расстилалось до горизонта, на сколько хватал глаз. Впрочем, на новейших картах и не было показано никакой земли на север от американского побережья. Перед путешественниками лежало совершенно чистое пространство, и только ледовые заторы могли бы помешать кораблям пройти от Берингова пролива до самого полюса.

Четвертого июля, обойдя еще один вдававшийся глубоко в сушу залив — залив Уошберна, отряд подошел к северному берегу малоизвестного

дотолу озера, занимавшего совсем незначительную площадь — всего каких-нибудь две квадратных мили. В сущности, это была просто котловина, наполненная пресной водой, — скорее большой водоем, чем озеро.

Сани скользили легко и плавно. Окрестная природа представляла большой соблазн для основателя новой фактории; казалось несомненным, что форт, построенный на оконечности мыса Батерст, будет иметь все преимущества: позади него — озеро, впереди — открытый путь к Берингову проливу, то есть свободное ото льдов в течение четырех-пяти месяцев море; это были в высшей степени благоприятные условия как в отношении вывоза пушнины, так и в смысле снабжения свежими припасами.

На следующий день, 5 июля, около трех часов пополудни отряд достиг, наконец, крайней точки мыса Батерст. Оставалось определить положение этого мыса, нанесенного на карты выше семидесятой параллели. Однако гидрографическое описание этих берегов пока еще не могло быть сделано с достаточной точностью, и поэтому на него нельзя было положиться. И Джаспер Гобсон решил пока устроить здесь временный привал.

— А почему бы нам тут не поселиться совсем? — спросил капрал Джолиф. — Согласитесь, лейтенант, местечко славное!

— Оно покажется вам еще лучше, когда вы получите двойное жалование, мой достойный капрал, — ответил лейтенант Гобсон.

— Это уж само собой, — ответил капрал Джолиф. — На то распоряжение компании!

— Так потерпите до завтра, — добавил Гобсон, — и если, как я предполагаю, мыс Батерст действительно находится за семидесятой северной параллелью, то мы и раскинем здесь свои палатки.

Для фактории местность и в самом деле была вполне подходящая. Холмистые берега озера густо заросли лесом, где можно было вдоволь нарубить сосен, берез и других деревьев не только для постройки, но и для отопления нового форта. Отправившись с товарищами на самую оконечность мыса, лейтенант увидел, что на западе берег загибается в виде сильно удлиненной дуги. Довольно высокие утесы, расположенные в нескольких милях, закрывали с этой стороны горизонт. Что касается воды в котловине, то, несмотря на близкое соседство с морем, она оказалась пресной, без малейшего привкуса соли. Однако если бы даже она и была непригодна к употреблению, все равно колония не осталась бы без питьевой воды, так как неподалеку — в нескольких сотнях шагов —

протекала неширокая чистая и светлая речка, впадавшая в юго-восточной части мыса Батерст в Ледовитый океан. Ее неширокое устье, защищенное не скалами, а какими-то странными земляными и песчаными наносами, образовывало естественную гавань, в которой два-три корабля нашли бы надежный приют от ветров открытого моря. Когда впоследствии из Берингова пролива сюда будут заходить корабли, этой бухтой можно будет воспользоваться как удобным местом стоянки. Джаспер Гобсон, желая оказать любезность своей знаменитой спутнице, назвал речку «рекой Полины», а маленький порт — «портом Барнет», чем путешественница была весьма польщена.

Построив форт несколько поодаль от выступа мыса Батерст, можно было рассчитывать, что от самых холодных ветров жилой дом и склады будут совершенно защищены. Уже одно то, что мыс был высокий, создавало уверенность, что фактория не пострадает от жестоких метелей, способных в несколько часов полностью занести снегом целые селения. Пространство между возвышенностью и озером было достаточно обширно, чтобы разместить здесь все необходимые для форта постройки. Форт можно было бы даже оградить частоколом, доходящим до нижних уступов обрыва, а на мысе выстроить укрепленный редут; и то и другое имело бы чисто оборонительное значение, однако могло оказаться полезным на случай, если бы какие-либо конкуренты вздумали обосноваться на той же территории. И хотя Джаспер Гобсон и не намеревался немедленно приступить к сооружению редута, он все же не без удовольствия думал о том, что выбранное им место нетрудно будет защищать.

Погода была прекрасная и даже довольно жаркая. На горизонте не виднелось ни единого облака. Только небо было, конечно, не таким прозрачным, как в странах с жарким или умеренным климатом, но этого и нельзя было ожидать в высоких широтах, где летом в воздухе почти всегда колышется легкий туман. Но что будет здесь в зимнюю пору, когда побережье обступят неподвижные ледяные горы, когда пронзительный северный ветер, словно хлыстом, будет сечь по утесам, когда над всем краем нависнет четырехмесячная ночь, — что тогда будет представлять собою этот мыс Батерст? Сейчас никому из спутников Джаспера Гобсона подобные мысли на ум не приходили: погода стояла великолепная, вокруг раскинулся зеленый пейзаж, воздух был теплый и море сверкало.

К ночи на берегу озера был разбит временный лагерь; для этого путешественники использовали сани. Миссис Барнет, лейтенант, сержант Лонг и даже Томас Блэк гуляли до самого вечера, обследуя окрестности. Положительно, здесь было хорошо во всех отношениях! Джаспер Гобсон с

нетерпением ждал следующего дня, когда он определит, наконец, точные координаты мыса и выяснит, удовлетворяет ли место поставленным компанией требованиям.

— Итак, лейтенант, — сказал астроном, когда они закончили свой обход, — вот поистине очаровательное местечко! Я никогда не поверил бы, что за Полярным кругом может быть так живописно.

— Эх, мистер Блэк! Здесь-то и надо искать самые красивые в мире места! — ответил Джаспер Гобсон. — Но как бы я хотел уже сейчас знать широту и долготу нашего мыса!

— Главное — широту, — заметил астроном, который только и думал что о предстоящем затмении. — Мне кажется, ваши храбрые спутники торопятся не меньше вас, мистер Гобсон. Их ведь ждет двойной оклад, если вы утвердитесь за семидесятой параллелью!

— А разве вы, мистер Блэк, — спросила миссис Барнет, — не заинтересованы — правда, с чисто научной точки зрения — перейти эту параллель?

— Без сомнения, сударыня, без сомнения! Для меня это очень важно, хотя особенно далеко заходить за семидесятую параллель мне нет надобности, — ответил астроном. — По нашим вычислениям, как известно, абсолютно точным, солнечное затмение, которое мне поручено наблюдать, будет полным только чуть выше этой параллели. Поэтому я с не меньшим нетерпением, чем лейтенант, жду момента, когда мы определим положение мыса Батерст!

— Но ведь это затмение, мистер Блэк, — возразила путешественница, — будет, если не ошибаюсь, только восемнадцатого июля?

— Да, сударыня, — восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года!

— А сейчас пятое июля тысяча восемьсот пятьдесят девятого года! Значит, оно ожидается только через год?

— Совершенно верно, сударыня, — ответил астроном. — Но согласитесь, если б я поехал в будущем году, то рисковал бы явиться слишком поздно!

— Вы правы, мистер Блэк, — сказал Джаспер Гобсон, — и хорошо сделали, что выехали годом раньше. Теперь вы можете быть спокойны, что не пропустите столь интересующего вас затмения. Ибо, должен признаться, наше путешествие от форта Релайанс до мыса Батерст протекало в чрезвычайно, можно сказать, исключительно благоприятных условиях. Нам встретилось очень мало препятствий, а потому и опоздание получилось

незначительное. Сказать по правде, я не надеялся достичь побережья раньше середины августа, и, если б затмение должно было состояться восемнадцатого июля тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, то есть этим летом, вы очень легко могли бы его пропустить. Да, кроме того, ведь еще не известно, действительно ли мы находимся за семидесятой параллелью!

— Потому-то я и не жалею, любезнейший лейтенант, — отвечал Томас Блэк, — что совершил это путешествие в вашем обществе; теперь я буду терпеливо ждать следующего года, а с ним и моего затмения. Белокурая Фебея, я полагаю, достаточно важная дама и заслуживает того, чтобы ее немного подождали!

На следующий день, 6 июля, незадолго до полудня Джаспер Гобсон и Томас Блэк приготовились определить координаты мыса Батерст, иными словами, точно установить его широту и долготу. Солнце светило довольно ярко, и контуры его были отчетливо видны. Кроме того, в это время года оно максимально поднимается над горизонтом, и при прохождении через меридиан его высокое положение должно было сильно облегчить задачу обоим наблюдателей.

И накануне вечером и затем еще раз утром лейтенант и астроном, вычислив часовые углы при различных высотах солнца, с полной точностью определили долготу мыса. Но Джаспера Гобсона гораздо больше заботила широта места. Если мыс Батерст находится за семидесятой параллелью, то его меридиан в сущности уже не имел особого значения.

Полдень близился. Весь отряд окружил вооруженных секстансами наблюдателей. Мужественные люди с вполне понятным нетерпением ожидали результата обсервации. Положительный результат означал для них окончание путешествия, отрицательный — дальнейшее странствие по побережью в поисках отвечающего требованиям компании места.

Однако продолжение путешествия привело бы, пожалуй, к неудовлетворительному результату. Если судить по картам этой части американского побережья, — правда, весьма несовершенным, — то, начиная от мыса Батерст, берег, отклоняясь к западу, спускался ниже семидесятой параллели и снова переходил за ее пределы лишь в Русской Америке, где англичане не имели никакого права селиться. Вот почему, тщательно изучив карты северных земель, Джаспер Гобсон не без основания избрал своею целью именно мыс Батерст. Этот мыс как бы стрелкой выбегает за семидесятую параллель; и между сотым и сто пятидесятым меридианом никакой другой выступ берега, принадлежащего к названной части континента — то есть к Британской Америке, — за эту

параллель не заходит. Оставалось убедиться, в самом ли деле мыс Батерст занимает отведенное ему на последних картах положение.

Вот в общих чертах тот важный вопрос, разрешить который могли только кропотливые наблюдения Томаса Блэка и Джаспера Гобсона.

Солнце уже приближалось к кульминационной точке своего дневного пути. Наблюдатели направили стекла своих секстанов на продолжавшее еще подниматься светило. Наклонно расположенные на секстане зеркала, уловив отражение солнца, должны будут низвести это отражение до уровня горизонта, и мгновение, когда нижний край отраженного солнечного диска коснется горизонта, станет в то же время мгновением, когда солнце будет находиться в наивысшей точке своего дневного пути, и временем его прохождения через меридиан, то есть истинным полднем того места, с которого ведется наблюдение.

Все глядели затаив дыхание.

— Полдень! — воскликнул вскоре Джаспер Гобсон.

— Полдень! — в ту же секунду ответил Томас Блэк.

Приборы тотчас же опустили. Лейтенант и астроном прочли на делениях лимба величины полученных ими углов и принялись за вычисления.

Через несколько минут лейтенант Гобсон встал и, обратившись к своим спутникам, объявил:

— Друзья, от имени Компании Гудзонова залива заверяю вас, что начиная с сегодняшнего дня, шестого июля, вы будете получать обещанное вам двойное жалованье!

— Ура! Ура! Ура компании! — хором закричали достойные товарищи лейтенанта Гобсона.

Мыс Батерст и прилегающая к нему местность и в самом деле оказались расположенными выше семидесятой параллели.

Вот, кстати, эти вычисленные с точностью до одной секунды координаты, которые впоследствии сыграли столь важную роль в судьбе нового форта.

Долгота: $127^{\circ}36'12''$ к западу от Гринвичского меридиана.

Широта: $70^{\circ}44'37''$ к северу от экватора.

В тот же вечер, расположившись лагерем так далеко от обитаемого мира, более чем в восьмистах милях от форта Релайанс, отважные пионеры увидели, как лучезарное светило склонилось к западу и, чуть скользнув по горизонту, не спрятало за ним и краешка своего пламенеющего диска.

Перед их взором впервые засияло полуночное солнце.

13. ФОРТ НАДЕЖДЫ

Место постройки форта было выбрано окончательно. Нигде бы не нашлось более удобного уголка, чем этот прижавшийся, к мысу Батерст плоский участок земли на восточном берегу озера. Джаспер Гобсон решил немедленно приступить к сооружению главного дома. Пока что каждому предоставлялось располагаться по своему вкусу, причем изобретательно расставленные сани немало способствовали устройству временного лагеря.

Впрочем, полагаясь на умелость своих товарищей, лейтенант рассчитывал, что самое большее через месяц главный дом будет готов. Он должен был быть достаточно обширным, чтобы на первых порах в нем могли разместиться все девятнадцать членов отряда. Затем, если позволит время, еще до наступления сильных морозов будут выстроены помещения для солдат и склады для хранения мехов и шкур. Но Джаспер Гобсон не надеялся закончить эти работы раньше конца сентября. А с октября наступят долгие ночи, дурная погода, а там и зима с первыми заморозками, так что волей-неволей постройку придется приостановить.

Из десяти солдат, выбранных капитаном Крэвенти, двое, Сэбин и Марбр, были по преимуществу охотниками. Остальные восемь управлялись с топором не менее ловко, чем с ружьем. Они, как моряки, умели делать все, были мастерами на все руки. И сейчас, когда нужно было выстроить форт, на который никто пока еще не собирался нападать, этих людей нужно было использовать скорее как мастеровых, чем как солдат. Петерсен, Бельчер, Рэй, Гарри, Понд, Хоуп, Келлет превратились в умелых, рьяно принявшихся за дело плотников. Распоряжался ими Мак-Нап, шотландец из Стерлинга: он сумел бы хорошо выстроить не только дом, но даже корабль. В инструментах — топорах, лоцилах, ножовках, теслах, рубанках, пилах, молотах, молотках и долотах — недостатка не было. Один из солдат, Рэй, кузнец по специальности, мог при помощи маленькой переносной кузницы изготовить болты, шипы, дверные петли, гвозди, винты, гайки — словом, все необходимое для плотничьих работ. Только каменщика не было среди этих мастеровых, но каменщик и не был нужен, так как все постройки в северных факториях сооружают из дерева. По счастью, окрестности мыса Батерст изобиловали лесом, но странно, — и Джаспер Гобсон сразу это отметил, — что нигде не виднелось ни скалы, ни валуна, ни камня, ни даже гальки. Земля да песок — и ничего больше. Берег был усыпан несметным количеством разбитых прибоем

двустворчатых раковин, морскими растениями и множеством зоофитов — большей частью морских ежей и звезд. Лейтенант обратил внимание миссис Полины Барнет на это удивительное отсутствие во всей округе хотя бы одного камня, или куска кремня, или обломка гранита. Да и самый мыс представлял собой только гору сыпучей земли, едва скрепленной корнями растений!

В тот день после полудня Джаспер Гобсон и мастер-плотник Мак-Нап отправились на площадку у подножья мыса Батерст выбрать место для постройки главного дома. Отсюда можно было окинуть взглядом и озеро и всю простиравшуюся на запад местность, миль на десять — двенадцать. Направо, милях в четырех, громоздились довольно высокие утесы, вдали слегка подернутые туманом. Налево лежала обширная равнина, или степь, которую зимою нельзя было бы отличить от сплошной ледяной поверхности котловины и океана.

Выбрав место, Джаспер Гобсон и мастер Мак-Нап наметили бечевкой границы дома. Получился прямоугольник в шестьдесят футов длиной и в тридцать шириной. Было решено, что задний фасад дома должен был иметь, при шестидесяти футах длины, четыре проема: дверь и три окна, выходящие к мысу и во внутренний двор, а передний фасад — четыре окна, обращенные на озеро. Дверь решили пробить не посередине, а в левом углу, чтобы дом был как можно больше приспособлен для жилья. Такое устройство не позволило бы морозному воздуху врываться в задние комнаты, расположенные в противоположном конце здания.

Первое от входа помещение были сени, надежно защищенные от холодных ветров двойной дверью; второе — кухня, нарочно устроенная поближе к выходу, чтобы сырость от частой стряпни не проникала в жилые комнаты; третье — большая зала, в которой все ежедневно будут собираться для общих трапез; четвертое помещение было разделено на маленькие, как корабельные каюты, комнатки. Таков был более чем простой план, выработанный лейтенантом и мастером-плотником.

Солдаты должны были временно жить в большой зале, в глубине которой для них устраивались широкие сплошные нары. Лейтенант, миссис Барнет, Томас Блэк, Мэдж, миссис Джолиф, миссис Мак-Нап и миссис Рэй должны были поселиться в комнатках четвертого отделения дома. По правде сказать, будет довольно-таки тесно, но такое положение продлится недолго, и, как только помещения для солдат будут готовы, главный дом останется в полном распоряжении начальника экспедиции, сержанта, миссис Полины Барнет, которую, конечно, не покинет ее верная Мэдж, и астронома Томаса Блэка. Тогда, разрушив временные перегородки, можно

будет разделить четвертое отделение всего на три комнаты, ибо зимовщики не должны забывать правила «Долой углы!» Дело в том, что зимой все углы и закоулки промерзают: перегородки препятствуют свободному движению воздуха, и сырость, быстро обращаясь в снег, делает комнаты нежилыми и вредными для их обитателей, вызывая у них нередко серьезные заболевания. Поэтому многие мореплаватели, приготавливаясь к зимовке во льдах, устраивают на своем судне одну общую каюту, в которой живет сообща весь экипаж — и офицеры и матросы. Но Джаспер Гобсон не мог так поступить по вполне понятным причинам.

Как видно из описания, этот еще не существовавший главный дом форта должен был состоять из одного этажа под длинной крышей с очень крутыми скатами для быстрого стока талых вод. Что касается снега, то он все равно на ней удержится, и его толстый покров будет полезен вдвойне: он герметически закупорит щели и будет поддерживать в доме ровную температуру. Снег — по природе своей очень плохой проводник тепла; правда, он не дает теплу проникнуть извне, но зато — а это во время арктических зим куда важнее — и не выпускает его наружу.

Через крышу строителям предстояло вывести две трубы: одну — над кухонной плитой, другую — над печью в большой зале; та же печь будет обогревать и комнатки четвертого помещения. Вряд ли дому суждено было заслужить когда-нибудь название архитектурного шедевра, но он должен был стать возможно более удобным жилищем. Чего же еще можно было требовать? Впрочем, зимою, в густых сумерках полярной ночи, среди бурной метели этот грубо сколоченный, полузасыпанный снегом, белый снизу доверху дом зимовщиков с метущимся над ним по ветру сероватым дымком, быть может, представит собою такое необычное, мрачное и волнующее зрелище, что, раз увидев, его долго не забудет художник.

Итак, план нового дома был готов. Оставалось привести его в исполнение. Это уже было дело мастера Мак-Напа и его подручных. А пока плотники будут трудиться над постройкой, охотники отряда, на которых возложена поставка продовольствия, тоже не останутся праздными. Работы хватит на всех.

Прежде всего Мак-Нап отправился на поиски строевого леса. На холмах он обнаружил в большом количестве сосну, очень похожую на шотландскую. Деревья были средней высоты, вполне подходящие для дома, который предстояло выстроить. В таких простых жилищах стены; полы, потолки, перегородки, переборки, стропила, ребра крыши, столбы, дранка — все делается из бревен, балок и досок.

Понятно, подобного рода сооружение не требует большого искусства,

и Мак-Нап строил быстро, однако отнюдь не в ущерб прочности.

Он отобрал сотню самых прямых сосен и спилил их в фуते от земли. Их стволы уже без веток, но не очищенные от коры и не остроганные составили такое же количество двадцатифутовых бревен. Топоры и тесла коснулись их только на концах, где надо было выбрать пазы и шипы, которые скрепят их между собою. На это дело ушло несколько дней, и скоро все бревна были доставлены на собаках к площадке, отведенной под главный дом.

Предварительно ее тщательно выровняли. Состоявший из земли и мелкого песка грунт крепко утрамбовали, низкую траву и тощий кустарник выжгли тут же на месте, в результате чего плотный, не пропускающий сырости слой золы густо покрыл землю. Получилось ровное и сухое место, и теперь Мак-Нап мог спокойно укладывать первые венцы.

Когда подготовительные работы были завершены, в углы и в места скрещения внутренних стен вбили вертикальные столбы, на которых должен был покоиться каркас дома. Концы их сначала обуглили, а затем вогнали в землю на глубину нескольких футов. Между этими столбами, несколько стесав их с внутренней стороны, уложили поперечные брусья с заранее сделанными в них проемами для дверей и окон. Наверху брусья соединили карнизом, который, глубоко войдя в пазы, прочно укрепил наружные стены. На этом карнизе утвердили высокие фермы кровли, нависавшие, как у швейцарских шале, над стенами дома. На прямоугольное основание карниза легли потолочные балки, а на слой золы — балки пола.

Все эти балки как наружных, так и внутренних стен были по возможности плотно пригнаны одна к другой. В иных местах для большей прочности кузнец Рэй просверлил их и соединил длинными железными болтами, которые он вогнал в дерево сильными ударами молота. Такие стены, конечно, не были образцом совершенства; в них осталось много щелей, которые необходимо было чем-нибудь наглухо заделать. Мак-Нап решил законопатить их, как конопатят борта судов, так, чтобы сквозь них не просочилась ни одна капля воды. Для этой цели взамен пакли употребили сухой мох, который покрывал восточные склоны мыса. Этот мох глубоко забивали в щели, ударяя колотушками по долотам, а пазы мастер велел залить горячей смолой, которую в изобилии давали сосны. Сложенные таким образом стены и хорошо настланные полы были совершенно недоступны для сырости, а самая их толщина могла служить надежной защитой от зимней стужи и пронизывающих ветров.

Навесили дверь и в оба фасада вставили грубо, но прочно сколоченные оконные рамы. За неимением стекол, пришлось удовольствоваться

пластинками из рыбьего клея — желтоватого и полупрозрачного роговидного вещества, которым заделали частые переплеты окошек. Впрочем, в стеклах особенной надобности не было: летом окна для проветривания будут постоянно держать открытыми, зимою же, — так как ждать света от черного неба арктической ночи все равно не приходилось, — окна будут наглухо закрыты толстыми ставнями на крепких болтах, способных выдержать любой натиск бури.

Внутренняя отделка дома и комнат была довольно быстро закончена. Вторая дверь в сени, прорубленная позади наружной, защищала входящих и выходящих от резкого перехода между комнатной температурой и температурой наружной. Благодаря этому насыщенный холодом и ледяной сыростью ветер не имел прямого доступа в жилые помещения. Кроме того, в доме были установлены привезенные из форта Релайанс воздушные насосы со специальным резервуаром, при помощи которых можно было регулировать и освежать воздух, когда чересчур сильный мороз не позволит отворять ни дверей, ни окон. Один из насосов должен был удалять из комнаты перегруженный вредными испарениями воздух, другой — без помехи нагнетать в резервуар чистый наружный воздух, который станет потом расходоваться по мере надобности. Лейтенант Гобсон внимательно следил за установкой этих насосов, которые в случае нужды могли оказать обитателям дома неоценимые услуги.

Основным приспособлением в кухне была огромная чугунная плита, привезенная в разобранном виде из форта Релайанс. Кузнецу Рэю оставалось только собрать ее, что не составило особого труда и не отняло много времени. Но дымоходы и трубы как от кухонной плиты, так и от печи в зале потребовали гораздо больших забот и изобретательности. Трубы из листового железа н-е годились, так как не могли бы устоять против ветров периода равноденствия; необходимо было применить какой-нибудь более прочный материал. После нескольких неудачных проб Джаспер Гобсон решил отказаться от дерева и взамен этого найти что-либо другое. Если б под руками был камень, то затруднение устранили бы легко. Но, как уже было сказано, в окрестностях мыса Батерст камень полностью — и по совершенно необъяснимой причине — отсутствовал.

Зато песчаные берега моря — об этом тоже говорилось — были покрыты миллионами раковин.

— Ну что ж, Мак-Нап, — сказал лейтенант Гобсон, — мы сделаем наши печные трубы из раковин.

— Из раковин?! — вскричал плотник.

— Да, да, Мак-Нап, — ответил Джаспер Гобсон. — Сначала истолчем

их, потом пережжем и превратим в известь. А из этой извести наделаем брикетов и сложим из них трубы, как из обыкновенных кирпичей.

— Идет, — ответил плотник, — из раковин так из раковин!

Идея лейтенанта Гобсона была превосходной, и к исполнению ее тотчас же приступили. Берег был буквально усыпан неисчислимым количеством известковых раковин: из подобных раковин частично образованы известняки нижнего слоя третичных отложений. Мак-Нап распорядился набрать несколько тонн этих ракушек; затем смастерили особую печь, чтобы путем переплавки удалить входящую в состав раковин углекислую соль. В конце концов получилась почти такая же известь, какую употребляют каменщики.

Эта операция заняла весь день. Сказать, что Джаспер Гобсон и Мак-Нап получили этим простейшим способом хорошую, жирную, свободную от посторонних примесей, легко делимую при смачивании, густую и способную быстро затвердевать массу, — было бы преувеличением. Однако какой бы ни была эта известь, когда из нее сформовали кирпичики, они оказались вполне пригодными для кладки труб. Через несколько дней над крышей вознеслись две конические трубы, толщина которых служила залогом того, что они устоят против сильнейших порывов ветра.

Миссис Барнет поздравила лейтенанта и плотника Мак-Напа с быстрым и успешным завершением этого трудного дела.

— Лишь бы только они у вас не дымили! — прибавила она смеясь.

— Дымить они будут, сударыня, — с философским спокойствием ответил Джаспер Гобсон, — обязательно будут, можете в этом не сомневаться — ведь трубы всегда дымят!

Итак, в какой-нибудь месяц была осуществлена большая работа. На 6 августа назначили торжественное вселение в новый дом. Пока Мак-Нап и его помощники без передышки трудились, пока миссис Джолиф хлопотала у кухонной плиты, сержант Лонг, капрал Джолиф и охотники Марбр и Сэбин во главе с Джаспером Гобсоном вдоль и поперек исходили окрестности мыса Батерст. К своему полному удовлетворению, они убедились, что и пушного и пернатого населения здесь вполне достаточно. Регулярная охота еще не началась, и охотники только обследовали местность. Однако им удалось захватить живьем несколько пар оленей, которых решено было приручить. Самки вскоре должны были дать приплод, а также начать снабжать форт молоком. Животных поспешили водворить в обнесенный частоколом загон, устроенный шагах в пятидесяти от дома. Жена Мак-Напа, индианка, знала толк в уходе за оленями, и на нее были возложены заботы о них.

Что касается миссис Барнет, то с помощью Мэдж она взялась за внутреннее устройство жилья, и вскоре благотворная деятельность этой умной и доброй женщины сказалась в тысяче мелочей, о которых, по всей вероятности, никогда не вспомнили бы Джаспер Гобсон и его товарищи.

Обследовав территорию на пространстве многих миль вокруг, лейтенант обнаружил, что облюбованный им край представлял собою обширный полуостров площадью около ста пятидесяти квадратных миль. Перешеек, мили в четыре шириной, связывал его с американским континентом: на западе перешеек соприкасался с заливом Уошберн, на востоке — с бухтой, врезанной в континент. Границы полуострова, который лейтенант назвал полуостровом Викторией, были таким образом точно установлены.

Затем Джаспер Гобсон решил выяснить, чем богаты озеро и море. Вскоре он узнал, что в неглубоких водах озера в изобилии водятся форель, щука и другие пресноводные рыбы, а это был факт немаловажный. Речка давала приют поднимавшимся вверх по ее течению лососям, а также стайкам суетливых корюшек и еще каких-то мелких рыбешек. Но море оказалось гораздо менее населенным, чем озеро. Правда, время от времени в отдалении проплывали громадные киты, кашалоты и дельфины, спасавшиеся, по всей вероятности, от гарпуна китобоев Берингова пролива; и не исключено было, что в один прекрасный день море выбросит на берег какое-нибудь из этих гигантских млекопитающих. Пожалуй, только таким способом колонисты мыса Батерст и могли бы им завладеть. Западную часть побережья посещали многочисленные стада тюленей, но Джаспер Гобсон запретил своим спутникам заниматься сейчас бесполезной охотой. Позднее видно будет, встретится ли в них вообще какая-нибудь надобность.

Итак, 6 августа колонисты мыса Батерст вступили во владение своим новым жилищем. Они давно подбирали для него удачное название и после долгих споров сошлись на одном, которое было принято единодушно.

Этот дом, или, вернее, форт, — самый северный из всех принадлежавших тогда компании на американском побережье, — был наречен фортом Надежды.

И если, к ущербу современной картографии, его нельзя найти на новейших картах арктических областей, то лишь потому, что страшная участь ожидала его в весьма недалеком будущем.

14. НЕСКОЛЬКО ЭКСКУРСИЙ

Меблировка нового дома не заставила себя долго ждать. Сплошные нары, устроенные в большой зале, были вполне пригодны для сна. Плотник Мак-Нап соорудил огромный стол, толстоногий, топорный и неуклюжий, но зато такой, что уж никогда не подломится под тяжестью яств. Вокруг стола разместились не менее массивные, устойчивые скамьи; слово «мебель», подразумевающее движимое имущество, было к ним мало применимо, ибо сдвинуть их с места не представлялось возможным. Несколько более легких стульев и два поместительных шкафа дополняли убранство залы.

Помещение в глубине дома также было готово. Плотные перегородки разделяли его на шесть кабинок, из которых только две крайние были светлые; на каждую приходилось по одному окну, последнему в переднем и заднем фасаде дома. В каждой комнатке стояли кровать и стол. Миссис Барнет и Мэдж занимали комнату с видом на озеро. Джаспер Гобсон предложил Томасу Блэку вторую светлую комнатку, выходящую окном во двор, и астроном незамедлительно в ней водворился. Сам же лейтенант, в ожидании пока его люди разместятся в отдельных помещениях, довольствовался полутемной каморкой рядом со столовой, кое-как освещавшейся через проделанный в стене глазок. Миссис Джолиф, миссис Мак-Нап и миссис Рэй устроились со своими мужьями в остальных комнатах. Это были три дружные, любящие четы, и разлучать их было бы жестоко. Кстати, в колонии вскоре должен был появиться новый зимовщик. Однажды плотник Мак-Нап, расхрабрившись, обратился к миссис Барнет с вопросом, не окажет ли она ему честь быть крестной матерью его ребенка, который должен был родиться в конце года. Понятно, миссис Барнет с готовностью согласилась.

Сани были полностью разгружены, и все предметы домашнего обихода внесены в комнаты. На чердаке, куда можно было попасть по лесенке из сеней, сложили инструменты, а также продовольствие и боевые припасы, в которых не предвиделось скорой надобности. Зимнюю одежду, сапоги и куртки, шкуры и меха убрали в огромные шкафы, подальше от сырости.

Следующей заботой лейтенанта была заготовка топлива на зиму. На лесистых холмах нарубили большой запас дров, ибо зимою могли ударить такие морозы, что неделями нельзя будет высунуться наружу. Лейтенант

решил даже воспользоваться тем, что тюлени еще выходили на берег, и натопить как можно больше жира; с полярной стужей следовало бороться самыми решительными средствами. По его приказу и под его наблюдением были сделаны особые, вбирающие в себя комнатную влагу конденсаторы; эти аппараты были так устроены, что накапливающийся в них зимою лед всегда легко можно было вытряхнуть.

Вопрос отопления, безусловно очень важный, сильно заботил лейтенанта Гобсона.

— Сударыня, — не раз говорил он путешественнице, — я сын севера и имею кое-какой опыт на сей счет, а главное, я столько читал всевозможных рассказов о зимовках! Уверяю вас, когда предстоит провести зиму в полярных условиях, нет такой предосторожности, которая оказалась бы лишней. Надо предвидеть все, ибо одно-единственное упущение может повлечь за собою непоправимые беды.

— Я верю вам, мистер Гобсон, — отвечала миссис Барнет, — и вижу, что стужа встретит в вашем лице грозного противника. Но разве вопрос продовольствия вы не считаете таким же важным?

— Он важен в равной мере, сударыня, и я приму все меры, чтобы сэкономить взятый нами запас. На днях, как только совсем устроимся, мы начнем охоту на годных в пищу животных. Что касается охоты на пушных зверей, то к ней мы приступим позже, и склады компании пустыми не останутся. Время охоты на куниц, горностаев, лисиц и прочих пушных зверей пока не пришло: они еще не оделись в зимние шубы, и если убивать их сейчас, то шкурки пойдут на двадцать пять процентов дешевле их настоящей стоимости. Нет, позаботимся прежде о кладовых форта Надежды. Пусть охотники займутся оленями, лосями и вапити, если только они заходят на наши отдаленные берега. Прокормить двадцать человек и шестьдесят собак — это, знаете, не шутка!

Как видим, лейтенант был человек методический. Он действовал обдуманно, и товарищи беспрекословно ему подчинялись; поэтому он мог не сомневаться, что доведет свое трудное дело до благополучного конца.

Погода в те дни стояла прекрасная. Снежный период должен был начаться не ранее, чем через пять недель. Когда работа над главным домом была завершена, плотники по распоряжению Джаспера Гобсона приступили к постройке обширного помещения для собак. Этот «dog-house»^[3] был выстроен у подошвы мыса; он вплотную примыкал к откосу, шагах в сорока от правой стены дома. Помещения для солдат предполагалось расположить по левую руку, против псарни, а склады и пороховой погреб — также в пределах ограды, но перед домом.

Из предосторожности, быть может излишней, Джаспер Гобсон хотел выстроить эту ограду до наступления зимы. Сплошной, глубоко вбитый в землю частокол из заостренных бревен должен был защитить факторию не только от вторжения крупных животных, но и от нападения людей, в случае если индейский или какой-либо другой отряд охотников предпринял бы враждебные действия. Лейтенант не забыл следов, оставленных неизвестными людьми на побережье, меньше чем в двухстах милях от форта Надежды. Он хорошо знал, что кочующие охотники способны на любое насилие, и считал необходимым на всякий случай оградить форт от возможного покушения. Линия этих наружных укреплений должна была идти вокруг всей фактории, а в двух передних, обращенных к котловине, углах частокола мастер Мак-Нап взялся выстроить две деревянные башенки, в которых могла бы укрыться охрана форта.

Если бы еще немного приналежь, — а рьяные помощники Мак-Напа умели работать без передышки, — то можно было надеяться, что все эти постройки будут закончены до прихода зимы.

За это время Джаспер Гобсон предпринял несколько охотничьих вылазок. Поход на тюленей был на несколько дней отложен, и охотники занялись преследованием жвачных животных, мясо которых, сушеное и консервированное, должно было в зимние месяцы обеспечить питанием жителей форта.

Начиная с 8 августа Сэбин и Марбр ежедневно обходили окрестности на пространстве многих миль, иногда одни, иногда в сопровождении опытных охотников — лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга. Неутомимая миссис Полина Барнет нередко отправлялась вместе с ними, захватив ружье, которым отлично владела; она ни в чем не уступала своим товарищам по охоте.

Эти походы, продолжавшиеся весь август, были как нельзя более удачны, и запасы провизии на чердаке росли на глазах. Надо сказать, что Марбр и Сэбин в совершенстве знали все применяемые на севере охотничьи уловки, а это было крайне важно, особенно в отношении на редкость пугливых оленей. Как осторожно пробирались они по лесу, стараясь зайти против ветра, чтобы обмануть тонкий нюх этих животных! Иногда они их подманивали, размахивая над зарослью карликовых берез оленьими рогами — великолепным трофеем предыдущих охот, и олени, или «карибу», как их называют индейцы, привлеченные мнимым присутствием своего сородича, подходили на расстояние выстрела, который, конечно, не раздавался впустую. Случалось также, что птица-доносчица, хорошо известная Марбру и Сэбину небольшая дневная сова

величиной с голубя, сообщала охотникам, куда скрылись олени. Она оповещала их пронзительным криком, похожим на крик младенца, оправдывая этим данное ей индейцами прозвище «вестницы». Оленей было убито штук пятьдесят. Их мясо, нарезанное длинными и тонкими полосами, составило весьма основательный запас продовольствия, а кожа после дубления должна была пойти ка обувь.

Но не одни только карибу послужили для пополнения довольствия форта. Не меньше способствовали этому и полярные зайцы, необыкновенно расплодившиеся на всей окрестной территории. Они оказались не такими трусами, как их европейские сородичи, и самым нелепым образом подставляли себя под выстрелы. Крупные длинноухие черноглазые грызуны с белоснежным, словно лебяжий пух, мехом весили от десяти до пятнадцати фунтов. Охотники настреляли великое множество этих славящихся своим удивительно, сочным мясом зверьков. Сотни зайцев были закопчены впрок, а из остальных искусница миссис Джолиф готовила весьма соблазнительные паштеты.

Пока накапливались запасы на будущее время, ежедневное пропитание также не оставалось в небрежении. На стол каждый день подавали полярных зайцев, и проголодавшиеся охотники, не хуже мастеровых Мак-Напа, отдавали должное доброму куску свежей и вкусной зайчатины. В кухне, где священнодействовала миссис Джолиф, эти грызуны подвергались всевозможным кулинарным превращениям; проворная женушка капрала, к великому удовольствию супруга, превосходила самое себя, а он всячески добивался непрестанных похвал по ее адресу, на которые, впрочем, никто не скупился.

Водоплавающие птицы также немало украшали ежедневный рацион. Главным образом то были селившиеся у берегов озера утки, но, кроме них, были и другие птицы, о которых стоит упомянуть. Эти принадлежавшие к породе куропаток пернатые большими стаями садились среди чахлах ив; на языке орнитологов для них существует множество имен. Но когда миссис Барнет спросила однажды у Сэбина, как называются эти птицы, он ответил:

— Сударыня, индейцы зовут их «ивовыми тетеревами», а мы, охотники-европейцы, зовем их «глухарями».

На самом деле эти птицы всего более походили на белых куропаток, только хвост у них был иной: длинный, с черными крапинками на конце. То была великолепная дичь, которая на весело потрескивающем огне быстро превращалась в превкусное жаркое.

В добавление к этим различным сортам мяса воды озера и речки также

вносили посильную лепту. Трудно было найти лучшего рыболова, чем молчаливый и невозмутимый сержант Лонг. Ловил ли он рыбу на живца, или наудачу забрасывал удочку с пустым крючком, — никто не мог соперничать с ним в ловкости и терпении, разве только Мэдж, верная служанка миссис Барнет. Эти два ученика знаменитого Исаака Уолтона часами сидели рядышком с удочками в руках, подстерегая добычу и не произнося ни звука; но благодаря им свежей рыбы всегда было вдосталь, и либо озеро, либо речка ежедневно поставляли к столу форта великолепных представителей семейства лососевых.

Во время экскурсий, которые совершались почти ежедневно до самого конца августа, охотники часто сталкивались с крайне опасными хищными животными. Джаспер Гобсон не без некоторой тревоги обнаружил, что вокруг водится множество медведей. Редко проходил день без того, чтобы в отдалении не показалось два-три страшных хищника. Этих непрощенных гостей не раз приходилось угощать пулями. То вдруг являлась компания бурых медведей, коренных обитателей Проклятой Земли, то — целое семейство гигантских полярных медведей, которых первые же морозы, без всякого сомнения, должны были привести в еще большем числе в окрестности мыса Батерст. Ведь из рассказов зимовщиков известно, что путешественникам и китоловам по несколько раз в день приходится отражать атаки этих свирепых хищников.

Марбр и Сэбин не раз замечали также стаи волков, которые, почуяв охотников, быстрее ветра пускались наутек. То и дело доносился их «лай», особенно когда они преследовали оленя или вапити. Это были большие, в три фута высотой, с длинными хвостами серые волки, шерсть которых должна была побелеть с наступлением зимы. Богатая животными местность давала им легкую добычу, и волки расплодились здесь во множестве. В лесу можно было встретить их норы с несколькими выходами; в них они прятались, как лисицы. Теперь волки были сыты по горло, и, едва завидев охотников, они обращались в бегство с характерной для их породы трусостью. Но зимой — в голодное время — эти животные могли стать страшными уже одним своим количеством, а о том, что они никуда не уйдут, свидетельствовали их многочисленные логовища.

Однажды охотники принесли в форт Надежды довольно противного с виду зверя, каких ни миссис Полина Барнет, ни астроном Томас Блэк никогда дотоле не видели. То было какое-то длиннотопное животное, похожее на американскую росомуху, — свирепый хищник с коренастым туловищем, на коротких лапах с загнутыми когтями и с могучими челюстями; в его глазах постоянно светится дикая злоба, а спина

выгибается, как у животных кошачьей породы.

— Что это за гадкий зверь? — спросила миссис Барнет.

— Сударыня, — ответил склонный к обстоятельным объяснениям Сэбин, — шотландец назвал бы его «квикхэтч», индеец — «олеку-хауджью», канадец — «каркажу»...

— А по-вашему, это кто? — спросила миссис Барнет.

— А по-моему, это просто росомаха, — объявил очень довольный своим замысловатым ответом охотник.

Действительно, «росомаха», или «лабрадорский барсук», и есть настоящее зоологическое наименование этого удивительного четвероногого. Росомаха — очень опасный ночной хищник; она живет в дуплах деревьев и расселинах скал и беспощадно истребляет бобров, мускусных крыс и других грызунов; она — отъявленный враг лисиц и волков, у которых смело отнимает добычу. Этот весьма хитрый, очень сильный, с замечательным обонянием зверь встречается в самых высоких широтах; его короткий, почти черный зимою мех занимает в экспорте компании далеко не последнее место.

Благодаря охотничьим экскурсиям флора полуострова была обследована не менее подробно, чем фауна. Но растения, не имеющие возможности, подобно зверям, переселяться на зимнее время в более теплые края, естественно, были менее разнообразны, чем животные. Здесь главным образом встречались сосны и ели, гуще всего разросшиеся на склонах холмов вдоль восточного берега озера. Джаспер Гобсон заметил также несколько «такамахаков» — это особого вида очень высокие душистые тополя; их листья, желтые весной, приобретают осенью ярко-зеленый цвет. Но тополя попадались редко, так же как и чахлая лиственница, которую не способны были оживить косые лучи солнца. Черная ель привилась здесь лучше, особенно в узких теснинах, где она была защищена от северного ветра. Присутствие этого дерева всех очень обрадовало, так как из его почек готовится пользующееся большим почетом пиво, известное в Северной Америке под названием «елового». Богатый сбор этих почек был сложен в погребе форта Надежды.

Из других деревьев, присущих странам с очень холодным климатом, здесь встречалась еще карликовая береза в два фута высотой и попадались целые рощицы кедров, доставившие на зиму превосходное топливо.

Однако среди дикорастущих на скупой северной почве растений годных в пищу было очень мало. Миссис Джолиф, которую сильно интересовала «полезная» ботаника, нашла только два растения, достойные того, чтобы идти в пищу.

Одно из них, луковичное, очень трудно было распознать, ибо листья у него опадают именно тогда, когда оно входит в пору цветения; оно оказалось диким луком-пореем. Было собрано много луковиц этого порея величиной с яйцо; должным образом приготовленные, они подавались к столу в качестве овощей.

Другое растение, повсеместно известное на севере Америки под названием «лабрадорского чая», в изобилии росло на склонах котловины между рошицами ив и зарослями кустарника, составляя любимую пищу полярных зайцев. Из этого чая, заваренного крутым кипятком и сдобренного несколькими каплями бренди или джина, получается прекрасный напиток; это растение собрали и засушили в большом количестве, что дало возможность экономить запас китайского чая, привезенного из форта Релайанс.

Чтобы восполнить недостаток овощей, Джаспер Гобсон захватил в экспедицию разные семена, которые предполагалось посеять, когда придет время. Главным образом это были щавель и ложечник, очень ценимые в высоких широтах за свои противочинготные свойства. Можно было надеяться, что эти семена взойдут будущим летом, если только удастся найти место, защищенное от пронизывающего северного ветра, как пламя сжигавшего здесь всякую растительность.

Впрочем, в аптеке нового форта не было недостатка в противочинготных средствах. Компания снабдила экспедицию несколькими ящиками лимонов и бутылками лимонного сока — драгоценной эссенцией, без которой не может обойтись ни одна полярная экспедиция. Но этот запас, как и все прочие, необходимо было расходовать экономно, ибо неблагоприятная погода могла на долгое время прервать сообщение между фортом Надежды и факториями Юга.

15. В ПЯТНАДЦАТИ МИЛЯХ ОТ МЫСА БАТЕРСТ

Наступили первые дни сентября. Хорошая погода могла продержаться в лучшем случае еще недели три, и затем возведение построек по необходимости пришлось бы прекратить. Надо было торопиться. К счастью, работа шла полным ходом. Мастер Мак-Нап и его помощники выказывали чудеса расторопности: еще несколько ударов молотка — и помещение для собак будет совсем готово; частокол охватил уже почти всю окружность форта, оставалось сделать лишь ворота, открывавшие доступ во двор. Этот частокол из заостренных бревен в пятнадцать футов высотой с внутренней стороны был укреплен своего рода рavelином, или земляной насыпью. Возведенный на высшей точке мыса бастион должен был увенчать всю систему укреплений. Как видим, лейтенант Джаспер Гобсон применил не только принцип сплошной оборонительной линии, но и принцип отдельных укреплений, что было очевидным прогрессом в искусстве Вобанов и Кормонтеней. Но и без бастиона частокол уже достаточно обеспечивал безопасность нового форта как от злоумышления людей, так я от нападения животных.

Четвертое сентября Джаспер Гобсон назначил днем охоты на тюленей. Необходимо было до наступления зимы запастись одновременно и горючим и осветительным материалом.

Тюленьё лежбище находилось в пятнадцати милях от форта. Джаспер Гобсон предложил миссис Барнет отправиться вместе с отрядом охотников. Путешественница согласилась. Предстоящее избиение само по себе было для нее малопривлекательно, но любознательная женщина не могла не соблазниться возможностью осмотреть край, познакомиться с окрестностями мыса Батерст и в особенности изучить дальнюю часть побережья, замыкавшуюся на горизонте высокими скалами.

В экспедицию лейтенант Гобсон взял сержанта Лонга и солдат Петерсена, Хоупа и Келлета.

Вышли в восемь часов утра. Двое саней, запряженных шестью собаками и предназначенных для перевозки тюленьих туш, сопровождали отряд.

Так как сани были пока порожние, то часть пути решили сделать на собаках. Небо было ясное, но на горизонте скопились низкие облака, и сквозь них едва просвечивали лучи солнца, желтоватый диск которого в это

время года уже скрывался по ночам на несколько часов.

Эта часть побережья — к западу от мыса Батерст — представляла собой совершенно плоскую равнину, всего на несколько метров возвышавшуюся над уровнем Ледовитого океана. Столь необычный рельеф местности привлек внимание лейтенанта Гобсона, и вот почему.

Приливы в арктических морях бывают довольно сильными, по крайней мере их такими считают. Путешественники, которым довелось их наблюдать, — Парри, Франклин, оба Росса, Мак-Клюр, Мак-Клинтон, — утверждают, что Ледовитый океан во время сизигий^[4] поднимается на двадцать — двадцать пять футов выше обычного уровня. Если наблюдения этих исследователей верны, — а сомневаться в их правильности не было никаких оснований, — то лейтенанту Гобсону оставалось только недоумевать, почему океан, поднявшись под влиянием луны, все же не заливают этого почти не возвышающегося над его уровнем берега, хотя никакие препятствия — ни дюны, ни неровности почвы — не встают на пути его волн, и как получается, что приливы не затопляют полуострова вплоть до самых отдаленных точек горизонта и воды озера не смешиваются с водами океана? А этого явно не происходило в то время и, очевидно, не происходило никогда.

Джаспер Гобсон не мог не поделиться этими мыслями со своей спутницей; миссис Барнет ответила, что приливы в Ледовитом океане, по всей вероятности, вовсе не так значительны, как утверждают.

— Да нет, сударыня, совсем напротив, — воскликнул Джаспер Гобсон. — Все путешественники сходятся на том, что в полярных морях бывают очень сильные приливы и отливы. Нельзя же предположить, чтобы все эти люди ошибались!

— Тогда, мистер Гобсон, потрудитесь объяснить, — возразила миссис Барнет, — почему океан не заливают местность, которая и во время отлива едва на десять футов возвышается над его уровнем?

— Эх, сударыня! — ответил Джаспер Гобсон. — В том-то и беда, что я не знаю, как это объяснить. За месяц, что мы живем на этом берегу, я не раз имел случай убедиться, что в обычное время уровень моря поднимается здесь меньше чем на фут. И я готов утверждать, что через две недели, двадцать второго сентября, когда наступит равноденствие и прилив достигнет своего максимума, у побережья возле мыса Батерст уровень моря не повысится больше чем на полтора фута! Впрочем, мы это скоро увидим сами.

— Но все-таки, мистер Гобсон, чем же объясняется такое странное явление? Ведь в нашем мире необъяснимых явлений не бывает!

— Тут одно из двух, сударыня, — ответил лейтенант. — Либо исследователи плохо наблюдали, что очень трудно допустить, когда речь идет о таких людях, как Франклин, Парри, Росс и другие; либо приливы совсем ничтожны именно на этом участке американского побережья и, быть может, по той же причине, по какой они ничтожны во всех закрытых морях, хотя бы в Средиземном море, где близость берегов и узость проливов не дают разгуляться волнам Атлантического океана.

— Остановимся на последней гипотезе, мистер Гобсон, — ответила Полина Барнет.

— Приходится, — ответил лейтенант, покачав головой, — и, однако, она меня не удовлетворяет; я чувствую, что тут таится какая-то загадка природы, но не могу ее понять.

К девяти часам, проделав значительное расстояние вдоль берега, который всю дорогу оставался таким же плоским и песчаным, сани прибыли к бухте, где находилось тюленьё лежбище. Сани и собак оставили позади, чтобы не распугать тюленей, которых надо было захватить врасплох.

Насколько эта часть побережья отличалась от местности, прилегающей к мысу Батерст!

Там, где остановились охотники, берег был извилистый, источенный волнами и на всем протяжении причудливо взгорбленный. Он, несомненно, был вулканического происхождения, в противоположность окрестностям мыса Батерст, образовавшимся из каких-то наносных отложений.

Не вода, а огонь геологических эпох образовал эту местность. Камень, полностью отсутствовавший у мыса Батерст, — что, кстати, было так же необъяснимо, как и отсутствие приливов, — здесь встречался и в виде принесенных ледниками валунов и в виде скал, наполовину торчащих из земли. На темном песке, среди пористых кусков лавы, повсюду были разбросаны камни-силикаты, известные под общим названием полевых шпатов, наличие которых неоспоримо доказывало кристаллическое строение побережья. На поверхности поблескивали и неисчислимые лабрадориты, и яркие, переливчатые гальки — синие, красные, зеленые, и куски пемзы, и обломки стекловидных сплавов. Дальше громоздились высокие уступчатые скалы, на двести футов возносившиеся над уровнем моря.

Джаспер Гобсон решил подняться на них, чтобы осмотреть восточную часть края. Времени у него было достаточно, так как час охоты на тюленей еще не наступил. У воды возилось лишь несколько пар этих животных; нападать на них следовало ближе к полудню, когда их соберется побольше

и, разморенные солнцем, они заснут на берегу. К тому же Джаспер Гобсон увидел, что эти млекопитающие, хоть и относились к отряду ластоногих, однако были вовсе не тюлени, как ему сказали его люди, а морские лошади или морские коровы, а по зоологической терминологии — моржи; от тюленей они отличаются длинными верхними клыками — бивнями.

Охотники обошли вокруг излюбленной этими животными бухты — они дали ей имя «Моржовой» — и взобрались на прибрежную скалу. Петерсен, Хоуп и Келлет остались на нижнем уступе сторожить животных, а миссис Барнет, Джаспер Гобсон и сержант поднялись на вершину скалы, откуда, с высоты ста пятидесяти или двухсот футов, можно было обозреть всю окрестность, не теряя в то же время из виду троих охотников, которые должны были подать им условный знак, когда моржи соберутся в достаточном количестве.

Через четверть часа лейтенант, его спутница и сержант достигли вершины; отсюда перед их взором развернулись широкие дали.

У их ног лежало необъятное море, на севере сливавшееся с небом. Ни земли, ни ледяных полей, ни айсбергов не было видно. Океан был чист ото льда на всем доступном глазу пространстве, и, по всей вероятности, на этой параллели путь для кораблей был открыт вплоть до Берингова пролива. Значит, во время летнего сезона суда компании смогут свободно доходить до мыса Батерст через Северо-Западный проход.

Джаспер Гобсон обернулся на запад, и представшая перед ним неожиданная картина открыла ему секрет вулканических обломков, которыми было загромождено побережье.

Милях в десяти от берега друг за другом вздымались усеченные конусы огнедышащих сопок, невидимых с мыса Батерст из-за скрывавших их береговых скал. Их контуры, словно начертанные дрожащей рукой, смутно вырисовывались на фоне неба. Внимательно вглядевшись, Джаспер Гобсон указал на них сержанту и миссис Барнет и, не промолвив ни слова, обратил взгляд в другую сторону.

На востоке, до самого мыса Батерст, тянулась длинная прибрежная полоса — ровная и однообразная. Вооружившись подзорной трубой, можно было бы разглядеть форт Надежды и даже голубоватый дымок, поднимавшийся в этот час над плитой миссис Джолиф.

Позади окрестность открывала взору два резко отличных друг от друга пейзажа. К югу и к востоку от мыса Батерст раскинулась обширная в несколько сот квадратных миль равнина. Начиная же от бухты Моржовой, местность между береговыми скалами и вулканическими горами была вздыблена и изрыта; весь ее вид говорил о каком-то геологическом

перевороте, которому она была обязана своим происхождением.

Лейтенант пристально всматривался в эти две соседние и так поразительно несхожие между собой территории. Это показалось ему весьма странным — он никогда не видел ничего подобного.

Сержант Лонг спросил:

— Вам не кажется, мистер Гобсон, что виднеющиеся на западе горы — это вулканы?

— Вне всякого сомнения, сержант, — ответил Джаспер Гобсон. — Это они извергли на побережье и куски пемзы, и стекловидные сплавы, и бесчисленные лабрадориты; мы не прошли бы и трех миль в сторону этих гор, как у нас под ногами оказались бы лава и пепел.

— А как по-вашему, лейтенант, они — действующие? — спросил сержант.

— Трудно сказать.

— Но-ведь над их вершинами сейчас не видно дыма.

— Это ничего не доказывает, Лонг. И у вас во рту не всегда дымится трубка!

— Не всегда, мистер Гобсон.

— Ну вот, Лонг, так же обстоит дело и с вулканами: они тоже не всегда курятся.

— Понимаю, мистер Гобсон, — ответил сержант Лонг. — Но, признаться, я никак не предполагал, что в Заполярье могут быть вулканы.

— Их здесь не так уж много, — заметила миссис Барнет.

— Да, немного, сударыня, — ответил лейтенант, — однако они все же есть: на острове Ян-Майен, на Алеутских островах, на Камчатке, в Русской Америке, в Исландии; затем на юге — на Огненной Земле и в Антарктике. Вулканы — всего лишь трубы того гигантского завода в недрах земли, где перерабатываются химические продукты земного шара, и я думаю, что природа создала эти трубы везде, где в них встретилась надобность.

— Так-то оно так, мистер Гобсон, — ответил сержант, — но у самого полюса, в таком холодном климате!..

— А какая разница, сержант? Какая разница — на полюсе или на экваторе? Скажу больше: возле полюсов отдушины должны быть даже многочисленнее, чем в любой другой точке земного шара.

— А почему, мистер Гобсон? — спросил сержант, которого, видимо, поразило это утверждение.

— Потому что, если эти клапаны открылись под давлением внутренних газов, то это должно было произойти там, где земная кора тоньше. А так как Земля сплюснута именно около полюсов, то

естественно... Смотрите-ка, Келлет подает нам сигнал! — воскликнул лейтенант, прерывая свои пояснения. — Вы пойдете с нами, сударыня?

— Я подожду здесь, — ответила путешественница. — Избиение моржей меня совсем не привлекает!

— Хорошо, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Через час все будет кончено, и, если вы спуститесь к этому времени, мы сразу же отправимся в обратный путь.

Миссис Полина Барнет осталась на вершине скалы любоваться разнообразием развернувшейся перед ее взором панорамы.

Четверть часа спустя Джаспер Гобсон и сержант Лонг были уже на берегу.

Моржей собралось теперь много. Их можно было насчитать не меньше сотни. Некоторые ползали на лапах по песку, но большинство, расположившись семьями, спало. Два-три огромных самца, метра в три длиной, покрытые негустой рыжеватой шерстью, словно часовые, стерегли покой стада.

Охотники приближались с величайшей осторожностью, пользуясь выступами скал и неровностями почвы и стараясь незаметно окружить группу моржей, чтобы отрезать им отступление к морю. На суше эти животные тяжелы, мало подвижны и неповоротливы. Они передвигаются короткими скачками или ползут, производя спиной волнообразные движения. Но в воде — их истинной стихии — они проворны, как рыбы; с такими пловцами опасно вступать в борьбу, и случается, они даже топят преследующие их лодки.

Между тем самцы почуяли неладное. Они подняли головы и, озираясь по сторонам, старались разглядеть, откуда надвигается опасность. Но прежде чем они успели протрубить тревогу, Джаспер Гобсон и Келлет набросились на стадо с одной стороны, Лонг, Петерсен и Хоуп подоспели с другой и, ранив пулями пятерых моржей, тут же добили их копьями, в то время как остальные животные в испуге ринулись к морю.

Победа далась легко. Все пять моржей оказались очень крупными. Белая кость их клыков, хотя и несколько шероховатая, была самого лучшего качества; но главное, — и это особенно порадовало лейтенанта Гобсона, — их большие упитанные туши обещали обильные запасы жира. Моржей взвалили на сани, и собакам пришлось тащить на себе довольно значительный груз.

Был час пополудни. В это время миссис Барнет присоединилась к своим спутникам, и все двинулись вдоль берега в обратный путь к форту Надежды.

Так как сани были нагружены, то люди всю дорогу шли пешком. Им пришлось проделать миль десять — и все по прямой линии. Но, как справедливо гласит английская пословица, «нет дороги длинней, чем дорога прямая». Поэтому охотники, чтобы разогнать скуку однообразного пути, все время беседовали между собой. Миссис Барнет часто вступала в их разговор, пользуясь случаем почерпнуть у этих смелых людей специальные знания, которыми они обладали. Однако путь все-таки показался очень долгим. Собакам тяжело было волочить грузные туши, и сани скользили медленно. Между тем по твердому снежному насту они меньше чем в два часа покрыли бы все расстояние от бухты Моржовой до форта Надежды.

Лейтенант Гобсон несколько раз делал короткие остановки, чтобы измученные животные могли передохнуть.

В конце концов сержант Лонг заметил:

— Эти проклятые моржи, хотя бы ради нашего удобства, должны были выбрать себе лежбище поближе к форту.

— Они не нашли бы себе там подходящего места, — ответил лейтенант, покачивая головой.

— Почему же, мистер Гобсон? — спросила удивленная миссис Барнет.

— Потому что эти животные выбирают только отлогие берега, где им легко выйти из моря.

— А побережье у мыса не отлогое?..

— Побережье у мыса, — подтвердил Джаспер Гобсон, — отвесное, как крепостная стена, без малейшего ската, словно его обрубил топором. Вот еще одна необъяснимая особенность этого мыса, сударыня: если наши рыбаки вздумают удить рыбу у моря, то им придется запастись лесой по меньшей мере в триста сажен длиной! Чем объясняется такое строение почвы? Не знаю, но склонен думать, что много веков назад вследствие сильнейшего землетрясения от берега оторвался гигантский кусок земли и был поглощен Ледовитым океаном!

16. ДВА ВЫСТРЕЛА

Первая половина сентября миновала. Если бы форт Надежды находился у полюса, то есть еще на двадцать градусов выше, то двадцать первого числа он уже был бы окутан мраком полярной ночи. Но на семидесятой параллели солнцу предстояло еще больше месяца совершать свой путь над горизонтом. Однако температура заметно понизилась. По ночам термометр опускался до тридцати одного градуса по Фаренгейту (-1°C). Кое-где уже появлялся молодой лед, таявший днем под последними лучами солнца. Пронеслось несколько шквалов и сильных дождей пополам со снегом. Зима была не за горами.

Но жителей фактории она не страшила. Сложенного в кладовых довольствия с избытком должно было хватить до лета. Запасы сушеного мяса увеличились. Было убито еще штук двадцать моржей. Мак-Нап успел выстроить для прирученных оленей теплые стойла, а позади дома — поместительный сарай для топлива. Пусть теперь приходит зима, а с нею тьма, стужа, снег, лед. Ее было чем встретить!

Обеспечив нужды обитателей форта, Джаспер Гобсон обратился к делам компании. Наступала пора, когда звери, опять одевшись в зимние шубы, становятся драгоценной добычей. Время было самое подходящее для охоты с ружьем; а скоро земля покроется ровным слоем снега и можно будет расставить капканы. Джаспер Гобсон предпринял несколько охотничьих вылазок.

Рассчитывать на содействие индейцев — обычных поставщиков факторий — не приходилось, так как они не заходят в такие высокие широты. Лейтенант Гобсон, Марбр, Сэбин и еще двое-трое их товарищей должны были сами охотиться в интересах компании, и уж конечно они не пренебрегали своими обязанностями.

На притоке маленькой речки, в шести милях к югу от форта, была обнаружена колония бобров. Туда-то Джаспер Гобсон и направился во главе первой охотничьей экспедиции.

В былые времена, когда в моде были касторовые шляпы, бобровый подшерсток стоил до четырехсот франков за килограмм; спрос на него с тех пор сильно уменьшился, но шкуры бобров на пушном торге все еще шли по довольно высоким ценам, ибо эта порода грызунов, нещадно истреблявшаяся, почти совсем исчезла.

Охотники подошли к речке у места расположения бобровой колонии.

Здесь лейтенант предложил миссис Полине Барнет полюбоваться хитроумными сооружениями этих животных, строящих сообща свое удобное подводное жилище. Тут было штук сто бобров, и все они парами жили в норах поблизости от ручья. Они уже приступили к постройке зимних жилищ, и вся колония прилежно трудилась.

Быстрый и глубокий ручей — настолько глубокий, что даже в самые суровые зимы он не промерзал до дна, — бобры перегородили слегка выгнутой навстречу течению плотиной; эта плотина состояла из вертикально поставленных кольев, переплетенных поперек гибкими ветвями и деревцами без сучьев; все вместе было связано, слеплено, сцементировано глиноземом, который грызуны сначала хорошенько вымеси́ли ногами, затем, наложив эту глину на крепление плотины, тщательно выровняли комья своим широким, овальным, горизонтально сплюснутым и покрытым чешуеобразной щетиной хвостом.

— Эта плотина, сударыня, — сказал Джаспер Гобсон, — сделана для того, чтобы поддерживать в речке постоянный уровень воды; благодаря ей эти инженеры бобрового племени могли выстроить в верхнем течении круглые хижинки, верхушки которых вы видите. Эти хижинки очень прочны: их стены из дерева и глины имеют два фута толщины, и проникнуть в них можно только через узкий вход под водой; правда, это заставляет их обитателей нырять каждый раз, как они хотят выйти из дому или вернуться домой, но зато такое устройство обеспечивает безопасность семейству. Если хатку разрушить, то в ней обнаружатся два этажа: нижний служит складом, в котором хранятся запасы на зиму — ветки, кора, корешки, а в верхнем, куда вода не доходит, живет сам хозяин со своей маленькой семьей.

— Однако я нигде не вижу этих искусных животных, — сказала миссис Барнет. — Неужели они бросили свою постройку?

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — но они трудятся только по ночам, а сейчас легли отдыхать, и мы захватим их спящими в норах.

Действительно, поймать грызунов оказалось совсем нетрудно. В какой-нибудь час наловили целую сотню бобров, в том числе несколько очень ценных экземпляров, с совершенно черным мехом. У остальных была шелковистая, длинная, блестящая, рыжевато-каштановая шерсть, а под ней — нежный, густой, серебристо-серый подшерсток. Охотники вернулись домой очень довольные результатом своей вылазки. Бобровые шкуры были отправлены на склад и записаны в книгу согласно их стоимости — одни в рубрику взрослых бобров, другие в рубрику бобрового

молодняка.

Такие экспедиции продолжались весь сентябрь и первую половину октября, и всегда с одинаковым успехом.

Охотникам попадались и барсуки, но в небольшом количестве; их убивают ради кожи, которая идет на обтяжку хомутов для упряжных лошадей, и ради волоса, из которого изготовляют щетки и кисти. Эти хищники — в сущности маленькие медведи; они принадлежат к породе лабрадорских барсуков, которые водятся лишь в Северной Америке.

В большом количестве попал на склады компании еще один вид грызунов, почти таких же смышленных, как и бобры. Это мускусные крысы, животные более фута длиной, не считая хвоста, с довольно дорогим мехом. Их тоже во множестве захватили в норах, так как они плодятся с необыкновенной, свойственной их породе быстротой.

Против представительниц кошачьего семейства — рысей — пришлось употребить огнестрельное оружие. Эти светло-рыжие с черными пятнышками звери очень гибки и подвижны, и их боятся даже олени. Защищаются рыси отчаянно, но тем не менее это всего лишь огромные кошки; а так как Марбру и Сэбину не впервой были встречи с ними, то они убили их штук шестьдесят.

Несколько росомах с довольно красивым мехом тоже было прикончено пулями.

Горностаи почти не показывались. Они, как и хорьки, являются разновидностью куниц и к тому времени не оделись еще в свою зимнюю одежду, всю белоснежную, за исключением черного кончика хвоста. Спинки их были еще рыжие, а брюшко желтовато-серое. Джаспер Гобсон распорядился пока их не трогать. Надо было подождать и дать им «дозреть», по выражению Сэбина, иными словами — побелеть под влиянием зимних холодов. Что касается хорьков, то охота на них крайне неприятна из-за отвратительного запаха, который они распространяют, что отразилось даже в их названии; все же хорьков добыли довольно много, снимая их пулями с ветвей, по которым они проворно лазают, а также вытаскивая из дупел деревьев, служащих им норами.

Но всего усерднее охотились на куниц. Всем известно, что шкурки этих мелких хищников ценятся лишь немногим меньше шкурок соболя, роскошный мех которого слегка чернеет к зиме; однако соболь водится лишь в северных областях Европы и Азии вплоть до Камчатки, и там на него главным образом охотятся сибиряки. На американском же побережье Ледовитого океана живут разновидности куниц, тоже очень дорогие: это — норки и пеканы, иначе именуемые «канадскими куницами».

За сентябрь на склады фактории куниц и норок поступило все же очень мало. Это в высшей степени увертливые и прыткие зверьки, с длинным и настолько гибким телом, что они заслужили название «червеобразных». Действительно, они способны растягиваться, как червяк, и вползать в самые узкие отверстия. Понятно, что они легко ускользают от преследования охотников. Поэтому в зимнее время с помощью капканов ловить их гораздо легче. Марбр и Сэбин только и ждали дня, когда можно будет расставить капканы и ловушки, в твердой уверенности, что к весне на складах компании наберется множество шкурок и куниц и норок.

Чтобы закончить перечисление мехов, какими благодаря усиленной охоте обогатился форт Надежды, надо упомянуть еще голубых песцов и серебристых лисиц, которые на рынках России и Англии считаются самыми драгоценными из всех пушных зверей.

На первом месте стоит голубой песец, известный в зоологии под именем «*isatis*». Это хорошенький зверек с черной мордочкой и с вовсе не голубой, как можно было бы думать, а пепельной или песочно-желтой шубкой; его необыкновенно длинная, очень густая и шелковистая шерсть обладает всеми качествами, обуславливающими красоту меха: мягкостью, прочностью, длиной волоса, плотностью и цветом. Голубой песец — безусловно царь пушных зверей. Но зато его шкурка и стоит в шесть раз дороже любых других шкур; так, шуба русского императора, сшитая из одних шеек голубых песцов (эта часть у них самая красивая), была оценена на Лондонской выставке 1851 года в три тысячи четыреста фунтов стерлингов.

В окрестностях мыса Батерст появилось несколько голубых песцов, но охотникам не удалось завладеть ими — эти хитрые и проворные хищники не так-то легко даются в руки, — зато была убита дюжина серебристых лисиц великолепного черного цвета с белыми искорками по всему меху. Хотя их шкуры и не идут в сравнение с голубым песцом, тем не менее добыча была богатой, ибо на рынках Англии и России эти меха также очень высоко ценятся.

Одна из этих серебристых лисиц — размером немного крупнее обыкновенной лисицы — была на редкость хороша. Уши, шея и хвосту нее были дымчато-черные, а самый кончик хвоста и пушистые брови — белые.

Особые обстоятельства, при которых эта лиса была убита, заслуживают подробного описания: они подтвердили основательность некоторых опасений лейтенанта Гобсона, а также то, что меры, принятые им для обороны форта, были отнюдь не напрасными.

Утром 24 сентября в Моржовую бухту на двух санях приехали миссис

Барнет, лейтенант Гобсон, сержант Лонг, Марбр и Сэбин. Накануне кто-то из солдат отряда обнаружил лисьи следы между скал, где росло несколько чахлах деревьев; неоспоримые признаки свидетельствовали о том, что лисицы побывали тут совсем недавно. Раззадоренные охотники, соскочив с саней, немедленно принялись выслеживать драгоценного зверя, и действительно, поиски их не остались тщетными. Через два часа после приезда довольно красивая серебристая лиса безжизненным трупом лежала на земле.

В отдалении мелькнули еще две-три лисицы. Тогда охотники решили разделиться: Марбр и Сэбин бросились по следам одного зверя, а лейтенант Гобсон, миссис Барнет и сержант Лонг расположились так, чтобы отрезать дорогу другому великолепному животному, которое пыталось улизнуть меж скал.

Эта лиса заставила порядком с собой повозиться: она была очень осторожна и, вплотную прижимаясь к камням, умудрялась увертываться от охотников, не давая взять себя на прицел.

Целых полчаса продолжалось безрезультатное преследование, хотя лиса была окружена с трех сторон, а с четвертой путь ей преграждало море. Она скоро поняла безнадежность своего положения; спасти ее мог лишь невероятный прыжок — тогда охотнику придется стрелять в нее на лету.

И вот она прыгнула, взвившись над скалой. Но Джаспер Гобсон не спускал с нее глаз, и в тот миг, когда лиса, как тень, пролетала в воздухе, он послал ей вдогонку смертоносную пулю.

В ту же секунду раздался другой выстрел, и смертельно раненное животное упало на землю.

— Ура! Ура! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Лиса моя!

— И моя! — ответил какой-то незнакомец, поставив ногу на тело лисицы в ту минуту, как лейтенант уже протягивал к ней руку.

Пораженный Джаспер Гобсон отступил назад. Он думал, что вторая пуля принадлежит сержанту, и вдруг очутился лицом к лицу с каким-то неизвестным охотником, ружье которого еще дымилось.

Соперники посмотрели друг на друга.

Тут подоспели миссис Барнет и ее спутник, а вслед за ними Марбр и Сэбин; с другой стороны из-за утеса вышли человек двенадцать охотников и обступили чужеземца, который почтительно склонился перед дамой.

Незнакомец — высокий, статный человек — соединял в себе все характерные черты «канадских путешественников», чьей конкуренции так опасался Джаспер Гобсон. На нем был старинный традиционный костюм, подробным описанием которого мы обязаны американскому романисту

Вашингтону Ирвингу: одеяло, накинутое на манер солдатского плаща с капюшоном, полосатая бумажная рубаша, широкие суконные штаны, кожаные гетры, мокасины из замши и пестрый шерстяной пояс, за который, кроме ножа, был заткнут кисет с табаком, трубка и разные мелкие походные принадлежности, — словом, он был одет наполовину как цивилизованный человек, наполовину как дикарь. Четверо его товарищей были снаряжены так же, как он, но далеко не столь элегантно. Остальные восемь, служившие эскортом, были индейцы-чиппевеи.

Джаспер Гобсон не ошибся. Перед ним был француз или во всяком случае потомок канадских французов, возможно даже агент какой-нибудь американской компании, поручившей ему следить за деятельностью вновь основанной фактории.

— Эта лисица принадлежит мне, сударь, — сказал лейтенант после минутного молчания, в течение которого он и его соперник не сводили друг с друга пристального взгляда.

— Она принадлежит вам, если вы ее убили, — ответил незнакомец на хорошем английском языке, но с легким иностранным акцентом.

— Ошибаетесь, милостивый государь, — запальчиво возразил Джаспер Гобсон, — она моя, даже если ее сразила ваша пуля!

Презрительная улыбка была ответом на эти слова, исполненные горделивой уверенности в неотъемлемом праве Компании Гудзонова залива на все охотничьи угодья от Атлантического до Тихого океана.

— По-видимому, милостивый государь, — проговорил незнакомец, опираясь с естественной грацией на свое ружье, — вы считаете Компанию Гудзонова залива безраздельной властительницей всех земель на севере Америки?

— Безусловно, — ответил лейтенант Гобсон, — и если вы, милостивый государь, принадлежите, как я полагаю, к какой-нибудь американской компании...

— К Сен-Луисской пушной компании, — оказал, слегка поклонившись, охотник.

— Вам, я думаю, — перебил лейтенант, — мудрено будет предъявить акт, утверждающий за вашей компанией привилегию на охоту в какой-либо части этой территории.

— Акты! Привилегии! — пренебрежительно воскликнул канадец. — Это все старые европейские словечки — в Америке они не звучат!

— А вы и не в Америке, вы на английской земле! — надменно заявил Джаспер Гобсон.

— Лейтенант, — ответил охотник, тоже мало-помалу разгораясь, —

сейчас не время препираться на эту тему. Нам с давних пор известны притязания Англии вообще и Компании Гудзонова залива в частности на все охотничьи угодья, но, полагаю, рано или поздно события изменят этот странный порядок вещей, и Америка станет американской, начиная от Магелланова пролива и до Северного полюса.

— Не думаю, — сухо ответил Джаспер Гобсон.

— Как бы то ни было, милостивый государь, — продолжал канадец, — но я предложил бы вам оставить в покое международные вопросы: компания может претендовать на что ей угодно, но в этих северных областях континента — и особенно на побережье — хозяин территории тот, кто ее сейчас занимает. Вы основали факторию на мысе Батерст — хорошо, мы не станем охотиться на вашей земле, но и вам придется уважать наши права, когда Сен-Луисская пушная компания построит форт где-нибудь у северных границ Америки.

Джаспер Гобсон нахмурился. Он хорошо понимал, что в самом недалеком будущем у Компании Гудзонова залива даже на этом отдаленном побережье найдутся опасные соперники, что с ее притязаниями властвовать над всеми северными областями Америки не почитается никто и что разрешать эту тяжбу придется с оружием в руках. Но он сообразил также, что сейчас неуместно затевать спор о привилегиях, и ему было даже приятно, что охотник — кстати, человек весьма вежливый — решительно перенес спор на другую почву.

— Что касается нашего столкновения, — сказал канадец, — то оно маловажно! Я думаю, мы с ним покончим, как подобает охотникам. Ружья у нас разных калибров, и пули легко будет отличить. Пусть же эта лисица принадлежит тому, кто ее действительно убил!

Предложение было справедливо. Такой способ разрешить сомнения о принадлежности убитого зверя был единственно правильным.

Труп лисы внимательно осмотрели. Оказалось, что обе пули попали в цель: одна в бок, другая — в сердце. И та, что пронзила сердце зверя, принадлежала канадцу.

— Лиса ваша, милостивый государь, — сказал Джаспер Гобсон, с трудом скрывая досаду: слишком уж богатая добыча переходила в чужие руки.

Канадец взял лису, и все подумали, что он сейчас перекинет ее через плечо и унесет с собой, но охотник вместо этого подошел к миссис Барнет и сказал:

— Дамы любят прекрасные меха. Если б они знали, ценой какой мучительной усталости, а подчас и опасности эти меха нам достаются, они,

быть может, умерили бы свою расточительную склонность! Но что делать — пока они их еще очень любят. Позвольте же, сударыня, поднести вам этот мех в память о нашей встрече!

Миссис Барнет мгновенье колебалась, но канадский охотник так любезно и чистосердечно предложил ей этот великолепный мех, что отказ был бы равносителен оскорблению.

Путешественница приняла подарок и поблагодарила незнакомца.

Он низко поклонился ей и, кивнув англичанам, быстро исчез среди прибрежных скал, сопровождаемый своими товарищами.

Лейтенант и его спутники повернули обратно к форту Надежды. Джаспер Гобсон шел, глубоко задумавшись. Итак, местонахождение новой фактории, основанной его трудами, уже обнаружено конкурирующей компанией, и эта встреча с канадским охотником могла сулить в будущем самые серьезные осложнения.

17. ПРИБЛИЖЕНИЕ ЗИМЫ

Наступило 21 сентября. Солнце находилось в точке осеннего равноденствия — день и ночь были равны во всем мире. Последовательная смена тьмы и света была с радостью встречена обитателями форта. Им куда лучше спалось в темноте. В самом деле, глаз отдыхает и набирается новых сил во мраке, особенно когда солнечный свет непрерывно утомлял его в течение нескольких месяцев.

Известно, что во время равноденствия обычно бывают особенно сильные приливы, ибо, когда солнце и луна сходятся на одном меридиане, их двойное влияние заметно увеличивает силу прилива. Итак, время было самое подходящее для внимательного наблюдения за приливом у побережья возле мыса Батерст. Джаспер Гобсон уже несколько дней назад расставил в разных местах веши — своеобразные мареографы, — чтобы точно определить разницу между уровнем моря в часы отлива и прилива. И вот ему лишний раз довелось убедиться, что в чем бы ни заключалась причина столь странного явления, но в этой части Ледовитого океана — вопреки всем утверждениям наблюдателей — даже двойное влияние луны и солнца почти не оказывало на море никакого действия. Прилив был едва ощутим, хоть это и противоречило соображениям мореплавателей.

«В этом таится нечто противоестественное!» — подумал лейтенант Гобсон.

И действительно, какое мог он найти объяснение? Но другие заботы захватили его, и он бросил ломать себе голову над разрешением этой таинственной загадки.

Двадцать девятого сентября состояние атмосферы ощутимо изменилось. Термометр упал до сорока одного градуса по Фаренгейту (+5°C). Небо заволкло тучами, которые не замедлили разразиться дождем. Наступало ненастье.

Миссис Джолиф занималась своими посевами до тех пор, пока не выпал снег. Можно было надеяться, что устойчивые семена щавеля и ложечника, укрытые толстым слоем снега, выдержат самый лютый мороз и дадут весной обильные всходы. Позади возвышенной части мыса под огород заранее было вскопано и засеяно в последние дни сентября несколько акров земли.

Джаспер Гобсон не стал дожидаться, пока грянут морозы, и теперь же выдал своим спутникам зимнюю одежду. Так что все с удовольствием

надели шерстяное белье и облачились в куртки из оленьего меха, штаны из тюленьей кожи, меховые шапки и непромокаемые сапоги. Комнаты тоже, если можно так выразиться, оделись в зимний наряд. Чтобы резкое понижение температуры не вызывало оледенения стен, их сверху донизу обили шкурами. К этому времени мастер Рэй уже установил вбирающие рассеянную в воздуха влагу конденсаторы, опорожнять которые следовало два раза в неделю. Что касается топки, то огонь в печи поддерживали сообразно изменениям погоды, с таким расчетом, чтобы в комнатах всегда была температура не ниже пятидесяти градусов по Фаренгейту (+10°C). Впрочем, очень скоро толстая снеговая шапка должна была укрыть дом и воспрепятствовать убыли внутреннего тепла. Все это вместе взятое вселяло в зимовщиков надежду, что они успешно отразят обоих своих грозных врагов — холод и сырость.

Второго октября, температура вновь упала, и первый снег запорошил окрестности мыса Батерст. Но ветер был слабый и не поднял обычной в северных областях метели, называемой англичанами «drifts». И мыс, и форт с его оградой, и длинная прибрежная полоса — все вскоре покрылось громадным ровным белым ковром. Незамерзшие воды озера и моря резко выделялись рядом со снегом своим тускло-серым, грязноватым цветом. Между тем на северном горизонте, отчетливо вырисовываясь на фоне облачного неба, показались первые айсберги. Сплошного ледяного поля пока еще не было, но природа уже накапливала материал, из которого мороз в недалеком будущем скует непроходимый ледовой барьер.

Впрочем, первый ледок не замедлил скрепить жидкую поверхность моря и озера. Озеро замерзло первым. Здесь и там появились огромные серовато-белые пятна, предвещая скорое рождение прочного льда, чему способствовала тихая безветренная погода. И действительно, после того как однажды ночью было пятнадцать градусов по Фаренгейту (-9°C), озеро наутро представляло собой настолько гладкую поверхность, что она удовлетворила бы самых взыскательных конькобежцев Серпентины. Затем небо на горизонте приобрело особый блеск, называемый китоловами «мерцанием», происходящий вследствие отражения лучей ледяными полями. Вскоре море замерзло на огромном пространстве. Из отдельных скопившихся льдин понемногу образовалось плотно спаявшееся с берегом гигантское поле льда. Но это океанское ледяное поле вовсе не было похоже на гладкое зеркало озера. Бурные волны, скованные морозом, взбудоражили его ровную поверхность. Здесь и там вздымались гряды льда, кое-где соединенные по краям, — то были остановившиеся плавучие льдины, известные под названием «drift-ices», — и все поле вспучилось ледяными

глыбами и обломками льда, вытесненными страшным давлением на поверхность. Китоловы называют эти глыбы «торосами».

В несколько дней вид мыса Батерст и его окрестностей неузнаваемо изменился. Миссис Полина Барнет, как замороженная, следила за этим волшебным превращением. Зрелище было для нее совершенно новое — путешественница охотно заплатила бы за него любыми лишениями и муками. Нельзя вообразить себе ничего прекраснее этого торжественного шествия зимы, этого грозного вступления мороза в его северные владения! Миссис Барнет не узнавала ни привычных видов, ни знакомых мест. Все вокруг преобразилось. На глазах путешественницы возникала новая страна, исполненная величественной печали. Мелкие подробности ландшафта исчезли, их скрыл под собою снег, сохранив только крупные, затушеванные морозной дымкой штрихи. Одна декорация сменялась другой, словно в феерии. Там, где недавно был могучий океан, теперь не осталось и признаков моря. Там, где была пестро расцвеченная земля, теперь лежал ослепительно белый ковер. Там, где был смешанный, разных оттенков зелени лес, теперь остался лишь хаос обнаженных, заиндевевших стволов. Исчезло лучистое солнце — вместо него какой-то бледный диск, едва пробиваясь сквозь туман, лениво влачил по небу, описывая в течение нескольких часов укороченную дугу. И, наконец, там, где прежде была четкая граница неба и моря, теперь замкнулась бесконечная цепь причудливо зазубренных айсбергов, из которых природа воздвигла непроходимую стену между полюсом и отважными путешественниками.

Сколько разговоров, какой оживленный обмен впечатлениями вызвали все эти перемены! Пожалуй, один лишь Томас Блэк остался равнодушным к изумительным красотам арктического пейзажа. Да и чего было ждать от погруженного в свои мысли астронома, которого, по правде, никто из членов маленькой колонии до сих пор не считал своим! Этот замкнувшийся в своей науке ученый жил только созерцанием небесных явлений, прогуливался только по лазурным дорогам небосвода, покидая какую-нибудь звезду для того лишь, чтобы тотчас перенестись на другую! И вот его небо стало затмеваться, созвездия исчезали из виду, непроницаемая завеса тумана протягивалась между ним и зенитом. Томас Блэк был вне себя! Но Джаспер Гобсон его утешил, пообещав ему в будущем благоприятные для астрономических наблюдений великолепные морозные ночи, и северные сияния, и светящиеся кольца вокруг планет, и ложные луны, и другие, достойные вызвать его восхищение чудеса полярных стран.

Тем временем температура держалась сносная. Ветра не было, а ведь именно ветер делает щипки мороза особенно чувствительными. Охота все

еще продолжалась. На склады фактории поступали новые меха, в кладовые — новая провизия. Устремляясь в теплые края, во множестве пролетали тетерева и куропатки, доставлявшие фактории свежее и питательное мясо. В изобилии появились полярные зайцы уже в зимних шубках. Добрая сотня этих грызунов, следы которых легко было распознать на снегу, вскоре пополнила запасы форта.

Громадными стаями пролетали в вышине лебеди-шипуны — красивейшие представители пернатого царства Северной Америки. Охотники убили несколько пар лебедей. Это были роскошные птицы от четырех до пяти футов длиной, с белоснежным оперением и медно-красными головкой и горлом. Они переселялись в более гостеприимные края, где есть необходимые для их пропитания водяные растения и насекомые; летели они с необыкновенной быстротой, ибо воздух и вода — их истинные стихии. Замечены были и другие лебеди, так называемые «лебеди-трубачи», крик которых напоминает рожок горниста. Эти птицы величиной почти не уступают шипунам, спина и грудь у них белые, ноги и клюв черные. Их стаи также тянулись на юг. Ни Марбру, ни Сэбину не посчастливилось убить ни одного из этих трубачей, но вслед им они весьма многозначительно крикнули: «До свиданья!» Дело в том, что эти птицы неизменно возвращаются с первым дуновением весны, и именно в это время их легче всего подстрелить. Охотники факторий и индейцы особенно ценят в них кожу, перья и пух, и в иные счастливые годы десятки тысяч лебедей сбываются на рынках Старого Света, где они идут по полгинеи за штуку.

Теперь экспедиции никогда не длились больше нескольких часов и нередко прерывались из-за дурной погоды. Охотники не раз видели большие стаи волков; чтобы встретить их, уже не было надобности уходить далеко — подстрекаемые голодом, волки осмелели и подходили к самой фактории, раздражавшей их острый нюх вкусными кухонными запахами. По ночам часто доносился их зловеющий вой. Не страшные в одиночку, в большом количестве эти хищники становятся опасны, и охотники выходили теперь за ограду фактории только хорошо вооруженными.

Гораздо более дерзкими стали и медведи. Не проходило дня, чтобы они не показывались вблизи форта, а ночью подбирались к самой ограде. Несколько удалось ранить выстрелами, и они ушли, пятная снег кровью. Но приближалась уже середина октября, а ни один медведь не оставил еще в руках охотников своей теплой прекрасной шубы. Впрочем, Джаспер Гобсон запрещал своим людям нападать первыми на этих грозных зверей. С ними лучше было держаться оборонительной тактики, тем более что

рано или поздно должно было наступить время, когда голод заставят их предпринять атаку на форт, и тогда, защищаясь, можно будет одновременно захватить добычу.

Несколько дней стояла сухая, холодная погода. На земле лежал крепкий снежный наст, сильно облегчавший передвижение. Охотники совершили несколько экскурсий по побережью и к югу от форта. Лейтенант желал удостовериться, покинули ли территорию агенты Сен-Луисской пушной компании: если — да, то где-нибудь в окрестностях должны были обнаружиться их следы; однако все поиски оказались тщетными. Оставалось предположить, что раньше чем выпал снег они вернулись в более умеренные широты, чтобы перезимовать в каком-нибудь южном форте.

Но хорошие дни держались недолго: в первую же неделю ноября подул южный ветер; хотя мороз стал мягче, зато повалил густой-снег и вскоре на несколько футов покрыл землю. Приходилось ежедневно отгребать его от дома и расчищать дорожки к воротам, сараю, оленьим стойлам и псарне. Охотничьи экскурсии совершались реже, и, отправляясь в поход, приходилось надевать лыжи.

Во время сильных морозов снег так твердеет, что не оседает под тяжестью человека. Ступать по нему можно смело, не боясь в любой момент провалиться. Когда же снег рыхлый, нога сразу же погружается в него по колено, и в это время индейцы всегда пользуются лыжами.

Лейтенант Гобсон и его спутники давно привыкли к этим «snow-shoes»^[5] и с легкостью конькобежцев носились на них по мягкому снегу; Полина Барнет тоже приспособилась к лыжам и скоро в быстроте бега могла соперничать со своими товарищами. Лыжные прогулки совершались и по замерзшему озеру и по побережью. Спускались даже и на прочную поверхность океана: толщина его льда измерялась уже многими футами. Но эти прогулки были чрезвычайно утомительны: лед был неровный, повсюду друг на друга громоздились льдины, то и дело приходилось огибать торосы, а дальше неодолимым препятствием вставала цепь айсбергов — их гребни возвышались на пятьсот футов! Эти причудливо нагроможденные ледяные глыбы представляли собой изумительное зрелище. Тут, казалось, лежит в руинах какой-то белый город — обвалившиеся крепостные стены, монументы, колонны; там — простирается словно потрясенная геологической катастрофой страна: груды гигантских ледяных обломков образовывали горную цепь с четко выступавшими на фоне неба вершинами, с отрогами и долинами — словом, целая ледяная Швейцария! Запоздавшие птицы — глупыши; чистики, топорки — еще оживляли

окрестное безмолвие, наполняя его пронзительными криками. Среди торосов, сливаясь с ними своей белизной, бродили большие полярные медведи. Действительно, путешественнице было на что посмотреть и чем восхищаться. Верная Мэдж, сопровождавшая ее всюду, разделяла ее восторги. Как далеко очутились они обе от тропических областей Индии или Австралии!

Несколько экскурсий было сделано по этому замерзшему океану, ледяная кора которого, не треснув, выдержала бы тяжесть артиллерийских парков и даже зданий. Но скоро эти прогулки сделались настолько утомительны, что их по необходимости пришлось прекратить. Температура резко понизилась, и самая легкая работа, самое ничтожное усилие вызывали парализовавшую всякое движение одышку. Глаза болели от яркой белизны снега, и долго выдерживать это сверканье было невозможно — даже привычные эскимосы часто от него слепнут. Наконец, благодаря удивительному явлению, происходившему в результате преломления световых лучей, расстояния, глубины, объемы представлялись взору не такими, какими они были в действительности. Так, между двумя льдинами на деле было пять или шесть футов, а человеку казалось, что это расстояние не больше двух футов; из-за такого оптического обмана люди часто падали и нередко сильно ушибались.

Четырнадцатого ноября термометр показал три градуса ниже нуля по Фаренгейту (-19°C) и к холоду прибавился еще резкий ветер. Воздух весь как бы наполнился иголками. Всякий, кто выходил во двор, рисковал мгновенно обморозить себе лицо, если не удавалось при помощи энергичного растирания снегом восстановить кровообращение в пораженной части. Некоторые из обитателей форта подверглись такому мгновенному обморожению, и между ними Гарри, Бельчер и Хоуп, но своевременное растирание спасло их от беды.

Понятно, что в таких условиях физический труд на воздухе стал невыносим. Кроме того, день сильно укоротился. Солнце только на несколько часов показывалось над горизонтом. На смену ему приходили бесконечные сумерки. Близилась настоящая зима, иными словами — непрерывное сиденье взаперти. Уже последние северные птицы покинули окутанное мраком побережье. Осталось лишь несколько пар пятнистых соколов, которых индейцы называют «зимовщиками», ибо они вплоть до наступления полярной ночи задерживаются в этом царстве льда, но и эти птицы должны были вскоре скрыться.

Лейтенант Гобсон торопился покончить с работами, то есть с устройством капканов и ловушек, которые на зиму надо было расставить в

окрестностях мыса Батерст.

Капканы эти состояли из тяжелых досок, укрепленных на трех сколоченных в виде цифры «4» неустойчивых брусках, от малейшего прикосновения к которым доски падали и придавливали зверя. Это были точь-в-точь такие же ловушки, какие в полях расставляют птицеловы, только гораздо больших размеров. На конец горизонтального бруса клали какие-нибудь мясные отбросы, и всякое небольшое животное вроде лисицы или куницы, едва протянув к ним лапу, неизбежно оказывалось пойманным. Такие именно ловушки — иногда на пространстве в несколько миль — ставили зимой знаменитые охотники, жизнь которых, полную приключений, столь поэтически описал Купер. Штук тридцать таких капканов было расставлено вокруг форта Надежды, и наведываться к ним приходилось довольно часто.

Двенадцатого ноября в маленькой колонии прибавился новый зимовщик. Миссис Мак-Нап родила толстого здорового мальчишку, которым мастер-плотник чрезвычайно гордился. Миссис Барнет была крестной матерью младенца, которого называли Майкл — Надежда. Обряд крещения совершился с большой торжественностью — этот день в фактории объявили праздником в честь маленького существа, только что появившегося на свет за пределами семидесятого градуса северной широты.

Через несколько дней, 20 ноября, солнце окончательно скрылось за горизонтом, с тем чтобы уже не появляться целых два месяца. Полярная ночь вступила в свои права!

18. ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Эта долгая ночь началась страшной бурей. Мороз, быть может, и не был особенно лютый, зато воздух был насыщен сыростью. Несмотря на все принятые меры, эта сырость проникала в дом, и каждое утро из конденсаторов выбрасывали по несколько фунтов льда.

На дворе метель крутилась, как смерч. Снег падал не вертикально, а почти горизонтально. Джаспер Гобсон запретил отворять дверь, ибо сени в одну минуту завалило бы снегом. Зимовщики оказались бы в плену.

Ставни закрыли наглухо. В течение томительных часов этой бесконечной ночи, которую, однако, не посвящали сну, непрерывно горели лампы.

Снаружи царил полярный мрак, обычное безмолвие здешних мест сменилось теперь ревом бури. Врываясь в пространство между домом и выступом мыса, протяжно выл ветер. Дом, по которому он бил наискось, дрожал до самого основания. Если бы не прочность постройки, он, наверное, не выдержал бы натиска бури. К счастью, груды лежавшего у стен снега несколько смягчали ее удары. Мак-Нап боялся только за наружные части труб, сложенных из известковых кирпичей, — они могли развалиться под напором ветра. Но трубы устояли, только отверстия их часто приходилось прочищать от забивавшегося внутрь снега.

Посреди свиста и воя временами раздавался страшный грохот, причины которого миссис Барнет разгадать не могла. То рушились вдали айсберги. Эхо многократно повторяло этот грохот, подобный раскатам грома. Слышался непрерывный треск ледяных полей, смещавшихся и разбивавшихся от падения ледяных гор. Чтобы не испытывать гнетущего чувства страха, надо было иметь особо закаленную суровой северной природой душу. Для Джаспера Гобсона и его товарищей эти грозные явления были делом обычным, но и миссис Полина Барнет и Мэдж понемногу научились относиться к ним равнодушно. К тому же в прошлых путешествиях им обоим не раз случалось испытывать на себе страшную силу ураганов, проносящихся со скоростью сорока лье в час и опрокидывающих тяжелые артиллерийские орудия. Но здесь, на мысе Батерст, к урагану присоединился еще мрак и снег. Можно было опасаться, что если ветер не ослабеет, то к утру и дом, и псарня, и сарай, и ограда будут погребены, засыпаны, исчезнут под громадными сугробами.

Пока длилось это невольное заточение, жизнь в форте шла своим

чередом. Отважных обитателей фактории соединяла между собой прочная дружба, и совместное существование в тесном помещении не повлекло за собой ни недоразумений, ни ссор. Кроме того, разве они не привыкли к подобным условиям еще в форте Энтерпрайз и в форте Релайанс? И миссис Полина Барнет ничуть не удивилась, что у ее товарищей оказался такой легкий характер.

С одной стороны работа, с другой — чтение и игры заполняли весь день. Работа — это было шитье и починка одежды, чистка оружия, изготовление обуви, внесение записей в ежедневный журнал, который вел лейтенант Гобсон, отмечая малейшие события зимовки: погоду, температуру, направление ветра, появление метеоров, столь частых в полярных широтах; работа — это было также наведение порядка в доме, подметание комнат, каждодневный осмотр мехов, которые могли испортиться от сырости; наконец, работа — это было поддержание огня в печах, наблюдение за тягой и непрерывная борьба с мельчайшими частицами накапливавшейся в углах влаги. Каждый вносил свою лепту в общий труд — согласно вывешенному в большой зале расписанию. Никто не был перегружен сверх меры, но и без дела жители форта не оставались. Томас Блэк свинчивал и развинчивал свои приборы или проверял астрономические вычисления; он почти не выходил из своей комнатки, негодую на бурю, мешавшую ему наблюдать за ночным небом. Что касается трех замужних женщин, то миссис Мак-Нап возилась со своим малышом, а миссис Джолиф, за которой по пятам ходил ее дотошный супруг, с помощью миссис Рэй ведала кулинарной частью.

Совместному отдыху посвящали ежедневно несколько часов, а воскресенье — целиком. Заклучался он главным образом в чтении вслух. Библия и несколько книг о путешествиях составляли всю библиотеку форта, но эти славные люди умели довольствоваться малым. Большею частью читала миссис Полина Барнет, и слушать ее было одно наслаждение. Рассказы о путешествиях и главы священной истории, переданные ее проникновенным, прочувствованным голосом, приобретали особое очарование. Вымышленные лица и легендарные герои вдруг оживали, и их удивительная жизнь приобретала в ее чтении полную убедительность. И когда в назначенный час эта милая женщина бралась за книгу, радость была всеобщей. Полина Барнет была душой маленького мирка: она училась сама и учила людей, давала советы и выслушивала мнения других; она всегда и во всем готова была услужить. Она соединяла в себе прелесть и доброту женщины с духовной энергией мужчины, что было двойной ценностью, двойной заслугой в глазах этих суровых солдат,

которые преклонялись перед нею и, не задумываясь, отдали бы за нее свою жизнь. Добавим, что миссис Полина Барнет жила так же, как жили остальные, — она не запиралась в своей комнатке, трудилась наравне со всеми, а своей любознательностью и расспросами умела каждого вовлечь в разговор. Итак, ничто не оставалось праздным в форте Надежды — ни руки, ни языки. Работали, беседовали и, надо сказать, чувствовали себя прекрасно. Хорошее настроение поддерживало хорошее самочувствие и побеждало скуку долгого затворничества.

Между тем буря не унималась. Зимовщики уже три дня не выходили на воздух, а метель бушевала все с той же силой. Джаспер Гобсон терял терпение. В комнатах необходимо было освежить перенасыщенный углекислотой воздух; он уже настолько был испорчен, что даже лампы стали тускло гореть. Сначала хотели было пустить в ход воздушные насосы, но трубки, естественно, оказались забитыми льдом и не действовали, — насосами невозможно было пользоваться, когда дом был погребен под такой толщей снега. Надо было что-то предпринять. Лейтенант посоветовался с сержантом Лонгом, и 23 ноября было решено открыть одно из окон заднего фасада в конце сеней: с этой стороны ветер дул слабее.

Дело оказалось нелегким. Рамы отворились свободно, но ставень, притиснутый оледенелым снегом, не поддавался никаким усилиям. Пришлось снять его с петель. Затем ломami и лопатами принялись пробивать снег, которого навалило футов на десять. Прорыли нечто вроде туннеля, и свежий воздух тотчас же ворвался в помещение.

Джаспер Гобсон, сержант, несколько солдат и даже миссис Барнет рискнули выбраться по туннелю наружу, что потребовало от них немалых усилий, ибо ветер неистово дул навстречу.

Какое грустное зрелище представляли собою мыс Батерст и окружающая равнина! Был полдень, но только на юге узкая полоска сумеречного света чуть оттеняла линию горизонта. Холод был не такой резкий, как можно было ожидать, — всего пятнадцать градусов выше нуля по Фаренгейту (-9°C). Однако выюга по-прежнему свирепствовала с неистовой силой, и лейтенанта, его товарищей и путешественницу неминуемо свалило бы с ног, если бы они не стояли по пояс в снегу, который их поддерживал и давал возможность сопротивляться порывам ветра. Они не могли говорить и ничего не видели сквозь ослеплявшие их хлопья густого снега. За каких-нибудь полчаса их замело бы с головой. Все было бело вокруг; ограду завалило доверху, крыша и стены дома представляли собою ровный холм, и если бы не две струи голубоватого

дыма, метавшиеся по ветру, никто и не догадался бы о существовании здесь человеческого жилья.

Понятно, что при таких обстоятельствах «прогулка» была весьма краткой. Но путешественница успела окинуть быстрым взглядом этот унылый пейзаж. Перед ней промелькнул исхлестанный метелью горизонт и полная предельного ужаса картина полярной бури. И она вернулась в дом, унося с собой незабываемое впечатление.

Атмосфера в доме освежилась в несколько секунд, и вредные испарения рассеялись от притока свежего и живительного воздуха. Лейтенант Гобсон и его спутники в свою очередь поспешили под надежный кров. Окно закрыли, но проход, необходимый уже хотя бы для одной вентиляции, ежедневно старательно расчищали.

Так прошла целая неделя. К счастью, у оленей и собак корма было вдоволь, и наведываться к ним не было нужды. Восемь дней зимовщики жили, как настоящие затворники. Для людей, привыкших к вольному воздуху, — солдат и охотников, — это был долгий срок. И, надо сознаться, даже чтение утратило для них половину своей прелести, а игра в «криббэдж» в конце концов показалась просто скучной. Ложились спать, надеясь при пробуждении услышать последние, слабеющие завывания бури, но надежда всякий раз оказывалась тщетной. Снег по-прежнему заносил окна, по-прежнему крутилась метель, ледяные горы рушились с громовыми раскатами, дым гнало в комнаты, и от этого люди, не переставая, кашляли, а буря все не унималась, и казалось, она вообще никогда не утихнет.

Наконец, 28 ноября барометр-анероид, висевший в большой зале, показал близкую перемену погоды. Он сильно поднялся. В то же время ртуть в наружном термометре упала до четырех градусов ниже нуля по Фаренгейту (-20°C). В значении этих признаков трудно было ошибиться. И действительно, 29 ноября по внезапно наступившей тишине жители форта Надежды поняли, что буря прекратилась.

Все поспешили выйти на воздух — заключение длилось слишком долго. Дверь невозможно было отворить — пришлось вылезать в окно и отгребать сугробы. Но теперь это уже не был прежний рыхлый снег — мороз превратил его в твердую, оледенелую массу, и ее пришлось разбивать ломом.

На это ушло полчаса, и скоро все зимовщики за исключением миссис Мак-Нап, которая еще не поднималась с постели, разгуливали по двору.

Мороз был крепкий, но давал себя меньше чувствовать, ибо ветер совершенно утих. Однако разница между температурой нагретого

помещения и наружной была около пятидесяти четырех градусов (30°C), и все оделись потеплее, чтобы без ущерба для здоровья выдержать этот резкий переход.

Было восемь часов утра. По небу, от зенита, где сверкала Полярная звезда, и до самого горизонта горели яркие созвездия. С первого взгляда казалось, будто их миллионы, хотя на самом деле звезд, видимых невооруженным глазом, на всем небесном своде насчитывается не больше пяти тысяч. У Томаса Блэка то и дело вырывались восторженные восклицания. Он готов был рукоплескать этому звездному небосклону, не подернутому нигде ни облачком, ни туманом. Еще ни перед одним астрономом не открывалось такого великолепного неба!

Пока Томас Блэк, равнодушный к делам земли, предавался своим восторгам, его товарищи уже добрались до укрепленной ограды. Тут снег был твердый, как камень, и притом очень скользкий, так что люди все время падали, однако без неприятных последствий.

Нечего и говорить, что весь двор был завален снегом. Только крыша дома едва заметным холмом возвышалась над абсолютно ровной, сглаженной могучим нивелиром ветра поверхностью. Виднелись только верхушки столбов частокола, и в таком виде он не был препятствием даже для самого ничтожного из грызунов! Но что было делать? О том, чтобы на таком громадном пространстве разгрести сугробы затвердевшего снега в десять футов толщиной, нечего было и думать. Самое большее, можно было попробовать убрать его с наружной стороны ограды, чтобы получился отвесный ров, который все-таки послужил бы некоторой защитой. Но зима была только в начале, и можно было опасаться, что новая буря в несколько часов доверху заметет этот ров.

В то время как лейтенант осматривал укрепления, которые не могли уже служить защитой фактории до тех пор, пока лучи солнца не растопят снеговую кору, миссис Джолиф вдруг воскликнула:

— А наши собаки! А олени!

И правда, надо было немедленно убедиться, живы ли они. Псарня и стойла, менее высокие, чем дом, были совершенно погребены под снегом, и весьма возможно, что животным не хватило воздуха. Зимовщики бросились кто к псарне, кто к оленьим стойлам, но все опасения тотчас же рассеялись. Ледяная стена, соединявшая северный угол дома с выступом мыса, отчасти прикрыла собой обе постройки, и снежные сугробы около них были не выше четырех футов. Даже «глазки», проделанные в стенах, не были занесены; животные оказались в полном здравии, и как только открыли дверь, собаки выскочили во двор, заливаясь долгим, радостным лаем.

Тем временем мороз начал чувствительно покалывать, и после часовой прогулки каждый уже с удовольствием подумывал о благотворном тепле печки, весело трещавшей в зале. Делать во дворе было больше нечего. Осмотреть капканы, погребенные под десятифутовой толщиной снега, пока было нельзя. Все вернулись в дом, закрыли окно и уселись по своим местам за столом, ибо наступил час обеда.

Понятно, разговор вертелся вокруг внезапно нагрянувшей стужи, так быстро сковавшей льдом весь толстый снеговой покров. Это было досадное обстоятельство, до некоторой степени угрожавшее безопасности форта.

— Мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — разве не может на несколько дней наступить оттепель? Тогда весь этот лед растаял бы.

— Нет, сударыня, — ответил лейтенант, — оттепель в это время года маловероятна. Скорей всего, мороз еще усилится, и очень жаль, что мы не имели возможности убрать снег, пока он был рыхлый.

— Как! Неужели вы думаете, что температура еще понизится?

— Без всякого сомнения, сударыня. Четыре градуса ниже нуля (-20°C) — разве это мороз для такой высокой широты!

— Что ж было бы, если б мы находились на полюсе? — спросила миссис Полина Барнет.

— Весьма возможно, сударыня, что полюс не является самой холодной точкой на земном шаре: ведь многие мореплаватели утверждают, что море там свободно ото льдов. По-видимому, вследствие ряда географических и гидрографических причин средняя годовая температура всего ниже в пункте, расположенном на девяносто пятом меридиане и на семьдесят восьмом градусе северной широты, — иными словами, на северном побережье Джорджии. Там средняя годовая температура не превышает двух градусов ниже нуля (-19°C). Этот пункт так и называется «полюсом холода».

— Однако, мистер Гобсон, — возразила путешественница, — ведь наш форт отстоит на целых восемь градусов от этого страшного места!

— Потому-то, — ответил Джаспер Гобсон, — я и рассчитывал, что у мыса Батерст мы не будем так страдать от холода, как страдали бы, если бы находились в северной Джорджии. Я нарочно рассказал вам о «полюсе холода», чтоб вы не связывали представление о самой низкой температуре с географическим полюсом. И вообще сильные холода бывают и в других пунктах земного шара. Только они там не так длительны.

— Где ж это, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет. — Должна сознаться, вопрос холода меня сейчас сильно занимает!

— Если мне не изменяет память, — ответил лейтенант Гобсон, — на

острове Мелвилл полярные исследователи отметили температуру в шестьдесят один градус ниже нуля, а в порту Феликс — в шестьдесят пять.

— Но ведь остров Мелвилл и порт Феликс, кажется, расположены на более высокой широте, чем мыс Батерст!

— Безусловно, сударыня, но широта в иных случаях еще ничего не доказывает. Другой раз достаточно соединения нескольких атмосферных явлений, чтобы уже наступило сильное похолодание. Помните, сержант Лонг, кажется в тысяча восемьсот горок пятом году... Ведь вы были тогда в форте Релайанс?

— Как же, лейтенант, — ответил Лонг.

— Так вот, в этом году и, по-моему, в январе мы отметили чрезвычайное понижение температуры.

— Да, — ответил сержант, — я отлично помню, как термометр показал семьдесят градусов ниже нуля ($-56,7^{\circ}\text{C}$).

— Что? — воскликнула миссис Полина Барнет. — Семьдесят градусов в форте Релайанс, на Невольничьем озере?

— Так точно, сударыня, — сказал лейтенант, — а он всего на шестьдесят пятом градусе северной широты, то есть на параллели Христианин или Санкт-Петербурга.

— Значит, мистер Гобсон, нужно быть готовым ко всему!

— Вы правы, сударыня, — действительно ко всему, когда зимуешь в Арктике!

Ни 29, ни 30 ноября мороз не смягчился, и в печах приходилось все время поддерживать сильный огонь, иначе скопившаяся по всем углам дома сырость неминуемо обратилась бы в лед. Но дров было вволю, и их можно было не экономить. В комнатах вопреки угрозам стужи постоянно сохранялась средняя температура в пятьдесят два градуса по Фаренгейту ($+11^{\circ}\text{C}$).

Несмотря на жестокий холод, Томас Блэк при виде столь ясного неба не мог устоять перед соблазном понаблюдать за звездами. Там, где в зените горела одна великолепная звезда, он льстил себя надеждой открыть по крайней мере две! Но, увы, от наблюдений пришлось отказаться. Инструменты «жгли» ему руки. Ожог — единственное слово, которое может передать ощущение, испытываемое при прикосновении на морозе к металлическому предмету. Впрочем, физически это явления тождественные. Сообщается ли телу внезапный жар посредством горячего предмета, или также резко отнимается предметом сильно охлажденным — ощущение одно и то же. Достойный ученый вполне убедился в этом, когда кожа «а его пальцах оказалась приклеенной к подозрной трубе.

Наблюдения пришлось отложить.

Однако за этот ущерб небеса вознаградили астронома двумя неопишуемой красоты явлениями: сначала — гало, а затем — северным сиянием.

Гало представляет собою белое с бледно-красным краем кольцо вокруг луны. Этот светящийся диск является результатом преломления лунных лучей сквозь мельчайшие, носящиеся в воздухе призматические кристаллики льда; измеренный секстаном по диаметру, он давал угол около сорока пяти градусов. Ночное светило ярко блистало в центре этой короны, славно образованной из прозрачных, молочно-белых кругов лунной радуги.

Пятнадцать часов спустя над северным горизонтом, более чем на сто географических градусов, раскинулась в небе великолепная дуга северного сияния. Верхушка ее совпала с магнитным меридианом, и, как это иной раз бывает, сияние окрасилось во все цвета радуги, среди которых наиболее отчетливо проступал красный. Кое-где созвездия казались залитыми кровью. Из скопившейся на горизонте туманности, составлявшей средоточие сияния, исходили яркие лучи; некоторые из них протягивались выше зенита и заставляли бледнеть свет луны, утонувшей в этих электрических волнах. Лучи вздрагивала, как будто воздушные потоки колебали частицы света. Никакое описание не может передать божественной красоты этого «венца», сверкавшего во всем своем величии над полюсом земного шара. Полчаса сияние горело ослепительным светом, а затем, не сокращаясь, и не сжимаясь, и даже нигде не потеряв своего блеска, оно вдруг погасло, словно невидимая рука внезапно оборвала приток электричества, которым оно питалось.

Для Томаса Блэка сияние исчезло как раз вовремя: еще пять минут, и почтенный астроном примерз бы к месту, на котором стоял!

19. ВИЗИТ СОСЕДЕЙ

Второго декабря мороз стал мягче. Для всякого метеоролога появление гало является верным признаком близкой перемены погоды. Оно свидетельствует о присутствии в атмосфере известного количества влаги, и, в самом деле, барометр несколько понизился, а температура в то же время поднялась до пятнадцати градусов выше нуля (-9°C).

Обитателям умеренного пояса такой мороз показался бы значительным, но бывалые зимовщики переносили его легко. К тому же ветра совсем не было. Лейтенант Гобсон, заметив, что оледенелая поверхность сугробов сделалась рыхлой, распорядился разгрести снег с наружной стороны частокола. Мак-Нап и его помощники дружно взялись за дело, и через несколько суток работа была закончена. В те же дни откопали погребенные под снегом капканы и расставили их заново. Многочисленные следы говорили о том, что в окрестностях мыса скопилось немало пушных зверей; нигде не находя пищи, они должны были пойти на приманку.

Следуя советам охотника Марбра, по эскимосскому обычаю выкопали яму для оленей. Это был ров десяти футов длины и такой же ширины и глубиной в двенадцать футов. Ров прикрывают качающимся от собственной тяжести настилом, на конец которого накладывают траву. Привлеченное ею животное неизбежно падает в ров, из которого уже не может выбраться. Качающийся настил снова автоматически выпрямляется, и в западню один за другим могут попасть несколько оленей. Марбру нетрудно было соорудить такую западню, если не считать того, что пришлось копать сильно промерзшую землю; и каково же было его удивление, — а также и удивление Джаспера Гобсона, — когда лопата, пройдя футов пять земли и песку, вдруг ударилась о твердый, как камень, слой льда, казавшийся очень толстым.

Лейтенант внимательно осмотрел это странное расположение слоев почвы и сказал:

— Должно быть, в какие-то далекие времена эта часть побережья подверглась длительному и очень сильному промерзанию, потом песок и земля засыпали оледенелую массу, покоящуюся, вероятно, на гранитном ложе.

— Наверно, так оно и было, лейтенант, — ответил охотник, — но от этого наша западня хуже не станет. Напротив, на скользких стенках олени не найдут никакой точки опоры.

Марбр был прав, и дальнейшие события это подтвердили.

Пятого декабря, когда он и Сэбин отправились осмотреть ров, они услышали доносившееся из глубины глухое рычание. Оба остановились.

— Это не крик оленя, — сказал Марбр. — Я знаю, какой зверь попал в нашу западню!

— Медведь? — спросил Сэбин.

— Да, — ответил Марбр, и его глаза заблестели от удовольствия.

— Ну что ж! — заметил Сэбин. — Такая замена нам не в убыток! Медвежий бифштекс не хуже оленьего, а впридачу нам достанется еще и шкура! За дело!

Охотники были вооружены. Они забили пули в ружья, уже заряженные дробью, и подошли к западне. Настил был на месте, но приманка исчезла, свалившись, вероятно, в ров. Марбр и Сэбин наклонились над отверстием и заглянули внутрь. Рычание усилилось. Так оно и было — в яме сидел медведь! В углу рва прижалась едва различимая во мраке огромная туша — целая грудa белого меха; из глубины сверкали горящие злобой глаза. Стенки рва оказались исцарапанными, и, если б они были земляные, медведь, конечно, выкарабкался бы наружу. Но на скользкое льду его когтям не за что было зацепиться, а зверь хотя и расширил свою тюрьму, но выйти из нее не мог.

Теперь уже завладеть им было нетрудно. Две пули прикончили его на дне рва; наиболее сложным оказалось вытащить его оттуда. Охотники пошли в факторию за подкреплением. Захватив веревки, они в сопровождении десятка товарищей вернулись к западне, и общими усилиями извлекли медведя на поверхность. То был громадный зверь шести футов ростом, весивший не меньше шестисот фунтов. Сила его, надо думать, была чудовищная. Он принадлежал к породе полярных медведей: у него был плоский череп, длинное туловище, короткие, почти прямые когти, узкая морда и совершенно белая шерсть. Съедобные части этого гиганта были торжественно препровождены к миссис Джолиф и в тот же день послужили украшением обеденного стола.

Всю следующую неделю капканы действовали довольно успешно. Попалось штук двадцать куниц во всей красе их зимнего наряда и только две-три лисицы. Эти пронырливые животные чутьем угадывали, что мясо лежит тут неспроста, и, поднажав вокруг капкана землю, умудрялись достать приманку, а затем выбраться из-под захлопнувшейся над ними западни. Плачевный результат ловли приводил Сэбина в негодование, и охотник заявил, что подобные увертки «недостойны уважающей себя лисы».

Десятого декабря ветер подул с северо-запада и опять пошел снег, но уже не крупными хлопьями. Это был мелкий и редкий снежок, однако мороз был порядочный, и снежный наст тотчас же обращался в лед; скоро усилился и ветер, так что долгое пребывание на воздухе стало затруднительным. Пришлось снова запереться в четырех стенах и приняться за домашние дела. Джаспер Гобсон предусмотрительно роздал всем известковые лепешки и лимонный сок — промозглая сырость держалась упорно, и пора было пустить в ход противоцинготные средства. Впрочем, у жителей форта Надежды еще не появлялось признаков цинги. Благодаря принятым гигиеническим мерам здоровье у всех было отличное.

Стояла глубокая полярная ночь. Приближалось зимнее солнцестояние — время, когда в Северном полушарии дневное светило особенно низко опускается за горизонт. Во время полуночных сумерек южный край необъятной белой равнины только едва-едва светлел. Безысходную грусть навевала эта окутанная мраком земля!

В совместных трудах и развлечениях прошло еще несколько дней. Джаспер Гобсон уже меньше опасался нападения диких животных с тех пор, как снег перед оградой был убран. Это было сделано вовремя, ибо то и дело доносился грозный рев, в происхождении которого ошибиться было невозможно. Что касается посещения индейских или канадских охотников, то зимой бояться их было нечего.

Тем не менее через несколько дней случилось происшествие, которое для зимовщиков было целым событием; и оно показало, что даже в разгар зимы эта безмолвная пустыня не была совершенно безлюдна. По побережью и тогда скитались человеческие существа, которые, построив себе снеговые хижины, промышляли охотой на моржей. Эти люди принадлежали к племени «пожирателей сырых рыб»,^[6] которые кочуют по всему североамериканскому континенту от Баффинова моря до Берингова пролива, но никогда не заходят южнее Невольничьего озера.

В девять часов утра 14 декабря, возвратившись в факторию после обхода побережья, сержант Лонг, заканчивая свое донесение лейтенанту, сказал, что если глаза его не обманули, то возле маленького мыса, в четырех милях от форта, расположилось биваком какое-то кочевое племя.

— Кто же эти кочевники? — спросил Джаспер Гобсон.

— Либо люди, либо моржи, — ответил сержант. — Середины быть не может!

Бравый сержант очень удивился бы, если б узнал, что некоторые ученые как раз признают эту самую «середину», существования которой он не мог допустить. Действительно, нашлись натуралисты, которые

наполовину в шутку, наполовину всерьез считали эскимосов «породой, средней между человеком и тюленем».

Лейтенант, миссис Полина Барнет, Мэдж и еще несколько человек тотчас решили воочию убедиться в присутствии, неожиданных гостей. Одевшись потеплее, чтобы невзначай не отморозить себе лицо или руки, вооружившись ружьями и топорами, обувшись в меховые сапоги, в которых даже на оледенелом льду не скользит нога, они вышли из ворот и двинулись вдоль края загроможденного льдинами побережья.

Луна в последней четверти бросала сквозь туман слабый свет на ледяное поле. Прошагав с час, лейтенант стал уже подумывать, что Лонг ошибся или в самом деле видел лишь моржей, нырнувших затем в родную стихию через никогда не замерзающие лунки во льду.

Однако сержант показал на сероватую струйку, вившуюся в нескольких сотнях шагов над небольшой конической возвышенностью поля, и спокойно заметил:

— А вот и дымок у моржей!

В эту минуту из снежной хижины ползком выбрались на лед какие-то живые существа. То были эскимосы, но мужчины или женщины, сказать мог только их соплеменник, ибо по одежде различить их было невозможно.

И вправду, хотя приведенное выше суждение натуралистов, мало похвально, всякий невольно принял бы этих эскимосов за тюленей, за настоящих, покрытых шерстью животных. Их было шестеро: четверо больших и двое маленьких. Несмотря на низкий рост, все были широкоплечие, безбородые, с плоским носом, с нависшей над глазами тяжелой складкой век, большим толстогубым ртом и длинными черными жесткими волосами. Одеты они были в круглые малицы с капюшонами из моржовых шкур; на них были моржовые башлыки, сапоги и рукавицы. Эти полудикие существа подошли к европейцам и принялись молча их разглядывать.

— Кто говорит по-эскимосски? — спросил Джаспер Гобсон своих товарищей.

С эскимосским языком не был знаком никто, но вдруг раздался чей-то голос, и все услышали английское приветствие:

— Welcome! Welcome!^[7] Говорил эскимос, вернее, как вскоре выяснилось, эскимоска; она приблизилась к миссис Полине Барнет и дружелюбно помахала ей рукой.

Изумленная путешественница произнесла в ответ несколько слов, которые туземка, по-видимому, легко поняла; затем европейцы пригласили все эскимосское семейство направиться вместе с ними в форт.

Эскимосы обменялись взглядами, словно советуясь между собой, и после некоторого колебания тесной группой последовали за лейтенантом Гобсоном.

Когда эскимосы подошли к ограде и увидели дом, о существовании которого никто из них не имел представления, туземка воскликнула по-английски:

— Дом! Дом! Снежный дом?

Она спрашивала, сделан ли дом из снега; такой вопрос был вполне естественен, ибо все строения совершенно сливались с белой пеленой, покрывавшей землю. Ей объяснили, что дом деревянный. Эскимоска сказала что-то своим, и те ответили ей утвердительным знаком. Затем все вошли в ворота, и минуту спустя гости были введены в большую залу.

Здесь эскимосы скинули башлыки, и тогда стало возможным различить их пол. Среди них было двое мужчин лет сорока или пятидесяти, с желто-красными лицами, у обоих были острые зубы и сильно выдающиеся скулы, что придавало им отдаленное сходство с хищными зверями; затем две довольно молодые женщины с туго заплетенными косами, украшенными зубами и когтями полярных медведей; наконец, двое детей лет пяти-шести — два бедных маленьких существа с оживленными личиками, которые глядели вокруг себя широко раскрытыми от удивления глазами.

— Надо полагать, эскимосы всегда голодны, — сказал Джаспер Гобсон. — Добрый кусок мяса, наверно, придется по вкусу нашим гостям.

По приказу лейтенанта капрал вынес жареного оленьего мяса, на которое бедняги накинулись с чисто животной жадностью. Только говорившая по-английски молодая эскимоска обнаружила некоторую сдержанность; она внимательно рассматривала миссис Полину Барнет и других женщин фактории. Увидев младенца на руках миссис Мак-Нап, она вскочила из-за стола, подбежала к нему и начала очень мило его ласкать, что-то нежно приговаривая.

Молодая туземка казалась если не более развитой, то во всяком случае более цивилизованной, чем прочие члены ее семейства; это особенно бросилось в глаза, когда, закашлявшись, она поднесла руку ко рту согласно элементарным правилам учтивости.

Эта подробность ни от кого не ускользнула. Миссис Барнет, стараясь употреблять самые простые английские слова, завела с ней разговор и узнала, что молодая женщина год прожила в Уперниевике в услужении у датского губернатора, женатого на англичанке. Затем ей пришлось покинуть Гренландию вместе со своей семьей, отправлявшейся на

промысел. Двое мужчин были ее братья. Вторая женщина, мать детей, была жена одного из них и ее невестка. Все они возвращались с расположенного на востоке у побережья Британской Америки острова Мельбурн и направлялись на запад, в Русскую Америку, к мысу Барроу в Джорджии, где обосновалось их племя. То, что на мысе Батерст оказалась фактория, их очень поразило. Оба эскимоса даже покачали головой, увидав здесь поселение европейцев. Отнеслись ли они неодобрительно к тому, что на этой точке побережья вообще был построен форт? Или же просто местоположение его показалось им неудачно выбранным? Как ни старался лейтенант Гобсон добиться от них толкового объяснения, ему это так и не удалось, а быть может, он не понял их ответов.

Молодая эскимоска, которую звали Калюмах, видимо, почувствовала большую приязнь к миссис Барнет. Однако, несмотря на явное влечение к обществу, бедная девушка ничуть не жалела о покинутом ею месте у губернатора Упернивика; она была, должно быть, сильно привязана к своей семье.

Подкрепившись и разделив между собой полпинты бренди, причем даже малыши получили свою долю, эскимосы распрощались с хозяевами; но перед уходом молодая туземка попросила путешественницу непременно посетить их снеговую хижину. Миссис Полина Барнет пообещала прийти на завтра, если позволит погода.

И вот на следующий день в сопровождении Мэдж, лейтенанта Гобсона и нескольких вооруженных солдат — не против этих бедняг, конечно, а на случай встречи с бродившими по побережью медведями, — миссис Полина Барнет отправилась к мысу Эскимосов, как был назван выступ берега, где находилось туземное стойбище.

Калюмах выбежала навстречу своей вчерашней приятельнице и с довольным видом показала ей на хижину. Хижина эта представляла собою большой снежный конус, в вершине его было пробито узкое отверстие, через которое выходил дым от очага; в этой снежной глыбе эскимосы выкопали себе временное пристанище. Такие снежные дома строятся очень быстро, на местном языке их называют «иглу». Они удивительно приспособлены к суровому климату, и их обитатели, даже не разводя огня, легко переносят в них сорокаградусные морозы. Летом эскимосы разбивают палатки из оленьих и тюленьих кож, называемые «тапик».

Проникнуть в хижину было не так-то просто. Единственный вход был сделан вровень с ее основанием, а так как снежные стены были очень толстые, то приходилось три-четыре фута ползти по тесному лазу. Однако опытной путешественнице и лауреату Королевского общества не пристало

останавливаться перед подобным препятствием, и миссис Барнет вместе с Мэдж, не колеблясь, храбро полезла в узкий проход вслед за молодой эскимоской. Что касается лейтенанта Гобсона и солдат, то они уклонились от посещения хижины.

Миссис Барнет очень скоро поняла, что главная трудность заключалась не в том, чтобы залезть в снежную хижину, а в том, чтобы пробыть там хотя бы некоторое время. Воздух, нагретый костром, в которой пылали моржовые кости, пропитанный вонью горевшей лампы, насыщенный испарениями от просаленной одежды и моржового мяса, составляющего главную пищу эскимосов, был тошнотворен. Мэдж не могла вытерпеть и секунды и тотчас выбралась наружу. Но миссис Барнет, боясь огорчить молодую эскимоску, проявила сверхчеловеческую выдержку и высидела в хижине пять долгих минут — целых пять веков! Оба ребенка и мать были дома. Мужчины ушли на моржовый промысел за четыре или пять миль от стоянки.

Выйдя из хижины, миссис Барнет с наслаждением вдохнула морозный воздух, возвративший краску ее слегка побледневшим щекам.

— Что скажете, сударыня? — спросил ее лейтенант. — Как вам понравился эскимосский дом?

— Вентиляция оставляет желать лучшего, — кратко ответила миссис Барнет.

Целую неделю прожило на своей стоянке любопытное туземное семейство. Оба эскимоса из двадцати четырех часов двенадцать ежесуточно проводили на охоте за моржами. Только жителям снеговых хижин, вероятно, доступно терпение, с каким они подстерегали у лунок появление моржа, вылезающего подышать на поверхность ледяного поля. Как только морж показывался, туземцы накидывали на него стягивавшуюся под лапами петлю, не без труда выволакивали его на лед и убивали ударом топора. По правде говоря, это походило больше на рыбную ловлю, чем на охоту! Затем начинался пир: эскимосы упивались горячей моржовой кровью, что было для них истинным наслаждением.

Несмотря на стужу, Калюмах ежедневно прибегала в форт Надежды. Ей доставляло огромное удовольствие обойти все комнаты, посмотреть, как и что шьют, и последить за кулинарными манипуляциями миссис Джолиф. Она спрашивала английские названия предметов и часами беседовала с миссис Полиной Барнет, если только старательное подыскивание понятных друг для друга слов можно назвать беседой. Когда путешественница читала вслух, Калюмах слушала ее с напряженным вниманием, хотя, конечно, мало что понимала.

У Калюмах был довольно приятный голос, и она пела песни странного ритма, песни холодные, леденящие душу, печальные, с непривычным для европейского уха чередованием рифм. У миссис Полины Барнет хватило терпения перевести один такой образчик гиперборейской поэзии — любопытную гренландскую «сагу», грустный напев которой, прерывавшийся паузами и поражавший неожиданной сменой тональностей, не лишен был своеобразной прелести. Вот слова этой песни, выписанные из альбома самой путешественницы:

ГРЕНЛАНДСКАЯ ПЕСНЯ

На небе мгла.
Влачится солнце мимо,
Чуть зримо.
Боль тяжела
Невыразимо:
Та, что любима,
Златоволосая, не внемлет песне грез,
И в сердце у нее безжалостный мороз.
О ангел мой!
Рвусь к милой ежечасно
Столь страстно,
Что надо мной
Пурга не властна.
Ты так прекрасна!
Ах! Поцелуев жар сердечка не зажег,
Снегов твоей души он растопить не мог!
Но будет час!
Его, во тьме тоскуя,
Все жду я.
В сиянье глаз,
Смеясь, ликуя,
Ответ найду я.
И солнцем небосвод наш озарится вновь,
И в сердце у тебя растопит льды любовь.

Двадцатого декабря эскимосы всей семьей пришли в форт Надежды

попрощаться с его обитателями. Калюмах сильно привязалась к путешественнице, и та охотно удержала бы ее при себе, но молодая туземка не хотела расставаться со своими. Однако она пообещала следующим летом непременно побывать в форте Надежды.

Прощание было трогательное. Калюмах подарила миссис Полине Барнет маленькое медное колечко и в свою очередь получила агатовое ожерелье, которое тут же надела на себя. Джаспер Гобсон распорядился снабдить этих бедняков провизией на дорогу. Ее сложили в их сани, и Калюмах сказала несколько благодарственных слов; после этого необычайное семейство направилось на запад и вскоре скрылось в густом, нависшем над побережьем тумане.

20. РТУТЬ ЗАМЕРЗАЕТ

Сухая и тихая погода еще несколько дней благоприятствовала охотникам. Тем не менее они старались не особенно удаляться от форта, да в этом и не было надобности: обилие дичи позволяло им действовать на ограниченном пространстве. Лейтенанту Гобсону оставалось только радоваться, что он решил основать факторию в этой точке континента. В капканы попадалось множество различных пушных зверей. Сэбин и Марбр убили немало полярных зайцев. Штук двадцать голодных волков было прикончено из ружей. Эти хищники вели себя крайне вызывающе и, собираясь стаями вокруг форта, оглашали воздух хриплым воем. Со стороны ледяного поля, между торосами, часто показывались громадные медведи, за приближением которых настороженно следили охотники.

Двадцать пятого декабря вновь пришлось отложить все ранее задуманные экскурсии. Поднялся северный ветер, и опять начались жестокие морозы. На воздухе нельзя было оставаться без риска мгновенно заморозиться. Термометр Фаренгейта упал до восемнадцати градусов ниже нуля (-28°C). Ветер свистел подобно залпам картечи. Прежде чем снова затвориться в доме, Джаспер Гобсон позаботился о животных: собакам и оленям задали корму на несколько недель вперед.

Двадцать пятого декабря было рождество — праздник, который так чтут и так свято соблюдают англичане. Его справили истово и благоговейно. Зимовщики благодарили провидение за то, что оно до сих пор хранило их от беды. Вечером труженики фактории, отдохавшие весь сочельник, собрались за роскошно убранным столом, на котором красовались два громадных пудинга.

Окруженный стаканами, запылал традиционный пунш. Лампы были погашены, и зала, освещенная синеватым пламенем брандвейна, приняла фантастический вид. Дрожащие отсветы заиграли на добродушных лицах солдат, оживленных предвкушением веселья, которое обещал им горячий напиток.

Огонь стал затухать, разбежался голубыми язычками по краям чаши с национальным угощением и погас.

Но что за чудо! Хотя лампы не были еще вновь зажжены, зала оказалась ярко освещенной. В окно проникал красноватый свет, не заметный ранее за светом ламп.

Пирующие поднялись, в изумлении глядя друг на друга.

— Пожар! — крикнул кто-то.

Однако, коль скоро не горела сама фактория, какой же пожар мог быть по соседству с мысом Батерст?

Лейтенант бросился к окну и тотчас догадался о причине зарева. Началось извержение вулкана.

В самом деле, на западе, позади скал, позади Моржовой бухты, весь горизонт был в огне. Вершины огнедышащих сопок, находившихся километрах в тридцати от мыса Батерст, не были видны, но огненный столб, взметнувшись высоко в небо, бросал на всю окрестность рыжий отблеск.

— Это еще красивее северного сияния! — воскликнула миссис Полина Барнет.

Томас Блэк возмутился. Разве может земное явление быть красивее небесного? Но вступать в спор с астрономом не захотел никто: несмотря на стужу и пронизывающий ветер, все высыпали во двор любоваться полыхавшим в черном небе ослепительным столбом пламени.

Если б у Джаспера Гобсона и его спутников и спутниц уши и рты не были так плотно закутаны в густые меха, они услышали бы доносившийся издали глухой гул извержения и поделились бы впечатлениями от этого грозного зрелища. Но, укрытые с головой, зимовщики не могли обмениваться словами и ничего не слышали. Им оставалось только глядеть. Зато какая величественная картина предстала перед их взорами! Какое незабываемое воспоминание запало им в душу! Между бездонным мраком небес и необъятной белой пеленою снега протянулись полосы вулканического огня, порождавшие световые эффекты, которых не описать никакому перу и не передать никакой кисти. Гигантское зарево охватило полнеба, одну за другою затмевая звезды. Снежный покров отливал всеми оттенками золота. Торосы на ледяном поле, а за ними огромные айсберги, словно бесчисленные горящие зеркала, отражали каждую вспышку пламени. Снопы света преломлялись и отсвечивали в гранях льда, а ледяные плоскости, по-разному наклоненные, отбрасывали их с еще большим блеском, придавая им новую окраску. Поистине волшебное скрещение лучей! Казалось, грандиозная ледовая декорация была, точно в феерии, нарочно воздвигнута для этого праздника света!

Но сильная стужа скоро загнала зрителей обратно в их теплое жилище, и не один нос едва не заплатил дорогой ценой за удовольствие, которое в ущерб ему получили на свирепом морозе глаза!

В последующие дни было отмечено еще большее понижение температуры. Можно было опасаться, что на ртутном термометре не хватит

делений и придется пустить в ход спиртовой градусник. И действительно, в ночь с 28 на 29 декабря ртутный столбик упал до тридцати двух градусов ниже нуля (-36°C).

Печки были до отказа набиты дровами, но температуру в доме все же не удавалось поднять выше двадцати градусов (-7°C). Зябли даже в жилых комнатах, и жар печи в десяти футах уже совершенно не ощущался. Лучшее местечко предоставили младенцу, колыбельку которого поочередно качали все, кто подходил к очагу погреться. Строжайше было запрещено отворять окно и дверь, иначе скопившиеся в помещении пары немедля обратились бы в снег. В сенях человеческое дыхание мгновенно замерзло. Со всех сторон раздавался громкий сухой треск, очень удивлявший тех, кому в этом климате все было внове. Это трескали под действием мороза стволы деревьев, из которых были сложены стены дома. Запас спиртных напитков, водки и джина поспешили спустить с чердака в общую залу, ибо спирт уже сгустился на дне бутылок в виде шариков. Пиво из еловых почек замерзло, и бочки полопались. Твердые предметы точно окаменели и не поддавались влиянию тепла. Дрова горели плохо, и Джасперу Гобсону, чтобы облегчить их воспламенение, пришлось пожертвовать некоторым количеством моржового жира. По счастью, тяга была хорошая, и в комнатах совсем не оставалось дурного запаха. Но на вольном воздухе форт Надежды, вероятно, издавала свое присутствие-горьким и вонючим дымом и по виду мог быть причислен к вредным для здоровья жилищам.

Достойно упоминания то, что в течение этих очень холодных дней всех мучила страшная жажда. Чтобы освежиться, у огня то и дело оттаивали напитки, ибо в замерзшем виде они не могли бы утолить этой жажды. Другим характерным симптомом была неодолимая сонливость, с которой лейтенант Гобсон всячески увещевал бороться, но далеко не всем его товарищам удавалось ее победить. Мужественная миссис Барнет подбадривала всех своими советами, добрым словом и хлопотливой деятельностью, разгоняя тем самым и собственную дремоту. То она читала рассказ о каком-нибудь путешествии, то пела старинную английскую песенку, и все хором ее подхватывали. От этого пения волей-неволей пробуждались уснувшие и скоро в свою очередь начинали подпевать. Так протекали долгие дни заточения, а Джаспер Гобсон, наблюдая сквозь мутное окошко за наружным термометром, отмечал, что мороз все крепчает. Наконец, 31 декабря ртуть в чашечке термометра окончательно замерзла. Это означало, что температура упала до сорока четырех градусов ниже нуля (-42°C).

На следующий день, 1 января 1860 года, лейтенант Гобсон поздравил миссис Полину Барнет с Новым годом и пожелал ей и в будущем с такой же твердостью и добрым расположением духа переносить невзгоды зимовки. С подобным же приветствием обратился он к астроному, но тот в замене цифры 1859 цифрой 1860 видел лишь наступление долгожданного года, в котором должно было состояться его знаменитое солнечное затмение. Добрыми пожеланиями обменялись и прочие члены дружной маленькой колонии; все они — благодарение богу — пользовались отменным здоровьем. Едва у кого-либо появлялись признаки цинги, как своевременным употреблением лимонного сока и известковых лепешек их быстро заставляли исчезнуть.

Но торжествовать пока было рано! Впереди было еще три зимних месяца. Правда, солнце вскоре уже должно было показаться над горизонтом, но достигла ли стужа предела — этого никто не знал, тем более что в северных широтах максимальное понижение температуры наблюдается главным образом в феврале. Во всяком случае, в первые дни нового года мороз не уменьшился, а 6 января спиртовой термометр, висевший снаружи у окна сеней, показал шестьдесят шесть градусов ниже нуля (-54°C). Еще несколько градусов, и температура на мысе Батерст сравнялась бы с минимальной температурой, отмеченной в 1845 году в форте Релайанс, а может быть, оказалась бы даже еще ниже.

Упорно державшийся свирепый мороз все сильнее и сильнее тревожил Джаспера Гобсона. Он опасался, что пушные звери уйдут на юг в поисках более умеренного климата и его планы на весеннюю охоту будут сорваны. Кроме того, он часто слышал под землей глухие раскаты, имевшие несомненную связь с извержением вулкана. Горизонт на западе был по-прежнему охвачен отсветом подземного пламени, и было ясно, что в недрах земли совершается какая-то гигантская плутоническая работа. Не таило ли опасности для новой фактории это соседство с действующим вулканом? Вот о чем думал лейтенант, прислушиваясь к грозному подземному гулу. Но свои тревоги, впрочем, тогда еще очень неопределенные, Джаспер Гобсон хранил про себя.

Во время таких холодов нечего было и думать о том, чтобы выйти из дому. Собакам и оленям корму задали вдоволь, к тому же животные, привыкшие к длительным зимним голодовкам, не требовали от своих хозяев никакого особого ухода. Итак, подвергать себя риску обморожения не было нужды. Довольно было уже того, что все дрогли даже в той относительно сносной температуре, какую удавалось поддерживать усиленной топкой дровами и моржовым жиром. Несмотря на все принятые

меры, сырость проникала в непроветриваемые комнаты и отлагалась на бревенчатых стенах утолщавшимся с каждым днем блестящим слоем инея. Конденсаторы наполнились до краев, и один из них даже лопнул от давления распиравшей его изнутри замерзшей воды.

При этих обстоятельствах лейтенант Гобсон отбросил всякую мысль о сбережении топлива. Напротив, он щедро расходовал его, надеясь поднять температуру, которая, едва только в печке и в плите немного утихал огонь, сразу опускалась до пятнадцати градусов по Фаренгейту (-9°C). Дежурным истопникам, сменявшимся каждый час, было приказано поддерживать яркий огонь и следить, чтобы он не пригасал.

— Нам скоро не хватит дров, — сказал однажды лейтенанту сержант Лонг.

— Как так не хватит! — воскликнул Джаспер Гобсон.

— Я хочу сказать, — пояснил сержант, — что находящийся в доме запас иссякает и за дровами скоро придется идти в сарай. Между тем по опыту известно, что выходить на воздух в такой мороз опасно для жизни.

— Да! — ответил лейтенант Гобсон. — Мы сделали ошибку, не построив сарай вплотную к дому и не соединив их прямым ходом. Я это сообразил слишком поздно. Мне следовало помнить, что зимовать нам предстоит за семидесятой параллелью. Но что сделано, то сделано. Скажите, Лонг, сколько дров осталось в доме?

— Хватит чем топить печь и плиту еще дня два-три, не больше, — доложил сержант.

— Будем надеяться, — продолжал Джаспер Гобсон, — что к тому времени мороз смягчится и можно будет без риска пересечь двор.

— Вряд ли, лейтенант, — возразил, покачав головой, сержант Лонг. — Небо чисто, ветер установился северный, и я не удивлюсь, если морозы продержатся еще недели две, то есть до новолуния.

— Что ж, мой славный Лонг, — ответил лейтенант, — не погибнем же мы от холода, не правда ли? И в тот день, когда нужно будет рискнуть...

— Мы рискнем, лейтенант, — закончил сержант Лонг.

Джаспер Гобсон крепко пожал руку сержанта, самоотверженность которого была ему хорошо известна.

Может показаться, что Джаспер Гобсон и сержант Лонг преувеличивали, полагая, что при внезапном соприкосновении человеческого организма с ледяным воздухом возможен смертельный исход. Но они всю жизнь прожили в полярном климате и накопили на сей счет достаточный опыт. Не раз при них крепкие люди, выйдя из теплого помещения, тут же в обмороке падали на снег: от мороза у них захватывало

дыхание, и их уносили замертво. Свидетелями подобных случаев — как ни невероятны они на первый взгляд — постоянно бывают зимовщики. В своем описании путешествия к берегам Гудзонова залива в 1746 году Вильям Мур и Смит рассказывают о таких печальных происшествиях; они лишились даже нескольких своих товарищей, которых мороз поразил как ударом грома. Можно считать бесспорной истиной, что выходить на воздух в то время, когда даже ртутный столбик не может больше измерять степень стужи, значит подвергать себя риску мгновенной смерти.

Итак, положение обитателей форта Надежды было уже достаточно тревожным, когда новое, неожиданное обстоятельство еще больше усугубило грозившую им опасность.

21. ПОЛЯРНЫЕ МЕДВЕДИ

Из четырех окон форта единственное, не закрытое ставнями, было окно в сенях, и только через него можно было видеть двор. Но, чтобы что-нибудь рассмотреть, приходилось каждый раз смывать с него кипятком толстый слой льда. По настоянию лейтенанта эту работу проделывали несколько раз в день и, оглядывая окрестности мыса Батерст, одновременно внимательно следили за состоянием неба и показаниями висевшего снаружи спиртового термометра.

И вот в одиннадцать часов утра 6 января солдат Келлет, на которого в тот день возложено было наблюдение, вдруг позвал сержанта и показал ему на какие-то смутно шевелившиеся в потемках громадные туши.

Сержант Лонг, подойдя к окну, невозмутимо сказал:

— Это медведи!

В самом деле, с полдюжины медведей изловчились перелезть через частокол и, привлеченные запахом дыма, подбирались к дому.

Как только Джасперу Гобсону доложили о присутствии страшных хищников, он приказал немедленно забаррикадировать изнутри окно из сеней. Этим окном пользовались, как единственным выходом, и, забив его, казалось, можно было быть уверенным, что доступ медведям в жилье будет надежно прегражден. Плотник Мак-Нап накрепко заколотил окно толстыми брусьями, оставив лишь узкий просвет для наблюдения за действиями докучных посетителей.

— Теперь, — заявил плотник, — эти господа уже не влезут без нашего разрешения. А мы тем временем созовем военный совет!

— Что ж, мистер Гобсон, — сказала миссис Барнет. — Зимовка у нас по всем правилам: сначала стужа, затем медведи.

— Увы, не «затем», — ответил лейтенант Гобсон, — а в самую стужу, что куда серьезнее! Да еще в какую стужу! Нам нельзя даже высунуться во двор! Не знаю, право, как мы избавимся от этих зловредных тварей.

— Я думаю, они потеряют терпение и уйдут так же, как пришли, — заметила путешественница.

Джаспер Гобсон с сомнением покачал головой.

— Вы не знаете медведей, сударыня, — возразил он. — За суровую зиму они изголодались и не сдвинутся с места, пока их к этому не принудишь.

— Вы, кажется, встревожены, мистер Гобсон? — спросила миссис

Барнет.

— И да и нет, — ответил лейтенант Гобсон. — В дом медведям не проникнуть — это верно, но как мы отсюда выйдем, если явится необходимость, — этого я себе не представляю!

Тут Джаспер Гобсон вернулся к окну, а миссис Барнет и другие женщины обступили сержанта — бывалого солдата и специалиста по «медвежьему вопросу» — и стали слушать его рассказы. Сержанту Лонгу много раз случалось иметь дело с этими хищниками, ибо встреча с ними не редкость даже в более южных областях; но там на медведей с успехом можно было напасть самим, здесь же обитатели форта очутились в осаде, а мороз препятствовал всякой попытке выйти наружу.

День прошел в настороженном наблюдении за бродившими по двору медведями. Время от времени какой-нибудь из них подходил к окну и упирал в него свою толстую морду; тогда до людей доносилось его глухое, сердитое рычание. Лейтенант Гобсон и сержант обсудили положение, и было решено, что если медведи не удалятся, то в стенах просверлят бойницы и отгонят зверей ружейными залпами. Но прежде, чем прибегнуть к этому средству, надо было подождать день-другой: Джаспер Гобсон отнюдь не спешил устанавливать лишние пути сообщения между наружным воздухом и комнатным, уже настолько холодным, что даже моржовый жир, который подбрасывали в печь, стал твердым, как камень, и его приходилось разрубать топором.

Новых происшествий в тот день не произошло. Медведи приходили, уходили, кружились вокруг дома, но на прямое нападение не отваживались. Всю ночь люди не покидали сторожевого поста, и к четырем часам утра появилась надежда, что осаждавшие покинули двор. Во всяком случае, они больше не показывались.

Однако часов в семь утра Марбр, поднявшись на чердак за провизией, тотчас опрометью сбежал вниз и объявил, что медведи разгуливают по крыше.

Джаспер Гобсон, сержант, Мак-Нап и два-три солдата, схватив ружья, бросились на лестницу, сообщавшуюся с чердаком посредством откидного люка. На чердаке был такой холод, что через несколько минут лейтенант и его товарищи не могли уже держать в руках стволы своих ружей. Пар от их дыхания обращался в иней.

Марбр не ошибся. Медведи взобрались на крышу. Слышно было, как они по ней бегали и рычали. Иногда, пронзив когтями слой льда, они впивались в брусья кровли, и можно было опасаться, что у них хватит силы их отодрать.

Лейтенант и его люди, продрогнув на нестерпимом морозе, поспешно сошли вниз. Джаспер Гобсон рассказал о создавшемся положении.

— Медведи, — сообщил он, — расположились на крыше. Это сильно осложняет дело. Нам самим опасность пока не угрожает, ибо пробраться в комнаты им не удастся. Но боюсь, что они залезут на чердак и сожрут хранящиеся там меха. Меха же эти принадлежат компании, и наша обязанность сберечь их в неприкосновенности. Поэтому я прошу вас, друзья, помочь мне перенести их в безопасное место.

Лейтенант расставил людей цепочкой в зале, на кухне, в сенях и на лестнице. Сменяясь, так как длительной работы на морозе никто выдержать не мог, они по двое, по трое выходили на чердак, и через час меха, целые я невредимые, были сложены в зале.

Пока происходила переноска мехов, медведи продолжали возиться на крыше, стараясь оторвать стропила. В иных местах брусья уже прогнулись под их тяжестью. Плотник Мак-Нап тревожился все больше и больше. Когда он ставил крышу, ему не приходила в голову возможность подобной нагрузки, и сейчас он опасался, что крыша не выдержит.

Но и этот день миновал благополучно — осаждающие не ворвались на чердак. Однако другой, не менее грозный враг — холод — мало-помалу проникал в комнаты. Огонь в печах угасал. Запас топлива подходил к концу. Через несколько часов стогорит последнее полено — и печи потухнут.

Приближалась смерть, самая страшная из смертей, — смерть от мороза. Несчастные люди, прижавшись друг к другу, окружили угасавшую печку, чувствуя, как понемногу уходит из организма их собственное тепло. Но никто не жаловался. Даже женщины героически переносили муки холода. Миссис Мак-Нап судорожно прижимала младенца к своей хладеющей груди. Некоторые солдаты спали, или, вернее, застыли в тупом оцепенении, которое нельзя было назвать сном.

В три часа утра Джаспер Гобсон посмотрел на комнатный термометр, висевший на стене, в десяти шагах от печки.

Фаренгейт показывал четыре градуса ниже нуля (-20°C).

Лейтенант провел рукой по лбу, оглядел сидевших тесной, молчаливой кучкой товарищей и погрузился в раздумье. Пар от дыхания, леденя, окутывал его беловатым облаком.

В эту минуту чья-то рука легла на его плечо. Он вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла миссис Полина Барнет.

— Надо что-то предпринять, лейтенант Гобсон, — сказала ему эта сильная духом женщина. — Не умирать же нам, ничего не сделав для своего спасения!

— Да! — ответил лейтенант, в котором эти слова пробудили душевную энергию. — Надо что-то предпринять!

Лейтенант подозвал сержанта Лонга, Мак-Напа и кузнеца Рэя — самых отважных людей своего отряда. В сопровождении миссис Барнет они подошли к окну, промыли его кипятком и посмотрели на наружный термометр.

— Семьдесят два градуса (-58°C)! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Друзья мои! У нас осталось только два выхода: либо с риском для жизни достать дрова из сарая, либо начать жечь скамьи, кровати, перегородки — все, что может поддержать огонь в печах. Но это крайнее средство, ибо ничто не предвещает перемены погоды, и морозы, наверное, удержатся.

— Надо рискнуть! — ответил сержант Лонг.

Таково же было мнение и обоих товарищей сержанта.

Больше не было сказано ни слова, и все четверо стали приводить себя в боевую готовность.

Вот на чем остановились и какие были приняты меры для того, чтобы по возможности охранить жизнь тех, кто решил пожертвовать собой ради общего блага.

Сарай, в котором были заперты дрова, находился шагах в пятидесяти позади дома, чуть влево от него. Было решено, что кто-нибудь один бегом добежит до сарая. Вокруг себя он обмотает длинную веревку, а другую потянет за собой, оставив конец ее в руках товарищей. Войдя в сарай, он живо наложит на хранящиеся там сани побольше дров, привяжет к их передку свободную веревку, за которую его товарищи тотчас же поволокут сани к дому, а к задку прикрепят ту, которой был обмотан: за эту веревку он потащит опорожненные сани обратно в сарай; и таким образом между домом и сараем установится непрерывное сообщение, что позволит, не подвергая себя серьезной опасности, возобновить в доме запас дров. Сильное дерганье за конец той или другой веревки будет означать, что сани либо нагружены в сарае, либо разгружены в доме.

План был хорош, однако мог потерпеть неудачу по двум причинам: во-первых, дверь сарая, по всей вероятности, примерзла и ее очень трудно будет отворить; во-вторых, можно было опасаться, что медведи слезут с крыши и бросятся во двор. Вот две возможности, с которыми почти наверняка пришлось бы столкнуться.

Все трое — сержант Лонг, Мак-Нап и Рэй — вызвались на это опасное дело. Но сержант заметил, что его товарищи люди женатые, и настаивал на том, чтобы все было поручено ему. Лейтенант же хотел взять риск на себя; однако миссис Барнет решительно этому воспротивилась.

— Мистер Гобсон, — сказала она ему, — вы командир отряда, ваша жизнь нужна всем, и вы не имеете права ставить ее на карту. Мистер Гобсон, пусть идет сержант Лонг.

Сознание долга, возложенного на него занимаемым положением, заставило Джаспера Гобсона подчиниться; но на ком-нибудь все же надо было остановить выбор, и Джаспер Гобсон решил послать сержанта. Миссис Барнет пожала руку отважному Лонгу.

Остальные обитатели форта, погруженные в сон или забытие, ничего не знали о предполагавшейся вылазке.

Приготовили две длинные веревки. Одну сержант обмотал вокруг туловища поверх теплых мехов, в которые закутался, неся на себе ценность более чем в тысячу фунтов стерлингов. Другую привязал к поясу, заткнул за пояс огниво и заряженный револьвер. Перед самым выходом он залпом выпил полстакана водки, что называлось у него «хлебнуть горячительного».

Джаспер Гобсон, Лонг, Рэй и Мак-Нап вышли из залы и, пройдя через кухню, в которой уже погасла плита, очутились в сенях. Рэй поднялся к чердачному люку и, приоткрыв его, прислушался: медведи по-прежнему топтались на крыше. Наступило время действовать.

Отворили первую дверь из сеней. Несмотря на теплую меховую одежду, Джаспер Гобсон и его товарищи почувствовали, что мороз пробирает их до костей. Затем распахнули наружную дверь, выходящую во двор, и невольно попятнулись: морозом перехватило дыхание. Скопившаяся в сенях влага тотчас же кристаллизовалась в иней, и тонкий белый слой покрыл пол и стены.

Воздух на улице был необыкновенно сух. Как никогда ярко горели звезды.

Не теряя ни секунды, сержант Лонг бросился во тьму, увлекая за собой веревку, конец которой крепко держали его товарищи. Наружную дверь притворили и плотно заперли вторую; Джаспер Гобсон, Мак-Нап и Рэй вошли в сени и стали ждать. Если Лонг тотчас же не вернется, значит дело идет на лад: он находится в сарае и накладывает первую порцию дров. На это самое большее уйдет минут десять, если, конечно, дверь сарая уступила его усилиям.

Пока Джаспер Гобсон и Мак-Нап дожидались в сенях, Рэй следил за чердаком и прислушивался к поведению медведей. Ночь была темная, и можно было надеяться, что сержант проскользнул незаметно.

Через десять минут после его ухода Джаспер Гобсон, Мак-Нап и Рэй вернулись в тесный тамбур между двумя входными дверями, с нетерпением

ожидаая сигнала тащить сани.

Прошло еще пять минут. Веревка, конец которой они держали, не шевелилась. Можно себе представить их беспокойство! Сержант ушел больше четверти часа назад; этого времени было вполне достаточно для нагрузки саней, но условного знака Лонг не подавал.

Джаспер Гобсон подождал еще немного, затем, натянув веревку, с помощью товарищей начал тащить. Если дрова еще не наложены, Лонг сейчас же остановит сани.

Веревка дрогнула и быстро пошла. Что-то тяжелое волочилось по снегу и через несколько секунд приблизилось к наружным дверям...

То было привязанное за пояс тело сержанта! Несчастный Лонг не успел даже добежать до сарая. Задохнувшись, он упал по дороге, и его тело, пролежав двадцать минут на страшном морозе, могло быть лишь трупом!

Крик отчаяния вырвался у Мак-Напа и Рэя. Тело Лонга внесли в сени, а лейтенант между тем возвратился, чтобы закрыть дверь, но вдруг почувствовал, что кто-то сильно на нее напирает снаружи. Послышалось грозное рычание.

— Ко мне! — закричал Джаспер Гобсон.

Мак-Нап и Рэй бросились ему на помощь, но их опередила женская фигура. Это миссис Полина Барнет поспешила присоединить свои усилия к усилиям лейтенанта Гобсона. Однако чудовищный зверь налег всей тяжестью на дверь, просвет становился все шире, и медведь уже готов был ворваться в сени.

Миссис Барнет выхватила из-за пояса Джаспера Гобсона один из его револьверов и, хладнокровно дождавшись мгновенья, когда голова медведя просунулась в отверстие, выпустила весь заряд прямо в открытую пасть хищника.

Медведь рухнул, сраженный наповал; дверь заперли, а затем основательно забаррикадировали.

Тело сержанта было перенесено в залу и положено у печки, в которой чуть тлели последние уголья. Как оживить несчастного? Как вызвать Лонга к жизни, все признаки которой, казалось, покинули его?

— Я пойду, я! — крикнул кузнец Рэй. — Я пойду за дровами, не то...

— Да, Рэй, — раздался рядом с ним чей-то голос. — И мы пойдем вместе!

То была его мужественная жена.

— Нет, нет, друзья мои! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Вам не миновать гибели если не от мороза, то от медведей. Сожжем лучше здесь

все, что может гореть, а там — да поможет нам бог!

Услышав эти слова, измученные полузамерзшие люди вскочили со своих мест и, как сумасшедшие, схватили топоры. В один миг скамейки, столы, перегородки — все было повалено, расколото, разрублено в куски, и скоро печь в большой зале и кухонная плита загудели от жаркого огня, в который подбросили еще немного моржового жира.

Температура в помещении поднялась градусов на двенадцать. Лонгу была оказана первая помощь. Сержанта растерли горячей водкой, и мало-помалу кровообращение его восстановилось. Белые пятна, местами покрывшие тело, начали исчезать. Но бедняга жестоко страдал, и прошло несколько часов, прежде чем он мог выговорить хоть слово. Его уложили в нагретую постель, и миссис Барнет вместе с Мэдж продежурили при нем всю ночь.

Тем временем Джаспер Гобсон, Мак-Нап и Рэй изыскивали выход из столь резко ухудшившегося положения. Нового топлива, позаимствованного в самом доме, хватит самое большее на два дня. Что станет со всеми обитателями форта, если мороз продлится? Новолуние наступило уже двое суток назад, но не принесло с собой никакой перемены погоды. Ледяной северный ветер дул по-прежнему. Барометр стоял на «ясно, сухо», и с земли, представлявшей теперь гигантское ледяное поле, не поднималось ни единой струйки тумана. Вряд ли можно было рассчитывать на смягчение погоды. На что же решиться? Возобновить попытку пробраться в сарай, попытку, которая сделалась еще опаснее с тех пор, как двор сторожат медведи? Или вступить с ними в бой на открытом воздухе? Нет. Это было бы безумие, следствием которого могла быть лишь общая гибель.

Но пока что температура в комнатах установилась сносная. Утром миссис Джолиф подала на завтрак жареное мясо и чай. Не был забыт и горячий грог, и храбрый Лонг мог уже проглотить свою долю. Благодатное тепло печей, поднимая температуру в доме, поднимало в то же время и дух наших зимовщиков. Чтобы напасть на медведей, ждали только приказа Джаспера Гобсона. Однако лейтенант, считая силы слишком неравными, не хотел рисковать людьми. День, по всей видимости, должен был пройти без новых происшествий, как вдруг около трех часов пополудни сверху послышался страшный треск.

— Это они! — закричали солдаты, поспешно вооружаясь топорами и револьверами.

Очевидно, медведи все же отодрали какую-то балку и ворвались на чердак.

— Всем оставаться на месте! — спокойно скомандовал лейтенант. — Рэй, люк!

Рэй бросился в сени, взбежал на лестницу и наглухо захлопнул подъемную дверь.

Над потолком, который, казалось, оседает под тяжестью медведей, слышался ужасный шум: рычание, топот и злобные удары когтями.

Изменилось ли положение людей от того, что медведи вторглись на чердак? Увеличилась ли опасность, или нет? Джаспер Гобсон и его товарищи посовещались между собой. Большинство сходилось на том, что положение улучшилось. Раз все медведи собрались на чердаке, — а, вероятно, так оно и было, — то на этом узком пространстве на них уже можно было напасть, тем более что от холода людям там не захватит дыхание и оружие не выпадет у них из рук. Конечно, сражаться врукопашную с этими хищниками в высшей степени опасно, но по крайней мере физическая невозможность такой попытки была теперь устранена.

Оставалось решить, атаковать ли непрошенных гостей на занятой ими позиции? Дело это было рискованное — особенно потому, что через узкий люк солдаты могли вылезать на чердак только поодиночке.

Понятно, Джаспер Гобсон медлил отдавать приказ о нападении. Обдумав все и посоветовавшись с сержантом и другими своими товарищами, в храбрости которых сомневаться не приходилось, лейтенант решил подождать. Какое-нибудь неожиданное обстоятельство могло увеличить шансы на успех. Разломать же потолочные балки, более прочные, чем брусья крыши, медведям было почти невозможно, а следовательно, невозможно было и проникнуть в комнаты нижнего этажа.

День прошел в ожидании. Ночью никто не мог уснуть — так бесновались на чердаке разъяренные звери.

На следующее утро в девять часов новая беда осложнила положение и заставила лейтенанта Гобсона действовать.

Как известно, трубы от печки и кухонной плиты проходили сквозь чердак. Эти трубы, сложенные из известковых кирпичей и недостаточно крепко сцементированные, не могли устоять против сильного бокового напора. И вот случилось, что медведи — то ли ударяя по трубам лапами, то ли навалившись на них всем туловищем, чтобы погреться, — понемногу расшатали кладку. Куски кирпичей с шумом попадали вниз, и скоро в печи и плите прекратилась тяга.

То было непоправимое бедствие, от которого, конечно, менее стойкие люди пришли бы в отчаяние. Но и это было не все. Едва огонь начал пригасать, как по всему дому распространился едкий черный дым,

тошнотворно вонявший моржовым жиром. Трубы обрушились. Через несколько минут дым настолько сгустился, что затмил свет ламп. Перед Джаспером Гобсоном встала необходимость вывести людей из дома, чтобы спасти их от удушья. А выйти из дому — значило погибнуть от холода. Послышались вопли женщин.

— Друзья! — крикнул лейтенант, хватая топор, — за мной, на медведей!

Больше ничего не оставалось делать. Хищников надо было истребить. Во главе с Джаспером Гобсоном все до единого кинулись через сени на лестницу. Отбросили люк. Посреди клубов черного дыма засверкали выстрелы. Крики людей смешались с медвежьим ревом, полилась кровь. Дрались в полнейшем мраке...

И вдруг грозный гул потряс воздух, от сильных толчков закачалась земля. Дом накренился, словно сдвинувшись со своего основания. Бревна в стенах разошлись, и сквозь образовавшиеся щели ошеломленный Джаспер Гобсон и его товарищи увидели, как, воя от ужаса, убегают во тьму медведи.

22. ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ

Сильнейшее землетрясение поколебало эту часть американского континента. Наверное, подобные толчки нередко случались в недрах этой вулканической почвы. Существование тесной связи между землетрясениями и извержениями подтвердилось еще раз.

Джаспер Гобсон понял, что произошло. В щемящей тоске он стоял и ждал, что будет дальше. Глубокая трещина в земле в любую минуту могла поглотить его товарищей и его самого. Но дальнейших толчков не последовало. И первый толчок, по всей вероятности, был не прямой, а отраженный. Под его действием дом наклонился в сторону озера, и стены его расселись. Затем почва вновь приобрела прежнюю устойчивость и неподвижность.

Надо было обратиться к делам первой необходимости. Хотя дом и сместился, но жить в нем было еще можно. Наскоро заделали щели между разошедшимися бревнами. Кое-как починили трубы.

По счастью, раны, полученные некоторыми солдатами во время схватки с медведями, были не опасны и не требовали ничего, кроме обычных перевязок. В таких условиях несчастные люди прожили два тяжких дня, сжигая кровати и последние доски перегородок. За это время Мак-Нап и его подручные закончили самые спешные починки внутри дома. Столбы, глубоко врубленные в землю, не треснули, и постройка держалась крепко. Но было ясно, что в результате землетрясения поверхность побережья получила какой-то новый наклон и во всей окрестности произошли значительные изменения. Джаспер Гобсон стремился поскорее выяснить все последствия катастрофы, ибо в известной мере они могли угрожать безопасности фактории. Но свирепый мороз не позволял и думать о том, чтоб выйти на воздух.

Между тем некоторые признаки указывали на довольно близкую перемену погоды. В окно было видно, что звезды сверкают уже не так ярко. 11 января барометр упал на несколько делений. В воздухе появился туман, который, сгустившись, должен был повысить температуру.

В самом деле, 12 января подул юго-западный ветер и с перерывами пошел снег. Почти тотчас же ртуть в термометре поднялась до пятнадцати градусов выше нуля (-9°C). Настрадавшимся зимовщикам такая температура показалась весенней.

В этот день в одиннадцать часов утра все обитатели фактории вышли

наружу. Со стороны можно было подумать, что какой-то партии невольников нежданно возвратили свободу. Но из опасения неприятных встреч выходить за пределы форта было строго-настрого запрещено.

В это время года солнце еще не показывается, но уже близко подходит к горизонту, и над зимовьем установились долгие сумерки. На расстоянии двух миль отчетливо вырисовывались предметы. Джаспер Гобсон поспешил окинуть взглядом окружающую местность — после землетрясения она, должно быть, приняла совсем другой вид.

Действительно, перемен было много. Утес, которым заканчивался мыс Батерст, наполовину обрушился, и на берегу валялись громадные глыбы мерзлой земли. Самый же мыс как будто накренился в сторону озера, сдвинув площадку, на которой стоял дом. Вся поверхность земли заметно понизилась на западе и приподнялась на востоке. Это изменение рельефа должно было повлечь за собой важное последствие: воды озера и реки Полины, освободившись ото льда, устремятся с востока на запад согласно новому наклону и часть западной территории будет, вероятно, затоплена. Речка проложит себе новое русло, и, следовательно, исчезнет существовавшая в ее устье маленькая естественная гавань. Холмы в восточной части побережья, казалось, сильно понизились. Что касается скал на западе, то узнать о них что-либо, ввиду их удаленности, пока еще было нельзя. Словом, самое существенное изменение, вызванное землетрясением, заключалось в следующем: на пространстве по крайней мере четырех или пяти квадратных миль горизонтальное положение почвы нарушилось, поверхность земли приобрела наклон с востока на запад.

— Вот беда-то, мистер Гобсон, — сказала, смеясь, путешественница. — Вы были так любезны, что назвали моим именем порт и речку, и вдруг порт Барнет и река Полины исчезли с лица земли! Надо признаться, мне не везет!

— Действительно, сударыня, — ответил лейтенант. — Но хоть речка и пропала, зато озеро осталось, и, если вы позволите, мы будем впредь именовать его «озеро Барнет». Хочется думать, что уж оно-то вам не изменит.

Мистер и миссис Джолиф, выйдя из дому, тотчас направились один на псарню, другая — в оленьи стойла. Собаки не особенно пострадали от долгого заключения и, весело прыгая, выскочили во двор. Один из оленей несколько дней назад пал. Остальные, правда, похудели, но, видимо, были здоровы.

— Итак, сударыня, — обратился лейтенант Гобсон к миссис Барнет во время прогулки, — мы выпутались из беды, и благополучнее, чем можно

было ожидать!

— Я не отчаивалась ни минуты, мистер Гобсон, — ответила путешественница. — Опасностям зимовки не сломить таких людей, как вы и ваши товарищи!

— Сударыня, с тех пор как я живу в полярных странах, — продолжал лейтенант Гобсон, — я никогда не испытывал подобного мороза и скажу по правде: продлись он еще несколько дней, я полагаю, мы все бы погибли.

— Значит, землетрясение началось как нельзя более кстати, — сказала путешественница. — По крайней мере оно разогнало этих проклятых медведей, а может быть, повлияло и на погоду.

— Возможно, сударыня, вполне возможно, — ответил лейтенант. — Все эти явления природы находятся во взаимной зависимости. Но, должен сознаться, меня весьма беспокоит вулканическое строение здешней почвы. Мне сильно не нравится, что соседом фактории оказался действующий вулкан. Лава затопить нас не может, но подземные удары приносят дому ужасный вред. Взгляните, на что он стал похож!

— Весной вы его почините, мистер Гобсон, — ответила миссис Барнет, — и, наученные опытом, воздвигнете постройку более прочную!

— Само собой разумеется, сударыня! Но пока-то, каково вам будет еще несколько месяцев! Пожалуй, в таком виде наш дом вам уж не покажется таким удобным!

— Это мне-то — путешественнице! — расхохоталась миссис Полина Барнет. — Я буду воображать, что живу в каюте судна, которое дало крен, а так как при этом не будет ни боковой, ни килевой качки, то бояться морской болезни нечего!

— Отлично, сударыня, отлично! — ответил Джаспер Гобсон. — Ваш характер заслуживает высшей похвалы! Все это знают. Своей душевной энергией, своей постоянной веселостью вы поддержали всех нас — моих товарищей и меня — в дни суровых испытаний, и я благодарю вас от их и от своего имени.

— Уверяю вас, мистер Гобсон, — вы преувеличиваете...

— Нет, нет, все вам окажут то же самое... Но позвольте мне задать один вопрос. Как вы знаете, в июне месяце капитан Крэвенти должен прислать нам караван с подкреплением, который на обратном пути отвезет в форт Релайанс добытые нами меха. По всей вероятности, наш друг Томас Блэк, налюбовавшись своим затмением, отправится в июле с этим отрядом. Разрешите спросить, сударыня, намерены ли вы вернуться вместе с ним?

— Вы меня прогоняете, мистер Гобсон? — с улыбкой спросила путешественница.

— О сударыня!..

— Так вот, любезный лейтенант, — ответила миссис Барнет, протягивая Джасперу Гобсону руку, — я попрошу у вас позволения провести еще одну зиму в форте Надежды. Очень возможно, что в будущем году какое-нибудь судно компании бросит якорь у мыса Батерст, и тогда я воспользуюсь им; мне улыбается перспектива, добравшись сюда сушей, обратный путь совершить через Берингов пролив.

Лейтенант был в восторге от решения своей спутницы. Он сумел понять и оценить ее. Искренняя симпатия привязывала его к этой мужественной женщине, а она в свою очередь считала его честным и храбрым человеком. Если б час расставанья был близок, они с большим огорчением думали бы о разлуке. К тому же как знать? Может быть, небо готовило им новые, ужасные испытания и душевная сила обоих, соединившись, должна была еще послужить на благо остальным...

Двадцатого января в первый раз показалось солнце; полярная ночь кончилась. Солнце лишь несколько мгновений стояло над горизонтом, но зимовщики приветствовали его радостными возгласами «ура». Начиная с этого числа продолжительность дня все время возрастала.

Весь февраль и первая половина марта были отмечены резким чередованием хорошей и дурной погоды. Хорошая сопровождалась сильными морозами, дурная — обильными снегопадами. В ясные дни стужа мешала охотникам отправиться на промысел, в дурные — их удерживали дома снежные бури. Наружные работы могли производиться, только когда стояла переменная погода, однако от дальних походов пока что приходилось отказываться. Впрочем, удаляться от форта не было и надобности, ибо капканы действовали безотказно. В конце зимы куниц, лис, горностаев, росомах и других ценных животных было поймано видимо-невидимо, и охотники не сидели сложа руки, хотя и не покидали ближайших окрестностей мыса Батерст. Только в марте они однажды дошли до бухты Моржовой и там впервые во всем объеме увидели последствия землетрясения: вид прибрежных скал оказался совсем иным, да и сами скалы сильно ушли в землю. Над видневшимися в отдалении огнедышащими сопками висело облако пара, но действие вулканов, видимо, на время прекратилось.

Около 20 марта охотники заметили первых лебедей; наполняя воздух пронзительным свистом, птицы возвращались из южных краев, устремляясь на север. Затем появились белоснежные «подорожники» и «соколы-зимовщики». Но бескрайний белый ковер все еще покрывал землю, и солнце не могло растопить ледяную поверхность моря и озера.

Океан начал освобождаться ото льда только в первых числах апреля. Ледяной покров ломался с невероятным грохотом, временами напоминавшим артиллерийскую канонаду. Замерзший океан быстро менял свой вид. Потеряв равновесие, разбиваясь друг о друга, подточенные снизу, с неимоверным шумом рушились айсберги. Эти обвалы ускоряли вскрытие ледяного поля.

В это время средняя температура равнялась тридцати двум градусам выше нуля по Фаренгейту (0°C). Кромка льда у берега не замедлила растаять, ледовый барьер, увлекаемый северными течениями, мало-помалу отодвинулся, а вскоре и совсем исчез за туманным горизонтом. К 15 апреля море очистилось, и судно, пройдя из Тихого океана через Берингов пролив и следуя вдоль американского побережья, могло бы пристать к мысу Батерст.

Одновременно с Ледовитым океаном освободилось от ледяного панциря и озеро Барнет — к великому удовольствию уток и других водоплавающих птиц, тысячами кишевших на его берегах. Но, как и предвидел лейтенант Гобсон, очертания озера изменились в связи с новым рельефом местности. Прибрежная полоса, примыкавшая к ограде форта и заканчивавшаяся на востоке лесистыми холмами, значительно расширилась. Джаспер Гобсон подсчитал, что воды озера на сто пятьдесят шагов отступили от своего восточного берега. На противоположной стороне они на столько же должны были переместиться на запад и, вероятно, затопили бы всю местность, если бы их не сдержала какая-нибудь естественная преграда.

Словом, большое счастье, что образовавшийся наклон почвы шел с востока на запад, ибо в противном случае фактория неминуемо была бы затоплена.

Что касается речки, то она иссякла тотчас же после того, как вскрылась. Воды ее, можно сказать, потекли вспять, ибо в этой части берега новый наклон почвы шел с севера на юг.

— Придется вычеркнуть ее с карты полярных страна — сказал Джаспер Гобсон сержанту. — Если б у нас только и было питьевой воды, что из этой речонки, мы очутились бы в затруднительном положении! Но, к счастью, есть еще озеро Барнет, и я льщу себя надеждой, что наши товарищи не выпьют его до дна!

— Да, озеро... — ответил сержант Лонг. — Только вот остались ли его воды пресными?

Джаспер Гобсон пристально взглянул на сержанта, и брови его сдвинулись. Эта мысль ему еще не приходила в голову: действительно,

через какую-нибудь трещину в почве могло установиться сообщение между морем и озером. Если так — значит, произошла непоправимая беда, и она повлечет за собой разорение фактории, которую по необходимости придется покинуть.

Лейтенант и сержант Лонг бегом кинулись к озеру. Вода по-прежнему была пресная.

В первых числах мая снег кое-где сошел и земля под действием солнечных лучей зазеленела. Показались пучки мха, и какие-то дикие злаки робко высунули из земли кончики своих бледных стебельков. Проросли и семена щавеля и ложечника, посеянные миссис Джолиф. Толстый снеговой покров защитил их от мороза. Теперь предстояло уберечь их от птичьих клювов и звериных зубов. Эту важную обязанность возложили на достойного капрала, который исполнял ее с добросовестностью заправского огородного пугала!

Возвратились длинные дни, и вновь началась охота.

Джаспер Гобсон хотел пополнить запас мехов — через несколько недель за ними должны были прибыть агенты из форта Релайанс. Марбр, Сэбин и другие охотники дружно взялись за дело; однако их вылазки не были ни длительными, ни утомительными. Им никогда не приходилось удаляться от мыса Батерст дальше чем на две мили. Такого количества дичи они не видели за всю свою жизнь. Это и радовало и удивляло их. Куницы, олени, зайцы, карибу, лисицы, горностаи просто бежали навстречу выстрелам.

Отмечено было еще одно любопытное обстоятельство. Совершенно исчезли медведи — к великой досаде затаивших против них злобу зимовщиков, — и даже следов их нигде не было видно. Можно было подумать, что участники осады форта, убегая, увлекли за собою всех сородичей. Вероятно, землетрясение напугало их сильнее, чем всех прочих зверей: медведи, как известно, отличаются очень тонкой и даже «нервной» организацией, если только такое выражение применимо по отношению к простому четвероногому.

Май выдался дождливый. Снег и дождь шли попеременно. Средняя температура равнялась сорока одному градусу выше нуля (+5°C). Часто спускались туманы, и временами такие густые, что удаляться от форта было небезопасно. Однажды Петерсен и Келлет проплутали двое суток, причинив сильнейшее беспокойство своим товарищам. Сбившись с пути, охотники никак не могли выбраться на верную дорогу: им казалось, что они находятся вблизи бухты Моржовой, в то время как на самом деле они все время шли к югу. Оба вернулись измученные и полуживые от голода.

Наступил июнь, и вместе с ним установилась хорошая погода, а иногда даже бывала настоящая жара. Зимовщики сбросили теплую одежду и деятельно принялись за исправление своего жилища: дом пришлось переделывать с самого основания. Кроме того, в южном углу двора Джаспер Гобсон распорядился соорудить просторный склад. Необходимость этой постройки была вызвана обилием пушных зверей. Меха накопилось столько, что требовалось специальное помещение для их хранения.

Джаспер Гобсон со дня на день ожидал прибытия отряда, который должен был выслать капитан Крэвенти. Еще очень многого не хватало новой фактории. Подходили к концу и боевые припасы. Если отряд вышел из форта Релайанс в первых числах мая, то на мыс Батерст он должен был прибыть в середине июня. Здесь, как, вероятно, помнит читатель, капитан и лейтенант назначили место встречи. А так как новый форт был основан Джаспером Гобсоном на самом мысе, то посланные к нему агенты никак не могли его миновать.

Пятнадцатого июня лейтенант отдал распоряжение, чтобы с этого дня дозор солдат ежедневно обходил окрестности мыса. На вершине утеса водрузили заметный издали британский флаг. Впрочем, были все основания предполагать, что вспомогательный отряд пойдет приблизительно тем же путем, каким год назад двигался лейтенант: то есть начиная от залива Коронации и до мыса Батерст все время следуя вдоль побережья. В летнюю пору года, когда море свободно ото льдов и линия берега отчетливо видна, это был если не самый короткий, то самый верный путь.

Июнь прошел, а отряда между тем все не было. Джаспер Гобсон начал тревожиться, тем более что непроницаемый туман вновь окутал местность. Для агентов компании, продвигавшихся по совершенно безлюдной пустыне, эта упорно державшаяся плотная пелена могла оказаться серьезным препятствием.

Джаспер Гобсон часто обсуждал создавшееся положение с миссис Барнет, сержантом Лонгом, Мак-Напом и Рэем. Астроном Томас Блэк не скрывал своего беспокойства: он твердо рассчитывал уехать с отрядом сразу после затмения. Если же отряд не явится, он будет обречен на новую зимовку, а такая перспектива ему вовсе не улыбалась. Почтенный ученый хотел, исполнив свой долг перед наукой, тотчас же вернуться восвояси. Он делился своей тревогой с лейтенантом Гобсоном, а тот, по правде говоря, не знал, что ему ответить.

Миновало уже 4 июля, а об отряде не было ни слуху ни духу. Несколько человек, посланных в разведку на три мили в юго-восточном

направлении, не обнаружили ни малейших следов отряда.

Оставалось предположить, что либо агенты вовсе не выезжали из форта Релайанс, либо они заблудились в пути. Увы, последняя гипотеза была наиболее вероятной. Джаспер Гобсон хорошо знал капитана Крэвенти и не мог допустить, чтобы тот не выслал обоза из форта Релайанс точно в условленный срок.

Можно себе представить, как сильно он тревожился! Лето кончалось. Еще два месяца, и нагрянет полярная зима с ее пронизывающими ветрами, метелями и бесконечной ночью.

Но не таков был лейтенант Гобсон, чтобы пассивно пребывать в неизвестности! Что-то следовало предпринять, и, посоветовавшись со своими товарищами, вот на каком решении он остановился. Нечего и говорить, что астроном его всячески в этом поддерживал.

Было 5 июля. Через две недели — 18 июля — должно было произойти солнечное затмение. Томас Блэк на следующий же день мог выехать из форта Надежды. Условились, что, если до того времени ожидаемые агенты не придут, небольшой отряд, состоящий из нескольких человек и четырех-пяти саней, отправится из фактории к Невольничьему озеру. Этот отряд захватит с собой часть наиболее ценных мехов и самое позднее через шесть недель, то есть к концу августа, когда погода еще окончательно не испортится, прибудет в форт Релайанс.

Успокоившись на этот счет, Томас Блэк вновь сделался самим собою, иначе говоря, замкнулся в себе, думая лишь о той минуте, когда луна, став между ним и сияющим светилом, полностью закроет диск солнца!

23. СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ 18 ИЮЛЯ 1860 ГОДА

Туман между тем не рассеивался. Солнце проглядывало сквозь плотную завесу испарений, и астроном терзался мыслью, что наблюдения вообще могут не удалиться. Бывало, туман сгущался настолько, что со двора форта не видно было вершины мыса.

Лейтенант Гобсон тревожился все больше и больше. Теперь он уже не сомневался, что обоз из форта Релайанс заблудился где-то в пустыне. Какие-то неопределенные опасения и грустные предчувствия смущали его. Этот энергичный человек с непонятной ему самому боязнью глядел в будущее. Почему? Он не мог бы на это ответить. Ведь все как будто шло хорошо. Несмотря на тяжелую зимовку, его маленькая колония могла похвалиться отменным здоровьем. Между его товарищами не возникало никаких недоразумений, и все эти мужественные люди ревностно исполняли свои обязанности. Окрестности изобиловали дичью. Меха добыли на славу, и компания могла быть вполне довольна результатами деятельности своего агента. Если даже допустить, что форт Надежды так и не получит новых припасов, то прожить можно будет и на местных ресурсах, так что и перспектива второй зимовки вовсе не должна была пугать. Почему же лейтенант Гобсон утратил уверенность?

Не раз беседовал он на эту тему с миссис Полиной Барнет. Путешественница старалась его ободрить, выставляя на вид только что приведенные доводы. В тот день, гуляя с ним по берегу, она особенно горячо доказывала ему, что он поступил правильно, выбрав мыс Батерст и ценой стольких трудов основав здесь факторию.

— Да, все это так, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон. — Но как сладить с предчувствием? Человек я отнюдь не суеверный. Сколько раз в своей солдатской жизни я бывал в критическом положении, но никогда не испытывал страха. И вот впервые будущее меня страшит. Если бы передо мной была какая-то определенная опасность, я бы ее не боялся. Но опасность неизвестная, грозящая непонятно откуда, опасность, которую я лишь предчувствую...

— Но какая опасность? — спросила миссис Барнет. — Что вас страшит: люди, животные, стихии?

— Животные? Нимало, — ответил лейтенант. — Это им надо бояться охотников мыса Батерст. Люди? Нет. В этих краях одних только эскимосов

и встретишь, индейцы — и те редко сюда заходят...

— Заметьте, мистер Гобсон, — добавила миссис Барнет, — канадцы, появления которых летом вы в известной мере могли опасаться, вообще не показались...

— Это-то и плохо, сударыня!

— Как! Плохо, что вы избавились от конкурентов, явно враждебных по отношению к компании?

— Сударыня, — ответил лейтенант, — это и плохо и не плохо!.. Трудно это объяснить!.. Обратите внимание: из форта Релайанс должен был прийти обоз, но не пришел. То же случилось и с агентами Сен-Луисской пушной компании: по всей видимости, они должны были явиться, но не явились. Даже ни один эскимос не заглянул летом в эту часть побережья...

— Что же из этого следует, мистер Гобсон? — спросила Полина Барнет.

— Следует то, что, быть может, на мыс Батерст и в форт Надежды теперь уже не так легко попасть, как нам кажется, сударыня!

Путешественница взглянула на лейтенанта Гобсона. Лицо его было сумрачно, и слова «не так легко» он заметно подчеркнул.

— Лейтенант Гобсон, — сказала она, — животных вы не боитесь, людей не боитесь тоже; остается предположить, что вас пугают стихии...

— Сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — быть может, я не в своем уме, быть может, меня сбили с толку предчувствия, но как хотите, а в этом краю есть что-то странное. Будь он мне лучше известен, я, пожалуй, ни за что не обосновался бы здесь! О некоторых необъяснимых его особенностях я вам уже говорил: например, полнейшее отсутствие камней во всей округе и гладко срезанный берег! Геологическое происхождение этого мыса мне не ясно! Конечно, соседство вулкана может служить объяснением многому... Но помните, что я вам говорил о приливах?

— Как же, мистер Гобсон!

— Там, где, по свидетельству всех исследователей, море должно было бы подниматься на пятнадцать-двадцать футов, оно едва поднимается на один фут.

— Верно, — ответила миссис Барнет, — но вы объяснили это явление своеобразным расположением берегов, узостью проливов...

— Я пытался его так объяснить — вот и все, — ответил лейтенант Гобсон, — но позавчера мне довелось увидеть еще более неправдоподобное явление, тайну которого разгадать я не в силах, и не знаю, разгадает ли ее хотя бы один ученый!

Миссис Полина Барнет взглянула на Джаспера Гобсона.

— Что случилось? — спросила она.

— Позавчера, сударыня, было полнолуние, и, по данным астрономического ежегодника, прилив должен был быть особенно сильным. А между тем море не поднялось даже на фут, как бывало раньше! Оно не поднялось вовсе!

— Может быть, это ошибка! — заметила миссис Барнет.

— Нет, не ошибка. Я сам проводил наблюдения. Позавчера, четвертого июля, прилив на побережье мыса Батерст равнялся нулю — абсолютному нулю!

— В чем же дело, мистер Гобсон? — спросила миссис Барнет.

— Дело в том, — ответил лейтенант, — что либо законы природы изменились, либо этот край находится в каких-то особых условиях... Вернее, я не знаю, в чем дело... не способен сделать вывод... недоумеваю... и... встревожен!

Миссис Барнет больше не старалась добиться, чтобы лейтенант Гобсон высказался определеннее. Очевидно, полное отсутствие прилива было не менее невероятно и противостоестественно, чем, скажем, отсутствие в полдень солнца над головой. Разве что землетрясение совсем изменило структуру побережья и самой арктической почвы?.. Но подобная гипотеза не могла удовлетворить вдумчивого наблюдателя явлений природы.

О том, что лейтенант ошибся в своих наблюдениях, смешно было и думать; в тот же день — 6 июля — миссис Барнет, по сделанным на берегу отметкам, вместе с лейтенантом удостоверилась, что прилив, в течение всего прошлого года повышавший уровень моря по крайней мере на фут, теперь решительно и безусловно равнялся нулю!

Это открытие сохранили в тайне. Лейтенант Гобсон не хотел — и вполне резонно — вселять тревогу в умы своих товарищей. Однако они часто видели, как, молчаливый и неподвижный, он одиноко стоял на вершине мыса и смотрел на расстилавшееся перед ним открытое море.

В июле охоту на пушных зверей пришлось прекратить. Куницы, лисы и прочие звери уже сбросили свой зимний мех. Охотники ограничивались преследованием съедобных животных — карибу и полярных зайцев, которые — и это заметила сама миссис Барнет — по какой-то по меньшей мере странной прихоти все сбежались в окрестности мыса Батерст, хотя ружейные выстрелы, казалось бы, должны были их мало-помалу распугать.

Наступило 15 июля, но в положении зимовщиков не произошло перемен. Из форта Релайанс по-прежнему не было известий. Долгожданный караван не показывался. Джаспер Гобсон решил привести свой план в исполнение: самому идти к капитану Крэвенти, раз капитан

Крэвенти не шел к нему.

Начальником отряда назначен был Лонг. Сержанту не хотелось разлучаться с Джаспером Гобсоном. Действительно, речь шла о довольно продолжительном отсутствии, ибо вернуться в форт Надежды он мог бы не раньше будущего лета и зиму ему пришлось бы провести в форте Релайанс. Это означало не меньше восьми месяцев отлучки. Конечно, сержанта Лонга могли бы заменить не менее надежные Мак-Нап и Рэй, но они были люди женатые. А главное, Мак-Нап был плотник, а Рэй — кузнец, и оба были нужны в фактории, где без их услуг обойтись было трудно.

Лейтенант Гобсон взвесил все эти соображения, и сержант — «в порядке военной дисциплины» — подчинился. Сопровождать Лонга должны были четыре солдата — Бельчер, Понд, Петерсен и Келлет, которые объявили, что они готовы к отъезду.

В путешествие было снаряжено четверо саней в собачьих упряжках. На них предполагалось погрузить продовольствие и самые ценные меха: лисьи, горностаевые, куны, рысьи, мускусных крыс, росомах, а также лебяжий пух. Отъезд был назначен на утро 19 июля, на следующий день после затмения. Само собой разумеется, Томас Блэк уезжал с сержантом Лонгом, и для перевозки его особы и всех его инструментов были выделены особые сани.

Надо сказать, что в дни, предшествовавшие столь нетерпеливо ожидавшемуся затмению, достойный ученый был предельно несчастен. Переменная погода — то хорошая, то дурная, частые туманы, дожди, после которых атмосфера бывала насыщена влажными испарениями, никак не хотевший установиться ветер — все это вызывало в нем законную тревогу. Он не спал, не ел, он почти не жил. Если в течение тех нескольких минут, что длится затмение, небо будет затянуто облаками; если ночное и дневное светила скроются за густой завесой; если он, Томас Блэк, посланный специально с целью наблюдения, так и не увидит ни сияющей короны, ни красноватых протуберанцев, — какое это будет разочарование! Сколько лишений, перенесенных напрасно, сколько опасностей, пережитых зря!

— Ехать в такую даль, чтобы посмотреть на луну, — и не увидеть ее! — восклицал он комически жалобным тоном.

Нет! С этой мыслью он не мог смириться. Как только наступали сумерки, почтенный ученый взбирался на вершину мыса и глядел в небо. Но в последние ночи он не мог даже утешиться созерцанием белокурой Феbei. Новый месяц должен был народиться лишь через три дня — сейчас же луна сопровождала солнце в его движении по небосводу и тонула в его лучах.

Томас Блэк частенько изливал свои горести добросердечной миссис Барнет. Отзывчивая женщина сочувствовала ему всей душой и однажды, не зная, чем бы его еще утешить, сказала, что барометр, кажется, поднимается, что теперь, как-никак, стоит лето и потому...

— Лето! — воскликнул Томас Блэк, пожимая плечами. — Разве в подобных краях бывает лето?

— Ах, мистер Блэк! — заметила миссис Барнет. — Предположим даже, что вам не повезет и этого затмения вы не увидите. Но ведь будут же другие! Затмение, которое должно состояться восемнадцатого июля, надо думать, не последнее в нашем столетии.

— Нет, сударыня, — ответил астроном. — Нет, до тысяча девятисотого года предстоит еще пять полных солнечных затмений: первое ожидается тридцать первого декабря тысяча восемьсот шестьдесят первого года, оно будет полным в Атлантическом океане, Средиземном море и в пустыне Сахаре; второе — двадцать второго декабря тысяча восемьсот семидесятого года — будет полным на Азорских островах, в Южной Испании, в Алжире, Сицилии и Турции; третье — девятнадцатого августа тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года — в Северо-Восточной Германии, Южной России и Центральной Азии; четвертое — девятого августа тысяча восемьсот девяносто шестого года — будет наблюдаться в Гренландии, Лапландии и Сибири; и, наконец, в тысяча девятисотом году, двадцать восьмого мая, в Соединенных Штатах, Испании, Алжире и Египте состоится пятое полное солнечное затмение.

— Значит, мистер Блэк, — подхватила миссис Барнет, — если вы пропустите затмение восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года, то легко утешитесь тридцать первого декабря тысяча восемьсот шестьдесят первого! Что значат какие-то семнадцать месяцев!

— Чтобы утешиться, сударыня, — серьезно ответил астроном, — мне придется ждать не семнадцать месяцев, а двадцать шесть лет!

— Почему так?

— Потому что из всех этих затмений полным в странах, расположенных в северных широтах — Лапландии, Сибири и Гренландии, — будет лишь затмение девятого августа тысяча восемьсот девяносто шестого года!

— А зачем вам наблюдать затмение непременно в северных высотах? — спросила миссис Барнет.

— Как зачем, сударыня! — вскричал Томас Блэк. — Да потому, что это представляет величайший научный интерес! Очень редко удавалось наблюдать затмение в близких к полюсу широтах, то есть там, где солнце,

низко поднимаясь над горизонтом, открывает взору диск внушительных размеров. Это же относится и к луне, которая должна закрыть собою солнце, и очень возможно, что при таких условиях изучение светящейся короны и протуберанцев даст удивительные результаты! Вот почему, сударыня, я приехал вести наблюдения выше семидесятой параллели. Подобный случай повторится лишь в тысяча восемьсот девяносто шестом году! Поручитесь ли вы, что я доживу до того времени?

Ответить на эти доводы было нечем, и горю Томаса Блэка не было пределов, ибо непостоянная погода, кажется, действительно собиралась сыграть с ним плохую шутку.

Шестнадцатого июля день был прекрасный. А наутро, как назло, по небу потянулись тучи и поднялся густой туман. Было от чего прийти в отчаяние! Томас Блэк даже расхворался. Лихорадочное состояние, в котором он жил последнее время, грозило перейти в настоящую болезнь. Миссис Полина Барнет и Джаспер Гобсон тщетно старались его успокоить. Что касается сержанта Лонга и остальных, то те искренно удивлялись, как можно «так страдать от любви к луне»!

Наконец, настал великий день 18 июля! По исчислению астрономических таблиц, полное затмение должно было длиться четыре минуты сорок две секунды и, начавшись в одиннадцать часов сорок три минуты пятнадцать секунд утра, закончиться в одиннадцать часов сорок семь минут пятьдесят семь секунд.

— Ведь что мне нужно? — жалобно восклицал астроном, хватаясь за голову.

— Только чтобы один уголок неба, один крошечный уголок, где луна закроет солнце, не был застлан тучами, и сколько времени? — всего четыре минуты! А потом — пусть себе идет снег, пусть гремит гром и неистовствуют стихии — мне до этого так же мало дела, как улитке до хронометра!

Томас Блэк отчаивался не без основания. Было очень похоже на то, что наблюдение не удастся. На рассвете весь горизонт заволокло туманом. С юга, с той именно части неба, где должно было произойти затмение, поползли тяжелые тучи. Но, наверно, бог астрономов сжалился над бедным Блэком: в восемь часов утра с севера подул довольно сильный ветер и очистил весь небосклон.

О! Какой крик благодарности, какие выражения признательности вырвались из груди почтенного ученого! Небо было ясно, солнце сверкало в ожидании той минуты, когда луна, еще не видная в его ярких лучах, малопомалу затмит его блеск своим диском.

Тотчас все приборы Томаса Блэка были вынесены и установлены на вершине мыса. Астроном направил их на южный горизонт и стал ждать. К нему мгновенно вернулось его обычное терпение и необходимое для наблюдения хладнокровие. Чего теперь было опасаться? Разве что небо свалится ему на голову! В девять часов ни на горизонте, ни в зените не было ни единой тучки, ни единого облачка! Никогда еще астрономические наблюдения не проходили в столь благоприятных условиях.

Джаспер Гобсон со своими товарищами и миссис Барнет со своими приятельницами — все пожелали присутствовать при этом астрономическом священнодействии. Колония в полном составе собралась на мысе Батерст и окружила астронома. Солнце медленно поднималось, описывая над простиравшейся на юге необъятной равниной сильно удлиненную дугу. Зимовщики стояли молча, в каком-то торжественном волнении.

Затмение началось в девять часов тридцать минут. Диск луны надвинулся на солнечный диск. Но полностью закрыть его он должен был лишь в промежуток времени между одиннадцатью часами сорока тремя минутами пятнадцатью секундами и одиннадцатью часами сорока семью минутами пятьюдесятью семью секундами. Судя по астрономическим таблицам, это было время полного затмения, а всякому известно, что ни малейшая ошибка не может вкратиться в эти точнейшие вычисления, выверенные и проконтролированные учеными всех обсерваторий мира.

Томас Блэк привез в своем багаже некоторое количество закопченных стекол; он раздал их окружающим, и всякий без вреда для глаз мог следить за ходом затмения.

Темный диск луны постепенно надвигался все дальше и дальше. Предметы на земле уже приняли особенную оранжево-желтую окраску. Небо в зените изменило свой цвет. В десять часов пятнадцать минут луна покрыла половину солнечного диска. Выпущенные из псарни собаки, жалобно повизгивая, тревожно носились взад и вперед. Утки, до тех пор спокойно сидевшие на берегу, вдруг подняли свой вечерний гомон и стали искать подходящее для ночлега место. Мамаши сзывали птенцов, спешивших спрятаться под их крылья. Для всех животных началась ночь, приблизился час сна.

К одиннадцати часам скрылись уже две трети солнца. Освещение сделалось винно-красным. Воцарились сумерки, которые на время, равное четырем минутам, должны были превратиться в почти полный мрак. Появилось уже несколько планет — Меркурий, Венера, а также созвездия Овна, Тельца и Ориона. Тьма сгущалась с каждой минутой.

Томас Блэк замер у своего телескопа и молча наблюдал за ходом затмения. В одиннадцать часов сорок три минуты оба диска должны были точно совпасть друг с другом.

— Одиннадцать часов сорок три минуты, — сказал Джаспер Гобсон, внимательно следивший за секундной стрелкой своего хронометра.

Прильнув к окуляру, Томас Блэк не шевелился, Прошло полминуты...

Вдруг астроном выпрямился; глаза его были непомерно расширены. Потом он опять на минутку присел к телескопу и снова вскочил.

— Но она уходит! Она уходит! — закричал он не своим голосом. — Луна! Луна бежит! Она исчезает!

И правда, лунный диск, скользя по диску солнца, не закрыл его целиком. Затемнены были только две трети солнца.

Томас Блэк упал на стул, как громом пораженный. Четыре минуты истекли! Понемногу стало светлеть. Сияющая корона не появилась!

— Что случилось? — спросил Джаспер Гобсон.

— Что случилось! — воскликнул астроном. — Случилось то, что настоящего затмения не произошло, что оно не было полным в этой точке земного шара! Поняли? Не бы-ло пол-ным!

— Значит, ваши эфемериды ошибочны!

— Ошибочны! Какой вздор! Убеждайте в этом кого-нибудь другого, лейтенант!

— Но тогда выходит... — проговорил Джаспер Гобсон, внезапно меняясь в лице.

— Выходит, что мы не на семидесятой параллели, — подхватил Томас Блэк.

— То есть как это! — вскричала миссис Барнет.

— А вот сейчас узнаем, как! — сказал астроном, глаза которого выражали глубокое разочарование и в то же время сверкали гневом. — Через несколько минут солнце пройдет через меридиан... Мой секстан! Живо! Живо!

Один из солдат побежал в дом и принес требуемый прибор.

Томас Блэк навел секстан на дневное светило, выждал, чтобы оно прошло через меридиан, и, опустив секстан, стал быстро заносить в записную книжку цифры вычислений.

— Где находился мыс Батерст, когда год назад мы по приезде определили его широту? — спросил он.

— На семидесятом градусе сорока четырех минутах и тридцати семи секундах! — ответил, лейтенант Гобсон.

— Так вот, милостивый государь, сейчас мыс Батерст находится на

семьдесят третьем градусе семи минутах и двадцати секундах северной широты! Как видите, мы вовсе не на семидесятой параллели!..

— Вернее, мы уже не на семидесятой параллели! — прошептал Джаспер Гобсон.

Точно завеса внезапно разорвалась перед его умственным взором! Все необъяснимые дотоле явления стали вдруг ясны!..

Мыс Батерст с прилегающей к нему местностью «переместился» со времени приезда отряда лейтенанта Гобсона на три градуса к северу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ПЛАВУЧИЙ ФОРТ

Итак, форт Надежды, основанный лейтенантом Джаспером Гобсоном у самых границ Северного Ледовитого океана, уносило морским течением. Но можно ли было поставить это хотя бы в малейшую вину смелому агенту Компании Гудзонова залива? Нет! Всякого другого на его месте постигла бы здесь такая же неудача. Да и в самом деле, кто мог бы предвидеть эту роковую случайность? Он был уверен, что строит на скале, а вышло хуже, чем на песке! Полуостров Виктория, который самые точные карты Британской Америки относили к американскому континенту, внезапно отделился от него. Оказалось, что полуостров этот был не чем иным, как ледяным полем площадью в сто пятьдесят квадратных миль. Благодаря последовательным наносам эта огромная льдина приобрела со временем вид большого участка суши с плодородной почвой и сравнительно обильной растительностью. Но вот, должно быть под действием землетрясения 8 января, ледяное поле, за сотни тысяч лет как бы сросшееся с материком, неожиданно откололось от него. Полуостров превратился в остров, но остров блуждающий, бродячий, который вот уже три месяца сила течений увлекала вглубь Северного Ледовитого океана!

Да, то была просто-напросто дрейфующая льдина, уносившая на себе форт Надежды и его обитателей. Джаспер Гобсон сразу понял, что только этим и можно объяснить обнаруженное изменение широты. Несколько месяцев назад в районе полуострова Виктории произошло извержение вулкана, вызвавшее сильный подземный толчок, в результате которого, очевидно, и треснул узкий перешеек, соединявший полуостров с континентом. Пока стояла суровая северная зима и полярные морозы держали море в своих ледяных оковах, эта катастрофа никак не отражалась на географическом положении полуострова. Но едва началось вскрытие льда, едва нагретый солнцем ледяной покров стал таять и ледяные поля с нагроможденными на них торосами, отступив от берега, ушли за линию горизонта, — словом, когда море очистилось, эта покоившаяся на льдине земля под влиянием каких-то арктических течений отделилась от материка. Она перемещалась вместе со своими лесами и утесами, со своим скалистым мысом, со своим озером и прибрежной полосой. Несмотря на то, что это движение происходило уже несколько месяцев, зимовщики, охотившиеся только вблизи форта Надежды, ничего не замечали. Отсутствие всякого ориентира, густые туманы, ограничивавшие видимость

всего лишь несколькими милями, кажущаяся неподвижность почвы — все это привело к тому, что ни лейтенант Гобсон, ни его спутники не заметили, как из обитателей континента они превратились в островитян. Следует упомянуть, что остров, перемещаясь, продолжал сохранять свое положение относительно четырех стран света. Этому, очевидно, способствовала протяженность острова и прямолинейное направление течения, которое уносило его. Конечно, если бы мыс Батерст начал менять свое место относительно стран света, если бы остров повернулся вокруг своей оси, а солнце и луна переменили бы точки своего восхода и захода, то и Джаспер Гобсон, и Томас Блэк, и миссис Барнет, и остальные зимовщики сразу поняли бы, что произошло. Но так как по неизвестной причине движение льдины совершалось до сих пор по одной и той же параллели и при этом с большой скоростью, то никто этого не ощущал.

Хотя лейтенант Гобсон нисколько не сомневался в мужестве, хладнокровии и стойкости своих товарищей, он пока не хотел, чтобы они узнали о случившемся. Он считал, что всегда успеет сообщить им об этом, но что раньше надо тщательно обследовать остров. К счастью, все эти люди — честные солдаты и рабочие — слабо разбирались в вопросах астрономии и географии, в частности в географической широте и долготе: вот почему мысль об изменениях, происшедших за последние три месяца в координатах полуострова, так сильно тревожившая лейтенанта Гобсона, им и в голову не приходила.

Решив до времени не объявлять о том положении, в какое они попали, ибо он еще не видел из него выхода, лейтенант Гобсон призвал на помощь все свое мужество. Величайшим усилием воли, которое не ускользнуло от миссис Барнет, он вновь овладел собой и принялся успокаивать несчастного ученого, который готов был в отчаянии рвать на себе волосы.

Астроном даже не подозревал о явлении, жертвой которого он оказался. В отличие от лейтенанта, который уже давно доискивался причины некоторых странных особенностей местности, он ничего не понял и ни о чем не хотел знать, кроме того злополучного факта, что в предустановленный день и час луна полностью не закрыла солнца. Чем же в сущности Блэк мог объяснить случившееся? Тем, что, к стыду обсерваторий, их эфемериды оказались ошибочными и столь желанное затмение, его, Томаса Блэка, затмение, ради которого он совершил столь долгое и утомительное путешествие, в этой части земного шара, лежащей на семидесятой параллели, вообще не должно было быть полным?! Нет! Он бы никогда не допустил такой мысли! Никогда! Вот почему это так и потрясло его. Но Томасу Блэку предстояло вскоре узнать истину.

Джаспер Гобсон, уверив зимовщиков, что случай с неудавшимся затмением должен беспокоить только астронома, а их ничуть не касается, распорядился возобновить прерванные работы. Однако, когда солдаты приготовились покинуть оконечность мыса Батерст и вернуться в факторию, капрал Джолиф неожиданно подошел к лейтенанту и, отдав честь, остановился перед ним.

— Господин лейтенант, — сказал он, — разрешите задать вам один вопрос.

— Пожалуйста, капрал, — ответил Джаспер Гобсон, не понимавший, куда клонит его подчиненный. — В чем дело? Говорите!

Но капрал медлил. Он колебался. Тогда его маленькая жена толкнула мужа локтем.

— Я, господин лейтенант, — произнес, наконец, Джолиф, — касательно этого самого семидесятого градуса широты. Сдается, мы очутились не там, где вы предполагали...

Лейтенант сдвинул брови.

— Действительно, — ответил он уклончиво, — мы допустили ошибку в вычислениях... наше первое наблюдение оказалось неточным. Но почему... с какой стороны это может вас занимать?

— Да я насчет жалованья, господин лейтенант, — ответил Джолиф, ухмыльнувшись. — Вы-то ведь знаете, компания обещала платить вдвойне...

Джаспер Гобсон облегченно вздохнул. В самом деле, как помнит читатель, зимовщики в случае основания фактории на семидесятой параллели или севернее получали право на более высокое вознаграждение. Капрал Джолиф, человек расчетливый, проявлял к этому вопросу исключительно денежный интерес и опасался, что прибавка не будет утверждена.

— Будьте покойны, капрал, — улыбаясь, ответил лейтенант, — и успокойте своих славных товарищей. Наша ошибка, в самом деле необъяснимая, к счастью, не причинит вам никакого ущерба. Мы находимся не южнее семидесятой параллели, а севернее ее, и, следовательно, вам полагается двойное жалованье.

— Благодарю вас, господин лейтенант, — воскликнул капрал, просияв, — благодарю! Ведь это не мы держимся за деньги, а эти проклятые деньги держат нас.

После этого капрал Джолиф и весь отряд удалились, нисколько не подозревая о той странной и грозной перемене, которая произошла в природе и положении фактории.

Сержант Лонг тоже собрался было направиться к форту, но лейтенант Гобсон удержал его:

— Подождите, Лонг.

Сержант повернулся на каблуках и замер в ожидании.

На вершине мыса Батерст оставались теперь только миссис Полина Барнет, Мэдж, Томас Блэк, лейтенант Гобсон и сержант Лонг.

С момента несостоявшегося затмения миссис Барнет не произнесла ни слова. Она вопросительно смотрела на Джаспера Гобсона, но тот делал вид, что ничего не замечает. Лицо отважной женщины выражало скорее удивление, чем тревогу. Поняла ли она? Неужели у нее внезапно мелькнула та же мысль, что и у лейтенанта Гобсона? Догадывалась ли она о положении фактории, и какие выводы сделал из этого ее трезвый ум? Как бы то ни было, она молча сидела, прижавшись к Мэдж, которая обняла ее за талию.

Между тем астроном продолжал нервно шагать взад и вперед. Он не мог стоять на месте. Волосы у него были взъерошены. Он то всплескивал руками, то воздевал их над головой, то бессильно опускал вниз. С уст его ежеминутно срывались возгласы отчаяния. Он грозил солнцу кулаком и не отрываясь смотрел на него, рискуя повредить глаза.

Но вот Блэк стал, наконец, приходить в себя. Он почувствовал, что уже в силах говорить. Скрестив руки, с гневно пылающим взглядом и нахмуренным лбом он подошел к лейтенанту Гобсону и грозно остановился перед ним.

— А теперь поговорим, — крикнул он, — теперь поговорим, господин агент Компании Гудзонова залива!

Этот возглас, тон и поза были весьма похожи на вызов. Но Джаспер Гобсон, видимо, не хотел этого замечать и только пристально смотрел на злосчастного астронома. Лейтенант понимал, как тяжело переживает этот человек свою неудачу.

— Мистер Гобсон, — сказал Томас Блэк тоном плохо сдерживаемого раздражения, — не соблаговолите ли вы объяснить мне, что все это значит? Уж не мистификация ли это с вашей стороны? В таком случае, сударь, она заденет людей, стоящих повыше меня, и смотрите, как бы вам потом не пожалеть!

— Что вы хотите этим сказать, мистер Блэк? — спокойно спросил Джаспер Гобсон.

— Я хочу сказать, сударь, — ответил астроном, — что вы обязаны были доставить ваш отряд на семидесятую параллель...

— Или севернее, — перебил Джаспер Гобсон.

— Севернее? — вскричал Томас Блэк. — Но что стал бы я делать севернее? Ведь чтобы наблюдать полное затмение, мне надо было находиться в пределах круга тени, отбрасываемой луной, граница которого в этой части Британской Америки совпадает с семидесятой параллелью, а мы, извольте видеть, оказались на три градуса выше!

— Ничего не поделаешь, мистер Блэк, — самым спокойным тоном ответил лейтенант Гобсон. — Значит, мы с вами ошиблись, — вот и все!

— Вот и все! — возмутился Блэк. Хладнокровие лейтенанта выводило его из себя.

— Между прочим, мистер Блэк, должен вам заметить, что если я и ошибся, то ведь и вы виноваты не менее. По прибытии на мыс Батерст мы вместе определяли его географическое местоположение, вы — вашими приборами, я — своими. И не к лицу вам перекладывать на меня ответственность за неточность, допущенную вами!

Эти слова окончательно сразили Томаса Блэка, и, хотя в нем все кипело, он не нашелся, что ответить. Да и что мог он сказать в свое оправдание! Если произошла ошибка, то и он виноват в ней. Но как отнесутся к этому ученые Европы, Гринвичская обсерватория? Что подумают они о злосчастном астрономе, который допустил неточность в определении широты места! Знаменитый Томас Блэк ошибается на три градуса — и в чем? В определении географической параллели. Да еще при каких обстоятельствах! Когда это связано с наблюдениями над полным затмением солнца в таких условиях, которые не повторятся в течение весьма длительного времени! Томас Блэк опозорен, опозорен как ученый!

— Но как, как мог я так ошибиться? — снова вскричал он, хватаясь за голову. — Или я разучился обращаться с секстаном? Не способен вычислить угол? Слеп я, что ли? А если так, мне остается броситься вниз головой с вершины этого утеса!..

— Мистер Блэк! — заговорил лейтенант Гобсон, и в голосе его прозвучали торжественные ноты, — не обвиняйте себя понапрасну: результаты ваших наблюдений безупречны.

— Значит, вы один...

— Я виноват не больше вас, сударь. Прошу вас выслушать меня. И вас также, сударыня, — добавил он, поворачиваясь к миссис Барнет, — и вас, Мэдж, и вас, сержант Лонг. Но я хотел бы лишь одного: сохраните то, что я вам сообщу, в строжайшей тайне. Незачем пугать, быть может даже приводить в отчаяние, остальных наших товарищей по зимовке.

Миссис Барнет, Мэдж, сержант Лонг и Томас Блэк молча окружили лейтенанта, как бы выражая этим свое согласие хранить доверенную им

тайну.

— Друзья мои, — начал Джаспер Гобсон. — Когда мы ровно год назад прибыли в эту часть Британской Америки и установили географическое положение мыса Батерст, он находился как раз на семидесятой параллели, и если сейчас он переместился севернее семьдесят второй параллели, то есть на целых три градуса ближе к полюсу, то это произошло потому, что он дрейфует.

— Дрейфует! — вскричал Томас Блэк. — Кому вы это говорите? С каких это пор мысы начали дрейфовать?

— И, однако, это так, мистер Блэк! — невозмутимо подтвердил лейтенант Гобсон. — Полуостров Виктория — это огромная льдина. Подземным толчком ее оторвало от американского материка, и теперь одно из сильнейших полярных течений уносит ее!..

— Куда? — осведомился сержант Лонг.

— Куда направит ее воля божья, — ответил лейтенант.

Все молча слушали Джаспера Гобсона. Их взгляды невольно обратились к югу, туда, где за необъятным простором океана остался перешеек, от которого откололась льдина. Но оттуда, где они стояли, видна была лишь северная часть окружавшего их теперь со всех сторон океана. Если бы высота мыса Батерст над уровнем моря была на несколько сот футов больше, вся местность открылась бы перед ними как на ладони и они могли бы убедиться, что находятся уже не на полуострове, а на острове.

И когда они представили себе, что форт Надежды со всеми его обитателями уносится от побережья вглубь океана, где он станет игрушкой ветров и волн, — сердца их сжались.

— Значит, мистер Гобсон, — прервала молчание миссис Барнет, — это и есть причина тех необъяснимых явлений, которые вам пришлось здесь наблюдать?

— Да, сударыня! — отвечал лейтенант. — И теперь мне все понятно. Полуостров, а ныне остров Виктория, который мы, естественно, считали неотъемлемой частью материка, на деле оказался огромной ледяной глыбой, уже много веков спаянной с американским континентом. Дувшие с суши ветры постепенно наносили на льдину песок и землю и засевали ее семенами будущих мхов и деревьев. Тучи поливали его водой, образовавшей озеро и небольшую речку. Покрывшись растительностью, льдина совсем преобразилась. Но под озером, под верхним слоем земли и песка, словом, под нашими ногами лежит слой льда, который благодаря присущей ему легкости держится на поверхности океана. Да, мы живем на плавучей льдине и поэтому ни разу не находили здесь ни булыжника, ни

другого камня. Вот почему здесь такие отвесные берега, вот почему, когда мы рыли волчьи ямы для оленей, мы уже на глубине десяти футов под землей наткнулись на лед. По этой причине здесь не ощущался морской прилив, ибо в часы прилива и отлива наш мнимый полуостров поднимался либо опускался на волнах.

— Теперь действительно все понятно, — сказала миссис Барнет, — и ваши предположения, лейтенант, были правильны. Однако мне хотелось бы знать, почему прилив теперь вовсе не заметен, а в первое время после нашего прибытия на мыс Батерст он все же несколько ощущался?

— Совершенно верно, сударыня, и я объясняю это тем, что, когда мы здесь поселились, полуостров был еще соединен с материком перешейком. Тогда он еще оказывал приливу некоторое сопротивление, и на его северном побережье уровень воды поднимался приблизительно на два фута против ординара вместо двадцати футов, как это обычно наблюдается. Но, с тех пор как во время землетрясения перешеек раскололся и полуостров, отделившись от материка, стал во время прилива и отлива сам подниматься и опускаться на волнах, это явление проходит совершенно незаметно для нас. Несколько дней назад, во время новолуния, мы с вами убедились в этом.

Несмотря на свое отчаяние, Томас Блэк с напряженным вниманием слушал объяснения Джаспера Гобсона. Доводы лейтенанта были настолько убедительны, что астроном не мог не согласиться с ними. Но, взбешенный тем, что это редкое, непредвиденное и, как он выразился, «нелепое» стечение обстоятельств произошло как будто специально для того, чтобы помешать ему увидеть желанное затмение, Блэк все время молчал и сидел мрачный и пристыженный.

— Мне очень жаль мистера Блэка, — сказала миссис Барнет, — надо признаться, ни один астроном на свете не попадал еще в такое досадное положение!

— Во всяком случае, сударыня, — ответил лейтенант, — мы здесь ни при чем. Никто не может упрекнуть в чем-либо ни вас, ни меня. Все это проделки природы, и она одна во всем виновата!.. Подземный толчок разорвал связь полуострова с континентом, и это отнюдь не фантазия, что мы несемся на плавучем острове. Этим объясняется и то, что в окрестностях форта так много пушного, да и всякого другого зверя. Животные, как и мы, оказались в плену.

— И вот почему, — подхватила Мэдж, — нас ни разу не посетили ваши конкуренты, что были здесь в самый разгар охотничьего сезона. Я помню, как их присутствие тревожило вас, мистер Гобсон.

— И вот почему, — заявила миссис Барнет, взглянув на лейтенанта Гобсона, — я должна, по крайней мере на этот год, оставить всякую надежду на возвращение в Европу.

По тону путешественницы можно было догадаться, что она уже примирилась со своей участью и отнеслась к ней более спокойно, чем можно было ожидать. Она как будто приняла внезапное решение и намеревалась воспользоваться этим удивительным стечением обстоятельств, чтобы провести здесь интересные наблюдения. Впрочем, если бы она пришла в отчаяние, а ее спутники вздумали бы жаловаться и обвинять кого-то, ничего бы не изменилось. Разве могли они остановить движение плавучего острова или снова прикрепить его к какому-нибудь материку? «Нет! Один бог мог решить грядущую судьбу форта Надежды, и приходилось покориться его воле.

2. ГДЕ ОНИ?

Непредвиденное обстоятельство, поставившее служащих Компании Гудзонова залива в совершенно новые условия, требовало самого тщательного изучения, и лейтенант Гобсон решил немедленно приступить к делу, имея перед собой точную карту. Следовало прежде всего определить долготу острова Виктории (это название так за ним и осталось), как это было только что проделано относительно его широты. Но это пришлось отложить до утра: чтобы произвести вычисление, надо было измерить высоту солнца до и после полудня, а также вычислить два часовых угла.

В два часа пополудни лейтенант Гобсон и Томас Блэк определили при помощи секстана высоту солнца; на следующий день они рассчитывали повторить эту операцию около десяти часов утра, чтобы на основании полученных данных вычислить долготу места, где находился в то время остров, плывший по волнам Северного Ледовитого океана.

Но они не сразу вернулись в форт, и беседа между Джаспером Гобсоном и его спутниками продолжалась довольно долго. Мэдж совсем не думала о себе, всецело предавшись на волю провидения, но ее мучила мысль-об испытаниях, а возможно, и гибельных опасностях, которые судьба готовила ее госпоже, ее «дочери Полине», и она не могла смотреть на нее без волнения. Мэдж готова была жизнь отдать за Полину, но разве спасла бы эта жертва ту, которую она любила больше всего на свете? Впрочем, Мэдж знала, что миссис Барнет не из тех слабых созданий, которые позволяют себе падать духом. Смелая путешественница без страха смотрела в будущее, и, надо сказать, у нее еще не было никаких оснований отчаиваться.

В самом деле, обитателям форта Надежды вовсе не грозила неизбежная гибель. Наоборот, все позволяло надеяться, что роковая катастрофа минует их. И доводы лейтенанта Гобсона на этот счет были достаточно убедительны.

Вдали от американского континента плавучему острову угрожали две, всего лишь две опасности: морские течения могли отнести его к крайним полярным широтам, откуда никто не возвращается, либо увлечь его на юг — например, через Берингов пролив — прямо в Тихий океан.

В первом случае зимовщикам, окруженным льдами, запертым непроходимыми торосами и лишенным всякой связи с людьми, предстояло погибнуть от холода и голода в ледяных пустынях.

Во втором случае ледяная опора острова Виктории, отнесенного течениями в более теплые воды Тихого океана, должна была постепенно растаять, а сам остров провалиться под ногами своих обитателей.

И в том и в другом случае неизбежная гибель ожидала и самого лейтенанта Гобсона, и всех его спутников, и факторию, созданную ценою таких трудов».

Но неужели тот или другой конец был неизбежен? Нет! Это было невероятно!

И в самом деле, добрая половина лета уже прошла. Через каких-нибудь два-три месяца море, скованное первыми полярными морозами, превратится в неподвижное ледяное поле и до ближайшей земли можно будет добраться на санях. Если остров удержится в восточной части океана — эта земля окажется Русской Америкой, если, наоборот, его отбросит на запад — побережьем Азии.

— Дело в том, — добавил Джаспер Гобсон, — что плавучий остров нам не подчиняется. Это вам не парусное судно, и им нельзя управлять. Нам придется плыть туда, куда он нас понесет.

Объяснения лейтенанта Гобсона, очень ясные и точные, были приняты без возражений. Было вполне вероятно, что с наступлением полярной зимы остров Виктория примерзнет к какому-нибудь большому ледяному полю, и можно было надеяться, что его не отнесет слишком далеко на север или на юг. А переход в несколько сот миль по гладкому льду не мог испугать этих смелых и решительных людей. Все они привыкли к полярному климату и к длительным путешествиям по областям Арктики. Правда, покинуть остров Викторию значило потерять форт Надежды, который потребовал от них столько усилий и труда, и право на вознаграждение за свою добросовестную службу; но что поделаешь? Фактория, основанная на этой плавучей земле, все равно оказалась бы бесполезной для Компании Гудзонова залива. А самый остров — рано или поздно — должен был пойти ко дну где-нибудь посреди океана. Вот почему им следовало самим уйти отсюда, пока не поздно.

Больше всего лейтенанта Гобсона беспокоило, — и он особенно подчеркивал это обстоятельство, — то, что до ледостава оставалось еще недель восемь или девять, а за это время остров Виктория мог переместиться слишком далеко на север или на юг. По рассказам зимовщиков, такие случаи движения льдов на далекие расстояния нередки, причем остановить их или помешать им нельзя.

Словом, все зависело от каких-то неизученных течений. Начинались они у входа в Берингов пролив, и потому необходимо было тщательно

проследить их направление по карте Северного Ледовитого океана. У Джаспера Гобсона была такая карта, и он предложил товарищам последовать за ним в форт. Но, прежде чем покинуть вершину мыса Батерст, он еще раз напомнил всем их обещание хранить все в строжайшей тайне.

— Наше положение далеко не безнадежно, — добавил лейтенант Гобсон, — и, по-моему, не следует волновать наших товарищей и вселять в них тревогу, тем более что они, быть может, отнесутся к этому событию иначе, чем мы с вами, и не смогут столь хладнокровно воспринять случившееся.

— Но не сочтете ли вы благоразумным, — заметила миссис Барнет, — уже сейчас приступить к постройке небольшого, но вместительного судна, которое могло бы забрать нас всех и выдержать морское плавание в несколько сот миль.

— Да, это будет действительно разумно, — согласился лейтенант Гобсон, — мы так и сделаем. Я постараюсь найти какой-нибудь предлог и отдам старшему плотнику приказ незамедлительно приступить к постройке прочного бота. Однако, по-моему, к такому способу возвращения на континент следует прибегнуть лишь в крайнем случае. Главное — покинуть остров до начала нового движения льдов, и надо сделать все, чтобы, как только океан замерзнет, добраться до материка.

Это и в самом деле был лучший способ достичь материка. Чтобы построить судно водоизмещением от тридцати до тридцати пяти тонн, понадобилось бы не меньше трех месяцев, но как раз в это время море покроется льдом, и судном уже нельзя будет воспользоваться. Если бы лейтенанту Гобсону удалось переправить свою маленькую колонию на материк пешком по льду, это было бы наиболее удачным выходом из положения. Пуститься же по морю среди дрейфующих льдов — предприятие весьма рискованное, и Джаспер Гобсон вполне резонно рассматривал этот способ как последнее средство спасения. Его спутники согласились с ним.

Все снова подтвердили лейтенанту свое обещание не разглашать тайны, считая, что ему одному принадлежит право решать этот вопрос. Затем они покинули мыс Батерст и вскоре уже расположились в большой зале форта Надежды, где в то время никого не было, ибо рабочие и солдаты были заняты работой вне дома.

Лейтенант Гобсон принес великолепную карту воздушных и океанических течений, и все принялись внимательно изучать часть Северного Ледовитого океана между мысом Батерст и Беринговым

проливом.

Эта малодоступная часть Северного Ледовитого океана расположена между Полярным кругом и той малоисследованной зоной, которая с момента смелого открытия Мак-Клюра носит название «Северо-Западного прохода». Здесь известны два течения — по крайней мере другие в гидрографических исследованиях не указаны.

Одно из этих течений носит название Камчатского. Беря начало у берегов одноименного полуострова, оно идет вдоль азиатского побережья и пересекает Берингов пролив, огибая мыс Восточный — выступ Чукотского полуострова. Примерно в шестистах милях от Берингова пролива течение это внезапно меняет свое основное направление с юга на север и поворачивает на восток, следуя почти параллельно проходу Мак-Клюра, словно стремится сделать его доступным в продолжение нескольких месяцев теплого периода.

Другое течение носит название Берингова; оно несет свои воды в противоположном направлении. Проходя с востока на запад вдоль берегов Америки на расстоянии не более ста миль от материка, оно словно устремляется навстречу Камчатскому течению у входа в Берингов пролив. Спустившись затем к югу и подойдя к берегам Русской Америки, течение это в конце концов разбивается о своего рода волнорез Берингова моря — Алеутские острова.

Карта отражала самые последние достижения морских экспедиций и заслуживала полного доверия.

Джаспер Гобсон некоторое время внимательно изучал ее, не произнося ни слова. Затем он провел ладонью по лбу, как бы отгоняя какие-то неприятные мысли.

— Надо надеяться, друзья мои, — сказал он, — что злой рок не занесет нас в эти отдаленные места. Наш плавучий остров рисковал бы навсегда остаться там.

— Почему? — живо спросила миссис Полина Барнет.

— Вы спрашиваете, почему? — сказал лейтенант. — Вглядитесь хорошенько в эту часть Северного Ледовитого океана, и вы сразу поймете. Здесь, в противоположных друг другу направлениях, проходят два опасных для нас течения. В месте их встречи наш остров может быть затерт льдами на большом расстоянии от ближайшей земли. Здесь ему и придется зазимовать, а с возобновлением движения льдов либо Камчатское течение увлечет его на северо-запад, в самое сердце затерянных земель, либо он подчинится влиянию Берингова течения и уплывет на юг, где и погрузится в глубины Тихого океана.

— Нет, лейтенант, этого не случится, — воскликнула Мэдж, и в голосе ее прозвучала искренняя вера. — Бог не допустит!

— Однако, — продолжала миссис Барнет, — я себе не представляю, в какой части Северного Ледовитого океана мы сейчас находимся. На широте мыса Батерст я вижу лишь одно опасное Камчатское течение, которое стремится прямо на северо-запад. Не следует ли опасаться, что оно подхватило нас и несет к берегам Северной Джорджии?

— Нет, не думаю, — помедлив секунду, ответил Джаспер Гобсон.

— А почему?

— Потому, сударыня, что это очень быстрое течение, и если бы оно увлекало нас, то нам бы уже открылась какая-нибудь земля, а этого не произошло.

— Но все-таки, где мы сейчас, по-вашему, находимся? — спросила путешественница.

— Вероятно, где-нибудь между Камчатским течением и приморской полосой, возможно в своего рода огромном водовороте, который возникает вблизи берегов.

— Этого, мистер Гобсон, не может быть, — живо возразила миссис Барнет.

— Не может быть? — удивился лейтенант. — А почему, сударыня?

— А вот почему! Если бы остров Виктория попал в водоворот, то есть плыл бы, не следуя определенному направлению, то ему неминуемо пришлось бы подчиниться какому-либо вращательному движению. А так как за эти три месяца его положение по отношению к странам света не изменилось, значит он не попал в водоворот.

— Вы правы, сударыня! — согласился Джаспер Гобсон. — Вы великолепно разбираетесь в этих вещах, и мне нечего возразить вам, разве что есть еще какое-нибудь неизвестное нам течение, которое пока не нанесено на эту карту. По правде говоря, такая неуверенность ужасна. Я не дождусь завтрашнего дня, чтобы установить, наконец, где находится наш остров.

— Завтра уже не за горами, — утешила его Мэдж.

Оставалось лишь ждать. Все разошлись. Каждый вернулся к своим повседневным занятиям. Сержант Лонг отправился предупредить зимовщиков, что назначенный на следующий день отъезд нескольких человек в форт Релайанс отменен. Он сослался на то, что лето подходит к концу, и по здравом размышлении лейтенант решил, что им вряд ли попасть в эту южную факторию до начала сильных холодов; помимо того, астроном решил провести здесь еще одну зиму, чтобы закончить свои

метеорологические наблюдения; наконец, добавил сержант, форт Надежды и не нуждается в добавочных припасах. Надо заметить, что отмена поездки мало тронула этих славных людей.

Между тем охотники получили от лейтенанта Гобсона специальный приказ: не трогать впредь пушных зверей, с которыми пока нечего было делать, а усилить охоту за съедобной дичью, чтобы пополнить продовольственные запасы фактории. Он запретил им также удаляться от форта более чем на две мили, опасаясь, как бы Марбр, Сэбин или другие звероловы не увидели сплошного водного пространства там, где еще несколько месяцев назад простирался перешеек, соединявший полуостров Викторию с американским континентом. Неожиданное исчезновение этой узкой полосы земли, несомненно, открыло бы им глаза на истинное положение вещей.

День этот показался лейтенанту Гобсону бесконечным. Он несколько раз поднимался на вершину мыса Батерст, один или в сопровождении миссис Барнет. Эта энергичная, сильная духом женщина не испытывала ни малейшего страха. Будущее вовсе не представлялось ей грозным. Она даже шутила по этому поводу, уверяя Джаспера Гобсона, что для поездки на Северный полюс лучшего экипажа, чем их плавучий остров, не найти! И, попадись им только благоприятное течение, они, чего доброго, доберутся до самой неприступной точки земного шара!

Слушая рассуждения своей спутницы, лейтенант Гобсон кивал головой, но глаза его не отрывались от горизонта: он надеялся увидеть вдали какую-нибудь известную или не известную ему землю. Но небо и вода плотно сливались в одну дугообразную линию, и ничто не нарушало ее четкости. Это убеждало Джаспера Гобсона, что остров двигался, по-видимому, к западу, а не в другом направлении.

— Мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — не думаете ли вы, что нам необходимо обследовать берега нашего острова — и при этом в самое ближайшее время?

— Обязательно, сударыня, обязательно! Как только мне удастся установить наши координаты, я займусь определением его формы и размеров. Это необходимо, чтобы в будущем следить за всеми происходящими изменениями. По-видимому, льдина откололась у самого перешейка, и таким образом полуостров превратился в остров.

— Странная у нас с вами судьба, лейтенант, — проговорила миссис Барнет.

— Другие, возвращаясь из путешествия, привозят континенту какие-то новые земли, а мы, наоборот, стираем с карты этот мнимый полуостров

Викторию.

На следующий день, 19 июля, в десять часов утра, когда на небе не было ни облачка, Джаспер Гобсон измерил высоту солнца. Затем, сравнив этот результат, с данными, полученными накануне, он математически вычислил долготу, на которой находился остров.

Во время этой работы астроном даже не показывался. Он все еще дулся и сидел один в своей комнате, точно капризный ребенок. Впрочем, вне своей научной деятельности он и в самом деле оставался большим ребенком.

Между тем наблюдение показало, что остров Виктория находился на $157^{\circ}37'$ западной долготы, считая от Гринвичского меридиана.

Широта, полученная накануне в полдень, сразу после затмения, была, как известно, $73^{\circ}7' 20''$.

Координаты острова были нанесены на карту лейтенантом Гобсоном в присутствии миссис Барнет и сержанта Лонга.

Это был волнующий момент, и вот что оказалось. Плавающий остров, как и предполагал лейтенант Гобсон, дрейфовал в западном направлении, но другое течение, не отмеченное на карте и не известное гидрографам этих мест, уносило его к Берингову проливу. Таким образом, все опасности, которые предвидел Джаспер Гобсон, могли в будущем угрожать острову, если только его до наступления зимы вновь не прибьет к материку.

— Но как далеко мы теперь от американского континента? — спросила миссис Барнет. — Ведь это для нас самый интересный вопрос.

Джаспер Гобсон взял циркуль и старательно измерил по карте самую узкую полосу моря между берегом и семьдесят третьей параллелью.

— В настоящее время мы отстоим более чем на двести пятьдесят миль от самой северной точки Русской Америки — мыса Барроу, — ответил он.

— Не мешало бы знать, на сколько миль уплыл остров от того места, где когда-то находился мыс Батерст, — спросил сержант Лонг.

— Миль на семьсот, не меньше, — ответил Джаспер Гобсон, опять обращаясь к карте.

— А с какого приблизительно времени остров начал дрейфовать?

— Должно быть, с конца апреля, — отвечал лейтенант. — Как раз в ту пору ледяное поле взломало, и те льдины, что не растаяли на солнце, отнесло к северу. Таким образом, можно предположить, что остров Виктория, увлекаемый этим параллельным берегу течением, уже около трех месяцев дрейфует в западном направлении, делая в среднем девять-десять миль в сутки.

— Но ведь это не такая уж маленькая скорость! — заметила миссис

Барнет.

— Да, скорость значительная, — согласился лейтенант. — Судите же сами, как далеко может нас отнести за два летних месяца, пока эта часть Северного Ледовитого океана будет еще свободна от льдов!

Наступило молчание. Собеседники пристально вглядывались в карту полярных стран, которые так упорно защищают себя от исследования их человеком и куда, как чувствовали наши зимовщики, течение неотвратимо уносило их остров.

— Значит, при этих условиях нам нечего делать и все наши попытки будут напрасны? — спросила миссис Барнет.

— Да, напрасны, сударыня, — подтвердил лейтенант. — Надо ждать и молить природу, чтобы скорее наступила зима — гроза всех полярных мореплавателей, но наша единственная надежда. Зима — это лед, а лед — наш якорь спасения. Он один может преградить путь блуждающему острову.

3. ОБСЛЕДОВАНИЕ ОСТРОВА

Лейтенант Гобсон и его помощники решили, начиная с этого дня, вести наблюдения, как это принято на кораблях, и в случае благоприятного состояния атмосферы определять и записывать точное местонахождение острова Виктории. И в самом деле, не был ли отныне этот остров своего рода потерпевшим крушение кораблем без руля и без ветрил, который несясь по волнам неизвестно куда?

На следующий день Джаспер Гобсон установил, что остров, оставшийся на той же широте, был отнесен еще на несколько миль к западу. Лейтенант отдал распоряжение мастеру Мак-Напу приступить к постройке вместительного бота. В качестве объяснения он сказал, что намерен обследовать будущим летом северное побережье вплоть до Русской Америки. Удовлетворенный этим, Мак-Нап немедленно занялся подбором корабельного леса, облюбовав для верфи песчаную отмель у подножья мыса Батерст, откуда легко было опустить судно на воду.

В тот же день лейтенант Гобсон решил привести в исполнение задуманное им обследование территории острова, на котором он и его товарищи оказались теперь настоящими узниками. Ледяной остров, подвергаясь постоянному влиянию переменной температуры океана, мог претерпеть значительные изменения, а потому необходимо было определить его теперешнюю форму, площадь, а в некоторых местах даже и толщину. Особенно тщательно надо было обследовать место разлома, который произошел, по-видимому, у перешейка. На этом, еще свежем месте разлома можно будет, вероятно, изучить строение почвы острова: его нижний, ледяной, и верхний, земляной, пласты.

Но через несколько часов небо внезапно потемнело, а к вечеру налетел шквал, сопровождавшийся густым туманом. Вскоре все заволкло тучами и хлынул проливной дождь. По крыше дома забарабанил крупный град, и даже слышались отдаленные раскаты грома — явление весьма редкое в северных широтах.

Путешествие пришлось отложить в ожидании, пока успокоятся разбушевавшиеся стихии. Однако три дня — 20, 21 и 22 июля — погода не прояснялась. Буря продолжала свирепствовать, по небу неслись черные тучи, водяные валы с оглушительным шумом разбивались о берег. Целые потоки воды обрушивались на мыс Батерст с такой силой, что можно было опасаться за его, теперь весьма сомнительную, прочность. Ведь этот мыс

был всего лишь нагромождением земли и песка и не имел даже надежной опоры. Суда, застигнутые в море подобным ураганом, достойны жалости! Но огромный блуждающий остров не ощущал этих бешеных ударов волн и равнодушно встречал неистовый гнев океана.

В ночь с 22 на 23 июля буря неожиданно утихла. Сильный северо-восточный ветер разогнал остатки тумана, висевшего над горизонтом. Барометр поднялся на несколько делений, и лейтенант Гобсон нашел, что погода вполне благоприятствует задуманной им экскурсии.

Сопровождать его должны были миссис Барнет и сержант Лонг. Они могли пробыть в отсутствии один-два дня, и это никого из обитателей фактории не удивило бы. Путешественники захватили с собой немного вяленого мяса, галет и несколько флажек бренди, которые не сильно отягощали их дорожные сумки. Дни были в эту пору очень длинные, и солнце уходило за горизонт всего на несколько часов.

Встречи с хищными животными бояться, по-видимому, не приходилось. Медведи, наделенные особенно развитым инстинктом, очевидно, покинули остров Викторию; когда он был еще полуостровом. Однако из предосторожности и мужчины и миссис Барнет взяли ружья. Кроме того, лейтенант и сержант захватили с собою ножи и топоры для льда — орудие, с которым полярные путешественники никогда не расстаются.

На время отсутствия лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга управление фортом согласно военной иерархии переходило в руки капрала Джолифа, а вернее — его маленькой жены, и Джаспер Гобсон прекрасно знал, что на нее вполне можно положиться. Что касается Томаса Блэка, то никто и не рассчитывал, что он захочет присоединиться к исследователям; но астроном все же пообещал усердно вести наблюдения за северным горизонтом и отмечать возможные перемены на море или в положении острова.

Миссис Полина Барнет пыталась было успокоить бедного ученого, но он ничего и слышать не хотел. Он считал, и не без основания, что природа зло подшутила над ним, и поклялся никогда не простить ей этого.

Обменявшись крепкими рукопожатиями с остающимися, миссис Барнет и ее спутники вышли из форта и, повернув на запад, направились вдоль длинной излучины берега, между мысом Батерст и мысом Эскимосов.

Было восемь часов утра. Косые лучи солнца заливали берег, оживляя его своими рыжеватыми отблесками. Тысячами слетались обратно рассеянные бурей птицы: белые межняки, кайры, тупики, глупыши. Стаи

уток торопились добраться до берегов озера, не подозревая, что их уже ждет котелок миссис Джолиф. Кое-где путешественникам попадались полярные зайцы, куницы, мускусные крысы, горностаи. При виде людей они не спеша исчезали. Казалось, животные, чувствуя общую с человеком опасность, старались держаться поближе к нему.

— Они хорошо знают, что со всех сторон окружены морем, — заметил Джаспер Гобсон, — и что им не убежать с острова.

— А разве эти грызуны — зайцы и другие, — спросила миссис Барнет, — не переселяются осенью куда-нибудь на юг, где зима потеплее?

— Конечно, сударыня, — ответил лейтенант, — но если им на этот раз не удастся переправиться туда по льду, они останутся здесь такими же узниками, как мы с вами. И зимой большинство из них наверное погибнет от холода и голода.

— А мне сдается, что эти животные окажут нам услугу и помогут перезимовать, — вставил сержант. — Нашему лагерю просто повезло, что бедные зверушки не послушались своего инстинкта и не убежали, пока остров не оторвался еще от перешейка.

— Но птицы, конечно, улетят от нас? — спросила миссис Барнет.

— Разумеется, сударыня, — отозвался Джаспер Гобсон. — Все эти пернатые улетят с первыми же морозами. Они легко преодолевают огромные расстояния и, будучи удачливее нас, доберутся до суши раньше, чем мы.

— А не могут ли они послужить нам гонцами? — спросила путешественница.

— Это мысль, сударыня! — вскричал лейтенант Гобсон. — Великолепная мысль! Почему бы нам не наловить несколько сот птиц и не прикрепить им ошейники с описанием нашего таинственного приключения? Еще Джон Росс в тысяча восемьсот сорок восьмом году пытался известить подобным образом оставшихся в живых членов экспедиции Франклина о том, где в полярных льдах стояли его корабли «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор». Он поймал в ловушки несколько сот белых песцов, запаял им вокруг шеи медные полоски, на которых было вырезано то, что надо было сообщить, и пустил в разных направлениях.

— Должно быть, кое-кто из этих вестников и попал в руки потерпевших кораблекрушение? — спросила миссис Полина Барнет.

— Возможно, — ответил лейтенант. — Во всяком случае, я помню, что одна из лисиц, уже состарившаяся, была поймана капитаном Гаттерасом во время его путешествия с целью открытия новых земель. На шее у нее сохранился наполовину стершийся ошейник, который-будто врос в ее

густой белый мех. Ну, а раз нам нельзя воспользоваться четвероногими, мы приспособим к этому птиц!

Разговаривая и строя планы на будущее, двое мужчин и их спутница продолжали свой путь вдоль побережья. Здесь пока не было заметно никаких перемен. То были все те же отвесные берега, покрытые слоем земли и песка; они были целы, и ничто не указывало на то, что за последнее время периметр острова изменился. Однако можно было опасаться, что ледяная опора острова, попав в более теплые течения, начнет таять и становиться тоньше. Это сильно беспокоило лейтенанта Гобсона.

К одиннадцати часам утра путешественники прошли те восемь миль, что отделяли мыс Батерст от мыса Эскимосов. Вскоре они наткнулись на следы стоянки семьи Калюмах. От снежных хижин, разумеется, не осталось и следа, но давно остывшая зола и тюленьи кости указывали путь, по которому ушли эскимосы.

Миссис Полина Барнет и ее спутники решили отдохнуть здесь, а затем идти дальше и провести эту короткую ночь у Моржовой бухты, куда рассчитывали попасть через несколько часов. Они расположились позавтракать на небольшом бугре, покрытом тощей травкой. Перед ними тянулась четкая линия ясного морского горизонта. Ни парус, ни айсберг не оживляли безбрежной водной пустыни.

— Мистер Гобсон, — обратилась к лейтенанту миссис Барнет, — вы были бы очень изумлены, если бы перед нами вдруг появился корабль?

— Изумлен? Нет, миссис Барнет, — ответил лейтенант, — но, признаюсь, был бы весьма приятно поражен. В летнее время китобойные суда нередко заходят в эти широты, особенно с тех пор, как Северный Ледовитый океан превратился в гигантский садок для кашалотов и китов. Но теперь уже двадцать третье июля, лето в разгаре, и, должно быть, вся китобойная флотилия стоит сейчас в заливе Коцебу, у входа в Берингов пролив. Китобои недаром опасаются всяческих сюрпризов со стороны Северного Ледовитого океана. Они боятся его льдов и все время следят за тем, чтобы не попасть к ним в плен. А у нас, наоборот, — только и надежды, что на айсберги, торосы, заторы и ледяные поля, мы только к ним и взываем о спасении!

— Они появятся, лейтенант, еще немного терпения! — воскликнул сержант Лонг. — Каких-нибудь два месяца, и волны океана перестанут биться о скалы мыса Эскимосов!

— Мыс Эскимосов! — улыбнулась миссис Барнет. — Боюсь, что давать это наименование, как и все те, что мы давали разным бухтам и

выступам полуострова, не имело большого смысла. У нас уже нет ни порта Барнет, ни реки Полины, — кто знает, не исчезнут ли в свою очередь мыс Эскимосов и Моржовая бухта?

— Исчезнут и они, сударыня, а вслед за ними и самый остров Виктория, — сказал Джаспер Гобсон. — Его уже ничто не связывает с континентом, и он обречен на верную гибель. Конец его неизбежен, и все наши труды, потраченные на подыскание географической номенклатуры, пропадут зря! Впрочем, все эти наименования еще не утверждены Королевским географическим обществом, и почтенному Родерику Мурчисону^[8] не придется вычеркивать их со своих карт.

— Ну, одно название все-таки надо будет вычеркнуть! — заметил Лонг.

— Какое?

— Мыс Батерст.

— И в самом деле, сержант! Вы правы. Мыс Батерст придется исключить из полярной картографии.

Двухчасовой отдых восстановил силы путешественников, и в час пополудни они приготовились продолжать свой путь.

Но прежде чем уйти, лейтенант Гобсон бросил с высоты мыса Эскимосов последний взгляд на окружавшее их море. Не заметив ничего, что могло бы остановить его внимание, он сошел вниз и присоединился к ожидавшим его спутникам.

— Сударыня, — обратился он к миссис Барнет, — вы не забыли семью эскимосов, которую мы встретили как раз в этом месте незадолго до конца зимы?

— Нет, лейтенант, напротив, — об этой милой маленькой Калюмах у меня сохранилось самое лучшее воспоминание. Она даже обещала еще раз побывать у нас в форте Надежды. Но теперь ей, пожалуй, не удастся выполнить свое обещание. А почему вы меня спросили об этом?

— Мне вдруг вспомнилось одно обстоятельство. Тогда я не придавал ему особого значения, но сейчас оно почему-то пришло мне в голову.

— Какое обстоятельство?

— Вы помните, как были удивлены и встревожены эскимосы, увидев, что мы построили факторию у подножья мыса Батерст?

— Еще бы не помнить!

— А вы не забыли, как я старался узнать, догадаться, в чем дело, но безуспешно?

— Да, конечно.

— Так вот теперь я понимаю, почему они качали головой, — сказал

лейтенант. — По сохранившейся ли у них легенде, или по опыту в связи с каким-либо случаем, или еще по какой-нибудь причине, но этим эскимосам было, видимо, известно происхождение и природа полуострова Виктории. Они знали, что мы построили факторию на гиблом месте. Но так как полуостров существовал века, то они и сами не верили в неизбежность катастрофы и потому не высказались определеннее.

— Так оно, должно быть, и было, — заметила миссис Барнет, — но, очевидно, Калюмах не знала того, о чем подозревали ее соплеменники, иначе бедняжка не побоялась бы предупредить нас.

Лейтенант Гобсон согласился с этим.

— И надо же нам было, — заметил Лонг, — попасть на этот остров как раз в такое время, когда он вздумал отколоться от материка и пуститься в странствие по морям! Вот роковое совпадение! Ведь он давным-давно примерз к матерiku и оставался в таком виде, наверно, целые века! Не правда ли, лейтенант?

— Вы не ошибетесь, сержант, если скажете: тысячи и тысячи лет! — ответил Джаспер Гобсон. — Представьте себе только, что эта заросшая растительностью почва, по которой мы сейчас ступаем, была нанесена ветрами частичка за частичкой, а песок долетал сюда по крупинке! Подумайте же, сколько времени понадобилось, чтобы семена этих сосен, берез и, скажем, толокнянки размножились и превратились в кустарники и деревья. Быть может, льдина, на которой мы плывем, образовалась и соединилась с материком еще до того, как на земле появился человек!

— Ну, так этой сумасбродной льдине, — воскликнул сержант, — надо было бы повременить еще несколько столетий, прежде чем пускаться в плавание. Это избавило бы нас не только от множества тревог, но, пожалуй, и от многих опасностей.

На этом вполне резонном замечании сержанта разговор оборвался, и все молча зашагали дальше.

Начиная от мыса Эскимосов и до Моржовой бухты берег тянулся почти прямо с севера на юг, следуя направлению меридиана. Вдали, милях в четырех-пяти, виднелся сверкающий на солнце краешек озера, а еще дальше за ним — нижние уступы лесистых склонов, обрамлявших его. Рассекая воздух могучими взмахами крыльев, в небе парили орлы-свистуны; притаившись за песчаными буграми или спрятавшись в редких кустах ивняка и толокнянки, пушные звери — куницы, росوماхи, горностаи — с любопытством следили за путниками. Они, казалось, понимали, что сейчас им нечего бояться ружейных выстрелов. Джасперу Гобсону попалось на пути и несколько бобров. Должно быть, сбитые с

толку исчезновением своей речушки, они брели куда глаза глядят. Без крова, лишённые ручья, где они могли бы построить свои поселения, бобры с наступлением сильных холодов были обречены на гибель. Сержант Лонг видел даже, как через широкую поляну пробегала стая волков.

Итак, было очевидно, что все полярные животные оказались пленниками плавучего острова; поэтому с приходом зимы хищники, лишённые возможности искать себе пропитания в более теплых краях, изголодавшись, могли стать опасными для обитателей форта Надежды.

В фауне острова Виктории не доставало — и жалеть об этом вряд ли стоило — лишь белых медведей. Правда, сержанту Лонгу почудилась было сквозь зелень березовой рощи какая-то медленно двигавшаяся белая туша, но, приглядевшись внимательнее, он решил, что ошибся.

Часть побережья, примыкавшая к Моржовой бухте, вообще едва поднималась над уровнем моря, а в некоторых местах берег совсем сливался с водной поверхностью, и последние завитки волн, пенясь, катились по песку, словно только здесь им и удалось по-настоящему разгуляться. Вид этой части острова заставил наших исследователей заподозрить, что почва осела тут совсем недавно, но отсутствие каких-либо прежних ориентиров мешало им установить и самый факт изменения местности и размеры этого изменения. Джаспер Гобсон пожалел о том, что перед уходом не позаботился расставить опознавательные знаки в окрестностях мыса Батерст, чтобы установить затем возможное оседание почвы или обвалы на побережье. И он дал себе слово заняться этим немедленно по возвращении в форт.

Само собой разумеется, что осмотр местности задерживал продвижение лейтенанта и его спутников. Они то и дело останавливались для исследования почвы, проверяли, нет ли где трещин, которые могли распространиться на береговую полосу. Для этого им порою приходилось забираться на целые полмили вглубь острова. К тому же сержант Лонг решил сразу принять меры на будущее и расставить вехи из ивовых или березовых прутьев, чтобы заметить места, требующие постоянного наблюдения, особенно там, где почва была сильно размита и грозила осесть. Это давало возможность определить изменения поверхности, если они произойдут.

Между тем путники все же двигались вперед и в три часа пополудни были уже в трех милях от Моржовой бухты, лежавшей дальше к югу. Лейтенант Гобсон уже мог сам отметить и обратить внимание миссис Барнет на весьма серьезные изменения местности, вызванные подземным толчком.

Раньше юго-западная сторона горизонта была заслонена длинной, слегка закругленной цепью холмов, образующих побережье большого залива Ливерпул. Теперь же там тянулась широкая полоса воды. Континент исчез. Остров заканчивался здесь резко обрывавшимся углом, который образовался, по-видимому, в месте разлома перешейка. Казалось, стоит только обогнуть этот угол, и взору откроются безбрежный океан, омывающий весь южный, когда-то несокрушимый на вид берег мнимого полуострова Викторий, от Моржовой бухты до залива Уошберн.

Миссис Барнет не без волнения взирала на этот новый пейзаж. Он не был для нее неожиданностью, и все же сердце ее сильно билось. Она искала глазами исчезнувший, с горизонта материк — материк, оставшийся на юге, более чем за двести миль от них. Теперь ее нога уже не ступала по американской земле. Людям с чуткой душой незачем долго объяснять такие вещи, и надо заметить, что и лейтенант Гобсон и сержант Лонг разделяли волнение своей спутницы.

Все трое прибавили шаг, чтобы поскорее добраться до этого круто обрывавшегося угла, которым заканчивалась теперь южная часть острова. В этом месте побережья почва еще немного поднималась над водой. Здесь слой земли и песка был толще, что объяснялось близостью настоящего материка, который некогда был соединен с островом так плотно, что, казалось, составлял с ним одно целое. Очевидно, с веками ледяная глыба и пласт земли постоянно утолщались, и перешеек держался до тех пор, пока сильный подземный толчок не разрушил его. Землетрясение 8 января коснулось только самого американского материка, но довольно было толчка, чтобы мнимый полуостров откололся и сделался игрушкой океана.

В четыре часа путешественники достигли, наконец, угла острова. Моржовая бухта, которая когда-то образовалась из глубокой выемки в побережье, исчезла. Она осталась связанной с материком.

— Сказать по правде, сударыня, — с серьезным видом заметил сержант, обращаясь к миссис Барнет, — ваше счастье, что мы не дали этой бухте имя Полины Барнет!

— Вы правы, сержант, — ответила миссис Барнет, — я и сама начинаю думать, что роль крестной в географии мне не дается!

4. НОЧНОЙ ПРИВАЛ

Итак, Джаспер Гобсон не ошибся относительно места разлома: действительно, перешеек не выдержал подземных толчков. Сейчас здесь не осталось и следа американского материка. Исчезли скалистые утесы, исчез вулкан на западной стороне острова. Куда ни глянешь — море.

Угол, образовавшийся на юго-западе острова после отрыва льдины, рисовался теперь в виде довольно острого мыса. Омываемый более теплыми водами, незащищенный от всевозможных толчков, мыс этот, конечно, не мог долго противостоять грозившему ему в будущем разрушению.

Исследователи снова пустились в путь, продолжая идти вдоль линии разлома; они двигались теперь почти по прямой, с запада на восток. Линия эта была удивительно ровной — словно льдина была отрезана от материка каким-то острым орудием. Кое-где по срезу можно было проследить расположение пластов почвы. Этот крутой берег, сложенный наполовину из льда, наполовину из земли и песка, поднимался футов на десять над водой. Он падал совершенно отвесно, без всякого откоса; но на некоторых его участках и выступах видны были свежие следы обвала. Сержант Лонг показал на две-три небольшие льдины, отделившиеся от берега; очутившись в открытом море, они почти совершенно растаяли. Вполне понятно, что во время прибоя более теплая вода размывала эту новую береговую линию острова, еще не успевшую одеться в защитный покров из песка и снега, какой лежал на всем остальном побережье. И это обстоятельство было, конечно, малоутешительным.

Миссис Полина Барнет и оба ее спутника решили, прежде чем останавливаться на отдых, закончить обследование этой южной оконечности острова. Солнце, описывавшее в небе сильно удлиненную дугу, должно было закатиться не раньше одиннадцати часов вечера, и до сумерек было еще далеко. Сверкающий солнечный диск медленно опускался к западному краю горизонта, и его косые лучи отбрасывали перед пешеходами их непомерно длинные тени. Порой разговор оживлялся, но затем путники снова надолго затихали и шли молча, вопрошая море и думая о будущем.

Джаспер Гобсон намеревался устроить ночной привал возле залива Уошберн. Дойдя до него, наши исследователи сделали бы в этот день восемнадцать миль, то есть — если их расчеты были правильны —

половину всего пути вдоль берегов острова. Лейтенант предполагал, что, отдохнув несколько часов и восстановив свои силы, миссис Барнет будет в состоянии возобновить путешествие, и, обогнув восточное побережье, они возвратятся в форт Надежды.

Обследование части вновь образовавшегося побережья — между бухтой Моржовой и заливом Уошберн — прошло без всяких приключений. В семь часов вечера лейтенант Гобсон и его спутники прибыли к месту привала. Здесь они нашли те же разрушения. От бухты Уошберн на побережье сохранилась только продолговатая излучина, которая когда-то огибала эту бухту с севера. Она тянулась на семь миль, до так называемого мыса Майкл, и нисколько не пострадала от разрыва перешейка. Молодые сосны и березы, разросшиеся поодаль от берега, в это время года были покрыты густой зеленью. На полянах прыгало множество пушистых зверьков.

Путешественники решили здесь остановиться. Если северная часть горизонта была закрыта от их взоров, то южный горизонт был им наполовину открыт. Солнце описывало такую низкую дугу, что лучи его, заслоненные рельефом местности, подымавшейся к западу острова, уже не достигали побережья бухты Уошберн. Нет, это была еще не ночь и даже не сумерки, ибо лучезарное светило не исчезло.

— Скажите, лейтенант, — произнес вдруг сержант Лонг самым серьезным тоном, — если бы чудом сейчас раздался звон колокола, что бы он, по-вашему, возвестил?

— Что время ужинать! — ответил Джаспер Гобсон. — Надеюсь, сударыня, вы со мной согласны?

— Вполне! — подтвердила путешественница. — А так как нам стоит лишь сесть, и стол будет готов, то прошу садиться. А вот и скатерть! Она из мха и, признаться, не совсем свежа, но зато словно разостлана для нас самой природой.

Развязали сумку с провизией. В меню вошло: вяленое мясо, паштет из зайца, приготовленный на кухне миссис Джолиф, и несколько галет.

Четверть часа спустя ужин был окончен, и Джаспер Гобсон вновь вернулся на побережье, чтобы обследовать юго-восточный угол острова. Миссис Барнет уселась отдохнуть под чахлой елью с наполовину опавшими ветвями, а сержант Лонг стал готовить место для ночлега.

Лейтенант Гобсон хотел исследовать структуру льдины, служившей основанием острова, и, по возможности, разобраться в системе ее последовательных напластований. Спустившись по небольшому откосу к самому морю, он очутился перед отвесной стеной разрушенного берега.

В этом месте остров поднимался всего на три фута над уровнем моря. Верхний слой береговой толщи состоял из тонкого пласта земли и песка, смешанного с ракушечной пылью; нижний же представлял собою плотную, твердую, почти как металл, массу льда. Толщина надводной части льдины была не больше одного фута. По свежему срезу можно было точно определить ее слоистое строение. Горизонтальные слои льдины указывали на то, что последовательное оледенение ее происходило в сравнительно спокойных водах.

Известно, что замерзание начинается обычно с верхних слоев жидкости; и если мороз крепнет, толщина ледяного панциря увеличивается сверху вниз. Это верно по крайней мере для стоячих вод. Процесс замерзания проточных вод идет, наоборот, снизу, со дна, где, как установлено наблюдениями, образуется так называемый донный лед, который затем всплывает на поверхность.

Что касается льдины, служившей основой острову Виктория, то она, несомненно, образовалась у побережья американского материка, в условиях спокойных вод. Замерзание ее происходило, очевидно, начиная с верхних слоев, и, рассуждая логически, следовало предположить, что таяние ее начнется с нижних слоев. Когда под влиянием нагретых вод толщина тающей льдины станет уменьшаться, остров глубже погрузится в воду.

В этом и крылась главная опасность.

Как уже было сказано, Джаспер Гобсон обнаружил, что твердая опора острова, то есть льдина, поднималась над уровнем моря приблизительно на один фут; при этом согласно законам физики четыре пятых ее оставались под водой. Для любого ледяного поля или айсберга на один фут его надводной части приходится пять футов подводной. Следует, однако, заметить, что плотность, или, если угодно, удельный вес, плавучих льдов различен и зависит от способа их замерзания или от их происхождения. Льдины, образовавшиеся из морской воды, пористые, ноздреватые, непрозрачные, окрашиваемые проходящими сквозь них световыми лучами в голубоватый или зеленоватый цвет, весят меньше, чем льдины, образовавшиеся из пресной воды. Их выпуклая поверхность выступает над уровнем океана немного больше. Поэтому можно было не сомневаться, что льдина, составлявшая основу острова Виктории, образовалась из морской воды. Исходя из всех этих свойств морского льда и приняв во внимание вес покрывавшего льдину минерального слоя и растительного покрова, Джаспер Гобсон пришел к заключению, что толщина подводной части льдины составляла приблизительно от четырех до пяти футов. Что касается рельефа острова, то более или менее значительные возвышенности были

образованы, очевидно; из верхнего слоя — слоя земли и песка, и не оказывали заметного влияния на глубину погружения плавучего острова, которая не превышала пяти футов.

Это открытие весьма встревожило Джаспера Гобсона. Всего лишь пять футов! Ведь не говоря уже о том, что ледяное поле постепенно подтаивало, одного серьезного толчка могло оказаться достаточно, чтобы поверхность его треснула. Бурный напор волн, сильный порыв урагана — все, это могло привести к смещению слоев ледяного поля, раздроблению, а затем и к полному его разрушению. Ах, скорей бы зима, мороз, замерзший столбик ртути в стеклянной трубке! Вот чего жаждал лейтенант Гобсон. Только свирепая стужа полярных стран, морозы арктической зимы могли скрепить, увеличить толщу ледяной основы острова и установить сообщение между «им и континентом».

Лейтенант Гобсон возвратился на место стоянки и застал Лонга за устройством ночлега. Сержант не собирался спать под открытым небом, хотя миссис Барнет готова была покориться этой необходимости. Он объявил Джасперу Гобсону, что хочет вырыть в земле нечто вроде ледяной хижины или «снежного дома», в котором свободно поместятся три человека и где можно будет укрыться от ночной стужи.

— В стране эскимосов, — сказал он, — разумнее всего жить на эскимосский лад.

Джаспер Гобсон согласился, но посоветовал сержанту не углубляться слишком в толщу льда, так как она не больше пяти футов.

Сержант принялся за дело. Работая топориком и ножом, он вскоре расчистил землю и прорыл нечто вроде коридора, отлого спускавшегося до ледяного пласта, а затем принялся и за эту хрупкую массу, которая столько веков была укрыта землей и песком.

Ему понадобилось не больше часа, чтобы вырыть это подземное убежище, или, вернее, ледяное логово, прекрасно сохранявшее тепло и, следовательно, вполне пригодное для того, чтобы провести в нем несколько ночных часов.

Пока сержант Лонг работал подобно термиту, лейтенант Гобсон, подойдя к путешественнице, стал рассказывать ей о результатах обследования геологического строения острова Виктории. Он не скрыл от нее, что состояние острова внушает ему серьезные опасения. По его мнению, недостаточная толщина ледяного основания острова должна была вскоре вызвать на его поверхности трещины, а затем и переломы, которые невозможно заранее предвидеть, а значит, и предупредить. Плавучий остров, вследствие изменений в удельном весе мог в любую минуту начать

постепенно погружаться в воду или — что еще того хуже — распасться на отдельные более или менее крупные островки, разумеется, недолговечные. В заключение лейтенант Гобсон заметил, что впредь обитатели форта Надежды не должны уходить далеко от фактории и им следует быть, по возможности, вместе, чтобы разделить общую участь.

Их разговор был прерван каким-то криком. Они вскочили и обвели взглядом заросли, поляну, море.

Никого!

Но крик раздался громче.

— Сержант! Сержант! — вскричал Джаспер Гобсон и вместе с миссис Барнет бросился к месту ночлега.

Не успел он добежать до зияющего спуска в ледяной дом, как увидел висящего над ямой сержанта. Лонг вцепился обеими руками в вонзенный в ледяную стену снежный нож и, не теряя хладнокровия, продолжал громко звать на помощь.

Видны были только его голова и руки. В то время как сержант долбил стены подземелья, лед под ним внезапно треснул, и он до пояса погрузился в воду.

Джаспер Гобсон произнес только: «Держитесь!» — и бросился на землю.

Дотянувшись до края отверстия, он подал сержанту руку. Почувствовав крепкую опору, тот выбрался из ямы.

— Боже, что это с вами случилось, сержант? — вскричала миссис Барнет.

— А то, сударыня, — ответил Лонг, отряхиваясь, как мокрый пудель, — что подо мной провалился ледяной пол, и волей-неволей пришлось искупаться.

— Значит, вы, — сказал Джаспер Гобсон, — не обратили внимания на мое предупреждение и стали рыть слишком глубоко.

— Виноват, лейтенант! Но вы сами видите, что я соскоблил всего каких-нибудь четырнадцать дюймов ледяной толщи. Дело в том, что в ней была, должно быть, какая-то пустота, что-то вроде пещеры. Лед торчал горбылем, и я провалился сквозь него, как сквозь треснувший потолок. Не сцепись я в свой снежный нож, плавать бы мне сейчас под островом. А ведь досадно было бы пропасть из-за такой глупости, не правда ли, сударыня?

— Даже очень досадно, мой добрый сержант! — согласилась миссис Барнет и дружески протянула руку этому достойному человеку.

Сержант Лонг дал совершенно правильное объяснение. В этом месте

льдина неизвестно почему, — быть может, от скопления, в ней воздуха, — образовала выпуклость с довольно тонкой стенкой, прилегавшей непосредственно к земляному пласту острова. Роя подземный ход, сержант задел верхний слой этой стенки, отчего она сразу обрушилась под его тяжестью.

Такое явление, происходившее, возможно, и в других местах ледяного поля, создавало серьезную опасность. Не было никакой уверенности, что нога ступает по надежному грунту, который не поддастся под тяжестью человека. У кого не дрогнет сердце, будь оно самое мужественное, когда он представит себе под этим тонким слоем земли и льда бездну океана?

Между тем сержант Лонг, уже забыв о холодной ванне, готовился продолжить земляные работы в другом месте. Однако на этот раз миссис Барнет решительно воспротивилась. Что стоит ей провести одну ночь под открытым небом? Под сенью ближайшей рощицы она будет чувствовать себя не хуже, чем ее спутники. И она окончательно восстала против повторения этой опасной затеи. Лонг должен был в конце концов уступить ей и подчиниться.

Лагерь был перенесен шагов на сто вглубь побережья, на небольшой бугор, где росли молодые деревья — сосны и березы, так редко расставленные, что это место ни в коем случае нельзя было назвать зарослью. Набрали хворосту и разожгли весело потрескивавший костер. Было десять часов вечера, и заходящее солнце уже коснулось края горизонта, за которым оно готовилось скрыться всего на несколько часов.

Сержант Лонг решил воспользоваться удобным случаем, чтобы высушить у костра свои сапоги, и подсел к лейтенанту Гобсону. Беседа их длилась до тех пор, пока дневной свет не сменился сумерками. Миссис Барнет время от времени вступала в разговор, стараясь рассеять невеселые думы лейтенанта. Впрочем, эта полярная ночь, прекрасная, как все полярные ночи, с мириадами звезд, горящих над головою, тоже действовала умиротворяюще на встревоженный ум. Ветер шелестел ветвями елей. Океан, прильнув к берегу, казалось, дремал. Медленная волна, чуть всколыхнув его спокойную гладь, бесшумно замирала у острова. Ни птичьего гомона в воздухе, ни крика на равнине. Треск еловых поленьев, изливавших огненные потоки смолистого аромата, да тихий шепот уносящихся вдаль голосов — одни только и нарушали торжественную тишину ночи.

— Ну, кто поверит, что мы вот так блуждаем по океану! — произнесла вдруг миссис Барнет. — Сказать по правде, лейтенант, мне нужно сделать над собою некоторое усилие, чтобы поверить, что все это происходит наяву.

А ведь море, как будто совсем неподвижное, уносит нас с непреодолимой силой.

— А знаете, сударыня, — откликнулся Джаспер Гобсон, — говоря откровенно, если бы палуба нашего корабля была прочнее, если бы его подводная часть не грозила сегодня-завтра развалиться, если бы я не боялся, что в один прекрасный день его корпус может треснуть пополам, и знал, куда это судно меня доставит, я бы не прочь был поплавать на нем по океану.

— В самом деле, мистер Гобсон, — подхватила миссис Барнет, — есть ли на свете более удобный и приятный способ передвижения, чем этот! У нас, например, нет ощущения, что мы движемся. Наш остров дрейфует со скоростью течения, которое его уносит. Разве это не то же явление, которое сопутствует полету воздушного шара? И что за прелесть само это путешествие: вместе со своим домом, садом, парком и даже своим родным краем. Такой блуждающий остров, будь он на прочной опоре и нетонущий, надо было бы признать самым удобным и чудесным экипажем, какой только можно себе вообразить. Говорят, когда-то строили висячие сады. Так почему бы со временем не начать строить и плавучие парки, которые могли бы перевозить нас в любой уголок земного шара. Они будут громадных размеров и потому совсем нечувствительны к морской качке. Им не страшны будут никакие бури! При попутном ветре ими даже удастся, пожалуй, управлять посредством огромных парусов. А какие чудеса растительного мира откроются перед пассажирами, когда они из умеренного пояса попадут в тропики! Я даже думаю, что с искусным лоцманом, хорошо изучившим морские течения, можно будет, по желанию, делать остановки под любой параллелью и наслаждаться вечной весной.

Лейтенант мог только улыбаться, слушая Полину Барнет, увлеченную этими фантастическими мечтами, отчего она стала еще прелестнее. Отважная путешественница казалась в эти минуты олицетворением самого острова Виктории, стремительно уносившегося вперед. Конечно, попав в подобное положение, нечего было жаловаться на столь странный способ морского путешествия, но можно было желать по крайней мере, чтобы острову не грозила ежеминутно опасность растаять и провалиться в пучину.

Ночь прошла. Спали всего несколько часов. Проснувшись, позавтракали, причем все нашли завтрак превосходным. У жаркого пламени костра согрели ноги, онемевшие от ночного холода.

В шесть часов утра все трое двинулись в обратный путь.

От мыса Майкл до бывшего порта Барнет берег шел на протяжении

одиннадцать миль почти по прямой, с юга на север. Здесь не было заметно перемен, и, по-видимому, с момента разлома перешейка тут ничего не изменилось. Берег здесь был невысок, но слегка извилист. Сержант Лонг, по распоряжению Джаспера Гобсона, расставил вдоль береговой полосы опознавательные знаки, по которым можно было бы впоследствии проследить происходящие перемены.

Лейтенант обязательно хотел в тот же вечер вернуться в форт Надежды. Миссис Барнет торопилась повидать своих товарищей и друзей. Положение дел требовало немедленного присутствия главы отряда в фактории.

Поэтому они шли быстро, срезая повороты, и уже к полудню обогнули небольшой мыс, когда-то защищавший порт Барнет от восточных ветров.

Отсюда до форта Надежды оставалось не более восьми миль. И не было еще четырех часов, как эти восемь миль были пройдены и капрал Джолиф приветствовал возвращение наших путешественников громким «ура».

5. С 25 ИЮЛЯ ПО 20 АВГУСТА

Возвратившись в форт, Джаспер Гобсон прежде всего осведомился у Томаса Блэка о состоянии маленькой колонии. За сутки никаких событий не произошло, но остров, как показало последовательное наблюдение, опустился на один градус широты, то есть переместился к югу, продолжая одновременно двигаться на запад. Таким образом, остров находился теперь в двухстах милях от американского побережья, на одной широте с Ледовым мысом — острым выступом в западной Джорджии. Скорость течения в этой части Северного Ледовитого океана была, очевидно, не так велика, как в восточной, но остров все время перемещался и, к большому огорчению лейтенанта Гобсона, приближался к Берингову проливу. Было еще только 24 июля; и если бы остров попал под влияние более быстрого течения, его в какой-нибудь месяц могло унести через этот пролив прямо в нагретые воды Тихого океана, где он и растаял бы, «как кусок сахара в стакане воды».

Миссис Барнет сообщила Мэдж о результатах обследования побережья. Она описала ей обнаруженное во время обхода острова место его отрыва от перешейка, сложное строение его верхнего, земляного, пласта и толщу льдины, погруженной на пять футов под воду; затем рассказала о приключении с сержантом Лонгом, которое окончилось для него холодной ванной, и объяснила, почему ледяной остров может каждую минуту расколоться на части или пойти ко дну.

Между тем обитатели фактории были уверены в полной своей безопасности. Этим честным людям никогда и в голову не приходило, что форт Надежды блуждает над бездной, а им ежеминутно грозит смертельная опасность. Здоровый климат, прекрасная погода, живительный морской воздух — все поддерживало в них бодрость духа и жизнерадостность, и женщины соперничали в хорошем настроении с мужчинами. Маленький Майкл рос на славу и уже начал бегать на своих крепких ножках по двору форта. Капрал Джолиф в нем души не чаял и не мог дождаться дня, когда начнет обучать его обращению с мушкетом и основам воинского дела. Ах, если бы миссис Джолиф подарила ему сына, какого бы солдата он из него сделал! Но чересчур практичная чета Джолиф, видимо, не заслужила благоволения свыше, и небо — по крайней мере до сих пор — отказывалось благословить ее потомством, хотя супруги ежедневно молили его об этом.

Что касается солдат, то они не сидели сложа руки. Плотник Мак-Нап и его подручные — Петерсен, Бельчер, Гарри, Понд и Хоуп — ревностно трудились над сооружением бота; для осуществления этой нелегкой задачи требовалось не менее трех месяцев. Но так как судном нельзя было воспользоваться раньше будущего лета, когда море освободится от льда, они не откладывали из-за этого других дел, необходимых для жизни фактории. Джаспер Гобсон держал себя так, словно форт должен был просуществовать неограниченное время. Он продолжал скрывать от своих подчиненных опасное состояние острова, хотя те, кто составлял своего рода генеральный штаб форта Надежды, уже не раз обсуждали вместе с ним этот весьма серьезный вопрос. И миссис Барнет и Мэдж отнюдь не разделяли мнения лейтенанта на сей счет. Им казалось, что их товарищи, люди энергичные и стойкие, не способны впасть в отчаяние и что во всяком случае удар будет гораздо чувствительнее, если опасность настолько возрастет, что ее уже нельзя будет скрыть от них. Но хотя этот довод и был достаточно убедителен, Джаспер Гобсон не сдавался, и сержант Лонг поддерживал его в этом вопросе. Возможно, что они в конце концов были правы, и такое решение подсказывал им их жизненный опыт и знание людей.

Продолжались и работы по оборудованию и защите форта. Крепостная ограда, укрепленная новыми столбами и во многих местах поднятая на значительную высоту, представляла теперь собою вполне солидное оборонительное сооружение. Мастер Мак-Нап выполнил даже один свой проект, который пришелся ему особенно по сердцу и был одобрен лейтенантом Гобсоном. По углам крепостной ограды со стороны озера он выстроил две остроконечные караульные башенки. Они прекрасно завершали это сооружение и придавали форту боевой вид, особенно радовавший капрала Джолифа, мечтавшего о том времени, когда он будет подниматься туда для смены часовых.

Закончив укрепление форта, Мак-Нап перешел к хозяйственным постройкам. Помня о жестоких морозах прошедшей зимы, он решил пристроить с правой стороны главного дома новый деревянный сарай, с которым можно было бы сообщаться через внутреннюю дверь, не выходя наружу. Таким образом, топливо было бы всегда под рукой. По левую сторону дома Мак-Нап выстроил просторный флигель для солдат, которые до тех пор жили в общей зале. Теперь походные кровати оттуда вынесли, и в дальнейшем залой должны были пользоваться только как столовой, местом отдыха и рабочей комнатой. В новый флигель поместили три семьи — причем каждая получила отдельную комнату, — а также одиноких

солдат колонии. Позади главного дома, недалеко от порохового погреба, был сооружен специальный склад для хранения мехов. Это полностью освобождало чердак; стропила и фермы дома были скреплены железными скобами, что предохраняло обитателей форта от нападения с крыши.

Мак-Нап намеревался также воздвигнуть небольшую деревянную часовню. По первоначальному замыслу Джаспера Гобсона, она должна была завершить архитектурный ансамбль фактории. Но сооружение часовни было отложено до будущего лета.

С какой заботой, рвением и энергией занимался бы в другое время лейтенант Гобсон всеми этими мелочами своего предприятия! С каким удовлетворением смотрел бы он на окружавшие его дома, сараи, склады, если бы они были построены на твердой земле! А этот, ныне уже бесполезный проект увенчать мыс Батерст сооружением, которое должно было стоять на страже форта Надежды! Форт Надежды! Теперь при звуке этого имени у него сжималось сердце. Мыс Батерст навсегда оторвался от американского континента, и форту Надежды ныне более подобало бы называться фортом Безднадежности.

Работа шла беспрерывно все лето, и люди трудились не покладая рук. Изю дня в день работали и над сооружением судна. Мак-Нап задумал построить бот водоизмещением в тридцать тонн; при благоприятной погоде такой бот мог перевезти двадцать пассажиров на расстояние нескольких сот миль. Мастеру посчастливилось найти изогнутые стволы для корпуса, и вскоре установленные на киле форштевень и ахтерштевень уже высились над верфью у подножья мыса Батерст.

В то время как плотники работали топором, пилой, теслом, звероловы охотились за дичью для стола, за северными оленями и полярными зайцами, которые в изобилии водились в окрестностях фактории. Впрочем, лейтенант Гобсон запретил Сэбину и Марбру уходить далеко от форта, сославшись на то, что, пока укрепление форта не закончено, приходится остерегаться, как бы по их следу сюда не проникли какие-нибудь враждебно настроенные охотничьи партии; в действительности же Джаспер Гобсон боялся, как бы Марбр и Сэбин, заметив на мнимом полуострове перемены, не заподозрили истины.

Однажды на вопрос Марбра, не пора ли отправиться к Моржовой бухте для охоты на тюленей, жир которых был превосходным горючим, лейтенант Гобсон поспешил ответить:

— Нет, Марбр, это бесполезно!

Ведь он прекрасно знал, что Моржовая бухта осталась далеко на юге, более чем за двести миль от них, и что тюлени уже не посещали берегов

острова Виктории!

Не следует, однако, думать, что Джаспер Гобсон считал положение безнадежным. Вовсе нет! И он не раз совершенно искренно говорил об этом и миссис Барнет и сержанту Лонгу. Он утверждал, и самым решительным образом, что остров продержится до тех пор, пока не наступит полярная зима, которая, с одной стороны, укрепит его ледяную основу, с другой — остановит его движение.

Возвратившись после обследования своих новых владений, Джаспер Гобсон точно вычислил периметр острова Виктории. Остров имел более сорока миль в окружности, что составляло площадь примерно в сто сорок квадратных миль, то есть он был даже немного больше острова Святой Елены. Периметр его равнялся приблизительно периметру Парижа по линии городских укреплений. Если бы даже остров раскололся на части, его обломки были бы, вероятно, так велики, что на них можно было бы прожить еще какое-то время.

Когда миссис Барнет удивилась, что ледяное поле может иметь такую большую площадь, лейтенант сослался на свидетельства полярных мореплавателей. Такие исследователи, как Парри, Пэнни, Франклин, во время своих путешествий по арктическим морям нередко встречали ледяные поля длиной до ста и шириной до пятидесяти миль. Капитан Келлет оставил свой корабль на ледяном поле площадью не менее трехсот квадратных миль. Что же в сравнении с такими ледяными равнинами представлял собою остров Виктория!

И все же он был достаточно велик, чтобы, сопротивляясь теплым течениям, которые подтачивали его ледяную опору, продержаться до зимних холодов. Джаспер Гобсон нисколько в этом не сомневался, он лишь страдал от сознания, что потеряно столько трудов, напрасно потрачено столько энергии, погибли столько замыслов и уже готовая осуществиться мечта. Все пошло прахом! И он, понятно, уже не мог проявлять прежнего интереса к работам фактории. Он не мешал им — и только!

Что касается миссис Барнет, то она, как говорится, в беде не унывала. Она старалась поощрять труды жен зимовщиков и сама в них участвовала, как будто грядущее зависело от нее. Заметив, что миссис Джолиф усердно занялась огородом, она повседневно стала помогать ей советами. Щавель и ложечник дали хороший урожай, и в этом была немалая заслуга капрала Джолифа, который с невозмутимым спокойствием огородного чучела охранял засеянное пространство от целой тучи всякого рода пернатых.

Очень удачно прошло в форте Надежды и приручение северных оленей. Несколько самок дали уже приплод, и маленький Майкл наравне с

оленьями получал свою порцию молока. Стадо этих полезных животных возросло теперь до тридцати голов. Его пасли на травяных угодьях мыса Батерст, а на зиму уже запасали скошенную в зарослях короткую и сухую траву. Олени быстро осваивались и, привыкнув к людям, больше не уходили со двора, а некоторые даже позволяли запрягать себя в сани.

Кроме того, несколько животных той же породы, бродивших в окрестностях форта, попались в западни, вырытые на полдороге между факторией и портом Барнет. Охотники вспомнили, что в прошлом году в такую яму попался огромный медведь, а теперь туда часто попадались олени. Мясо их солили, вялили и заготавливали впрок. Таким образом изловили по крайней мере двадцать голов этих жвачных животных, которые с наступлением зимы обычно уходят в более южные области.

Но вот однажды смещение почвы привело западню в негодность, и 5 августа охотник Марбр, вернувшись с проверки своего звероловного хозяйства, подошел к Джасперу Гобсону и обратился к нему довольно странным тоном:

— Я, лейтенант, только что обошел все ловушки.

— Ну и что же? — спросил Джаспер Гобсон. — Надеюсь, Марбр, вы были нынче не менее удачливы, чем вчера? Не попала ли еще парочка оленей в яму?

— Никак нет, лейтенант... никак нет, — растерянно ответил Марбр.

— Как? Ваша западня не дала сегодня обычного контингента рекрутов?

— Нет! А если какой зверь туда и попал, то, наверно, пошел ко дну.

— Почему ко дну? — вскричал лейтенант, с беспокойством уставившись на охотника.

— Да, ко дну, — ответит тот, пристально взглянув на своего командира, — ведь в яме полно воды.

— Понятно, — ответил лейтенант тоном человека, который не придает событию никакого значения, — вы же знаете, что яма была вырыта во льду. Солнце растопило стенки, и...

— Виноват, лейтенант, я вас перебую, — но эта вода никак не могла образоваться от таяния льда.

— Почему?

— Да потому что, будь она талая, она была бы пресной, как вы мне когда-то объясняли, а та, что в яме, наоборот, — соленая!

Как ни владел собою Джаспер Гобсон, он слегка побледнел и ничего не ответил.

— К тому же, — продолжал охотник, — когда я захотел узнать, много

ли там воды, то как ни старался, а дна не достал.

— Ну и что же, — торопливо проговорил лейтенант Гобсон, — тут нет ничего удивительного. Возможно, почва дала небольшую трещину, и яма стала сообщаться с морем! Это случается иногда... даже при самом стойком грунте. Итак, не беспокойтесь, мой друг. Перестаньте на время пользоваться этой ямой и удовольствуйтесь капканами; их можно расставлять поблизости от форта.

Марбр поднес руку ко лбу, отдавая честь, и повернулся на каблуках; но, отходя от лейтенанта, бросил на него странный взгляд.

Джаспер Гобсон на минуту задумался. Новость, которую сообщил ему охотник, внушала серьезную тревогу. Должно быть, дно ямы, омываясь более теплыми водами и постепенно подтаивая, провалилось, и сейчас яма сообщалась непосредственно с водами океана.

Лейтенант, разыскав сержанта Лонга, рассказал ему об этом случае, и оба они незаметно отправились на «берег, где у подножья мыса Батерст были расставлены опознавательные знаки и сделаны зарубки.

Они стали их проверять.

Со времени последнего обследования уровень плавучего острова понизился на шесть дюймов.

— Значит, мы мало-помалу погружаемся! — пробормотал Лонг. — Дно ледяного поля потихоньку подтаивает!

— О, зима! Зима! — воскликнул Джаспер Гобсон, топнув ногой по земле злосчастного острова.

Однако еще ни одна примета не возвещала приближения холодной поры. Термометр Фаренгейта держался в среднем на пятидесяти девяти градусах (+15°C), опускаясь за несколько ночных часов приблизительно на четыре градуса.

Обитатели форта Надежды продолжали усердно готовиться к предстоящей зимовке. У них всего было вдоволь, и, хотя фактория никакой провизии от капитана Крэвенти не получила, обитатели ее могли спать спокойно в ожидании долгой полярной ночи. Единственно, что требовало экономии, это боевые припасы. Нельзя было также пополнить запаса ничем не заменимых галет и спиртных напитков, которых, впрочем, потреблялось немного и оставалось еще достаточно. Что же касается запасов дичины и консервированного мяса, то они постоянно возобновлялись. Благодаря обилию этой здоровой и сытной пищи, снабждаемой обычно какими-нибудь противоязвотными травами, обитатели маленькой колонии чувствовали себя превосходно.

Запасаясь топливом, рубили деревья в лесах, окаймлявших восточный

берег озера Барнет. Под топором Мак-Напа свалилось немало берез, сосен и елей, которые отвозили затем в склады форта на прирученных оленях. Плотник не жалел леса, очищая стволы от сучьев и хвороста; он все еще считал остров Викторию полуостровом и думал, что леса здесь никогда не переведутся. Действительно, часть территории, прилегавшая к мысу Майкл, была богата всевозможными породами деревьев.

Мак-Нап не раз приходил в восторг и поздравлял лейтенанта Гобсона с открытием этой благодатной земли, изобилующей всем, что было необходимо для полного процветания новой фактории. Всякого рода лесной материал, дичь, пушнина, казалось, сами собой наполнявшие склады компании, богатое рыбой озеро, продукты которого вносили такое приятное разнообразие в повседневный рацион! Подножный корм для домашнего скота и «двойное жалованье для людей», непременно добавил бы капрал Джолиф! Так разве не был мыс Батерст тем благодатным уголком земли, подобного которому не найти на всем этом далеком северном пространстве? Да, должно быть, у лейтенанта Гобсона легкая рука, и как не благодарить провидение, направившее их в это единственное в мире место!

Единственное в мире! Честный Мак-Нап! В простоте своей он и не подозревал, какая тревога просыпалась в душе лейтенанта при этих словах.

Само собой разумеется, в маленькой колонии не забывали и о том, чтобы к зиме все были тепло одеты. Миссис Барнет, Мэдж и жены Рэя и Мак-Напа усердно шили; к ним, покончив со стряпней, присоединялась и миссис Джолиф. Полина Барнет, зная, что вскоре им всем предстоит покинуть форт Надежды и добираться до американского континента пешком по льду, решила позаботиться, чтобы у всех была особенно теплая и удобная одежда. Если остров Виктория будет остановлен льдами далеко от материка, люди столкнутся с жестокими морозами долгой полярной ночи. Чтобы в таких условиях преодолеть переход по льду в несколько сот миль, надо было запастись не только теплой одеждой, но и теплой обувью. Вот почему миссис Барнет и Мэдж направили на это все свое внимание и заботу. Они понимали, что в случае катастрофы о спасении запасов пушнины нечего будет и думать, и решили употребить их на это дело. Шкуры сшивались вдвое, мехом внутрь и наружу, и если бы наступил день, когда этим достойным женам солдат, самим солдатам и их командиру пришлось бы надеть на себя эти ценные меха, им позавидовали бы не только супруги миллионеров, но и самые богатые русские княжны. Конечно, жены зимовщиков были на первых порах несколько удивлены таким употреблением ценного имущества компании, но распоряжение

лейтенанта Гобсона на сей счет носило характер недвусмысленного приказа. Впрочем, куницы, норки, мускусные крысы, бобры и даже лисы кишмя кишели вокруг фактории, и истраченную таким образом пушнину нетрудно было возместить в любое время: стоило только дать несколько ружейных выстрелов или расставить ловушки. А когда миссис Мак-Нап увидела прелестную горностаевую шубку, сшитую Мэдж для ее малыша, она и подавно перестала считать это чем-то особенным.

Так проходил день за днем вплоть до середины августа. Все еще удерживалась прекрасная погода, и хотя небо слегка заволакивало туманом, солнце быстро его поглощало.

Джаспер Гобсон продолжал ежедневные измерения. Но чтобы не возбуждать у зимовщиков каких-либо подозрений, он старался уходить для этого подальше от форта. Лейтенант обследовал то одну, то другую часть острова и был очень счастлив, ибо не отмечал никаких существенных перемен.

Шестнадцатого августа остров Виктория находился на $167^{\circ}27'$ долготы и $70^{\circ}49'$ широты. Значит, с некоторых пор его отнесло немного к югу, но при этом он не приблизился к материку, береговая линия которого также отклонялась здесь в южном направлении; континент все еще отстоял от острова более чем на двести миль к юго-востоку.

Что же касается расстояния, пройденного островом со времени разлома перешейка, или, вернее, с начала движения льдов, то можно было считать, что остров переместился на тысячу сто или тысячу двести миль к западу.

Но что значило это расстояние в сравнении с безграничными просторами океана? И разве не известны случаи, когда такие суда, как английский корабль «Резольют», американский бриг «Эдванс» и, наконец, «Фокс», затертые льдами, были отнесены течениями на тысячи миль. Они передвинулись вместе со сковавшими их ледяными полями на расстояние, исчисляемое многими градусами, и только полярная зима остановила их движение.

6. ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ШТОРМА

В течение четырех дней, с 17 по 20 августа, стояла прекрасная погода и удерживалась сравнительно высокая температура. Туманы, клубившиеся на горизонте, не сгущались в тучи. В северных широтах столь продолжительная ясность — явление довольно редкое. Вполне понятно, что такое состояние атмосферы не могло не беспокоить лейтенанта Гобсона.

Но 21 августа барометр возвестил о скорой перемене погоды. Ртутный столбик термометра внезапно опустился на несколько делений. На следующий день он снова поднялся, потом опять упал, и с двадцать третьего числа понижение температуры приняло устойчивый характер.

Двадцать четвертого августа постепенно скопившиеся испарения, вместо того чтобы рассеяться, поднялись вверх. Солнце в момент прохождения через меридиан затянулось густой пеленой тумана, и лейтенант Гобсон не мог произвести свои ежедневные измерения. Наутро подул сильный северо-западный ветер, который, временами затихая, сменялся проливным дождем. Тем не менее температура продолжала держаться на пятидесяти четырех градусах по Фаренгейту (+12°C).

По счастью, все нужные работы к этому времени были закончены, и Мак-Нап успел уже собрать и обшить корпус судна. Можно было даже прекратить охоту на съедобную дичь, ибо запасов продовольствия было вполне достаточно. Впрочем, погода вскоре окончательно испортилась, подул пронзительный ветер, полили холодные, пронизывающие дожди, нависли густые туманы, и людям волей-неволей приходилось безвыходно сидеть в фактории.

— А что вы думаете по поводу такой перемены погоды, мистер Гобсон, — спросила утром 27 августа миссис Барнет, заметив, что ветер с часу на час все свирепеет. — Не кажется ли вам, что она может оказать нам услугу?

— Я не уверен в этом, сударыня, но надо вам сказать, что для нас любая погода лучше, чем ясные дни, когда солнце весь день нагревает воды океана. Кроме того, сейчас, как видно, установился северо-западный ветер и очень сильный, так что наш остров при всей своей тяжести не может противиться ему. Поэтому я не буду удивлен, если мы приблизимся к американскому континенту.

— Экая досада, — заметил сержант Лонг, — что нам нельзя будет

ежедневно проверять координаты острова. Ведь за этим туманом не видно ни солнца, ни луны, ни звезд! Попробуйте-ка в таких условиях определить высоту солнца!

— Не беспокойтесь, сержант! — ответила миссис Барнет. — Если перед нами появится земля, мы ее и так узнаем, ручаюсь вам. И, какова бы она ни была, будем ей рады. Вот увидите, это окажется непременно какая-нибудь часть Русской Америки, возможно Западная Джорджия.

— Да, пожалуй, что так, — согласился Джаспер Гобсон, — потому что во всей этой части Северного Ледовитого океана нет, к сожалению, ни острова, ни островка, ни даже подводного камня, за который мы могли бы уцепиться!

— Ах, — воскликнула миссис Барнет, — и почему бы нашей карете не доставить нас прямо к берегам Азии? Разве, подгоняемая течением, она не может проскользнуть в ворота Берингова пролива и отправиться к Чукотской земле, чтобы примерзнуть к ней?

— Нет, сударыня, нет! — воскликнул лейтенант. — Наша льдина скоро, вероятно, встретится с Камчатским течением, и оно немедля унесет ее на северо-восток, что будет весьма плачевно. Но, пожалуй, северо-западный ветер и в самом деле приблизит нас к берегам Русской Америки!

— Тогда надо быть начеку, — сказала путешественница, — и по возможности определить наше направление.

— Мы и будем начеку, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — хотя такой густой туман сильно ограничивает видимость. А если нас отбросит к берегу, то так тряхнет, что мы обязательно почувствуем. Но будем все же надеяться, что остров не разлетится вдребезги от такого удара. Вот чего надо опасаться! Словом, если это случится, тогда посмотрим. А пока делать нечего!

Само собой разумеется, этот разговор происходил не в общей зале, где солдаты и женщины собирались в часы работы. Такие вопросы обсуждались миссис Барнет в ее небольшой комнате, окна которой выходили во двор. Сквозь мутные стекла едва проникал тусклый свет туманного дня. За окном, словно катящаяся с гор лавина, грохотал бушующий шторм. И хотя мыс Батерст в значительной мере защищал дом от бешеных порывов ветра, с утеса градом сыпались комья земли и песок, громко барабанил по крыше. Мак-Напа снова стали беспокоить печные трубы, особенно труба кухонного очага, который должен был действовать бесперебойно. К вою ветра примешивался грозный шум разбивавшихся о берег морских валов. Шторм превращался в ураган.

Днем 28 августа Джаспер Гобсон, несмотря на бурю, захотел

непременно подняться на мыс Батерст, чтобы осмотреть горизонт и понаблюдать за состоянием моря и неба. Он плотно закутался в плащ, чтобы порывистый ветер не проникал под одежду, и решительно вышел из дома.

Пройдя через внутренний двор, Джаспер Гобсон без особого труда достиг подножья мыса. Правда, песок и земля засыпали и слепили глаза, но под защитой широкого утеса ему не приходилось по крайней мере один на один бороться с ветром.

Труднее всего оказалось подняться на самый утес по его совсем отвесному с этой стороны склону. Цепляясь за пучки травы, лейтенант все-таки взобрался на вершину. Здесь ураган бушевал с такой силой, что невозможно было ни стоять, ни сидеть. Пришлось, растянувшись на животе, перебраться на другую сторону утеса и лечь там, держась за кусты. Таким образом, лейтенант подставлял теперь ветру только голову.

Джаспер Гобсон глядел сквозь водяную пыль тумана, который навис над ним, как жидкий занавес. Вид океана и неба был поистине страшен. В полумиле от мыса они сливались в непроницаемой мгле. Над головой лейтенанта с ужасающей быстротой проносились низкие, растрепанные тучи, в зените клубились длинные космы тумана. Мгновениями в воздухе наступала полная тишина, и слышались лишь исступленный вой прибоя и гневные удары волн. Затем ураган вновь разражался с беспримерной яростью, и Джаспер Гобсон чувствовал, как дрожит утес до самого основания. Бывали минуты, когда дождь лил с такой силой, что его почти горизонтальные струи превращались в тысячи брызжущих фонтанов, и ветер хлестал ими, точно картечью.

То был один из тех ураганов, которые возникают в самом злокозненном месте небес. Северо-восточный ветер мог удержаться очень долго и долго еще способен был возмущать атмосферу. Но лейтенант Гобсон на это не жаловался. При других обстоятельствах разрушительные последствия бури доставили бы ему большое огорчение, но сейчас он ликовал. Если остров устоит, — на что лейтенант все же надеялся, — то, дрейфуя под этим ветром, более сильным, чем течение, он будет отброшен на юго-запад, а юго-запад — это континент, это спасение. Да, это избавление от гибели и его самого и его друзей, всех! А потому было необходимо, чтобы буря продолжалась, пока остров не прибьет к берегу, все равно к какому. То, что стало бы гибелью для судна, для блуждающего острова будет спасением.

Добрых четверть часа лежал так Джаспер Гобсон, сжавшись под ударами урагана, весь вымокший под холодным душем морского прибоя и

дождя. Впиваясь в землю со всей энергией утопающего, он ловил каждое движение бури, сулившей ему счастливый исход. Наконец, он спустился с утеса, соскользнул на отлогий берег мыса и, подгоняемый вихрем песчаной пыли, пересек двор и вошел в дом.

Прежде всего лейтенант сообщил своим товарищам, что ураган, видимо, еще не достиг полной своей силы, и надо ждать, что он продлится еще несколько дней. Тон Джаспера Гобсона показался всем весьма странным: как будто он сообщал какую-то приятную новость. На лицах обитателей фактории невольно отразилось недоумение. Неужели их начальник действительно приветствует этот поединок стихий?

Тридцатого августа лейтенант Гобсон, невзирая на бурю, снова отправился на мыс Батерст; правда, на этот раз он уже не поднимался на его вершину, но дошел до самого побережья. Там, стоя на крутом берегу, о который бились огромные водяные валы, он обратил внимание на выброшенные волной длинные стебли какого-то растения, чуждого флоре острова.

То была совсем еще свежая зелень фукуса, и эти водоросли, несомненно, только недавно были вырваны со дна вблизи американского материка. Значит, берег уже недалеко! Значит, северо-восточный ветер вытолкнул остров из течения, которое уносило его до сих пор! Радость, охватившая Христофора Колумба, когда он увидел плавающие растения, возвещавшие близость земли, была, вероятно, не больше.

Лейтенант Гобсон вернулся в форт и поделился своим открытием с миссис Барнет и Лонгом. В эту минуту он горел желанием все рассказать и другим своим товарищам, ибо теперь больше не сомневался в спасении. Но какое-то предчувствие удержало его, и он промолчал.

Однако в эти дни томительного затворничества обитатели форта не сидели празднично. Они занимались хозяйственными работами внутри форта. Время от времени кто-нибудь отправлялся во двор рыть канавки для стока воды, которая застаивалась между домом и складами. Мак-Нап, проходя с гвоздем в одной руке и молотком в другой, всегда находил что-нибудь требовавшее починки. Итак, днем люди работали, почти не замечая жестокой бури. Но когда наступала ночь, всем казалось, что ураган свирепствует с удвоенной силой. Спать было невозможно. Порывы ветра обрушивались на дом, словно удары тарана. Иногда между мысом и фортом возникал какой-то вихрь. Казалось, ураган, подобно смерчу, бешено кружился вокруг дома. Половицы трещали. Стропила грозили разойтись по швам, а само здание — рассыпаться в щепы. Мак-Нап жил в постоянном страхе, и его подручным приходилось все время быть настороже. Между

тем лейтенанта Гобсона беспокоил не самый дом, а почва, на которой он его построил. Буря становилась все яростнее, море — все ужаснее, и именно сейчас можно было опасаться, что ледяное поле распадется на куски. Казалось невероятным, чтобы эта огромная льдина, которая стала уже гораздо тоньше и постепенно разрушалась снизу, сейчас, подвергаясь беспрестанному перемещению из одной плоскости в другую, могла долго продержаться. Масса острова была настолько значительна, что его обитатели, конечно, не ощущали этих колебаний, но от этого ему доставалось не меньше толчков. Таким образом, вопрос сводился к следующему: уцелеет ли остров до той минуты, когда его отбросит к берегу? Не разлетится ли он вдребезги, прежде чем его прибьет к суше?

В том, что остров до сих пор еще не распался, не было никакого сомнения, и Джаспер Гобсон настойчиво доказывал это миссис Барнет. Действительно, если бы ледяное поле уже раскололось на более мелкие льдины и остров превратился в группу небольших островков, зимовщики форта сразу бы это заметили, ибо тот сравнительно небольшой обломок, на котором они очутились бы, уже не был бы так нечувствителен к состоянию моря и должен был испытывать качку. Переменные движения килевой и боковой качки сотрясали бы его вместе с теми, кто плыл на нем, как это бывает во время бури с пассажирами судна. Между тем обитатели форта этого не ощущали. Лейтенант Гобсон, производя свои ежедневные наблюдения, ни разу не заметил ни движения острова, ни какого-либо колебания или сотрясения почвы. Остров по-прежнему казался таким неподвижным и устойчивым, как будто перешеек все еще крепко связывал его с американским континентом.

Но если остров был еще цел, то это не значило, что он не мог расколоться в любую минуту.

Особенно беспокоил Джаспера Гобсона вопрос, приблизился ли остров Виктория, вытолкнутый из течения и теперь дрейфовавший под влиянием северо-восточного ветра, к какому-либо берегу, так как в этом была единственная надежда на спасение. Однако каждому понятно, что, когда нет ни солнца, ни луны, ни звезд, все инструменты бесполезны и, пока небо не прояснится, установить местонахождение острова будет невозможно. Если даже они и приближались к земле, то могли узнать об этом лишь тогда, когда она появится; если же лейтенант Гобсон хотел выяснить это заранее — до того, как произойдет столкновение с материком, — ему надо было отправиться в южную часть этой опасной территории. В самом деле, положение острова Виктории относительно четырех стран света почти не изменилось. Мыс Батерст все еще был

обращен своим острием на север, как и раньше, когда он представлял собою выдававшуюся в море часть американского материка. Было очевидно, что, если остров подойдет к берегу, он пристанет к нему своей южной стороной, заключенной между мысом Майкл и углом, который когда-то прилегал к Моржовой бухте. Одним словом, он вновь соединился бы с материком посредством прежнего перешейка. Вот почему надо было прежде всего и главным образом обследовать южную часть острова.

Итак, лейтенант Гобсон, несмотря на страшную бурю, решил отправиться к мысу Майкл. Но и на этот раз он счел нужным скрыть от зимовщиков настоящие причины своей отлучки. В такую штормовую погоду он мог решиться взять с собою лишь сержанта Лонга.

В этот день, 31 августа, около четырех часов пополудни, Джаспер Гобсон на всякий случай послал за сержантом, и тот немедленно явился.

— Сержант Лонг, — обратился к нему лейтенант, — мы должны немедленно определить географическое положение острова Виктории или по крайней мере узнать, не приблизился ли он благодаря этому шторму к американскому континенту. Я, признаться, надеюсь на это.

— Мне как раз и самому казалось необходимым это выяснить — и чем скорей, тем лучше.

— Но тогда надо отправиться в южную часть острова.

— К вашим услугам, лейтенант!

— Я знаю, что вы всегда готовы исполнить свой долг, сержант. Но вы пойдете не один. Нам надо быть вдвоем, чтобы, если покажется земля, немедленно предупредить товарищей. И, кроме того, я должен видеть собственными глазами... Мы пойдем вместе...

— Как вам угодно, лейтенант! Хоть сейчас, если вы считаете нужным.

— Мы отправимся сегодня вечером, в девять часов, когда все улягутся спать...

— Не сомневаюсь, что любой из них охотно пошел бы с нами, но им незачем знать, что заставляет нас уходить так далеко от фактории.

— Да, да, пусть никто и не знает, — подтвердил Джаспер Гобсон, — я постараюсь до последней минуты избавить их от той тревоги, которую внушает наше ужасное положение.

— Слушаюсь!

— Вы возьмете с собой огниво и трут, на случай если придется дать сигнал. Например, если на юге покажется земля.

— Так точно!

— Поход будет суровый, сержант!

— Само собой разумеется, суровый! Но это не важно! Кстати, как с

нашей путешественницей, лейтенант?

— Я решил ничего не говорить ей: боюсь, как бы она не пожелала идти с нами.

— Ну, это невозможно! — заявил сержант. — Женщине не справиться с таким ветром! Смотрите, какой шторм!

И в самом деле, дом так и дрожал от урагана. Казалось, его вот-вот свалит на бок.

— Да, — согласился Джаспер Гобсон, — этой смелой женщине нельзя идти с нами. Но, быть может, лучше рассказать ей о нашем намерении. Надо, чтобы она была предупреждена на случай, если с нами случится в дороге какая-нибудь беда...

— Да, лейтенант, да! — воскликнул сержант Лонг. — Не надо ничего от нее скрывать, и ежели мы не вернемся...

— Итак, в девять часов, сержант!

— В девять часов!

Сержант Лонг отдал честь и вышел.

Немного спустя Джаспер Гобсон, беседуя с миссис Барнет, сообщил ей о предстоящем походе. Как он и ожидал, отважная женщина заявила о своем желании сопровождать их, чтобы вместе с ними бросить вызов жестокой буре. Лейтенант не стал отговаривать ее, рисуя все опасности похода в подобных условиях, а ограничился лишь напоминанием, насколько необходимо ее присутствие в форте во время их отлучки, подчеркнув, что от этого будет зависеть его душевное спокойствие. Если с ними случится несчастье, он по крайней мере будет уверен, что мужественная путешественница заменит его и позаботится об оставшихся здесь людях.

Миссис Барнет поняла его и больше не настаивала. Но она просила Джаспера Гобсона не рисковать безрассудно, памятуя, что он — глава фактории и его жизнь ему не принадлежит: он должен сохранить ее для спасения остальных. Лейтенант обещал быть осторожным, насколько позволят обстоятельства; но сейчас, добавил он, необходимо, чтобы обследование было проведено немедленно, и он это сделает. На следующий день миссис Барнет должна будет объявить зимовщикам, что лейтенант Гобсон и сержант Лонг отправились на юг — в последнюю разведку перед наступлением зимы.

7. ОГОНЬ И КРИК

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг провели вечер в большой зале форта Надежды до часа отхода ко сну. Здесь собрались все, кроме астронома, который все время сидел, так сказать, наглухо запертый и законопаченный в своей комнатке. Люди занимались каждый своим делом: кто чистил оружие, кто чинил или точил инструмент. Миссис Мак-Нап, миссис Рэй, миссис Джолиф и Мэдж шили, а миссис Барнет читала вслух. Чтение то и дело прерывалось, и не только шумом ветра, который словно таранил стены дома, но и криками ребенка. Капралу Джолифу, которому поручили забавлять его, приходилось нелегко. Его колени, превратившиеся в ретивых коней, совсем уже онемели, а неутомимому всаднику все было мало. Ребенок так долго не унимался, что капрал положил его в конце концов на большой стол, и он барахтался там до тех пор, пока не уснул.

В восемь часов прочитали, как обычно, общую молитву, погасили лампы, и вскоре обитатели фактории улеглись в свои постели.

Как только все стихло, лейтенант Гобсон и сержант Лонг бесшумно прошли через пустую залу в коридор. Там они застали миссис Барнет; она хотела в последний раз пожать им руку.

— До завтра, — сказала она лейтенанту.

— До завтра, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — да... до завтра... непременно...

— А если вы запоздаете?..

— Надо набраться терпения и ждать. Ведь может случиться, что во время обследования южной части горизонта, во тьме среди ночи вдруг покажется огонь, например, если мы уже приблизились к берегам Новой Джорджии. Тогда мне непременно захочется еще раз определить наше местоположение при дневном свете, и наша экспедиция может продлиться целые сутки. Но если нам удастся попасть на мыс Майкл ранее полуночи, мы вернемся обратно завтра вечером. Итак, будьте терпеливы, сударыня, и поверьте, что мы не станем напрасно подвергать себя опасности.

— Но если вас не будет ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня?.. — спросила путешественница.

— Значит, мы уже никогда не вернемся! — просто сказал лейтенант Гобсон.

Дверь открылась. Миссис Барнет заперла ее за ушедшими и, взволнованная тяжелыми мыслями, возвратилась в свою комнату, где ее

ожидала Мэдж.

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг пересекли внутренний двор. Там кружил такой вихрь, что их едва не свалило с ног. Поддерживая друг друга и опираясь на палки с железными наконечниками, они прошли через калитку в ограде и направились по дороге между холмами и берегом озера.

Остров был окутан слабым сумеречным светом. Молодому, только накануне народившемуся месяцу было еще не время взойти над горизонтом и озарить мрачный лик ночи; темноте оставалось царить еще несколько часов. Однако и сейчас было достаточно светло, чтобы не заблудиться.

Но какой ветер и дождь! Лейтенант Гобсон и его спутник были в непромокаемых сапогах и туго стянутых в талии клеенчатых плащах с капюшонами, закрывавшими голову. По счастью, эта одежда хорошо защищала их от холода, ибо ветер дул им в спину, беспощадно толкая вперед, а когда шторм усиливался, они продвигались даже быстрее, чем им хотелось бы. Они шли молча. Оглушенные шумом бури, задыхаясь от ветра, не слыша друг друга, они и не пытались перекинуться словом. Джаспер Гобсон не предполагал идти вдоль побережья, так как его извилины только удлинит переход и подставит путников под прямые удары урагана, для которого здесь, у самого моря, не было никаких преград. Он рассчитывал, по возможности, срезать путь от мыса Батерст до мыса Майкл, идя по прямой, и предусмотрительно запаса карманной буссолью, которая помогала ему контролировать направление. Поэтому, чтобы достичь намеченной цели, им оставалось пройти всего десять — одиннадцать миль, и лейтенант Гобсон надеялся закончить переход приблизительно к тому времени, когда сумеречный свет совсем угаснет и остров часа на два погрузится во мрак.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг, согнувшись под напором ветра, втянув голову в плечи и опираясь на палки, продвигались довольно быстро. Пока дорога шла восточным берегом озера, они не испытывали на себе всей силы ветра и не слишком страдали от него, — их отчасти спасали увенчанные деревьями холмы. Ветер с дикой яростью свистел в кронах деревьев, грозя вырвать с корнем или свалить те, что послабее. Но, сметая все на пути, он сам «разбивался» о преграды. Дождь и тот рассеивался едва ощутимой пылью. Таким образом, этот переход в четыре мили показался смелым разведчикам менее тяжелым, чем они ожидали.

Дойдя до южного края лесного массива, где отлогие склоны холмов, постепенно понижаясь, переходили в совершенно плоскую равнину, не защищенную завесой деревьев и открытую морским ветрам, они на мгновение остановились. До мыса Майкл оставалось еще шесть миль.

— Вот теперь будет, пожалуй, трудновато! — крикнул Джаспер Гобсон на ухо сержанту.

— Да, — ответил сержант, — дождь и ветер зададут нам знатную трепку.

— Боюсь, как бы не присоединился к ним временами и град, — добавил лейтенант.

— Ну, он все-таки будет не так смертоносен, как картечь, — спокойно заметил сержант. — А ведь вам, лейтенант, как и мне, не раз приходилось иметь с ней дело. Итак, вперед!

— Вперед, сержант!

Было десять часов вечера. Последние отблески сумеречного света начали исчезать, как будто утопая в тумане или угасая под дождем и ветром. Однако еще брезжил какой-то свет, правда, очень слабый. Лейтенант высек огонь и посмотрел на буссоль, осветив ее зажженным концом трута. Затем он плотнее запахнул полы плаща, крепко-накрепко затянул капюшон, оставив только щелку для глаз, и в сопровождении сержанта устремился вперед — в простиравшееся перед ними темное пространство, где уже ничто не препятствовало урагану и не могло защитить от него.

В первое мгновение обоих с силой бросило оземь, но они тотчас же поднялись и, держась друг за друга, сгорбившись, как старики, бросились бежать все быстрее и быстрее.

Буря была великолепна в своей ярости. Огромные, растерзанные клочья тумана — настоящие лохмотья, сотканые из воздуха и воды, — волочились по земле, словно подметая равнину. Песок и земля носились в воздухе подобно картечи. По соленому вкусу, который ощущался на губах, лейтенант Гобсон и сержант Лонг поняли, что морская вода долетала сюда за две-три мили от берега — в виде сыпучей пелены.

Изредка наступало короткое затишье, и тогда они останавливались, чтобы отдышаться. Лейтенант, тщательно проверяя направление, пытался определить пройденное расстояние, и они снова пускались в путь.

Однако с наступлением ночи буря еще усилилась. Казалось, две стихии — вода и воздух — совершенно смешались. В нижних слоях атмосферы они образовали один из тех опасных смерчей, которые разрушают здания, с корнем вырывают деревья в лесу; защищаясь от них, суда стреляют из пушек. Можно было подумать, что выплеснутый из своего ложа океан начинал всей своей массой перекатываться через плавучий остров.

Джаспер Гобсон недаром задавал себе вопрос, каким образом

поддерживавшая остров льдина могла устоять перед этим катаклизмом и как она под ударами гигантских валов до сих пор еще не разлетелась на части. Надвигавшийся вал был, должно быть, чудовищным, и лейтенант Гобсон услышал издали его рев. В это мгновение сержант Лонг, опередивший своего командира на несколько шагов, внезапно остановился и вернулся к лейтенанту, пытаясь что-то сказать.

— Туда нельзя! — услышал Гобсон.

— Почему?

— Там — море!..

— Как? Море! Но ведь мы еще не дошли до юго-западного побережья.

— Посмотрите сами, лейтенант!

Действительно, лейтенант увидел впереди в темноте широкое водное пространство, и волны с силой разбивались у его ног.

Джаспер Гобсон еще раз высек огонь, зажег новый кусок трута и внимательно посмотрел на иглу буссоли.

— Нет, море лежит левее. Мы еще не прошли большой лесной массив, отделяющий нас от мыса Майкл.

— Но тогда это...

— Трещина на поверхности острова... — ответил Джаспер Гобсон и так же, как его спутник, бросился на землю, чтобы укрыться от ветра. — Быть может, значительная часть острова отделилась от него и теперь дрейфует, а возможно — это просто небольшая расселина и ее можно обойти. Вперед!

Джаспер Гобсон и сержант Лонг поднялись с земли и пошли вправо, вдоль обочины, залитой водою, которая пенилась под их ногами. Они шли так минут десять, боясь, и не без основания, что сообщение с южной частью острова уже невозможно. Вскоре шум прибоя, который прибавился к разноголосому шуму бури, смолк.

— Нет, это просто расселина, — крикнул лейтенант Гобсон на ухо сержанту. — Повернем обратно!

И они опять свернули к югу. Но, приняв это решение, смелые люди подвергали себя ужасной опасности, и они знали это, хотя ни словом не обмолвились друг с другом.

Действительно, та часть острова Виктории, куда они так смело устремились, уже дала большую трещину и могла с минуты на минуту отделиться от него. Если трещина, размываемая прибоем, пойдет еще дальше, их неминуемо унесет течением вглубь океана. Но они не раздумывали и ушли во тьму, даже не задаваясь вопросом, будет ли возможность вернуться назад.

Сколько тревожных мыслей осаждало в эти минуты лейтенанта Гобсона!.. Можно ли было надеяться, что остров уцелеет до зимы? Не началось ли уже его неизбежное разрушение? Если ветер не прибьет его к берегу, не обречен ли он на скорую гибель, не потонет ли он, не растает ли? Какой ужасный конец! И на что могут надеяться несчастные обитатели этой льдины?

Между тем избитые, изнемогающие в борьбе со штормом, но исполненные неиссякаемого чувства долга, эти два стойких человека продолжали свой путь. Так дошли они до края лесного массива, который примыкал к мысу Майкл и который им предстояло пересечь, чтобы как можно быстрее достичь побережья. Они вступили в лес, окутанный непроницаемым мраком и наполненный оглушительным шумом ветра, свистевшего в верхушках берез и елей. Вокруг все трещало. На каждом шагу их больно хлестали сломанные ветви. Им ежеминутно грозила опасность попасть под удар падающего дерева, они то и дело натывались в темноте на расколотый ствол. Но сейчас они уже не брели наугад, их вел сквозь чащу шум морского прибоя. Они слышали глухие отголоски тяжелого падения гигантских валов, бьющих о берег, и временами чувствовали, как вздрагивал под их ударами самый остров, ставший, очевидно, значительно легче. Держась за руки, чтобы не потеряться в темноте, поддерживая и поднимая один другого, когда кто-нибудь из них спотыкался и падал, они добрались, наконец, до противоположной опушки леса.

Но там они сразу попали в круговорот вихря, который, насильно оторвав их друг от друга и швырнув в разные стороны, бросил на землю.

— Сержант, сержант, где вы? — крикнул Джаспер Гобсон изо всех сил.

— Я здесь, лейтенант! — послышался хриплый голос Лонга.

Они ползком попытались добраться друг до друга, но, казалось, чья-то властная рука пригвоздила их к месту. Наконец, после невероятных усилий им это удалось, и, чтобы предупредить повторение такого случая, лейтенант Гобсон привязал к себе сержанта поясным ремнем. Они вскарабкались по песку на небольшой пригорок, где росло несколько елей и можно было укрыться от ветра. Там они вырыли яму и забрались в нее, усталые, разбитые, изнеможенные.

Было половина одиннадцатого вечера.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг просидели несколько минут молча, полузакрыв глаза и не шевелясь: ими овладело какое-то оцепенение, какая-то непреодолимая дремота. Словно кости скелета, скрипели над их головами раскачиваемые шквалом ели. Между тем они постепенно

побороли это сонное состояние и, глотнув из фляжки сержанта немного водки, подбодрились и начали разговаривать.

— Только бы эти деревья устояли, — проговорил лейтенант.

— И наша яма не ушла бы вместе с ними! — добавил сержант, упираясь в осыпавшийся под ним песок.

— Ну, раз уж мы здесь, — сказал Джаспер Гобсон, — в нескольких шагах от мыса Майкл, и пришли сюда, чтоб смотреть, — посмотрим! Знаете, сержант Лонг, у меня какое-то предчувствие, что мы недалеко от материка; но, конечно, это только предчувствие!

Оттуда, где они расположились, их взгляд мог охватить две трети южной стороны горизонта, если бы горизонт был виден. Но в это время царил полный мрак, и они понимали, что если только до утра не появится огонек, то им придется дожидаться рассвета, чтобы рассмотреть побережье материка, в случае если ураган отнес их далеко на юг.

Между тем, — и лейтенант Гобсон говорил об этом миссис Полине Барнет, — рыбаки нередко посещают эту часть Северной Америки, носящую название Новой Джорджии. На этом берегу встречается также немало поселков; туземное население их занимается раскопками в поисках бивней мамонтов, так как в этих местах сохранилось в окаменелом состоянии много скелетов этих гигантских допотопных животных. Несколькими градусами южнее находится Ново-Архангельск — главный город Русской Америки и ее административный центр, распространяющий свое влияние на весь архипелаг Алеутских островов. Охотники теперь чаще посещали берега Северного Ледовитого океана, особенно с тех пор, как Компания Гудзонова залива арендовала охотничьи угодья, где некогда промышляли русские купцы. Джаспер Гобсон, не зная здешних мест, знал нравы агентов, приезжавших сюда в это время года, и был почти уверен, что встретит здесь соотечественников и даже коллег по профессии или же, за отсутствием их, каких-нибудь кочующих индейцев, бродивших обычно по побережью.

Но что давало лейтенанту Гобсону повод надеяться, что остров Виктория был отброшен к побережью материка?

— Да, тысячу раз да! — твердил он Лонгу. — Вот уже неделю, как этот северо-восточный ветер дует не хуже урагана. Я прекрасно знаю, что за наш очень плоский остров ему трудно зацепиться, но холмы и лесные массивы, расставленные здесь, как паруса, должны слегка уступать напору ветра. Кроме того, море тоже испытывает влияние ветра, и вполне понятно, что его большие волны бегут по направлению к матерiku. Поэтому я считаю, что мы должны были выйти из течения, уносившего нас на запад, и

что нас отбросило на юг. В последний раз мы были всего в двухстах милях от земли, а за эти семь дней...

— Все ваши рассуждения справедливы, лейтенант, — поддержал сержант Лонг. — Притом если нам помогает ветер, то помогает и бог. Он не захочет, чтобы погибло столько несчастных. И на него возлагаю я свои надежды.

Разговор Джаспера Гобсона с сержантом прерывался почти на каждой фразе ревом бури. Они пытались проникнуть взглядом в густую мглу, в которой ползли длинные космы растрепанного ветром тумана, отчего она казалась еще более непроницаемой. И в этой мгле не было видно ни одной светящейся точки.

К половине второго утра ураган на несколько минут утих и только страшно разбушевавшееся море продолжало реветь. Огромные валы, вздымаясь, яростно набегали друг на друга.

Вдруг Джаспер Гобсон, схватив своего товарища за руку, крикнул:

— Сержант, вы слышите?..

— Что?

— Шум моря!

— Слышу, лейтенант, — ответил сержант Лонг. — И уже несколько мгновений мне кажется, что удары волн...

— Уже не те... не правда ли, сержант?.. Слушайте... слушайте... как будто прибой... как будто волны разбиваются о скалы!..

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг напряженно вслушивались. Это и в самом деле не был уже тот глухой, монотонный шум волн, набегающих одна на другую в открытом море, но звучный рокот тяжелых струй, ударяющихся о твердый берег, который рождал звонкое эхо скал. Между тем на побережье острова Виктории не было ни одной скалы, оно представляло собою просто невысокую кромку из земли и песка, почти не отражавшую звуков.

Но не ошиблись ли Джаспер Гобсон и его спутник? Сержант привстал было, чтобы лучше прислушаться, но его тут же свалил неожиданный порыв урагана, возобновившегося с новой силой. Затишья как не бывало, пронзительный свист ветра приглушал рев моря, а вместе с ним то особенное звучание, которое поразило слух лейтенанта.

Судите сами, какое волнение охватило этих людей! Они снова залезли в свою нору и, чувствуя, как под ними осыпается песок, видя, как ели склоняются до самой земли, гадали, не лучше ли им уйти из этого убежища, пока не поздно. В то же время оба, не отрываясь, смотрели в сторону юга. В этом взгляде сосредоточилась вся их жизнь; пристально

вглядывались они в густую мглу, которая должна была рассеяться с первыми лучами зари.

Вдруг около половины третьего утра сержант Лонг крикнул:

— Вижу!

— Что?

— Огонь!

— Огонь?

— Да!.. Вон в той стороне!..

И он указал на юго-запад. Но не ошибся ли он? Нет! Джаспер Гобсон, взглянув в ту сторону, тоже различил какой-то робкий свет.

— Да! — вскричал он. — Да, сержант! Огонь! Это земля!

— Или огни корабля!

— Корабль в такую погоду! Невозможно! — вскричал лейтенант. — Нет, нет, там суша, говорю вам, всего в нескольких милях от нас!

— Ну, так дадим сигнал!

— Да, сержант, в ответ на этот огонек с континента зажжем огонь на нашем острове!

Ни у лейтенанта Гобсона, ни у сержанта не было факела, но ураган сгибал над ними до земли смолистые ели.

— Ваше огниво, сержант! — крикнул Джаспер Гобсон.

Лонг высек огонь и зажег трут. Потом ползком добрался до рощицы. Лейтенант последовал за ним. Здесь было много валежника. Они сложили его у самых корней деревьев, зажгли, и раздуваемое ветром пламя охватило всю рощицу.

— Ну, если мы увидели их, значит и они нас увидят!

Ели горели синеватым пламенем и коптили, как гигантский факел. Смола трещала в старых стволах, и они быстро сгорали. Вскоре раздался последний слабый треск, и все погасло.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг смотрели, не ответит ли им новый огонек...

Но нет!.. Минут десять они упорно вглядывались вдаль, надеясь вновь найти ту светящуюся точку, которая блеснула им на миг, и уже отчаялись дожидаться какого-нибудь сигнала, как вдруг послышался крик, внятный крик, отчаянный зов с моря.

В страшной тревоге Джаспер Гобсон и сержант Лонг бросились к берегу, скользя на ходу.

Крик не повторился.

Между тем уже разгоралась заря. С появлением солнца ярость бури, казалось, начала утихать. Вскоре стало достаточно светло, чтобы зоркий

глаз мог оглядеть далекое пространство...

Земли нигде не было. На горизонте небо и море сливались, как и прежде, в одну сплошную линию.

8. ПРОГУЛКА МИССИС ПОЛИНЫ БАРНЕТ

Все утро Джаспер Гобсон и сержант Лонг блуждали в этой части побережья. Погода заметно изменилась. Дождь почти прекратился, а ветер, бушевавший все с той же силой, внезапно изменил направление и дул теперь с юго-востока. Это досадное обстоятельство еще более ухудшило положение и усилило тревогу лейтенанта Гобсона. Он уже потерял всякую надежду, что остров приблизится к земле.

В самом деле, юго-восточный ветер мог только отдалить остров от американского континента и снова бросить его в зону тех опасных течений, которые устремлялись в северную часть Ледовитого океана.

Но можно ли было утверждать, что в эту ужасную ночь остров действительно приблизился к берегам материка? Или то было лишь предчувствие лейтенанта Гобсона, предчувствие, которое не оправдалось? Ночь была довольно ясная, и взгляд мог охватить пространство радиусом в несколько миль, а между тем нигде не было заметно и признака земли. Не следовало ли поэтому возвратиться к предположению сержанта и допустить, что ночью в виду острова прошло судно, на борту которого появился и тут же исчез огонь; оттуда же донесся отчаянный крик матроса, ибо разве во время такого шторма судно не могло терпеть бедствие?

Но как бы то ни было, ни на море, ни на берегу не было видно обломков разбитого судна. Между тем океан, разъяренный ветром с материка, вздымался такими огромными валами, против которых трудно было бы устоять любому кораблю.

— Итак, лейтенант, — сказал сержант Лонг, — надо принять какое-то решение!

— Да, надо, сержант, — ответил Джаспер Гобсон, проводя рукой по лбу, — надо оставаться на острове и ждать зимы! Только она и может нас спасти!

Был уже полдень, и так как Джаспер Гобсон хотел вернуться в форт Надежды до наступления вечера, он и его спутник, подгоняемые ветром, который снова дул им в спину, немедленно направились к мысу Батерст. Они сильно опасались, что ночью во время борьбы двух стихий остров мог расколоться пополам. Если бы расселина, которую они видели накануне, протянулась во всю ширину острова, они оказались бы отрезанными от своих друзей.

Вскоре путники подошли к лесу, через который проходили накануне.

Земля была покрыта свежим валежником, у одних деревьев был расщеплен ствол, другие были вырваны с корнем из тонкого растительного слоя земли, где они держались недостаточно прочно. Порывистый ветер громко шелестел облетевшими листьями, которые, сморщившись, приняли какие-то странные очертания.

Отойдя мили на две от этого опустошенного леса, лейтенант Гобсон и сержант Лонг приблизились к краю расселины, размеров которой они в темноте определить не могли. Теперь же они тщательно ее обследовали. Трещина была шириной футов в пятьдесят и пересекала побережье приблизительно на полпути между мысом Майкл и местом, где некогда находился порт Барнет. Она представляла собою нечто вроде лимана, вдававшегося больше чем на полторы мили вглубь острова. Если бы новая буря вызвала дальнейшее вторжение моря, щель расширилась бы еще больше.

Подойдя к берегу, лейтенант Гобсон увидел, как огромная льдина внезапно отделилась от острова и пошла блуждать в открытом море.

— Вот что опасно! — пробормотал сержант Лонг.

Они быстро повернули на запад и, обойдя расселину, направились прямо к форту Надежды.

На всем остальном пути ни лейтенант Гобсон, ни сержант не заметили никаких других изменений, и в четыре часа они были уже в фактории, где нашли всех своих товарищей за обычными делами.

Джаспер Гобсон сказал своим людям, что он хотел в последний раз перед наступлением зимы поискать, нет ли где следов отряда, обещанного капитаном Крэвенти, но его поиски ничего не дали.

— Что ж, лейтенант, — сказал Марбр, — мне думается, что на этот год во всяком случае надо забыть о том, что мы ждали к себе наших товарищей из форта Релайанс.

— Я тоже так думаю, Марбр, — просто ответил Джаспер Гобсон и вернулся в общую залу.

Найдя там миссис Барнет и Мэдж, он сообщил им, что во время экспедиции они заметили вдали огонь и слышали крик с моря. Джаспер Гобсон уверял, что и он и сержант действительно видели огонь и слышали крик и что это не игра их воображения. По зрелом размышлении все пришли к одному и тому же выводу: ночью мимо острова проходил потерпевший бедствие корабль, но сам остров нисколько не приблизился к американскому материку.

Между тем юго-восточный ветер вскоре очистил небо и разогнал туман. Джаспер Гобсон мог теперь с полным правом надеяться, что на

следующий день можно будет определить координаты острова.

В самом деле, ночью сильно похолодало и выпал небольшой снег, покрывший всю территорию острова. Проснувшись утром, Джаспер Гобсон приветствовал этот первый признак наступления зимы.

Было 2 сентября. Небо постепенно очистилось от заволакивавшего его тумана. Показалось солнце. Его-то и ждал лейтенант Гобсон. В полдень он сделал удачное определение широты, а около двух часов произвел вычисление часового угла и нашел долготу.

Результат наблюдений был следующий: широта — $70^{\circ}57'$, долгота — $170^{\circ}30'$.

Таким образом, несмотря на жестокий ураган, остров удерживался приблизительно на той же параллели, только течение отнесло его еще дальше на запад. В это время он проходил через меридиан Берингова пролива, но был по меньшей мере в четырехстах милях севернее мыса Восточного и мыса Принца Уэльского, расположенных в самой узкой части пролива.

Новое местоположение острова было еще опаснее. С каждым днем он приближался к мощному Камчатскому течению, которое, захватив его в свои стремительные воды, могло увлечь остров на север. Вскоре должна была, очевидно, решиться его судьба: либо он остановится между двумя противоположными течениями, пока вокруг него не замерзнет океан, либо уйдет дальше на север и затеряется в полярных пустынях.

Джаспер Гобсон был крайне удручен и, желая скрыть свою тревогу, ушел к себе и весь день не появлялся. Разложив на столе перед собою подробную карту территории, он призвал на помощь всю свою находчивость, весь свой практический опыт и фантазию, стараясь найти какой-нибудь выход из создавшегося положения.

В этот день «температура понизилась еще на несколько градусов, и густой туман, который поднялся к вечеру над юго-восточной стороной горизонта, ночью сменился снегом. Наутро, 3 сентября, толщина снежного покрова достигла двух футов. Зима, наконец, наступала.

В тот же день миссис Барнет решила обследовать несколько миль той части побережья, которая простиралась от мыса Батерст до мыса Эскимосов. Путешественнице хотелось узнать, какие изменения могла произвести буря за последние дни. Если бы миссис Барнет предложила Джасперу Гобсону сопровождать ее, он бы, несомненно, согласился. Но, не желая отрывать лейтенанта от его дел, она решила отправиться без него и взять с собою Мэдж. К тому же им не угрожала никакая опасность. Единственными действительно страшными хищниками были в здешних

местах медведи, но, по-видимому, все они покинули остров еще во время землетрясения. Таким образом, две женщины смело могли провести в окрестностях мыса несколько часов.

Мэдж, не раздумывая, приняла предложение миссис Барнет; и в восемь часов утра, вооружившись снежным ножом, с флягой и сумкой для провизии через плечо, они, никого не предупредив, вышли из дома, спустились по откосу мыса Батерст и свернули на запад.

Солнце устало ползло по небосводу. Теперь даже в полдень, в момент прохождения через меридиан, оно поднималось всего лишь на несколько градусов. Но тонкий слой снега в тех местах, куда падали его хотя и косые, но яркие и пронизывающие лучи, все еще таял.

Птицы — белые межняки, чистики, тупики, дикие гуси, утки разных пород — носились целыми стаями и, оглашая воздух громкими криками, оживляли побережье. В зависимости от того, какая вода — пресная или соленая — их привлекала, они беспрестанно перелетали от озера к морю.

Миссис Барнет теперь сама убедилась, как много пушных зверей водилось в окрестностях форта Надежды. Здесь были куницы, горностаи, мускусные крысы, лисицы. Фактория могла бы наполнить свои склады без малейшего труда. Но к чему это было теперь? Эти безобидные звери, видно, понимали, что уже никто не станет на них охотиться, и, бродя у самой ограды, привыкали к людям и становились все более ручными. Инстинкт, несомненно, подсказывал им, что на этом острове они такие же пленники, как и человек, и что общая участь их сближает. Но самым странным — и миссис Барнет прекрасно это заметила — было то, что Марбр и Сэбин, два страстных охотника, беспрекословно подчинялись приказу лейтенанта не охотиться на пушных зверей и, казалось, не испытывали ни малейшего желания стрелять в эту драгоценную дичь. Правда, лисицы и другие пушные звери еще не оделись в свой зимний наряд, что значительно их обесценивало, но одним этим трудно было объяснить чрезвычайное равнодушие к ним со стороны охотников.

Продолжая идти быстрым шагом и обсуждая свое необыкновенное положение, миссис Барнет и Мэдж внимательно всматривались в песчаную кромку берега. Разрушения, недавно причиненные морем, особенно бросались здесь в глаза. На месте обвалов то тут, то там зияли новые, отчетливо выделявшиеся трещины. Песчаный берег, плоский и уже размытый в нескольких местах, дал огромные оползни, и теперь волны добирались туда, куда прежде крутизна берега преграждала им путь. Очевидно, некоторые части острова погрузились в воду и теперь едва поднимались над уровнем океана.

— Милая Мэдж, — сказала миссис Барнет, указывая своей спутнице на большую поляну, на которую, разбиваясь, с шумом набегали волны, — это злосчастная буря еще ухудшила наше положение! Очевидно, общий уровень острова постепенно понижается! Наше опасение — во власти погоды! Скоро ли наступит зима? Все зависит от нее!

— Зима не заставит себя ждать, дочка, — ответила Мэдж с непоколебимой уверенностью. — Уже вторую ночь идет снег. Ведь холод спускается сверху, с небес, и мне хочется думать, что его посылает нам бог.

— Ты права, Мэдж, — продолжала путешественница, — надо надеяться. Мы, женщины, обычно не доискиваемся физических первопричин явлений и не должны отчаиваться, даже если люди образованные и приходят в отчаяние. В этом и есть наша женская привилегия. К несчастью, лейтенант не может рассуждать, как мы. Ему известны причины явлений, он размышляет, вычисляет, высчитывает остающееся время, и я вижу, что он близок к тому, чтобы потерять всякую надежду.

— Между тем это стойкий и решительный человек, — заметила Мэдж.

— Да, — добавила миссис Барнет, — и он спасет нас, если только наше спасение еще в руках человеческих!

К девяти часам миссис Барнет и Мэдж прошли четыре мили. Чтобы обойти низкие места, куда уже вторглись волны океана, они вынуждены были несколько раз сворачивать с прибрежной дороги и отходить дальше от берега. Во время бури море кое-где продвинулось на полмили вглубь острова, и ледяное поле должно было там значительно подтаять. Это грозило тем, что в некоторых местах в результате размыва на побережье могли образоваться новые бухты и заливы.

Миссис Барнет заметила, что, по мере того как они удалялись от форта, пушных зверей попадалось все меньше. Очевидно, присутствие человека, близости которого они прежде боялись, теперь их успокаивало, и животные предпочитали держаться недалеко от фактории. Хищников, которым инстинкт вовремя не подсказал покинуть этот опасный остров, было мало. Однако миссис Барнет и Мэдж все же заметили вдали, на равнине, несколько бродячих волков, которых, видимо, не могла приручить до сих пор даже общая с человеком опасность. Впрочем, волки к ним близко не подошли и вскоре исчезли за южным холмистым берегом озера.

— Но что будет, — спросила Мэдж, — с этими дикими животными, такими же, как и мы, пленниками острова, когда у них не станет пищи и зима заставит их голодать?

— Голодать! Милая моя Мэдж! — ответила миссис Барнет. — Полно!

Уверяю тебя, что этого нечего бояться. В пище у них недостатка не будет, и все эти куницы, горностаи, полярные зайцы, которых мы теперь щадим, станут добычей волков. Нападение хищников нам не страшно. Нет! Опасность не в том! Она — в хрупкой опоре острова, который распадется, который грозит распасться под нашими ногами в любую минуту. Взгляни, Мэдж, как далеко вглубь острова проникло море! Оно уже покрыло часть этой равнины, и его воды, еще сравнительно теплые, будут разрушать ее и снизу и сверху. И если только холод не остановит его, океан скоро дойдет до нашего озера, и мы лишимся озера, как уже лишились порта и речки.

— Если так случится, — воскликнула Мэдж, — это будет непоправимое несчастье!

— Почему ты так думаешь, Мэдж? — удивилась миссис Барнет.

— Да потому, что у нас не станет пресной воды, — ответила Мэдж.

— О, в пресной воде у нас недостатка не будет, милая моя Мэдж. Дождь, снег, лед, айсберги океана, наконец сама ледяная основа острова — все это пресная вода! Нет, повторяю тебе, опасность не в этом!

К десяти часам миссис Барнет и Мэдж были уже на уровне мыса Эскимосов, но, так как сильно размытым берегом пройти было нельзя, им пришлось удалиться — по меньшей мере на две мили — вглубь острова. Женщины, слегка утомленные прогулкой, затянувшейся из-за частых обходов, решили, прежде чем возвращаться в факторию, несколько минут отдохнуть. Здесь, на невысоком холме, поросшем кустами толокнянки, была небольшая березовая рощица. Покрытый желтоватым мхом и освещенный солнцем, которое уже растопило снег, этот холмик оказался прекрасным местом для отдыха.

Они уселись под деревьями, открыли сумку и братски разделили скромный завтрак.

Полчаса спустя миссис Барнет предложила своей спутнице продолжать путь, но не сворачивать сразу на восток, к фактории, а сначала дойти до берега и посмотреть, что случилось с мысом Эскимосов. Ей хотелось знать, устоял ли перед натиском бури этот выступавший в море клин. На это Мэдж ответила, что она готова сопровождать свою дочку, куда та пожелает, но напомнила ей, что до мыса Батерст остается еще добрых восемь-девять миль и что не следует беспокоить лейтенанта Гобсона таким долгим отсутствием.

Тем не менее миссис Барнет, словно что-то предчувствуя, настояла на своем, и не напрасно, как это вскоре узнает читатель. Впрочем, этот обходный путь удлинял их путешествие не более чем на полчаса.

Женщины поднялись и направились к мысу Эскимосов.

Но не прошли они и четверти мили, как миссис Барнет вдруг остановилась, указывая Мэдж на следы, ясно отпечатавшиеся на снегу. Они были совсем свежие, оставленные не больше чем несколько часов назад, иначе выпавший ночью снег покрыл бы их.

— Какой это зверь прошел здесь? — спросила Мэдж.

— Это не зверь, — ответила миссис Барнет и наклонилась, чтобы лучше рассмотреть следы. — У всякого четвероногого совсем другие следы. Смотри, Мэдж, они одинаковы, и мы можем порадоваться — здесь ступала нога человека!

— Но кто же мог прийти сюда? — спросила Мэдж. — Ни один солдат, ни одна женщина — никто не выходит за пределы форта, а так как мы на острове... Ты, верно, ошибаешься, дочка. Впрочем, пойдем по этим следам и посмотрим, куда они нас приведут.

Миссис Барнет и Мэдж пошли вперед, пристально вглядываясь в отпечатки ног.

Пройдя шагов пятьдесят, они снова остановились.

— Посмотри, Мэдж, — сказала миссис Барнет, удерживая свою спутницу, — и скажи, ошиблась ли я?

Рядом со следами шагов, на том месте, где снег был недавно примят каким-то тяжелым телом, был ясно виден отпечаток руки.

— Это рука женщины или ребенка! — воскликнула Мэдж.

— Не знаю, кто здесь упал — ребенок или женщина, но кто-то изнемогающий, больной, обессиленный... Потом это несчастное существо поднялось и снова пошло... Смотри! Следы ведут дальше... И там кто-то снова упал!..

— Но кто же, кто? — спросила Мэдж.

— Я и сама не знаю, — ответила миссис Барнет. — Возможно, какой-нибудь пленник этого острова, кто, как и мы, томится здесь в течение трех или четырех месяцев. Или потерпевший кораблекрушение и выброшенный на берег в эту жестокую бурю... Вспомни огонь и крик, о которых нам рассказывали лейтенант Гобсон и сержант Лонг!.. Скорей, скорей, Мэдж, быть может, нам суждено спасти какого-нибудь несчастного!..

И, увлекая свою спутницу, миссис Барнет устремилась вперед по скорбному пути, проложенному через эту снежную поляну. Вскоре они увидели на земле несколько капель крови.

«Спаси какого-нибудь несчастного!» — сказала эта сострадательная и отважная женщина, забывая, что на этом полуразрушенном острове, которому рано или поздно суждено было погрузиться на дно океана, нет спасения ни для кого-либо другого, ни для нее самой!

Следы вели к мысу Эскимосов, и миссис Барнет и Мэдж шли вперед, пристально всматриваясь в них. Вскоре кровавых пятен стало больше, но отпечатки шагов исчезли. Дальше по снегу шла только неровная тропинка. С этого места несчастное существо, исчерпав последние силы, видимо, ползло, влачилось по земле, помогая себе руками и ногами. То тут, то там валялись куски разорванной одежды. То были клочья тюленьей кожи и какого-то меха.

— Идем, идем! — повторяла Полина Барнет, сердце которой бешено колотилось.

Мэдж спешила за ней. До мыса Эскимосов оставалось не больше пятисот шагов. Он был уже виден, уже вырисовывался над морем на фоне неба! Но там было пусто.

След вел, очевидно, прямо к мысу. Миссис Барнет и Мэдж добежали до самого конца, но и здесь никого не было. Только у основания мыса, у подножья образовавшего его холма, след сворачивал направо и пролагал тропинку к морю.

Миссис Барнет устремилась вправо, но в тот миг, когда она спускалась к берегу, Мэдж, следовавшая за ней и бросавшая вокруг беспокойные взгляды, удержала ее движением руки:

— Постой!

— Нет, нет, Мэдж, — воскликнула миссис Барнет, которую влекло вперед какое-то непреодолимое чувство.

— погоди, дочка! Смотри! — решительно остановила ее Мэдж.

Шагах в пятидесяти от мыса Эскимосов, у самой кромки берега, издавая грозное рычание, двигалась какая-то огромная белая масса.

Это был полярный медведь исполинских размеров. Женщины замерли на месте и с ужасом смотрели на него. Громадный зверь кружил вокруг какого-то свертка мехов, лежавшего на снегу, потом приподнял его, снова опустил и стал обнюхивать. Сверток этот был похож на безжизненное тело моржа.

Миссис Барнет и Мэдж не знали, как быть, идти ли дальше, или нет, как вдруг тело приняло такое положение, при котором над его головой отвернулось нечто вроде капюшона и из-под него выбились длинные пряди темных волос.

— Это женщина! — воскликнула миссис Барнет и бросилась было к несчастной, желая во что бы то ни стало узнать, жива она или нет.

— Не ходи, — закричала опять Мэдж, удерживая ее. — Не ходи! Он не сделает ей зла!

Действительно, медведь внимательно смотрел на сверток и только

поворачивал его, видно совсем не собираясь разрывать своими страшными когтями. Он то уходил от него, то снова возвращался и точно не знал, что с ним делать. Женщин, в смертельном страхе наблюдавших за ним, он не замечал.

Вдруг раздался треск, и земля как будто вздрогнула. Казалось, весь мыс Эскимосов обрушился в море.

От берега отделилась огромная льдина. Изменение удельного веса переместило центр ее тяжести, и теперь она уплывала в открытое море, унося с собой и медведя и женщину.

Миссис Барнет вскрикнула и хотела броситься к льдине, прежде чем волны вынесут ее в открытое море.

— Постой, постой, доченька! — стараясь сохранить спокойствие, повторяла Мэдж, судорожно сжимая ее руку.

Услышав шум откалывающейся льдины, медведь сразу отступил; грозно рыча, он оставил женщину и бросился к берегу, от которого его уже отделяло футов сорок. Испуганный зверь обежал островок, взрыл когтями землю, высоко разметал снег и песок и возвратился к безжизненному телу. Затем ухватил сверток зубами, приподнял его, добежал до края льдины, несшейся мимо острова, и бросился в воду.

Сильный пловец, как все полярные медведи, он в несколько взмахов добрался до острова, с усилием взобрался на берег и положил сверток на землю.

Тут уже миссис Барнет не выдержала и, не думая об опасности оказаться лицом к лицу со страшным хищником, вырвалась из рук Мэдж и кинулась к берегу.

Увидев ее, медведь встал на задние лапы и пошел прямо на нее. Однако шагах в десяти он остановился и потрянул своей огромной головой. Потом, точно потеряв присущую ему кровожадность, а быть может, под влиянием того же страха, что преобразил всех зверей острова, повернулся, глухо зарычал и, не оборачиваясь, спокойно пошел вглубь острова.

Миссис Барнет тотчас же подбежала к распростертому на снегу телу.

Из ее груди вырвался крик:

— Мэдж! Мэдж!

Мэдж быстро подошла и внимательно посмотрела на безжизненное тело.

То была юная эскимоска Калюмах!

9. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАЛЮМАХ

Калюмах здесь, на плавучем острове, в двухстах милях от американского континента! Это было невероятно!

Но прежде всего надо было убедиться, жива ли еще несчастная, можно ли ее спасти? Миссис Барнет, опустившись на колени, расстегнула одежду юной эскимоски, в теле которой, казалось, еще теплилась жизнь, и, приложив ухо к ее груди, стала слушать. Сердце Калюмах билось чуть слышно, но все же билось. У нее оказалась только рана на руке, которая сильно кровоточила, но не была опасна. Мэдж остановила кровь, перевязав рану своим платком.

Между тем миссис Барнет, обняв Калюмах, приподняла ей голову, влила в разжатый рот несколько капель бренди и смочила ей лоб и виски снегом.

Прошло несколько минут. Миссис Барнет и Мэдж не решались произнести ни слова в смертельном страхе, как бы жизнь в этом неподвижном теле окончательно не угасла.

Внезапно из груди Калюмах вырвался едва слышный вздох. Руки ее слабо зашевелились, и, еще не открывая глаз и не видя той, которая спасла ее, она прошептала:

— Госпожа Полина! Госпожа Полина!

Услышав свое имя, путешественница замерла от изумления. Неужели Калюмах по собственному побуждению явилась сюда, на этот блуждающий остров, чтобы разыскать чужестранку, которая была когда-то добра к ней? Но как могла она узнать обо всем и как добралась до острова Виктории, оторванного от всякой земли? Как, наконец, могла она догадаться, что льдина унесла далеко от континента и миссис Барнет и всех остальных обитателей форта Надежды? Все это было и в самом деле непонятно.

— Она жива, она не умрет! — сказала Мэдж, почувствовав под рукой теплоту этого дотоле безжизненного тела.

— Несчастное дитя! — прошептала миссис Барнет, глубоко растроганная. — Почти умирая, она произносила мое имя! Мое имя было на ее устах!

Но вдруг Калюмах приоткрыла глаза; ее взгляд, сперва робкий, испуганный, блуждающий, остановившись на миссис Барнет, внезапно оживился. На мгновение, только на одно мгновение увидела она ее, но этого было достаточно. Юная эскимоска сразу узнала «свою добрую

госпожу». Калюмах еще раз повторила имя путешественницы, и рука ее слегка приподнялась и опустилась в ладонь миссис Барнет.

Заботы двух женщин быстро привели Калюмах в чувство. Причиной крайнего ее изнеможения была не только усталость, но и голод. Как потом узнала миссис Барнет, девушка не ела двое суток. Несколько кусочков холодной дичи и глоток бренди восстановил ее силы, и не прошло и часа, как она уже шла со своими друзьями к форту Надежды.

Но в этот час, сидя на песке между миссис Барнет и Мэдж, Калюмах сначала излила им свою благодарность и любовь, а затем начала свой рассказ. Нет! Она не забыла чужестранок из форта Надежды, и образ миссис Барнет всегда жил в ее памяти. Нет, не случай забросил ее, полумертвую, на берег острова Виктории!

Вот что в кратких словах поведала Калюмах Полине Барнет.

Читатель помнит, что в первое свое посещение форта Надежды юная эскимоска обещала друзьям вернуться к ним летом.

Прошла долгая полярная ночь, и наступил май. Исполнить данное обещание Калюмах считала своим долгом. Она покинула поселок в Новой Джорджии, где провела зиму, и в сопровождении одного из своих родственников направилась к полуострову Виктории.

Шесть недель спустя, в половине июня, она добралась до пределов Новой Британии, лежащей недалеко от мыса Батерст. Она прекрасно узнала вулканы вокруг залива Ливерпул и, пройдя еще миль двадцать, очутилась у Моржовой бухты, где вместе со своими родными не раз охотилась на тюленей. Но по ту сторону бухты, на севере, было пусто! Берег прямой линией уходил к юго-востоку. Ни мыса Эскимосов, ни мыса Батерст!

Калюмах поняла, что случилось: либо вся эта часть материка, ставшая с некоторых пор островом Викторией, поглощена волнами, либо она блуждает по океану!

Не найдя тех, к кому она так стремилась издавна, Калюмах заплакала.

Между тем ее шурина, эскимоса, эта катастрофа несколько не поразила. Среди кочевых племен Северной Америки существовало весьма распространенное предание, что территория мыса Батерст тысячи веков тому назад не составляла одного целого с материком и что наступит время, когда силами природы она снова отделится от него. Поэтому-то эскимосы и были так удивлены, увидев, что лейтенант Гобсон основал факторию как раз у подножья мыса Батерст. Но то ли из чрезмерной осторожности, свойственной их племени, то ли из чувства неприязни, которую питает всякий туземец к иноплеменнику, завладевшему его землей, эскимосы ничего не сказали лейтенанту Гобсону. К тому же фактория была уже

построена. Этого предания, которое ничем не подтверждалось и было всего лишь одной из многочисленных легенд о происхождении полярных стран, Калюмах не знала и потому не предостерегла обитателей форта Надежды об угрожавшей им опасности.

Если бы эскимосы предупредили Джаспера Гобсона, он бы не доверился этой земле, которая к тому же отличалась такими странными свойствами, и стал бы искать для фактории другое, более надежное место.

Когда Калюмах обнаружила исчезновение мыса Батерст, она начала искать своих друзей по ту сторону залива Уошберн, но и там не оказалось никаких следов тех, кого ей так хотелось видеть. Отчаявшись их найти, она вернулась обратно на запад, на рыбные промыслы Русской Америки.

Итак, Калюмах и ее шурин покинули окрестности Моржовой бухты в последних числах июня. Они снова пошли прибрежной дорогой и к концу июля, проделав все это бесполезное путешествие, возвратились в Новую Джорджию.

Калюмах уже не надеялась когда-нибудь увидеть ни миссис Барнет, ни ее товарищей из форта Надежды. Она решила, что все они погибли в пучинах океана.

В этом месте своего рассказа юная эскимоска глазами, полными слез, взглянула на миссис Барнет и нежно пожала ей руку. Потом, шепча молитву, она возблагодарила бога, который спас ее именно этой рукою друга.

Возвратившись домой к своим близким, Калюмах зажила прежней жизнью. Она работала вместе с родными на рыбных промыслах Ледового мыса, расположенного почти на семидесятой параллели, в шестистах милях от мыса Батерст.

Вся первая половина августа прошла без особых событий. Но в конце месяца разразился свирепый шторм, который так встревожил Джаспера Гобсона. Охватив, казалось, весь Северный Ледовитый океан, буря распространилась даже за пределы Берингова пролива. У Ледового мыса она бушевала так же неистово, как и над островом Викторией. В это время блуждающий остров находился всего лишь в двухстах милях от материка, как это установил на основании своих наблюдений Джаспер Гобсон.

Слушая рассказ Калюмах, миссис Барнет, прекрасно осведомленная о положении острова, сопоставляла в уме все происшедшее, стараясь найти разгадку этих необычайных событий, а главное — объяснить себе появление на острове юной туземки.

Первые дни бури эскимосы Ледового мыса провели, забившись в свои хижины, не имея возможности выйти из дома, а тем более на рыбную

ловлю. Однако в ночь с 31 августа на 1 сентября Калюмах решила отправиться на берег. Она шла, не страшась ветра и дождя, бушевавших вокруг, и тревожно вглядывалась в разъяренное море, вздымавшееся во мраке подобно горной цепи.

Вдруг вскоре после полуночи ей показалось, что под напором урагана вдоль берега движется какая-то огромная, бесформенная масса. Ее глаза, зоркие, как у всех туземцев, привыкших к мраку долгих полярных ночей, не могли ее обмануть. Громада плыла в двух милях от берега, но то не был ни кит, ни корабль и, судя по времени года, ни айсберг.

Впрочем, Калюмах даже не размышляла. Ей представилось странное видение. В ее возбужденном мозгу возникли образы друзей. Она снова видела их всех: миссис Барнет, Мэдж, лейтенанта Гобсона и милого ребенка, которого когда-то в форте Надежды она осыпала нежными ласками. Да, это были они, буря уносила их на этой плавучей льдине.

Калюмах ни минуты не сомневалась и не колебалась. Надо было сообщить погибающим то, о чем они, быть может, и не подозревали: что земля близко. Девушка возвратилась к себе в хижину, взяла факел из просмоленной пакли, какими эскимосы пользуются ночью во время рыбной ловли, зажгла его и, взбежав на вершину Ледового мыса, начала им размахивать.

Этот огонь в ночь на 1 сентября и заметили сквозь густой туман находившиеся на мысе Майкл Джаспер Гобсон и сержант Лонг.

С каким радостным волнением увидела тогда Калюмах ответный сигнал — зажженный Джаспером Гобсоном костер из елей, бросавший свой красноватый отблеск на американский берег, о близости которого лейтенант и не подозревал!

Но вскоре все погасло. После недолгого затишья ураган, который налетал теперь с юго-востока, разразился с новой силой.

Калюмах поняла, что плавучий остров, — «ее добыча», как она мысленно назвала его, — ускользает от нее, что к берегу его не прибьет. Она видела его, этот остров, она понимала, что он исчезает во мраке ночи, вновь уходит в открытое море.

Для юной эскимоски это были ужасные минуты. Она твердила себе, что должна во что бы то ни стало предупредить друзей, и тогда, возможно, у них будет еще время действовать, а каждый упущенный час отдаляет их от материка...

Калюмах не колебалась. Ее каяк, этот утлый челн, в котором она не раз бросала вызов бурям океана, был здесь. Она вскочила в него, столкнула его в море, стянула вокруг пояса своей куртки из тюленьей кожи гибкие края

кайка, схватила пагай и устремилась в ночную тьму.

В этом месте рассказа юной Калюмах миссис Барнет нежно прижала к груди отважную девушку. Мэдж, слушая, плакала.

Когда Калюмах бросилась в разъяренные волны, бешеные порывы ветра не только не мешали ей, а скорее помогали, унося в открытое море. Они приближали ее к бесформенной массе, которую она еще смутно различала в темноте.

Валы перекатывались через каяк, но они были бессильны причинить вред нетонувшей лодке, которая, будто соломинка, неслась по гребням волн. Каяк не раз накренился, но Калюмах одним движением весла выпрямляла его.

Наконец, после целого часа борьбы она стала яснее различать очертания острова. Сомнений не было: цель была близка, до острова оставалось всего четверть мили.

Тогда во тьме и раздался ее крик, который слышали лейтенант Гобсон и сержант Лонг.

Но тут течение, для которого лодка была более доступна, чем остров Виктория, с непреодолимой силой стало уносить эскимоску на запад. Тщетно пыталась она устоять против него. Легкий каяк летел, как стрела. Калюмах снова закричала, но она была уже далеко и никто ее не услышал. Когда первый луч солнца озарил бушующее море, земля Новой Джорджии, которую она покинула, и блуждающий остров, к которому она стремилась, лишь смутно вырисовывались на горизонте.

Но юная эскимоска не отчаивалась. Вернуться на материк было теперь уже невозможно. Ее отталкивал от него тот бешеный встречный ветер, который уносил остров и в течение тридцати шести часов увлек его с помощью прибрежного течения на двести миль в открытое море.

Оставалось одно: догонять остров, удерживая каяк в том же течении и в тех же водах, которые неудержимо уносили его вперед!

Но увы! Силы изменили мужественной Калюмах. Бедную девушку вскоре стал мучить голод. Усталая и обессиленная, она уже не могла управлять своим челном.

Девушка боролась еще несколько часов, и ей казалось, что остров уже близко, но оттуда никто ее не видел — в этом необъятном океане она была едва заметной точкой. Она боролась, даже когда ее обессиленные, окровавленные руки уже отказывались ей служить. Она не сдавалась, борясь из последних сил, пока не потеряла сознание и ее легкий каяк не стал игрушкой ветра и волн.

Что было потом? Она не могла бы сказать. Сколько времени блуждала

она так по воле волн, как обломок крушения? Она не знала. Она пришла в себя, лишь когда от внезапного толчка ее каяк разлетелся вдребезги.

Холодная вода, в которую погрузилась Калюмах, вернула ее к жизни, и несколько минут спустя волны выбросили ее, почти умирающую, на песчаный берег.

Это произошло накануне ночью перед рассветом, то есть часа в два-три утра.

С момента, когда Калюмах вскочила в каяк, и до того, когда волны поглотили его, прошло почти трое суток.

Она не знала, к какому берегу прибила ее буря. Был ли это материк или остров, куда она рвалась с такой отвагой? Она не знала, но надеялась? Да, она надеялась, что это был остров: ведь ветер и течение должны были отнести ее в открытое море, а не отбросить назад к побережью!

Эта мысль поддержала ее. Она поднялась и с трудом побрела вдоль берега.

Девушка и не подозревала, что судьба забросила ее в ту часть острова Виктории, которая прежде составляла северный угол Моржовой бухты. Но теперь она не узнала побережья, разрушенного волнами и изменившего после разрыва перешейка свои очертания.

Калюмах шла, затем, изнемогая, останавливалась и, собрав последние силы, снова двигалась дальше. А дорога, словно наперекор ей, удлинялась. На каждой миле ей приходилось огибать берег в тех местах, которыми уже завладело море. Так, едва передвигая ноги, падая и опять поднимаясь, достигла она березовой рощицы, где в то утро отдыхали миссис Барнет и Мэдж. Читатель помнит, что, направляясь к мысу Эскимосов, недалеко от этого места обе женщины увидели на снегу следы ее шагов. Немного дальше бедная Калюмах упала в последний раз и, изнуренная усталостью и голодом, продвигалась уже только ползком.

Но в сердце юной туземки вернулась надежда — в нескольких шагах от берега она, наконец, узнала мыс Эскимосов, у основания которого ее родичи и она останавливались лагерем год назад. Она знала, что до фактории оставалось не более восьми миль и надо было идти дорогой, по которой она не раз ходила, навещая своих друзей из форта Надежды.

Да! Эта мысль сперва поддерживала ее. Но, достигнув берега, она, совсем обессилив, упала на снег и вновь потеряла сознание. Если б не миссис Барнет, она бы погибла!

— Но, — добавила Калюмах, — дорогая моя госпожа, я знала, что вы придете мне на помощь и бог спасет меня вашими руками!

Остальное уже известно! Известно, что какой-то внутренний голос

подсказал миссис Барнет и Мэдж обследовать в тот день эту часть побережья и какое-то предчувствие заставило их после остановки в березовой рощице не сразу возвратиться в факторию, а пройти к мысу Эскимосов. Известно также, как оторвалась льдина и как повел себя при этом медведь.

В заключение миссис Барнет добавила, улыбаясь:

— Не я тебя спасла, дитя мое, тебя спас этот благовоспитанный зверь! Без него ты погибла бы, и если он когда-нибудь к нам вернется, мы отнесемся к нему как к твоему спасителю.

Во время этого рассказа силы Калюмах, которую заботливо накормили и приласкали, постепенно восстановились и миссис Барнет предложила ей не мешкая отправиться в форт, где их отсутствие могло вызвать беспокойство. Юная эскимоска тут же поднялась, готовая продолжать путь.

Миссис Барнет в самом деле спешила сообщить Джасперу Гобсону о событиях этого утра, а также о том, что произошло в ночь, когда бушевал шторм и блуждающий остров приблизился к американскому берегу.

Но прежде всего она просила Калюмах сохранить в полной тайне все эти события и все то, что касалось положения острова. Ее появление на острове должно будет рассматриваться как исполнение данного друзьям обещания вернуться к ним с наступлением теплых дней, и все решат, конечно, что она пришла со стороны побережья. Это обстоятельство может даже укрепить обитателей фактории в мысли, что в окрестностях мыса Батерст не произошло никаких изменений, и рассеять все подозрения по этому поводу, если они у кого-нибудь и возникли.

В три часа дня миссис Барнет, юная туземка, опиравшаяся на ее руку, и верная Мэдж повернули на восток, и не было еще пяти часов, когда все трое уже подходили к воротам форта Надежды.

10. КАМЧАТСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Легко себе представить, как встретили обитатели форта юную Калюмах! С ее появлением как бы восстанавливалась прерванная с остальным миром связь. Жены солдат осыпали ее ласками. А она прежде всего бросилась к ребенку и стала нежно его целовать.

Эскимоска была искренно тронута гостеприимством своих друзей-европейцев. И в самом деле, все были ей рады, как никому другому, и с восторгом приняли известие, что она проведет в фактории всю зиму: наступление холодов якобы лишало ее возможности вернуться в свой поселок в Новой Джорджии.

Но если обитатели форта были приятно удивлены появлением эскимоски, то что должен был подумать Джаспер Гобсон при виде Калюмах под руку с миссис Барнет? Он не верил своим глазам. В его мозгу с быстротой молнии промелькнула мысль, что вопреки данным ежедневных измерений остров Виктория в каком-то пункте незаметно соединился с материком.

Миссис Барнет прочла во взгляде лейтенанта это неправдоподобное предположение и отрицательно покачала головой.

Джаспер Гобсон понял, что ничего не изменилось, и стал ждать, когда миссис Барнет объяснит ему неожиданное появление Калюмах.

Несколько минут спустя Джаспер Гобсон и путешественница уже прогуливались у подножья мыса Батерст, и лейтенант жадно слушал ее рассказ о приключениях Калюмах.

Итак, все предположения лейтенанта Гобсона оправдались! Во время бури северо-восточный ветер вырвал блуждающий остров из течения! В ужасную ночь с 31 августа на 1 сентября льдина была на расстоянии всего лишь мили от американского континента! Огонь, который Джаспер Гобсон увидел, не был огнем с корабля, а крик, долетевший до его слуха, не был воплем потерпевшего кораблекрушение! Земля была совсем близко, она была рядом, и, если бы ветер продержался в этом направлении еще какой-нибудь час, остров прибило бы к берегам Русской Америки!

Но тут произошла роковая, гибельная для судьбы острова перемена. Ветер подул с юга и, оттолкнув остров от берега, снова вынес его в открытое море! Мощное течение опять подхватило его в свои воды, и с этой минуты, подгоняемый порывами юго-восточного ветра, он с неимоверной скоростью, которую ничто не могло уменьшить, доплыл до

опасного места между двумя противоположными течениями, из которых каждое могло погубить остров вместе со всеми его несчастными обитателями!

В сотый раз лейтенант и миссис Барнет обсуждали случившееся. Наконец, Джаспер Гобсон спросил, насколько велики разрушения между мысом Батерст и Моржовой бухтой.

Миссис Барнет ответила, что в некоторых местах уровень побережья как будто понизился и волны заходят туда, куда прежде не проникали. Потом она рассказала о том, что произошло у мыса Эскимосов и как большая льдина откололась здесь от острова.

Действительно, положение было чрезвычайно опасным. Ледяная основа острова, омываемая снизу сравнительно теплыми водами, постепенно таяла. То, что произошло с мысом Эскимосов, могло каждую минуту случиться и с мысом Батерст. Постройки фактории в любой час дня и ночи грозили рухнуть на дно океана, и единственной надеждой на спасение была зима, зима с ее лютыми морозами. Но она все еще не наступала.

На следующий день, 4 сентября, новое наблюдение лейтенанта Гобсона показало, что положение острова по сравнению с предыдущим днем мало изменилось. Он по-прежнему оставался неподвижным между двумя противоположными течениями, и в тех условиях это было в сущности наиболее благоприятным обстоятельством.

— Пусть только холода застанут нас здесь, пусть ледовые заторы остановят движение острова, а море вокруг замерзнет, — сказал Джаспер Гобсон — и я буду считать наше спасение обеспеченным. Сейчас до берега меньше двухсот миль; решившись пройти это расстояние по крепкому ледяному полю, мы сможем добраться до Русской Америки или до берегов Азии. Но нам нужна зима, зима — во что бы то ни стало и как можно скорее!

Между тем, по приказанию лейтенанта, заканчивались последние приготовления к зимовке. Заготавливались все необходимые корма для домашних животных на время долгой полярной ночи. Собаки были здоровы и жирели от безделья, но они заслуживали хорошего ухода: ведь бедным животным предстоял немалый труд, когда обитатели форта Надежды покинут остров и пойдут по льду, направляясь к материку. Надо было поэтому сохранить собак сильными, и для «их не жалели мяса, главным образом мяса оленей, которых удавалось подстрелить в окрестностях фактории.

Домашние олени тоже чувствовали себя превосходно. Для них были

устроены удобные стойла и в сараях форта запасено много мха. Олени самки давали хорошие удои, и миссис Джолиф все время употребляла молоко для приготовления пищи.

Капрал и его жена снова занялись огородом, который дал летом такой обильный урожай. Они еще до снега подготовили землю для посадки щавеля, ложечника и лабрадорского чая. В этих ценных противоцинготных средствах колония не должна была терпеть недостатка.

Что касается дров, то сараи были наполнены ими до самой кровли. Если бы наступила даже самая суровая, морозная зима, когда ртуть замерзает в чашечке термометра, и то зимовщикам не пришлось бы, как в прошлые холода, жечь обстановку дома. Мак-Нап и его подручные приняли в этом отношении свои меры, и лес, оставшийся от постройки судна, значительно пополнил запасы топлива.

К этому времени охотники поймали немало пушных зверей, уже одевшихся в свой зимний мех. То были куницы, норки, голубые песцы, горностаи. Лейтенант разрешил Марбру и Сэбину поставить несколько ловушек недалеко от ограды форта. Он не считал возможным отказать им в этом, опасаясь, как бы они чего-нибудь не заподозрили, ибо веского довода к тому, чтобы прекращать снабжение фактории мехами, у него не было. Между тем он знал, что это совершенно бесполезный труд, и уничтожение ценных и безобидных зверьков никому не принесет пользы. Впрочем, их мясом кормили собак, экономя таким образом оленину.

Словом, подготовка к зиме шла полным ходом, как будто форт находился на самом надежном месте; солдаты работали с усердием, какого бы они, быть может, и не проявляли, если бы им было известно истинное положение фактории.

Самые тщательные наблюдения не показали в последующие дни каких-либо существенных изменений в местонахождении острова. Видя, что их плавучий дом стоит неподвижно, Джаспер Гобсон воспрянул духом. Если в неорганической природе еще не замечалось признаков зимы и температура держалась в среднем на сорока девяти градусах по Фаренгейту (+9°C), то все же наблюдались другие приметы приближения холодов: на юг, в поисках более теплых стран, улетело несколько лебедей, да и другие птицы, которых не пугали длительные перелеты над морем, постепенно покидали берега острова. Они знали, что материки Америки или Азии, с их менее суровым климатом, более гостеприимной землей и со всякого рода жизненными ресурсами, расположены недалеко, а крылья у них достаточно сильны, чтобы перенести их туда. Несколько таких птиц было поймано, и, по совету миссис Барнет, лейтенант прикрепил каждой из них на шею

лоскуток прорезиненного холста, на котором обозначил местоположение острова и имена его обитателей. Затем птиц выпустили и не без зависти следили, как они улетаели на юг.

Само собой разумеется, все это было проделано им в тайне, в присутствии лишь миссис Барнет, Мэдж, Калюмах и сержанта Лонга.

Что касается заключенных на острове четвероногих, то они не могли провести зиму, как всегда, в более теплых краях, где у них были уже обжитые места. В это время года, в первых числах сентября, олени, полярные зайцы и даже волки обычно уже покидали окрестности мыса Батерст и укрывались где-нибудь около Большого Медвежьего или Невольничьего озер, то есть гораздо южнее Полярного круга. Но на сей раз море преградило им путь, и, чтобы отправиться на поиски более подходящих мест, надо было ждать, пока оно замерзнет. Конечно, инстинкт подсказывал им необходимость переселиться на юг, что они и попытались сделать, но, не имея возможности уйти дальше берега, они вновь, повинаясь инстинкту, возвратились обратно в окрестности форта Надежды, ближе к людям, таким же пленникам, как и они, ближе к охотникам, которые когда-то были их злейшими врагами.

Наблюдения 5, 6, 7, 8 и 9 сентября не установили никаких изменений в положении острова Виктории. Он стоял неподвижно в обширном водном пространстве, между двумя течениями. Если бы это *status quo*^[9] сохранилось в продолжение двух, самое большее — трех недель, лейтенант готов был бы поверить в спасение.

Но неудачам еще не наскучило преследовать остров, и обитателей форта Надежды ожидали новые жестокие, можно сказать, нечеловеческие испытания!

Действительно, 10 сентября измерения показали, что остров Виктория переместился. Этот пока еще медленный дрейф происходил в северном направлении.

Джаспер Гобсон был сражен! Значит, Камчатское течение окончательно захватило остров в свои воды! Он уплывал в сторону той неизвестной части Северного Ледовитого океана, где образуются ледовые заторы! Он уходил в его пустынные просторы, недоступные человеку, в те области, откуда не возвращаются.

От тех, кто знал тайну положения фактории, лейтенант Гобсон не скрыл этой новой опасности. И миссис Барнет, и Мэдж, и Калюмах, и, уж конечно, сержант Лонг мужественно и безропотно встретили этот новый удар.

— Быть может, остров еще и остановится! — сказала миссис

Барнет. — Быть может, он будет двигаться медленно! Не надо терять надежды... подождем! Зима не за горами, и мы идем ей навстречу. Во всяком случае, да свершится воля божья!

— Друзья мои, не считаете ли вы, — спросил лейтенант Гобсон, — что мне следует предупредить наших товарищей? Вы видите, в каком мы положении и что с нами может случиться! Не беру ли я на себя слишком большой ответственности, скрывая от них угрожающую нам опасность?

— Я бы еще подождала, — не колеблясь, ответила путешественница. — Не надо повергать в отчаяние наших товарищей, пока мы еще не исчерпали всех возможностей.

— И я так думаю, — сказал сержант Лонг.

Джаспер Гобсон в сущности придерживался того же мнения и был счастлив, что друзья поддержали его.

Одиннадцатого и двенадцатого сентября перемещение острова на север обнаружилось еще явственнее. Остров Виктория двигался со скоростью от двенадцати до тринадцати миль в день. Тем самым он удалялся на двенадцать — тринадцать миль от берегов всякой земли, поднимаясь к северу, то есть следуя резко выраженному изгибу, который образует Камчатское течение на этой высокой широте. Вскоре остров должен был перейти ту самую семидесятую параллель, что пересекала когда-то крайнюю точку мыса Батерст и за пределами которой в этой части Арктики уже не было ни материка, ни другой земли.

Каждый день лейтенант Гобсон отмечал на своей карте новое местоположение блуждающего острова и видел, навстречу каким опасностям он несется. Единственной надеждой было то, что остров, как выразилась миссис Барнет, «шел навстречу зиме». Двигаясь на север, он вместе с холодами встретил бы там и плавающий лед, который постепенно увеличил бы и укрепил его основу. Но если обитатели форта Надежды и могли бы тогда надеяться, что остров не рухнет в океан, то какой бесконечный, быть может, непроходимый путь предстояло им совершить, чтобы вернуться из этих глубин полярного края! О, если бы только судно, пусть даже несовершенное, было уже готово, лейтенант Гобсон не побоялся бы пуститься на нем в море со всеми обитателями фактории! Но плотник должен был особенно тщательно строить судно, которому, возможно, пришлось бы доверить жизнь двадцати человек, да еще в столь опасных водах, и, несмотря на все старания Мак-Напа, бот не был, да и не мог быть скоро готов.

Шестнадцатого сентября остров Виктория был на семьдесят пять — восемьдесят миль севернее того пункта, где он прежде неподвижно

удерживался несколько дней между двумя течениями — Камчатским и Беринговым. Теперь признаки приближения зимы стали более заметными. Снег шел уже чаще и иногда падал плотными хлопьями. Ртуть в термометре постепенно понижалась. Днем средняя температура достигала еще сорока четырех градусов по Фаренгейту ($+6,7^{\circ}\text{C}$), но ночью падала до тридцати двух градусов (0°C). Солнце описывало над горизонтом чрезвычайно удлиненную кривую. В полдень оно поднималось всего на несколько градусов над горизонтом и ежедневно исчезало уже на одиннадцать часов из двадцати четырех.

Наконец, в ночь с 16 на 17 сентября на море показались первые признаки льда. То были отдельные небольшие кристаллики, похожие на снег и казавшиеся пятнами на прозрачной поверхности воды. Этот снег, как уже было установлено наблюдениями известного мореплавателя Скорсби, заметно успокаивал зыбь, так же как масло, которое льют моряки, чтоб успокоить волнение океана. Льдинки эти имели тенденцию плотно соединяться и, несомненно, соединились бы в спокойной воде, но как только они образовывали сколько-нибудь значительную поверхность, волны дробили и разгоняли их.

Джаспер Гобсон чрезвычайно внимательно следил за появлением этого первого льда. Он знал, что за сутки ледяная кора, уплотняясь снизу, может достигнуть толщины от двух до трех дюймов, а этой толщины уже достаточно, чтоб выдержать вес человека. Поэтому он рассчитывал, что остров Виктория скоро будет остановлен в своем движении на север.

Но пока день продолжал еще уничтожать работу ночи; и если с наступлением темноты движение острова задерживалось отдельными, более устойчивыми льдинами, то с восходом солнца они, растаяв или расколовшись, уже не замедляли его быстрого благодаря сильному течению дрейфа.

Таким образом, остров уходил все дальше на север, и этого движения ничем нельзя было остановить.

Начиная с 21 сентября, дня равноденствия, продолжительность ночи стала постепенно увеличиваться за счет дня. Зима наступала со всей очевидностью, но медленно, и не казалась суровой. К этому времени остров Виктория уже почти на целый градус перешел за семидесятую параллель, и тут в первый раз обнаружилось, что он начал вращаться вокруг своей оси; Джаспер Гобсон определил, что размер этого смещения равен четверти его окружности.

Легко себе представить, как был озабочен лейтенант Гобсон. Природа грозила открыть даже самым непроницательным тайну, которую он дотол

так тщательно скрывал. Действительно, в результате этого вращательного движения изменилось положение острова относительно стран света. Мыс Батерст теперь был обращен уже не на север, а на восток. Солнце, луна и звезды всходили и заходили в другой части горизонта, и казалось невероятным, чтобы столь наблюдательные люди, как Мак-Нап, Рэй, Марбр и другие, не заметили этой явной перемены, которая должна была им все открыть.

Но, к великому изумлению Джаспера Гобсона, эти честные солдаты как будто ничего не замечали. Правда, перемещение острова относительно стран света было незначительно, и за дымкой тумана, часто заволакивавшей небо, нельзя было точно проследить за восходом и закатом светил.

Между тем это вращательное движение как будто совпало с заметным ускорением поступательного движения. Начиная с этого дня остров Виктория дрейфовал со скоростью около одной мили в час. Продолжая двигаться к более северным широтам, он удалялся от всякой земли. Джаспер Гобсон старался не падать духом, впрочем малодушие вообще было ему не свойственно, но он понимал, что гибель приближается, и молил о наступлении зимы, вернее морозов, во что бы то ни стало.

Наконец, температура еще понизилась. Густой снег шел весь день 23 и 24 сентября, покрывая поверхность льдин, уже скованных холодом, и увеличивая их плотность. Постепенно образовалось необозримое ледяное поле. Своим движением остров еще дробил его, но сопротивление льдов возрастало с каждым часом. Море замерзало вокруг, всюду — насколько хватал взор.

И вот, наконец, наблюдение 27 сентября показало, что затертый огромным ледяным полем остров Виктория второй день был недвижим. Он стоял неподвижно на $177^{\circ}22'$ долготы и $77^{\circ}57'$ широты, более чем в шестистах милях от ближайшего материка!

11. СООБЩЕНИЕ ДЖАСПЕРА ГОБСОНА

Вот как обстояли дела. Остров, по выражению сержанта Лонга, «бросил якорь». Он остановился, он был недвижим, как в те времена, когда перешеек еще соединял его с американским континентом. Но теперь от обитаемой земли его отделяло расстояние в шестьсот миль, и эти шестьсот миль предстояло проделать в санях по замерзшей поверхности океана, среди нагроможденных холодом ледяных гор, и притом в самые суровые месяцы полярной зимы.

О таком отчаянном плане страшно было и подумать, но иного выхода не было. Зима, которую так страстно призывал лейтенант Гобсон, наконец наступила. Она остановила роковое движение острова на север и должна была перебросить между ним и ближайшим материком мост протяженностью в шестьсот миль. Необходимо было воспользоваться этим новым обстоятельством и переправить на родину обитателей фактории, затерянной в глубинах Арктики.

Действительно, — и лейтенант Гобсон говорил об этом своим друзьям, — нельзя было, дождавшись весеннего движения льдов, вновь отдаться во власть течений Берингова моря. Следовало только выждать, пока океан достаточно замерзнет, то есть еще три-четыре недели. За это время лейтенант Гобсон рассчитывал еще раз подробно обследовать окружавшее остров ледяное поле, чтобы установить, насколько оно прочно и возможно ли по нему передвижение в санях. Кроме того, надо было решить, куда лучше направиться — к побережью Азии или к американскому континенту.

— Разумеется, — добавил Джаспер Гобсон, обсуждая этот план с миссис Барнет и сержантом Лонгом, — мы предпочтем Новую Джорджию побережью Азии и при равных шансах направимся к Русской Америке.

— И тогда Калюмах будет нам весьма полезна, — заметила миссис Барнет, — ведь как туземка она прекрасно знает земли Новой Джорджии.

— Да, действительно, она будет весьма полезна, — сказал лейтенант Гобсон, — ее послала нам сама судьба. С ее помощью мы легко доберемся до факторий форта Майкл в заливе Нортон или даже еще южнее — до города Ново-Архангельска — и остановимся там на всю зиму.

— Бедный форт Надежды, — проговорила миссис Барнет. — Какого труда вам стоило его создать и как удачно вы его построили, мистер Гобсон! Мне будет тяжело покинуть его на этом острове, среди ледяных

полей, бросить его, быть может, за непроходимыми заторами. Когда нам придется уезжать и прощаться с ним, сердце мое будет буквально разрываться от горя!

— Я буду страдать не меньше, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — а может быть, и больше! Основание форта Надежды было главным делом моей жизни. В создание этой фактории с таким неудачным названием я вложил все свои способности, всю свою энергию и никогда не утешусь, если мне придется его покинуть! Да и что окажет компания, возложившая «а меня, своего скромного агента, столь почетную миссию?

— Она скажет, мистер Гобсон, — «взволнованно воскликнула миссис Барнет, — что вы честно исполнили свой долг! Не можете же вы нести ответственность за капризы природы, всегда и везде более могущественной, чем руки и ум человека! Она поймет, что вы не в силах были предвидеть то, что случилось, то, что лежит вне предвидения человеческого! Она узнает, что благодаря вашему благоразумию и присутствию духа ей не придется оплакивать утрату ни одного из доверенных вам людей.

— Благодарю вас, сударыня, — ответил лейтенант, пожимая руку путешественнице, — благодарю за слова, подсказанные вашим сердцем, но я немного знаю людей, и уж поверьте, что преуспеть — лучше, чем потерпеть неудачу. Но да будет воля божья!

Желая отвлечь лейтенанта от невеселых мыслей, сержант Лонг перевел разговор на вопросы, требовавшие скорого решения, — на предстоящие приготовления к отъезду, а затем спросил, не собирается ли лейтенант сообщить, наконец, солдатам о действительном положении острова Виктории.

— Подождем еще, — ответил Джаспер Гобсон. — Наше молчание до сих пор избавляло наших бедных товарищей от лишних тревог. Подождем же, пока день нашего отъезда будет окончательно установлен, и тогда откроем им всю правду.

Так и решили, и еще несколько недель работы в фактории шли обычным порядком.

Припомним, в каких условиях жили обитатели форта Надежды год назад, когда они были еще счастливы и все вокруг их радовало.

Год назад первые признаки наступления зимы были те же, что и в описываемое время. На побережье постепенно образовался первый лед. Озеро с более спокойными водами, чем воды океана, замерзло раньше. Днем температура держалась на одном-двух градусах выше точки замерзания, а ночью понижалась до трех-четырёх градусов ниже ее. По

приказанию лейтенанта Гобсона люди стали одеваться по-зимнему — в меха и шерстяное белье. В доме установили конденсаторы и приступили к чистке воздушного резервуара и насосов для вентиляции помещения. Вокруг ограды у мыса Батерст поставили западни, и Сэбил и Марбр не могли нарадоваться своим охотничьим удачам. Наконец, заканчивались последние работы по благоустройству главного дома.

И теперь — год спустя — работы велись точно так же. Хотя форт Надежды и переместился больше чем на два градуса севернее того места, где он находился в начале прошлой зимы, эта разница не должна была вызвать значительного изменения среднемесячных температур. Действительно, расстояние между семидесятой и семьдесят второй параллелью не настолько велико, чтобы заметно влиять на среднемесячную температуру. И скорее даже казалось, что теперь холод был менее ощутим, чем год назад. Возможно, конечно, что зимовщики уже приспособились к этому суровому климату и легче переносили стужу.

Впрочем, начало зимы действительно было менее холодным, чем обычно. Погода стояла сырая и пасмурная, насыщавшие воздух туманы ежедневно разрешались то дождем, то снегом. Жестокого мороза, который был так нужен лейтенанту Гобсону, не было.

Что касается океана, то он замерз вокруг острова, но неравномерно и не сразу. Большие черные пятна, рассеянные на поверхности молодого льда, указывали на то, что льдины еще плохо скованы между собой. Почти непрерывно слышался громкий треск, — это разрывался какой-нибудь пласт льда, состоявший из бесчисленного множества неплотно спаянных частей, верхние грани которых размывались дождем. Еще не чувствовалось того мощного сжатия льдин, которое наблюдается обычно, когда под влиянием резкого холода они быстро образуются и нагромождаются одна на другую. Айсберги и даже торосы были редки, а ледовые заторы еще и вовсе не появлялись на горизонте.

— Ну и зима! — часто повторял сержант Лонг. — Специально для исследователей северо-западного пути и открывателей Северного полюса! Но для наших планов возвращения домой она совсем не годится.

Так продолжалось весь октябрь. Джаспер Гобсон отметил, что средняя температура была не ниже тридцати двух градусов по Фаренгейту (0°C). Между тем море, как известно, замерзает при температуре не выше семи-восьми градусов мороза, причем такая температура должна продержаться несколько дней.

То, что ледяное поле было до сих пор совершенно непригодным для передвижения, подтверждалось еще одним обстоятельством, не

ускользнувшим от внимания миссис Барнет и Джаспера Гобсона.

Олени, волки и различные пушные звери, оказавшиеся на острове, несомненно ушли бы в более южные широты, если бы это было возможно, то есть если бы море замерзло и могло послужить им надежным путем. Между тем вокруг фактории скопилось множество животных, стремившихся быть поближе к людям. Даже волки подходили на ружейный выстрел к ограде форта и пожирали там куниц и полярных зайцев — свою единственную пищу; Лишившись мха и травы, голодные олени собирались целыми стаями у мыса Батерст. Медведь, без сомнения тот самый, у которого миссис Барнет и Калюмах считали себя в долгу, тоже часто появлялся в лесу на берегу озера. И то, что все эти звери, особенно жвачные животные, которым нужна исключительно растительная пища, несмотря на октябрь месяц, еще оставались на острове, — означало, что они не могли и не могут никуда уйти.

Читателю уже известно, что температура в среднем держалась на точке таяния льда. Заглянув в свой дневник, Джаспер Гобсон увидел, что в предыдущую зиму в том же октябре месяце термометр показывал двадцать градусов ниже нуля по Фаренгейту (-29°C). Разница была большая, и по ней можно судить о том, насколько причудливы колебания температуры в полярных областях!

Таким образом, зимовщики пока нисколько не страдали от холода, и им не приходилось прятаться по домам. Но было очень сыро, часто шел дождь, перемежавшийся со снегом, и понижение барометра указывало на то, что воздух насыщен испарениями.

В течение октября Джаспер Гобсон и сержант Лонг предприняли несколько экскурсий, чтобы обследовать состояние ледяного поля вокруг острова. Однажды они отправились к мысу Майкл, в другой раз — к месту, где прежде находилась Моржовая бухта; они горели нетерпением узнать, можно ли попытаться достичь какого-либо континента — американского или азиатского, — можно ли уже назначать день отъезда?

Поверхность ледяного поля была покрыта полыньями и местами рассечена трещинами, неминуемо остановившими бы движение саней. Трудно было допустить, чтобы кому-нибудь даже пешком удалось пройти по этой пустыне, где было почти столько же воды, сколько льда. Несильный и неустойчивый холод, постоянное изменение температуры воздуха привели к тому, что лед был еще недостаточно прочным; это подтверждалось и тем, что его поверхность была усеяна множеством острых выступов, кристаллов, призм, всевозможных многогранников, торчавших, словно наросты сталагмитов. Ледяное поле было похоже скорее

на глетчер, и передвижение по нему было бы невыносимо тяжелым, если бы даже оно и оказалось возможным.

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг спустились на лед и с громадным трудом, затратив много времени, прошли одну или две мили в южном направлении. Убедившись, что необходимо еще подождать, они вернулись в форт Надежды крайне удрученными.

Наступили первые дни ноября. Температура понизилась, но незначительно — всего на несколько градусов. Этого было недостаточно. Густые, влажные туманы окутывали остров Викторию. В комнатах приходилось весь день жечь лампы, тогда как следовало экономить освещение. Действительно, запас масла был весьма ограничен: ведь отряд капитана Крэвенти так и не доставил его в факторию; вместе с тем охота на моржей прекратилась, ибо эти животные на блуждающем острове больше не появлялись. Если бы зимовка продлилась в этих условиях, обитателям форта Надежды, чтобы обеспечить себя хотя бы каким-нибудь светом, пришлось бы употреблять животный жир или даже древесную смолу. Дни, как это бывает на севере в это время года, стали совсем короткими, и солнце, которое являло взору лишь бледный диск, не дававший ни тепла, ни света, появлялось над горизонтом всего на несколько часов. Да! То была настоящая зима, с туманами, дождями, снегом, — но без морозов!

День 11 ноября в форте Надежды оказался праздником — об этом свидетельствовали добавочные блюда, которые миссис Джолиф подавала к обеду. И в самом деле, то был день рождения маленького Майкла Мак-Напа — ему исполнился ровно год. Ребенок был здоров, а светлые вьющиеся волосы и голубые глаза придавали ему необыкновенное очарование. Он был похож на своего отца, старшего плотника, и этот достойный человек весьма гордился таким сходством. За десертом малыша торжественно взвесили. Надо было видеть, как он вертелся на весах! А как кричал! Весил он — без всякого преувеличения — тридцать четыре фунта! Этот внушительный вес произвел огромное впечатление: ребенка приветствовали многократным «ура», и все поздравляли милейшую миссис Мак-Нап как превосходную кормилицу и мать. Неизвестно почему именно, но капрал Джолиф отнес значительную часть поздравлений на свой счет: вероятно, в качестве заботливого наставника и дядьки ребенка. Достойный капрал столько носил на руках, ласкал и баюкал малыша, что видел и свою заслугу в том, что Майкл рос таким крепким и упитанным.

На следующий день, 12 ноября, солнце совсем не появилось над горизонтом. Начиналась долгая полярная ночь, причем на девять дней раньше, чем в прошлую зиму на американском континенте, — это

объяснялось разницей между широтами материка и острова Виктории.

Однако исчезновение солнца нисколько не повлияло на состояние атмосферы. Температура оставалась все такой же капризной и изменчивой: один день ртуть в термометре падала, на другой — опять поднималась. Шел то дождь, то снег. Ветер был теплый и влажный и не имел определенного направления, проходя в один и тот же день через все румбы компаса. Между тем постоянная сырость этого края становилась опасной, ибо могла вызвать среди зимовщиков заболевание цингой. Известно, что запасы фактории не были пополнены, как это было предусмотрено, и уже начинал ощущаться недостаток в лимонном соке и в известковых лепешках. По счастью, собрали обильный урожай щавеля и ложечника, и по совету лейтенанта Гобсона их ежедневно употребляли как приправу к пище.

Итак, необходимо было любой ценой покинуть остров Викторию. При таком состоянии ледяного поля на переход до ближайшего континента понадобилось бы, вероятно, не меньше трех месяцев. Если бы зимовщики отважились двинуться по замерзшей поверхности океана, им угрожала бы опасность быть застигнутыми весенним передвижением льдов, прежде чем они ступят на твердую землю. Вот почему если уж трогаться с места, то надо было пускаться в путь не позднее конца ноября.

Относительно самого отъезда не было никаких сомнений. Но если в суровую зиму, которая прочно скрепила бы все части ледяного поля, путешествие само по себе было бы достаточно тяжелым, то в эту неустойчивую погоду оно становилось крайне опасным.

Тринадцатого ноября Джаспер Гобсон, миссис Барнет и сержант Лонг собрались вместе, чтобы назначить день отъезда. Сержант был того мнения, что остров следует покинуть как можно скорее.

— Мы должны, — сказал он, — предусмотреть все задержки, возможные при переходе в шестьсот миль. Надо достичь материка до наступления марта, иначе с началом движения льдов мы рискуем очутиться в еще худшем положении, чем на нашем острове.

— Но, — заметила миссис Барнет, — вопрос в том, везде ли океан замерз одинаково прочно и можно ли будет пройти.

— Конечно, замерз, — ответил сержант Лонг, — и с каждым днем лед становится плотнее. Да и барометр понемногу поднимается. А это признак понижения температуры. К тому времени, когда мы закончим приготовления, — а это займет не меньше недели, — я думаю, зима решительно повернет на мороз.

— Так или иначе, — заметил лейтенант Гобсон, — но начало зимы

плохое, и, по правде говоря, все оборачивается против нас. В этой части океана не раз наблюдались странные зимы, когда китобойным судам удавалось заходить в такие широты, где в другие годы даже летом не оказалось бы свободной воды под килем. Но как бы то ни было, я согласен, что нельзя терять ни одного дня. Жаль только, что обычные для этих краев морозы не пришли нам на помощь.

— Они еще придут! — успокоила его миссис Барнет. — Во всяком случае, надо быть готовыми использовать благоприятные обстоятельства. На какое время предполагаете вы назначить отъезд, мистер Гобсон?

— Самый крайний срок — конец ноября, — ответил лейтенант, — но если через неделю, то есть к двадцатому числу этого месяца, мы закончим наши приготовления и путь по льду станет доступным, я буду считать это благоприятным обстоятельством, и мы двинемся в дорогу.

— Да, — подтвердил сержант Лонг. — Мы должны готовиться, не теряя ни минуты.

— В таком случае, мистер Гобсон, — спросила миссис Барнет, — откроете ли вы нашим товарищам положение, в каком мы оказались?

— Да, сударыня. Настало время говорить, ибо уже время действовать.

— Когда вы рассчитываете сообщить им все?

— Немедленно! Сержант Лонг, — добавил Джаспер Гобсон, обращаясь к сержанту, который тотчас же стал навывтяжку, — соберите ваших людей в большой зале, чтобы выслушать мое сообщение.

Сержант Лонг круто повернулся на каблуках, отдал честь и вышел размеренным шагом.

В продолжение нескольких минут миссис Барнет и лейтенант Гобсон оставались одни, не проронив ни слова.

Сержант вскоре возвратился и доложил Джасперу Гобсону, что его приказание выполнено.

Вслед за тем лейтенант и миссис Барнет прошли в большую залу, освещенную тусклым светом ламп, где застали в сборе всех обитателей фактории — мужчин и женщин.

Лейтенант Гобсон подошел к своим товарищам и торжественно произнес:

— Друзья мои, чтобы избавить вас от лишних волнений, я считал своим долгом до сих пор скрывать от вас положение, в котором находится наша фактория... Землетрясение оторвало нас от материка... Мыс Батерст отделился от американского побережья... Наш полуостров теперь не что иное, как льдина, блуждающий остров...

Тогда Марбр выступил вперед, подошел к Джасперу Гобсону и

спокойно сказал:

— Мы это знали, лейтенант!

12. ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ

Итак, эти мужественные люди все знали! Но, чтобы не причинять лишних огорчений своему командиру, они делали вид, что им ничего не известно, и готовились к зимовке с прежним усердием.

Слезы умиления выступили на глазах Джаспера Гобсона. Он не пытался скрыть свое волнение и сердечно пожал руку, протянутую ему охотником Марбром.

Да, эти честные солдаты все знали, так как Марбр давно уже обо всем догадался! Западня, вдруг наполнившаяся соленой водой; тщетное ожидание отряда из форта Релайанс; ненужные на континенте ежедневные определения широты и долготы и предосторожности, принимавшиеся лейтенантом Гобсоном, чтобы никто этого не заметил; животные, оставшиеся вокруг фактории в зимнее время года, и, наконец, замеченная в последние дни перемена положения мыса Батерст относительно стран света — все это натолкнуло обитателей форта Надежды на мысль о случившемся. Единственное, что им казалось необъяснимым, — это появление Калюмах, но они решили, — и это отчасти соответствовало действительности, — что во время бури волны по счастливой случайности выбросили ее на берег острова.

Марбр, убедившись прежде других в правильности своих догадок, поделился ими с плотником Мак-Напом и кузнецом Рэем. Спокойно обсудив создавшееся положение, все трое сошлись на том, что им следует предупредить не только товарищей, но и своих жен. Однако они решили скрыть от лейтенанта, что им все известно, и, как прежде, беспрекословно ему подчиняться.

— Вы мужественные люди, друзья мои, — сказала, выслушав Марбра, миссис Барнет, глубоко растроганная деликатностью этих людей, — вы честные и храбрые солдаты!

— И наш лейтенант, — ответил Мак-Нап, — может на нас положиться. Он выполнил свой долг, мы выполним наш.

— Да, дорогие друзья, — сказал Джаспер Гобсон, — бог не оставит нас, и мы поможем ему нас спасти!

Затем лейтенант подробно рассказал обо всем, что произошло с тех пор, как во время землетрясения перешеек раскололся и часть материка, расположенная у мыса Батерст, превратилась в остров. Весной море освободилось ото льда, и вновь образовавшийся остров был унесен

неизвестным течением за двести миль от континента; затем шторм опять пригнал его к берегу, и он был уже близок к земле, но ночью 31 августа ураган снова отбросил его; лейтенант Гобсон закончил свой рассказ тем, как бесстрашная Калюмах, рискуя жизнью, пыталась спасти своих друзей-европейцев. Он описал изменения, которые произошли на острове, постепенно разрушавшемся в более теплых водах океана, и поведал о тревогах, испытанных им в связи с тем, что остров мог быть либо отброшен в Тихий океан, либо увлечен Камчатским течением, и, наконец, сообщил своим товарищам, что 27 сентября блуждающий остров остановился.

Принесли карту полярных морей, и Джаспер Гобсон указал местонахождение острова, который отстоял более чем на шестьсот миль от всякой земли.

Закончив свое сообщение, лейтенант Гобсон заявил, что положение чрезвычайно опасно, ибо во время весеннего движения льдов остров будет неминуемо раздавлен, и поэтому необходимо, не дожидаясь будущего лета, когда можно было бы воспользоваться ботом, еще зимой попытаться достичь американского континента, пройдя пешком через ледяное поле.

— Нам надо пройти шестьсот миль в холоде и темноте. Это будет тяжело, друзья мои, но вам, как и мне, понятно, что оставаться здесь дольше нельзя.

— Как только вы дадите нам знак к отъезду, лейтенант, — ответил Мак-Нап, — мы последуем за вами!

Итак, все было решено, и с этого дня начались спешные приготовления к опасному путешествию. Люди мужественно отнеслись к предстоящему им труднейшему переходу в шестьсот миль. Сержант Лонг руководил работами, между тем как Джаспер Гобсон, оба охотника и миссис Барнет изо дня в день обследовали состояние ледяного поля. По большей части их сопровождала Калюмах, опыт которой мог оказаться очень полезным. Нельзя было терять ни минуты, и отъезд, если не возникнет каких-нибудь неожиданных препятствий, должен был состояться 20 ноября.

Тем временем поднялся ветер; температура, как и предвидел Джаспер Гобсон, немного понизилась: термометр Фаренгейта показывал двадцать четыре градуса ($-4,4^{\circ}\text{C}$). Дождь, шедший в последние дни, сменился снегом, превращавшимся на земле в лед. Если бы холод продержался еще несколько дней, передвижение на санях стало бы возможным. Расселина перед мысом Майкл была заполнена частью льдом, частью снегом; однако не следовало забывать, что ее более спокойные воды должны были

замерзнуть быстрее. И действительно, поверхность океана была в менее удовлетворительном состоянии. Это объяснялось тем, что почти непрерывно дул довольно резкий ветер и зыбь мешала нормальному образованию и скреплению льда. Во многих местах льдины отделялись друг от друга большими разводьями, и всякая попытка пройти по ледяному полю была обречена на неудачу.

— Погода безусловно идет на похолодание, — сказала как-то миссис Барнет лейтенанту Гобсону. (Это происходило 15 ноября, во время предпринятого ими обследования острова, вплоть до его южной части). — Температура заметно понизилась, и все эти трещины скоро замерзнут.

— Я тоже так думаю, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — но, к сожалению, самый характер ледяного покрова мешает нашим планам. Льдины по размеру невелики, и края их образуют утолщения, которыми испещрена вся поверхность поля; поэтому если наши сани и будут скользить по этому ухабистому льду, то лишь с чрезвычайным трудом.

— Однако, — заметила миссис Барнет, — если не ошибаюсь, достаточно двух-трех дней или даже нескольких часов, чтобы густой снег выровнял всю эту поверхность.

— Совершенно верно, сударыня, но если идет снег, значит температура поднялась, а если это потепление удержится, ледяное поле еще больше разойдется. Словом, это палка о двух концах, и оба бьют по нас!

— Согласитесь, мистер Гобсон, — сказала миссис Барнет, — если здесь, где мы сейчас находимся, в самом сердце Ледовитого океана, вместо суровой полярной зимы мы столкнемся с умеренной, — это будет пример исключительного невезения.

— Бывает, сударыня, бывает! Кроме того, я вам напомним, насколько сурова была зима, проведенная нами на американском континенте. Между тем не раз наблюдалось: две зимы подряд, одинаковые по своим холодам и продолжительности, — большая редкость, и это прекрасно знают китобои северных морей. Безусловно, сударыня, нас преследует особенная неудача! Холодная зима — когда нас удовлетворила бы умеренная, и умеренная — когда нам необходима суровая! Да, в самом деле, до сих пор нам что-то не везло. А когда я подумаю, что эти шестьсот миль надо пройти с женщинами, с ребенком!..

И Джаспер Гобсон указал на юг, где перед их глазами расстилалось беспредельное пространство, необъятная белая даль, похожая на кружевное покрывало причудливого рисунка. Печальное зрелище являло это не совсем еще замерзшее море, поверхность которого издавала зловещий треск. Мутная луна, окутанная влажным туманом, поднимаясь лишь на несколько

градусов над горизонтом, бросала на окружающий пейзаж свой бледный свет. Полумрак в соединении с некоторыми явлениями преломления лучей увеличивал размеры Предметов. Несколько айсбергов средней высоты, приняв колоссальные размеры, производили впечатление апокалиптических чудовищ. Над ними, громко хлопая крыльями, проносились птицы, и благодаря этому оптическому обману самая маленькая из них казалась крупнее кондора или бородатого ягнятника. Кое-где меж ледяных гор как будто разверзались огромные черные туннели, в которые не решился бы углубиться даже самый отважный человек. Но вот на море внезапно возникало какое-то движение — это опрокидывались в поисках равновесия ледяные горы, подтаявшие у самого основания, и в воздухе раздавался оглушительный грохот, повторяемый гулким эхом льдов. Картина менялась на глазах, словно декорация феерии. С каким ужасным чувством должны были наблюдать все это несчастные зимовщики, которым предстояло пуститься в путь по ледяным полям!

Несмотря на все свое мужество и стойкость духа, путешественница чувствовала, как ее охватывает невольный ужас. Он леденил ей душу и тело. Ей хотелось закрыть глаза и уши, не видеть и не слышать. Когда луна заволакивалась на мгновение более густым туманом и вид этого северного пейзажа становился еще более зловещим, миссис Барнет представляла себе караван мужчин и женщин, движущийся по этой пустыне в бурю, в снег, среди падающих льдин, в полном мраке полярной ночи!..

Однако она заставляла себя смотреть. Она хотела приучить себя к этому зрелищу, закалить свою душу против чувства страха. И она упрямо смотрела. Но вдруг из ее груди вырвался крик ужаса, рука сжала руку лейтенанта Гобсона, и она указала ему на двигавшийся в ста шагах от них огромный предмет, форму которого нельзя было различить в полумраке.

То было колоссальное, более пятидесяти футов ростом, чудовище сверкающей белизны. Медленно пробираясь по льдинам, оно перескакивало с одной на другую огромными скачками, вскидывая гигантскими лапами, которые могли бы сразу обхватить десять больших дубов. Казалось, чудовище тоже искало путь через ледяное поле, чтобы бежать с этого злосчастного острова. Видно было, как оседали под его тяжестью льдины, и ему удавалось восстанавливать равновесие лишь после ряда беспорядочных движений.

Чудовище прошло по льдам с четверть мили. Потом, очевидно убедившись, что дальше идти нельзя, оно вернулось обратно и направилось к той части побережья, где находились лейтенант Гобсон и миссис Барнет.

Джаспер Гобсон снял ружье, висевшее через плечо, и приготовился

стрелять. Но, прицелившись в зверя, он тотчас же опустил руку и негромко сказал:

— Это медведь, сударыня, всего лишь медведь, а размеры его чрезвычайно увеличены преломлением лучей.

В самом деле, то был полярный медведь, и миссис Барнет, сразу поняв, что она стала жертвой обмана зрения, облегченно вздохнула. Затем у нее мелькнула мысль.

— Да ведь это же мой медведь! — воскликнула она. — Он самоотвержен, как настоящий ньюфаундлендец! И вполне возможно — это единственный, оставшийся на острове. Но что он здесь делает?

— Пытается бежать, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон. — Пытается бежать с этого проклятого острова! Но пока еще он не может этого сделать и показывает нам, что путь, закрытый для него, закрыт и для нас.

Джаспер Гобсон не ошибся. Сделав попытку уйти с острова, чтобы добраться до какого-либо материка, но потерпев неудачу, пленный зверь теперь возвращался на остров. Встряхивая головой и глухо рыча, медведь прошел мимо лейтенанта и его спутницы не больше чем в двадцати шагах. То ли не видя людей, то ли не устаивая их взгляда, он побрел своей тяжелой поступью дальше, по направлению к мысу Майкл, и исчез за холмом.

В тот день лейтенант Гобсон и миссис Барнет вернулись в форт печальные и молчаливые.

Между тем в фактории продолжали так деятельно готовиться к путешествию, как будто переход через ледяное поле был уже осуществим. Надо было предусмотреть все, что могло обеспечить наибольшую безопасность экспедиции, и принять во внимание не только трудности и неизбежные тяготы, но и капризы полярной природы, так решительно ограждающей себя от вторжения человека.

Предметом особых забот были собачьи упряжки, Собакам не мешали бегать в окрестностях форта, чтобы этим моционом восстановить их силы, слегка ослабленные долгим сиденьем взаперти. В общем, эти животные были в удовлетворительном состоянии и, если их не гнать чрезмерно, могли бы проделать длинный путь.

Тщательно осмотрели сани. На ухабистой поверхности ледяного поля их неминуемо ждали резкие толчки. Поэтому необходимо было укрепить их основные части — нижнюю раму, изогнутый передок и прочее. Это было, конечно, делом Мак-Напа и его подручных, и они постарались придать этим экипажам севера исключительную прочность.

Кроме того, изготовили двое грузовых саней большого размера; из них одни были предназначены для перевозки провизии, другие — для перевозки мехов. Их должны были тащить прирученные олени, прекрасно для этого приспособленные. Меха, — и с этим нельзя не согласиться, — были грузом, являвшимся роскошью, и, может быть, было неблагоприятно стеснять себя ими. Но Джаспер Гобсон хотел, насколько возможно, соблюсти интересы Компании Гудзонова залива, решив в то же время бросить меха по пути, если бы они мешали движению каравана. Впрочем, никакого риска в этом не было, ибо оставленные в кладовых фактории эти драгоценные меха безусловно погибли бы.

Что касается съестных припасов, то с ними дело обстояло иначе. Их надлежало иметь как можно больше и хорошо упакованными для перевозки. Рассчитывать на то, что удастся охотиться по дороге, не приходилось. Как только путь станет проходимым, дичь опередит караван и быстро достигнет южных областей. Итак, мясные консервы, солонина, паштеты из зайца, сушеная рыба, галеты, запас которых, к сожалению, был весьма ограничен, в большом количестве щавель и ложечник, бренди, винный спирт для приготовления горячих напитков — все было погружено в особые грузовые сани. Джаспер Гобсон охотно взял бы с собою дрова, так как не было никакой надежды встретить по дороге хотя бы одно дерево, куст или немного мха, либо наткнуться на какие-нибудь унесенные морем обломки. Но такой перегрузки каравана нельзя было допустить, и от этого намерения пришлось отказаться. В удобной теплой одежде, по счастью, недостатка не предвиделось. Ее было много, и в случае необходимости можно было пополнить запас из саней с мехами.

Томас Блэк, который после своих злоключений от всех отстранился, избегал своих спутников, запираясь в комнате, и никогда не принимал участия в совещаниях лейтенанта, сержанта и миссис Барнет, как только день отъезда был назначен, вдруг появился. Правда, его занимали исключительно те сани, которые должны были везти его самого, его приборы и записи наблюдений. Он по-прежнему молчал, и от него нельзя было добиться ни слова. Казалось, он забыл обо всем, даже о том, что он — ученый. С тех пор как Томаса Блэка постигла неудача с наблюдением «его» затмения и с разрешением вопроса о протуберанцах, астроном уже больше не уделял никакого внимания наблюдению таких свойственных высоким широтам явлений, как полярное сияние, круги вокруг планет, ложные луны и тому подобное.

В последние дни каждый работал с таким рвением и проворством, что к утру 18 ноября все приготовления к отъезду были закончены.

К несчастью, ледяное поле все еще оставалось непроходимым. Температура немного понизилась, но все же не настолько, чтобы поверхность океана замерзла сплошь. Снег, к тому же очень мелкий, падал неравномерно и с перерывами. Джаспер Гобсон, Марбр и Сэбин ежедневно обследовали побережье от мыса Майкл до бывшей Моржовой бухты. Рискнув пройти около полутора миль по ледяному полю, путники вынуждены были признать, что все оно покрыто трещинами, выбоинами и разводьями. По нему не прошли бы не только сани, но и свободные в своих движениях пешеходы. Во время этих коротких экспедиций лейтенант Гобсон и оба его спутника выбивались из сил и не раз теряли надежду дойти до острова Виктории по этому изменчивому пути, среди еще подвижных льдин.

В самом деле, природа как будто ожесточилась против несчастных зимовщиков. В течение 18 и 19 ноября ртуть в термометре поднялась, а барометр начал падать. Эта перемена в состоянии атмосферы грозила роковыми последствиями. Одновременно с потеплением небо заволокло тучами. При тридцати четырех градусах по Фаренгейту (+1,1°C) снег сменился проливным дождем. Под его относительно теплыми струями во многих местах белый покров начал таять. Легко себе представить действие этих небесных вод на ледяное поле, которое окончательно распадалось. Можно было подумать, что скоро начнется движение льдов. На льдинах, как во время оттепели, были уже заметны следы таяния. Лейтенант Гобсон, невзирая на отвратительную погоду, ежедневно обследовал южную часть острова и однажды возвратился в полном отчаянии.

Двадцатого ноября над этой злополучной частью Ледовитого океана снова разразился шторм, похожий по своей силе на тот, что бушевал над островом месяц назад. Зимовщики, как и тогда, перестали выходить из дому и провели пять дней, запершись в форте Надежды.

13. ЧЕРЕЗ ЛЕДЯНОЕ ПОЛЕ

С 22 ноября погода стала, наконец, постепенно улучшаться. Неожиданно, в течение нескольких часов, буря утихла. Подул северный ветер, и термометр опустился на несколько градусов. Исчезли некоторые перелетные птицы, и появилась надежда, что температура станет такой, какой она должна быть в это время года в этих северных широтах. Зимовщикам пришлось пожалеть, что до сих пор не было морозов, как в прошлую зиму, когда ртуть в термометре падала до семидесяти двух градусов ниже нуля (-58°C).

Джаспер Гобсон решил больше не медлить с отъездом, и утром двадцать второго вся небольшая колония была готова покинуть форт Надежды и остров Викторину, смерзшийся теперь с окружающим пространством и тем самым соединившийся с американским континентом ледяным полем протяжением в шестьсот миль.

В половине двенадцатого утра, в пасмурный, но тихий день, озаренный великолепным северным сиянием, охватившим небо от горизонта до зенита, лейтенант Гобсон подал знак к отъезду. Собаки были запряжены в сани, три пары прирученных оленей тянули грузовые сани, и караван молча тронулся с места по направлению к мысу Майкл — тому пункту, где надо было перейти с острова на ледяное поле.

Они двинулись по краю лесистого холма, на восток от озера Барнет, но прежде, чем миновать его, каждый обернулся назад, чтобы взглянуть в последний раз на покидаемый навсегда мыс Батерст. При свете северного сияния на снегу вырисовывались глубокие следы полозьев и две-три белых черты, по которым можно было узнать ограду фактории. Кое-где белели отливавшие серебром пятна окон и вился над крышей тонкий дымок, последнее дыхание огня, готового угаснуть навеки. Таков был вид форта Надежды, стоившего стольких трудов, стольких усилий, теперь уже напрасных!

— Прощай, прощай, наш бедный полярный дом! — воскликнула миссис Барнет, последний раз помахав ему рукой.

И все, запечатлев в памяти это последнее воспоминание, охваченные грустью, молча двинулись в обратный путь на родину.

В час дня, обогнув трещину, которая из-за недостаточно холодной погоды осталась незамерзшей, отряд прибыл к мысу Майкл. До сих пор движение каравана проходило без особых трудностей, ибо поверхность

острова Виктории была относительно ровной. Но совсем другое ожидало путников на ледяном поле, которое подверглось сильному сжатию ледовыми заторами с севера. На нем неизбежно должны были образоваться торосы, айсберги, целые горы льда, среди которых пришлось бы ценой большого напряжения и огромных усилий беспрестанно выбирать места, где можно было пройти.

К вечеру того же дня было пройдено несколько миль. Чтобы приготовить ночлег, прибегли к способу эскимосов и североамериканских индейцев и, пользуясь прекрасно приспособленными для этой цели снежными ножами и топорами, вырыли в ледяных глыбах «снежные дома». В восемь часов, после ужина, состоявшего из сушеного мяса, весь персонал фактории забрался в эти пещеры, где на самом деле гораздо теплее, чем можно предполагать.

Прежде чем заснуть, миссис Барнет спросила у лейтенанта, может ли он определить расстояние, пройденное ими от форта Надежды до места стоянки.

— Думаю, не больше десяти миль, — ответил Джаспер Гобсон.

— Десять из шестисот! — воскликнула миссис Барнет. — Но если исходить из этого расчета, то, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее нас от американского материка, понадобится три месяца!

— Да, сударыня, три месяца, если не больше, — ответил Джаспер Гобсон, — но мы не можем передвигаться быстрее. Ведь перед нами не те ледяные долины, что отделяют форт Релайанс от мыса Батерст, по которым мы мчались в прошлом году, а раздавленное сжатием, деформированное и почти непроходимое ледяное поле! Я готов ко всем трудностям, связанным с этой нашей попыткой, только бы нам преодолеть их! Во всяком случае, задача не в том, чтобы дойти быстро, а в том, чтобы дойти благополучно, и я буду считать себя счастливейшим человеком, если на перекличке по возвращении в форт Релайанс все наши спутники окажутся налицо. Если нам удастся через три месяца ступить на землю в каком-нибудь пункте американского континента, мы, сударыня, должны будем возблагодарить судьбу!

Ночь прошла спокойно, но Джаспер Гобсон провел ее без сна. Ему казалось, что там, где расположился его отряд, слышен какой-то зловещий треск, указывавший на слабое сцепление частей ледяного поля. Для него было очевидно, что это огромное ледяное поле не плотно спаяно и на нем осталось много трещин. Это обстоятельство создавало неуверенность в том, что можно будет добраться до континента. Впрочем, перед тем как пуститься в дорогу, лейтенант обратил внимание, что пушные звери и

хищники продолжают бродить в окрестностях фактории; раз животные не ушли в южные области с менее суровым климатом, где они могли бы провести зиму, — это означало, что инстинкт предупреждал их о препятствиях, которые они встретили бы на своем пути. Тем не менее, пытаясь доставить маленькую колонию на родину, лейтенант Гобсон устремился через ледяное поле и поступил разумно. Необходимо было сделать эту попытку уйти с острова до весеннего движения льдов, даже рискуя Потерпеть неудачу и возвратиться назад. И, покидая форт, Джаспер Гобсон лишь исполнял свой долг.

На следующий день, 23 ноября, отряд не мог пройти и десяти миль в восточном направлении, — так невыносимы стали трудности передвижения. Ледяное поле было до того изломано, что видны были все его наслоения — нагроможденные друг на друга ледяные пласты, втиснутые мощным ледовым затором в гигантскую воронку Ледовитого океана. Отсюда и возникло это столкновение льдин, это скопление айсбергов, напоминавшее груды гор, которые бессильная рука уронила на эти пространства, а они, падая, превратились в обломки.

Понятно, что караван, состоящий из саней, запряженных собаками и оленями, не мог пройти по этим глыбам; тем более нельзя было проложить себе путь через торосы с помощью простого топора или снежного ножа. Ледяные горы были самой различной формы, и их скопления напоминали развалины разрушенного города. Многие из них поднимались на триста-четыре фута над уровнем ледяного поля, а на них, взгромоздившись одна на другую, качались огромные глыбы льда, только и ждавшие какого-нибудь сотрясения, толчка или даже простого колебания воздуха, чтобы, потеряв равновесие, лавиною рухнуть вниз.

Поэтому, огибая эти ледяные горы, нужно было проявлять величайшую осторожность. Было приказано во время этих опасных обходов не повышать голоса и не подгонять упряжек щелканьем бича. И такие меры вовсе не были преувеличенными, ибо малейшая неосторожность грозила серьезной катастрофой.

На обход препятствий, на поиски дороги уходило бесконечно много времени; люди изнемогали от усталости и напряжения и почти не продвигались вперед: делали десять миль в обход, чтобы пройти одну милю на восток. Все же под их ногами пока еще была твердая поверхность.

Но двадцать четвертого возникли новые препятствия, именно те, которых Джаспер Гобсон так опасался, считая их непреодолимыми.

Действительно, пройдя сквозь первый затор, возвышавшийся приблизительно в двадцати милях от острова Виктории, отряд очутился на

гораздо менее поврежденном ледяном поле, отдельные места которого почти не подверглись сжатию. Очевидно, в связи с направлением течений на эту часть ледяного поля давление затора не распространилось. Но здесь путь Джаспера Гобсона и его товарищей оказался перерезанным широкими разводьями, которые еще не замерзли. Погода стояла относительно теплая, и термометр в среднем показывал не меньше тридцати четырех градусов по Фаренгейту (+1,1°C). Соленая вода, как известно, замерзает труднее, чем пресная, и обращается в твердое состояние только при нескольких градусах ниже нуля, поэтому море и не могло еще полностью замерзнуть. Все льдины, из которых состояли ледовый затор и ледяное поле, пришли сюда из более северных широт, они взаимно поддерживали друг друга и питались, так сказать, собственным холодом; южная же поверхность Ледовитого океана замерзла не везде одинаково, к тому же шел теплый дождь, вызывавший таяние льдов.

В этот день путь отряда оказался решительно прегражденным трещиной, которая была наполнена бурлящей водой, усеянной небольшими льдинами; трещина была не более ста футов шириной, но длина ее, должно быть, измерялась несколькими милями.

В течение двух часов путники двигались вдоль западного края расселины в надежде обойти ее и затем снова повернуть на восток; но трещине, казалось, не было конца. Пришлось остановиться. Сделали привал и расположились лагерем.

Джаспер Гобсон, сопровождаемый сержантом Лонгом, прошел четверть мили вперед, обследуя нескончаемую трещину и проклиная мягкую зиму, причинявшую отряду столько зла.

— И все же надо пройти, — сказал сержант Лонг, — здесь нам оставаться нельзя.

— Да, надо пройти, — ответил лейтенант Гобсон, — и мы пройдем, либо поднявшись на север, либо спустившись на юг. Но дело в том, что за этой полыньей будут другие, их тоже придется обходить; и так будет все время, возможно, на протяжении сотен миль, пока будет продолжаться эта колеблющаяся, убийственная для нас температура.

— Значит, лейтенант, прежде чем продолжать путь, надо выяснить, что ждет нас впереди, — сказал сержант.

— Да, сержант, — решительно ответил Джаспер Гобсон, — иначе мы рискуем, проделав миль пятьсот или шестьсот с обходами, не преодолеть и половины расстояния, отделяющего нас от американского берега. Да! Прежде чем идти дальше, надо тщательно обследовать поверхность ледяного поля. Это я и сделаю!

Затем, не прибавив ни слова, Джаспер Гобсон снял с себя одежду и бросился в ледяную воду; сильный пловец, он быстро доплыл до другого края (расселины и исчез в темноте, среди айсбергов.

Спустя несколько часов изнемогающий от усталости Джаспер Гобсон возвратился в лагерь, куда уже раньше пришел сержант. Лейтенант отвел его в сторону и сообщил ему и миссис Барнет, что ледяное поле непроходимо.

— Может быть, — сказал он им, — один человек, пешком, без саней, без поклажи, и мог бы попытаться совершить этот переход, но каравану там не пройти! На востоке разводьев еще больше, и, право же, чтобы добраться до американского материка, судно было бы более пригодно, чем сани.

— В таком случае, — ответил сержант Лонг, — если один человек может преодолеть этот путь, не должен ли кто-нибудь из нас попытаться отправиться за помощью?

— Я думал пойти... — сказал Джаспер Гобсон.

— Вы, мистер Гобсон?

— Вы, лейтенант?

Эти два вопроса, прозвучавшие одновременно в ответ на предложение Джаспера Гобсона; свидетельствовали о том, насколько оно было неожиданным и нелепым. Ему, главе экспедиции, уйти! Покинуть тех, кого ему доверили, пусть даже подвергнув себя грозной опасности, пусть даже в их интересах! Нет, это было невозможно! И Джаспер Гобсон не стал настаивать.

— Да, друзья мои, — сказал он, — я все понимаю и не покину вас. Но тогда бесполезно и кому-нибудь из вас пытаться пройти этот путь! Это ему не удастся, он погибнет в дороге, и, когда растает ледяное поле, могилой его станет бездна, разверзающаяся под нашими ногами. К тому же, добравшись даже, скажем, до Ново-Архангельска, что может он сделать, чем может он нам помочь? Зафрахтует корабль, чтобы прибыть за нами? Хорошо! Но корабль двинется в путь только после того, как пройдут льды. А тогда, кто знает, куда унесет остров Викторию — в Ледовитый океан или в Берингово море?

— Да, вы правы, лейтенант, — заметил сержант Лонг, — надо оставаться всем вместе, и если наше спасение в корабле, так ведь судно Мак-Напа еще там, на мысе Батерст; его по крайней мере не придется ждать!

Миссис Барнет слушала, не говоря ни слова. Она тоже поняла, что раз нельзя пройти по ледяному полю, им остается только одно: положиться на судно Мак-Напа и мужественно ждать, пока море не освободится от льдов.

— Итак, мистер Гобсон, — сказала она, — вы решили?..

— Вернуться на остров Викторию.

— Так возвратимся же, и да хранит нас бог!

Были собраны все зимовщики, и им предложили вернуться назад.

Это предложение Джаспера Гобсона произвело сперва тяжелое впечатление. Несчастливые люди так мечтали о близком возвращении на родину через ледяное поле, что их разочарование граничило с отчаянием. Но они быстро поняли неизбежность возвращения на остров и согласились подчиниться.

Джаспер Гобсон объявил им о результатах своей разведки. Он сказал, что на востоке их ждет столько препятствий, что каравану физически невозможно пройти с грузом, совершенно необходимым в путешествии, которое должно продлиться несколько месяцев.

— В настоящее время, — добавил он, — всякое сообщение с американским побережьем для нас отрезано, и, продолжая ценою необычайных усилий продвигаться на восток, мы к тому же рискуем лишиться возможности вернуться на остров — наше последнее и единственное убежище. А если весеннее движение льдов застанет нас на ледяном поле, мы погибли. Я не скрываю от вас правды, друзья мои, но и не сгущаю красок. Я знаю, что говорю с людьми сильной волн, которые хорошо знают, что я не люблю отступать. И все же повторяю вам: мы стоил перед лицом невыполнимого!

Солдаты безгранично верили в своего командира. Они знали его мужество, его энергию, и раз он сказал, что переход невозможен, — значит, он был действительно невозможен.

Возвращение в форт Надежды было назначено на следующий день. Оно происходило в самых тяжелых условиях. Погода стояла ужасная. Над ледяным полем ревел ураган. Шел проливной дождь. Легко себе представить, с каким трудом приходилось продвигаться в полной темноте, среди лабиринта ледяных гор!

Четыре дня и четыре ночи ушло на то, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее караван от острова Виктории. Несколько саней и упряжек потонуло в разводьях. Все же благодаря предусмотрительности и самоотверженности лейтенанта, не погиб ни один из его спутников. Но сколько усилий пришлось им затратить, какие опасности претерпеть! И что сулило будущее этим несчастным людям, которых ожидала новая зимовка на блуждающем острове?!

14. ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ

Было уже 28 ноября, когда лейтенант Гобсон и его спутники, преодолев огромные трудности, вновь возвратились в форт Надежды. Теперь приходилось рассчитывать только на бот, но отплыть на нем можно было не раньше чем через шесть месяцев, то есть когда море освободится ото льдов.

Итак, началась зимовка. Разгрузили сани; съестные припасы перенесли в кладовые; одежду, оружие, инструменты и меха — на склады. Собак опять водворили в псарню, а оленей — в стойла.

Томасу Блэку тоже пришлось вновь заняться своим устройством, — и это повергло его в отчаяние. Злополучный астроном перенес все приборы, книги, записи в свою комнату и заперся там, более чем когда-либо раздраженный против «преследовавшего его рока» и чуждый, как и прежде, всему происходящему в фактории.

На устройство хватило одного дня, а затем потекла обычная жизнь зимовщиков — существование, столь бедное событиями, что жителям больших городов оно показалось бы невыносимо однообразным. Шитье, починка одежды, уход за мехами с целью спасти хотя бы часть этого драгоценного товара, наблюдение за погодой, обследование ледяного поля, наконец чтение — таковы были повседневные занятия и развлечения. Миссис Барнет всем руководила, и во всем чувствовалось ее влияние. По первому ее слову прекращались небольшие разногласия, подчас возникавшие между солдатами; люди были удручены настоящим, исполнены тревоги за будущее и порою становились несговорчивыми. Путешественница приобрела над этим маленьким мирком огромную власть, но использовала ее только на общее благо.

Калюмах привязывалась к ней все больше и больше. Впрочем, и юную эскимоску, кроткую и услужливую, все окружающие тоже любили. Миссис Барнет взялась за ее обучение, и дело пошло успешно, ибо ученица оказалась способной и жадно стремилась к знанию. Путешественница научила ее хорошо говорить, а также читать и писать по-английски. К тому же целый десяток других добровольных учителей оспаривал друг у друга удовольствие быть наставниками Калюмах, — все эти солдаты выросли в английских владениях или в самой Англии, и не было ни одного, кто не умел бы читать, писать и считать.

Постройка бота шла спешным порядком: необходимо было закончить

обшивку и настлать палубу к концу месяца. В темноте вечной ночи, при свете горящей смолы Мак-Нап и его подручные усердно трудились; в это время остальные работали в складах фактории, подготавливая все необходимое для оснащения судна. Зима давно уже наступила, но по-настоящему холодная погода еще не установилась. Морозы, порою очень резкие, держались недолго, что, очевидно, зависело от беспрерывно дувших западных ветров.

Так прошел весь декабрь. Дожди перемежались снегом, а температура колебалась от двадцати шести до тридцати четырех градусов по Фаренгейту (от $-3,3^{\circ}$ до $+1,1^{\circ}\text{C}$). Расход топлива был небольшой, хотя дров было запасено много и не было никакого основания их экономить. Но не так, к несчастью, обстояло с освещением. Масла оставалось очень мало, и Джаспер Гобсон был вынужден распорядиться, чтобы свет зажигали только на несколько часов в день. Попытка использовать для освещения дома олений жир окончилась неудачей — его запах был настолько невыносим, что лучше уж было сидеть впотьмах. Работы приостановились, и часы вынужденного безделья казались бесконечно долгими.

Несколько раз над горизонтом появлялось северное сияние, а в период полнолуния — две-три ложных луны. Томасу Блэку представлялся прекрасный случай, наблюдая эти небесные явления, произвести точные расчеты, тщательно изучить их силу, окраску, зависимость от насыщенности атмосферы электричеством, их влияние на магнитную стрелку и т. д. Но астроном даже не выходил в такие дни из своей комнаты. Он вел себя точно невменяемый.

Тридцатого декабря вокруг всей северной и восточной части острова Виктории обнаружилась ори лунном освещении длинная дугообразная линия ледяных гор, закрывавшая горизонт. То был ледовый затор, и на нем колоссальные глыбы льда громоздились друг на друга, образуя высоты в триста — четыреста футов. Этот гигантский ледовый барьер окружал приблизительно две трети острова, и можно было опасаться, что он охватит его еще больше.

В первых числах января стояла ясная погода. Новый 1861 год начался с довольно резкого похолодания, и ртуть в термометре опустилась до восьми градусов по Фаренгейту ($-13,3^{\circ}\text{C}$). То была самая низкая температура, наблюдавшаяся до сих пор в эту необыкновенную зиму; впрочем, подобное понижение температуры было совсем незначительным для такой высокой широты.

Лейтенант Гобсон счел нужным снова произвести определения широты и долготы острова, измерив высоты звезд, и удостоверился, что

никакого перемещения острова не произошло.

К этому времени, несмотря на всю экономию, масло для освещения было уже почти израсходовано, между тем солнце должно было опять появиться в этих широтах не раньше первых чисел февраля. Таким образом, зимовщикам предстояло провести целый месяц в полной темноте. Но неожиданно, благодаря юной эскимоске, появилась возможность возобновить запас масла, необходимого для освещения фактории.

Было 3 января. Калюмах отправилась разведать состояние льдов у подножья мыса Батерст. Здесь, как и во всей северной части острова, ледяное поле было наиболее спаянным. Льдины, из которых оно состояло, плотно смерзлись, и разводьев между ними не было. Вся, хотя и крайне неровная, поверхность ледяного поля была одинаково твердой. Это, несомненно, объяснялось тем, что оно было плотно сжато между ледовым затором и островом Викторией.

Трещин нигде не было, но несколько круглых отверстий, тщательно вырезанных во льду, привлекли внимание Калюмах — она прекрасно знала их назначение. То были «тюленьи норы» — отверстия, которым животные, заточенные под толстой корой льда, не давали затянуться: они выходили через них на поверхность подышать воздухом и добывать мох, скрытый под снегом на побережье.

Девушка знала, что зимой у этих отверстий медведи, присев на задние лапы, терпеливо ждут, пока тюлень не появится из воды; тогда они хватают его, душат и уносят. Она знала, что и эскимосы, не менее терпеливые, чем медведи, тоже ждут появления этих животных, накидывают на них аркан и ловят без особого труда.

Опытные охотники легко могли проделать то, что делают медведи и эскимосы, а раз были отверстия, значит тюлени ими пользовались. А тюлени — это был жир, это был свет, которого тогда так недоставало фактории.

Поспешно вернувшись в форт, Калюмах сообщила обо всем Джасперу Гобсону, и он тут же позвал охотников Марбра к Сэбина. Девушка рассказала им, какие приемы применяют эскимосы при ловле тюленей зимой, и посоветовала ими воспользоваться.

Едва выслушав Калюмах, Сэбин приготовил толстую веревку с затяжной петлей.

Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, охотники, Калюмах и еще трое солдат отправились к мысу Батерст. Женщины остались на берегу, а мужчины поползли к отверстиям, на которые им указала Калюмах. Каждый расположился у своего отверстия с веревкой наготове.

Ждать пришлось довольно долго. Прошел час, но ничто не предвещало появления животных. Наконец, в том отверстии, за которым наблюдал Марбр, вода запенилась и появилась голова с длинными клыками. То была голова моржа. Марбр ловко накинул на моржа петлю и быстро затянул. Остальные поспешили ему на помощь и, несмотря на сопротивление моржа, не без труда вытащили на лед огромное животное. Там его прикончили несколькими ударами топора.

Это была удача. Зимовщики форта Надежды вошли во вкус нового вида «рыбной ловли» и поймали тем же способом еще несколько моржей. Из них извлекли большое количество жира. Правда, это был жир животный, а не растительный, но он пошел для освещения; и теперь мужчины и женщины, работавшие в общей зале, не испытывали недостатка в свете.

Между тем похолодание не наступало. Температура оставалась умеренной. Если бы зимовщики находились на твердой почве материка, они могли бы только радоваться подобной зиме. К тому же высокий ледовый барьер защищал их от северных и западных ветров, и они не ощущали их. Январь приближался к концу, а термометр все еще показывал лишь несколько градусов ниже нуля.

Эта теплая погода должна была привести — и действительно привела — к неполному замерзанию моря вокруг острова Виктории. А то, что ледяное поле не замерзло на всем своем протяжении и вследствие более или менее значительных разводьев оставалось непроходимым, подтверждалось тем, что ни олени, ни пушные звери не ушли с острова. Трудно себе представить, до какой степени эти четвероногие освоились и стали ручными, они превратились в конце концов как бы в собственный зверинец форта.

По распоряжению лейтенанта Гобсона животных, которых было незачем истреблять, щадили. Оленей убивали только, когда надо было получить свежее мясо, чтобы внести разнообразие в обычный рацион, но горностаев, куниц, рысей, мускусных крыс, бобров и лисиц, смело заходивших в окрестности форта, не трогали. Самые отважные зверьки проникали даже на территорию форта, но никто не выказывал намерения прогонять их оттуда. Куницы и лисы были великолепны в своем зимнем наряде, и шубки многих из них стоили больших денег. Благодаря мягкой температуре эти грызуны легко находили под рыхлым и тонким слоем снега растительную пищу и отнюдь не питались за счет запасов фактории.

Итак, ожидая не без страха окончания зимы, обитатели острова вели крайне монотонное существование, в которое миссис Барнет старалась

внести возможное разнообразие.

Январь был отмечен одним довольно печальным событием. Седьмого числа у сынишки плотника Мак-Напа появилась сильная лихорадка. Резкие головные боли, жестокая жажда, переходы от озноба к жару вскоре привели ребенка в плачевное состояние. Легко себе представить отчаяние матери, самого Мак-Напа и их друзей! Никто не знал, что предпринять, ибо характер болезни еще не был ясен. По совету сохранившей присутствие духа Мэдж, несколько знакомой с такого рода заболеваниями, стали применять освежающие отвары и делать припарки. Калюмах выбивалась из сил, проводя дни и ночи у постели малыша, и не соглашалась отдохнуть ни минуты.

На третий день болезнь определилась — тело ребенка покрылось характерной сыпью. Это была скарлатина, которая неизбежно должна была вызвать внутреннее воспаление.

Редко бывает, чтобы годовалый ребенок заболел этой опасной болезнью, к тому же в такой сильной форме. Все же такие случаи встречаются. К несчастью, в аптеке форта было довольно мало лекарств. Но Мэдж, которой приходилось не раз ухаживать за больными скарлатиной, вспомнила о благотворном действии настойки белладонны. Маленькому больному начали ежедневно давать по одной-две капли этой настойки, и были приняты величайшие предосторожности, чтобы его не простудить.

Ребенка поместили в комнате отца и матери. Вскоре сыпь распространилась по всему телу, и на языке, губах и даже на глазном яблоке появились маленькие красные точки. Спустя два дня пятна на коже приняли лиловатый оттенок, затем побелели и превратились в чешуйки.

Именно теперь надо было удвоить осторожность и побороть внутреннее воспаление, являвшееся признаком злокачественного характера болезни. Были приняты все меры, и надо сказать, что уход за маленьким пациентом был действительно превосходным. Таким образом, к 20 января, то есть спустя двенадцать дней после начала заболевания, появилась твердая надежда на его выздоровление.

Какая это была радость для фактории! Ведь чудесного малыша считали ребенком форта, ребенком отряда, детищем полка! Он родился в этом суровом крае, в кругу этих смелых людей! Они называли его Майкл — Надежда — и среди стольких испытаний смотрели на него как на некий талисман, который судьба не — должна была у них отнять. Что касается Калюмах, то можно было поверить, что она не пережила бы смерти ребенка; но маленький Майкл стал постепенно поправляться, и, казалось, с его выздоровлением вновь воскресли все надежды.

Так, в тревогах и волнениях дожили до 23 января. За это время положение острова Виктории несколько не изменилось. Над Ледовитым океаном, все еще простиралась нескончаемая ночь. Уже несколько дней шел густой снег, покрывший поверхность острова и ледяного поля плотной пеленою в два фута высотой.

Двадцать седьмого января в форт явился незванный гость. Солдаты Бельчер и Понд, стоявшие на часах у ворот фактории, увидели утром исполинского медведя, спокойно направлявшегося к форту. Они вошли в общую залу и сообщили миссис Барнет о появлении опасного хищника.

— Да ведь это наш медведь! — сказала путешественница Джасперу Гобсону, и оба в сопровождении сержанта, Сэбина и нескольких вооруженных солдат подошли к воротам фактории.

Медведь был на расстоянии двухсот шагов и шел спокойно и уверенно, как будто действовал по заранее обдуманному плану.

— Я узнаю его, — воскликнула миссис Барнет. — Калюмах, это твой медведь, твой спаситель!

— О, не убивайте моего медведя! — вскричала девушка.

— Мы его не убьем, — ответил лейтенант Гобсон. — Не трогайте его, друзья мои, возможно, он уйдет так же, как пришел.

— Ну, а если он вздумает войти... — сказал сержант Лонг, мало веривший в добрые намерения полярных медведей.

— Впустите его, сержант, — заметила миссис Барнет. — Этот зверь избавился от своей кровожадности. Он такой же пленник, как и мы, а вы знаете, что пленники...

— Не нападают друг на друга! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Это правда, сударыня, но только если они одной и той же породы. Словом, мы пощадим его по вашей просьбе и будем защищаться лишь в том случае, если он нападет на нас. Все же я считаю благоразумным войти в дом: не следует чрезмерно искушать этого хищника.

Совет был правильный. Все вошли в дом. Двери заперли, но оконные ставни остались открытыми.

Таким образом, глядя в окна, можно было проследить за всеми действиями пришельца. Медведь, подойдя к воротам, оставшимся незапертыми, осторожно открыл их, просунул голову во двор, осмотрелся и вошел. Дойдя до середины двора, он принялся рассматривать окружающие его строения, затем направился к стойлам и псарне и, на мгновение прислушавшись к ворчанию собак, почувствовавших его присутствие, и к крику встревоженных оленей, продолжал свой осмотр, двигаясь вдоль внутренней стороны ограды; потом он подошел к главному дому и

уткнулся своей огромной мордой в одно из окон большой залы.

Надо признаться, все отступили; солдаты схватились за ружья, и Джаспер Гобсон решил, что шутка зашла слишком далеко.

Но тут Калюмах прижалась своим нежным личиком к тонкому стеклу. Медведь, как будто узнав ее, — так по крайней мере показалось девушке, — пришел в благодушное настроение, громко зарычал и повернул обратно к воротам; затем, как и предполагал Джаспер Гобсон, ушел тем же путем, каким пришел.

Таково было это больше не повторявшееся происшествие, и все снова пошло своим чередом.

Тем временем малыш выздоравливал, и в последних числах месяца щечки его уже округлились и к нему вернулась его обычная живость.

Третьего февраля, около полудня, южная часть горизонта слегка окрасилась в бледные, менявшиеся в продолжение часа тона. Затем на мгновение показался желтоватый диск — лучезарное светило, появившееся в первый раз после долгой полярной ночи.

15. ПОСЛЕДНЯЯ РАЗВЕДКА

С тех пор солнце стало всходить каждый день и все выше поднималось над горизонтом. Но если ночной мрак уже прерывался на несколько часов, то в то же время заметно похолодало, как это часто бывает в феврале. Термометр Фаренгейта показывал один градус (-17°C). Это была самая низкая температура, наблюдавшаяся в ту необыкновенную зиму.

— Когда начинается движение льдов в этих морях? — спросила как-то у Джаспера Гобсона путешественница.

— В обычную зиму, сударыня, — ответил лейтенант, — лед взламывается не раньше первых чисел мая, но эта зима была настолько теплой, что, если не будет еще новых сильных морозов, лед может двинуться и до начала апреля. Так я по крайней мере предполагаю.

— Значит, нам, пожалуй, придется ждать еще месяца два? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, не меньше, — ответил Джаспер Гобсон, — и будет благоразумнее не рисковать нашим ботом, спустив его раньше времени и заставив бороться со льдами; я думаю, что мы даже выиграем, дождавшись, когда наш остров попадет в самую узкую часть Берингова пролива, где ширина не превышает ста миль.

— Как же так, мистер Гобсон? — воскликнула миссис Барнет, озадаченная ответом лейтенанта. — Разве вы забыли, что нас сюда принесло Камчатское течение, течение северное, и во время движения льдов оно может снова захватить нас в свои воды и отнести еще дальше.

— Не думаю, сударыня, — ответил лейтенант Гобсон, — и даже осмелюсь утверждать, что этого не будет. Лед идет всегда с севера на юг; потому ли, что Камчатское течение меняет свое направление, потому ли, что льды движутся вместе с Беринговым течением, или по другой причине, которую я затрудняюсь назвать, но ледяные горы неизменно плывут к Тихому океану, чтобы растаять там — в более теплых водах. Спросите у Калюмах, она знает этот край и скажет вам то же, что и я, — что движение льдов происходит с севера на юг.

Спросили Калюмах, и она подтвердила слова лейтенанта. Таким образом, казалось вероятным, что остров, подхваченный течением в первых числах апреля, будет, подобно огромной льдине, отнесен на юг, то есть в самую узкую часть Берингова пролива, посещаемую летом рыбаками из Ново-Архангельска, мореплавателями и исследователями побережья.

Однако, принимая во внимание возможные задержки, а также время, необходимое на то, чтобы остров спустился к югу, нельзя было рассчитывать достичь материка раньше мая месяца. Впрочем, несмотря на то, что морозы были небольшие, остров Виктория, несомненно, стал прочнее, ибо его ледяная основа сделалась толще, и, следовательно, он мог продержаться еще несколько месяцев.

Итак, зимовщикам приходилось вооружиться терпением и ждать, снова ждать!

Между тем выздоровление ребенка шло своим чередом. 20 февраля, в первый раз после сорока дней болезни, мальчика перенесли из комнаты родителей в большую залу, где его осыпали бесконечными ласками. Миссис Мак-Нап, предполагавшая отнять ребенка от груди, когда ему исполнится год, теперь, по совету Мэдж, продолжала кормление, и материнское молоко, смешиваемое иногда с оленьим, быстро восстановило силы малыша. Мальчика ожидало множество разных игрушек, сделанных во время его болезни друзьями-солдатами, и он чувствовал себя, конечно, счастливейшим ребенком на свете.

Последняя неделя февраля была необычайно дождливая и снежная. Дул сильный северо-западный ветер, и за несколько дней температура настолько понизилась, что выпал обильный снег. Но это не уменьшило ярости шторма. Со стороны мыса Батерст и гряды торосов доносился его оглушительный рев. Ледяные горы, сталкиваясь друг с другом, рушились с грохотом, напоминая раскаты грома. Гонимые ветром льды нагромождались на северном побережье острова. Можно было опасаться, что и самый мыс, который в сущности был своего рода ледяной горой, обросшей землею и песком, рухнет. Несколько крупных льдин, несмотря на их огромный вес, прибило к самому подножью крепостной ограды. По счастью, мыс устоял и предохранил постройки фактории от полного разрушения.

Само собой разумеется, что положение острова Виктории, находившегося у входа в узкий пролив, где скоплялись льды, было крайне опасным. Он мог быть просто сметен, если можно так выразиться, своего рода горизонтальной лавиной и, прежде чем провалиться в бездну, оказаться раздавленным льдами, надвигавшимися из самого сердца океана. Таким образом, к прежним опасностям прибавилась еще одна, новая. Миссис Барнет, наблюдая чудовищный напор льдов и ту неистовую силу, с какой они нагромождались друг на друга, поняла, что грозит еще острову, когда море начнет очищаться ото льдов. Она несколько раз заговаривала об этом с лейтенантом Гобсоном, но он, не находя ответа, лишь качал головой.

В первых числах марта шторм совершенно утих, и тогда можно было видеть, насколько изменилась картина ледяного поля. Казалось, торосистый барьер, как бы скользнув по ледяной поверхности моря, приблизился к острову Виктории. Местами он отстоял теперь от острова не более как на две мили и напоминал перемещающийся гигантский ледник, с той только разницей, что он двигался по горизонтали, тогда как ледники спускаются сверху вниз. Пространство между исполинским ледовым барьером и побережьем острова было неузнаваемо: ледяное поле страшно покособилось, покрылось торосами, обломками ледяных шпилей и сваленными в кучи осколками льда. Изрытое высокими валами, подобно морю, застывшему вдруг в самый разгар бури, оно походило на развалины огромного города, где не уцелело ни единого здания. Только гигантский ледовый барьер, с его конусами, шарами, фантастическими зубцами и острыми пиками, которые причудливо вырисовывались на фоне зимнего неба, стоял прочно и величественно обрамлял все это живописное нагромождение льдов.

К тому времени постройка судна была закончена. Бот, как и следовало ожидать, получился несколько неуклюжий, тем не менее он делал честь Мак-Напу. Его высокая, в подражание галиоту, носовая часть смело могла противостоять натиску льдов, и с виду его можно было принять за один из тех больших голландских ботов, на которых отваживаются плавать в северных морях. Оснастка его, подобно оснастке кутера, состояла из грота и кливера на одной мачте. Паруса эти были сшиты из грубого холста.

Судно могло свободно вместить всех зимовщиков острова, и, если бы — как они надеялись — им удалось попасть в Берингов пролив, оно легко преодолело бы даже самое большое расстояние, отделявшее их в то время от американского побережья. Оставалось только дожидаться весеннего движения льдов.

Тогда лейтенанту Гобсону пришла мысль совершить довольно длительную экскурсию на юго-восток, чтобы разведать состояние ледяного поля, узнать, нет ли признаков скорого таяния льда, тщательно изучить ледовый барьер и на основании состояния моря убедиться в том, прегражден ли еще путь к американскому материку. Немало событий и случайностей ожидало еще зимовщиков, прежде чем море освободится от льдов, и такая разведка была необходимой мерой предосторожности.

Итак, экспедиция была решена и выступление назначено на 7 марта. Небольшой отряд состоял из лейтенанта Гобсона, путешественницы, Калюмах, Марбра и Сэбина. Условились, что, если путь окажется свободным, будет сделана попытка пробраться сквозь торосистый барьер,

но что во всех случаях миссис Барнет и ее спутники пробудут в отсутствии не более двух суток.

Была заготовлена провизия, и отряд, на всякий случай хорошо вооруженный, выступил утром 7 марта из форта Надежды и направился к мысу Майкл.

В тот день термометр показывал тридцать два градуса по Фаренгейту (0°C). Погода была слегка пасмурная, но без ветра. Солнце совершало свой дневной путь над горизонтом уже в продолжение семи или восьми часов, и его косые лучи проливали достаточно яркий свет на ледяной массив.

В девять часов, после небольшой остановки, лейтенант Гобсон и его товарищи спустились по склону мыса Майкл и пошли по ледяному полю в юго-восточном направлении. С этой стороны ледовый затор находился на расстоянии трех миль от мыса.

Продвигались, понятно, довольно медленно. Ежеминутно приходилось огибать то глубокую трещину, то высокий торос. Было очевидно, что никакие сани не прошли бы по этой ухабистой дороге. То было не что иное, как нагромождение ледяных глыб разного размера и различных форм, причем некоторые из них только чудом сохраняли равновесие. Другие, судя по свежим трещинам и острым, как клинок, граням, обрушились совсем недавно. И среди всего этого хаоса — ни единого следа человека или зверя! Ни одного живого существа в этой пустыне, покинутой даже птицами!

Миссис Барнет не без удивления спрашивала себя, как могли бы они в декабре перейти это развороченное ледяное поле, но лейтенант Гобсон заметил, что в декабре у замерзшей поверхности моря был совсем иной вид. Тогда не было такого сильного сжатия льдов и путники встретили бы на своем пути относительно ровное ледяное пространство. В то время единственным препятствием являлось неполное замерзание океана. Теперь же ледяное поле действительно было непроходимым из-за всех этих нагромождений, но в начале зимы их еще ее было.

Между тем отряд приближался к огромному ледовому барьеру. Почти всегда впереди шла Калюмах. Быстрая и легкая, она ступала среди льдов так же уверенно, как серна среди альпийских скал. Все с восхищением смотрели, как она смело неслась вперед среди этого лабиринта ледяных глыб и безошибочно, будто инстинктивно, находила надежный проход. Затем она возвращалась к своим спутникам, и они доверчиво следовали за ней.

К полудню, затратив не менее трех часов, чтобы пройти три мили, отряд достиг подножья грандиозного ледового затора.

Величественное зрелище представлял этот ледовый барьер, вершины

которого поднимались местами более чем на четыреста футов над уровнем ледяного поля. Можно было отчетливо различить составлявшие его пласты. Ледяные стены барьера были окрашены в различные тона удивительно нежных оттенков. Они то переливались всеми цветами радуги, то искрились, точно мрамор, и все были испещрены фантастическими узорами и усеяны яркими блестками. Ни один самый причудливый утес не мог бы дать представления об этом хаотическом нагромождении льдин — то непроницаемых, то прозрачных, и эта игра света и тени производила самое необычайное впечатление.

Однако к этим зловещим громадам, устойчивость которых была весьма сомнительна, надо было приближаться с большой опаской. Внутри барьера непрерывно раздавался треск. Там шла огромная разрушительная работа: пузырьки воздуха, содержащиеся в этой ледяной массе, вызывали ее распад, и становилось ясным, насколько хрупко было это возведенное холодом здание, которому не суждено было пережить полярную зиму. Солнечные лучи обратят его в воду, способную напитать целые реки!

Лейтенанту Гобсону приходилось предостерегать своих товарищей против обвалов, ежеминутно разрушавших венец барьера, и они шли на некотором расстоянии от основания затора. Эта предосторожность оказалась не лишней — около двух часов дня, входя в лощину, по которой миссис Барнет и ее спутникам предстояло идти, они увидели, как огромная льдина, весом не менее ста тонн, отделилась от гребня барьера и с ужасающим грохотом обрушилась на ледяное поле. От удара поле треснуло и высоко вверх брызнула вода. По счастью, осколки глыбы, разорвавшейся как бомба, никого не задела.

От двух часов до пяти отряд шел По узкой извилистой лощине, уходившей вглубь затора. Но всю ли его ширину она пересекала, было неизвестно. Двигаясь по ней, можно было исследовать внутреннее строение ледового барьера. Ледяные глыбы были здесь расположены более симметрично, чем на его внешней границе. В нескольких местах ледяного массива виднелись попавшие в него стволы деревьев. То были деревья тропических пород, вероятно занесенных в полярные края теплым океаническим течением, — они были зажаты льдами и после таяния должны были возвратиться в океан. Кое-где встречались и обломки кораблекрушения — остатки разбитых в щепы кораблей.

К пяти часам почти совсем стемнело, и обследование пришлось прервать. К этому времени было пройдено около двух миль по крайне загроможденной и малопроездимой лощине, извилины которой мешали точно определить длину пройденного пути.

Джаспер Гобсон подал знак остановиться. За полчаса, вооружившись снежными ножами, Марбр и Сэбин вырыли в ледяном массиве пещеру, куда и забился весь небольшой отряд; люди поужинали и, утомленные, почти тотчас же уснули.

На следующий день в восемь часов все уже были на ногах и прошли еще одну милю по той же ложине, — необходимо было узнать, пересекала ли она ледовый барьер во всю его ширину? Судя по положению солнца, расщелина шла уже не на северо-восток, а поворачивала к юго-востоку.

В одиннадцать часов лейтенант Гобсон и его спутники вышли на другую, противоположную сторону затора. Сомнений не было — проход существовал.

Вся эта восточная сторона ледяного поля была в таком же хаотическом состоянии, как и западная. То же скопление льдов, то же нагромождение глыб. Впереди лежало необозримое пространство, на котором высились ледяные горы и торосы, кое-где разделенные ровными, но узкими ледяными полями, пересеченными множеством трещин с уже тающими краями. Здесь царила та же заброшенность, то же молчание пустыни. Ни зверя, ни птицы.

Миссис Барнет, поднявшись на вершину ледяного холма, простояла так целый час, созерцая печальный полярный ландшафт. Она невольно вспомнила о той попытке двинуться в путь, которую они совершили пять месяцев назад. Она представила себе всех обитателей фактории, весь этот жалкий караван, затерянный во тьме полярной пустыни, пытающийся добраться до американского материка, преодолевая столько препятствий и подвергаясь стольким опасностям.

Лейтенант Гобсон вывел ее, наконец, из глубокой задумчивости.

— Сударыня, — сказал он, — прошло уже двадцать четыре часа с тех пор, как мы ушли из форта. Ширина ледового затора нами выяснена, и, так как мы обещали вернуться не позже чем через двое суток, я думаю, пора возвращаться.

Миссис Барнет согласилась. Цель разведки была достигнута. Затор оказался средней ширины и должен был в скором будущем разрушиться, дав возможность судну Мак-Напа пройти сейчас же вслед за двинувшимися льдами. Итак, надо было возвращаться, к тому же погода могла перемениться, а снежная буря сделала бы ложину труднопроходимой.

Позавтракали и около часа дня пустились в обратный путь. В пять часов, как и накануне, сделали привал в ледяной хижине. Ночь прошла спокойно, и на следующий день, 9 марта, лейтенант Гобсон в восемь часов утра подал знак к выступлению.

Погода была прекрасная. Солнце уже поднялось над ледовым барьером, и в ложину проникали его лучи. Джаспер Гобсон и его спутники, направляясь на запад, шли спиной к солнцу, но в глаза им било сияние его лучей, отраженное скрецающимися перед ними ледяными гранями.

Миссис Барнет и Калюмах, немного отстав, беседуя, шли по узкому проходу, указанному Марбром и Сэбином. К двенадцати часам путники надеялись снова пересечь затор и пройти не больше чем за два часа три мили, отделявшие их от острова Виктории. Таким образом, участники экспедиции могли бы возвратиться в форт с заходом солнца, опоздав всего на несколько часов, и это опоздание не слишком беспокоило бы их товарищей.

Они рассчитывали так, не подозревая о происшествии, которого, несомненно, никакая человеческая проницательность предусмотреть не могла.

Было около десяти часов, как вдруг Марбр и Сэбин, ушедшие шагов на двадцать вперед, остановились. Казалось, они о чем-то спорили. Догнав их, лейтенант, миссис Барнет и Калюмах увидели, что Сэбин, держа в руке буссоль, указывал на нее своему спутнику, а тот с удивлением смотрел на стрелку.

— Странное дело! — воскликнул он, обращаясь к Джасперу Гобсону. — Не скажете ли вы, лейтенант, в какой стороне по отношению к затору лежит наш остров? На западе или на востоке?

— Конечно, на западе, — ответил Джаспер Гобсон, которого этот вопрос очень удивил, — и вы сами, Марбр, это прекрасно знаете.

— Я-то знаю!.. Прекрасно знаю... — ответил Марбр, кивнув головой. — Но если остров лежит на западе, мы, стало быть, идем не туда и удаляемся от него!

— Как! Мы удаляемся от острова? — вскричал лейтенант, озадаченный уверенным тоном охотника.

— Вне всякого сомнения, лейтенант! — ответил Марбр. — Взгляните на компас: или я ничего не понимаю, или он указывает, что мы идем на восток, а не на запад!

— Но этого быть не может! — воскликнула путешественница.

— Взгляните сами, сударыня, — ответил Сэбин.

И в самом деле, магнитная стрелка указывала на север, в направлении, совершенно противоположном тому, на которое они рассчитывали. Джаспер Гобсон молча думал.

— Вероятно, мы ошиблись сегодня утром, выйдя из ледяного дома, — сказал Сэбин. — Должно быть, повернули налево, вместо того чтобы пойти

направо.

— Нет, — воскликнула миссис Барнет, — этого не может быть! Мы не могли ошибиться!

— Однако... — сказал Марбр.

— Однако, — подхватила миссис Барнет, — посмотрите на солнце! Разве оно отныне больше не восходит на востоке? А раз мы с утра шли к нему спиной и продолжаем идти так же, это доказывает, что мы идем на запад. Итак, поскольку остров находится на западе, мы увидим его, выйдя из лощины к западной части затора.

Марбр, сраженный этим неопровержимым доводом, на который ему нечего было возразить, молча скрестил руки.

— Пусть так, — сказал Сэбин, — но тогда выходит, что буссоль и солнце разошлись друг с другом?

— Да, по крайней мере сейчас, — ответил Джаспер Гобсон, — и вот отчего это зависит: в этих высоких северных широтах и в областях, соседних с магнитным полюсом, случается иногда, что магнитная стрелка компаса внезапно отклоняется и дает совершенно ложные показания.

— Ладно, — сказал Марбр, — значит, надо так и идти, повернувшись спиною к солнцу?

— Безусловно, — ответил лейтенант. — Мне кажется, что, выбирая между солнцем и компасом, колебаться не следует. Ведь солнце не отклоняется.

Путники двинулись дальше, оставляя солнце позади. Все понимали, что доводы Джаспера Гобсона, основанные на положении лучезарного светила, оспаривать не приходится.

Отряд шел ложиной, но значительно дольше, чем ожидали. Джаспер Гобсон рассчитывал пересечь затор еще до полудня, между тем было уже два часа, когда они оказались, наконец, у выхода из узкого коридора.

Эта, впрочем, весьма странная задержка не обеспокоила лейтенанта, но каково было изумление и его самого и его спутников, когда, ступив на ледяное поле у основания затора, они не обнаружили острова Виктории, который должен был находиться напротив.

Да! Острова не было, хотя по деревьям, венчающим мыс Майкл, его легко было бы узнать с этой стороны. Вместо этого перед ними простиралось бесконечное ледяное поле, все залитое солнечными лучами, падавшими на него поверх ледового барьера.

Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, Калюмах и оба охотника огляделись по сторонам и переглянулись.

— Остров должен был находиться там! — воскликнул Сэбин.

— А его там больше нет! — ответил Марбр. — Куда же он подевался, господин лейтенант?

Ошеломленная миссис Барнет не находила слов. Джаспер Гобсон молчал.

Но тут к лейтенанту Гобсону подошла Калюмах и, дотронувшись до его руки, сказала:

— Мы заблудились в лощине, мы пошли вверх по ней вместо того, чтобы спуститься вниз, и теперь мы в том же месте, где были вчера, когда проходили в первый раз через затор. Идите сюда! Идите!

Джаспер Гобсон, миссис Барнет, Марбр, Сэбин, так сказать, машинально, доверяя инстинкту эскимоски, дали себя увести и опять углубились в узкий проход, чтобы возвратиться назад. Между тем, судя по положению солнца, все признаки были против Калюмах.

Но девушка, ничего не объясняя и не останавливаясь, повторяла:

— Идем! Скорей! Скорей!

Лейтенант, путешественница и их спутники были в полном изнеможении и едва передвигали ноги. Уже наступила ночь, когда, наконец, после трех часов пути они оказались по другую сторону ледового затора. Темнота мешала им сразу увидеть, там ли находится остров, но эта неизвестность продолжалась недолго.

Действительно, в нескольких сотнях шагов от них на ледяном поле во всех направлениях горели смоляные факелы и раздавались ружейные выстрелы. Это звали их.

Отряд ответил на призыв, и вскоре к нему уже присоединились сержант Лонг, Томас Блэк, которого тревога за друзей вывела, наконец, из обычного оцепенения, и другие зимовщики, вышедшие им навстречу. Несчастные люди были в самом деле крайне встревожены, решив, что Джаспер Гобсон и его спутники, возвращаясь на остров, заблудились, что, впрочем, вполне соответствовало действительности.

Но какие были основания для такого предположения у людей, оставшихся в форте Надежды? Почему могли они думать, что лейтенант, возвращаясь обратно со своим маленьким отрядом, заблудился?

Дело было в том, что двадцать четыре часа назад огромное ледяное поле, а вместе с ним и остров переместились, сделав полуоборот вокруг своей оси. И в результате этого перемещения блуждающий остров надо было искать не к западу, а к востоку от ледового барьера!

16. ДВИЖЕНИЕ ЛЬДОВ

Два часа спустя все были уже в форте Надежды. На следующий день, 10 марта, солнце озарило прежде всего ту сторону побережья, которая раньше была западной частью острова. Теперь мыс Батерст был обращен своим острым концом не на север, а на юг. Калюмах, которой подобные явления были хорошо знакомы, оказалась права, и если не ошиблось солнце, то нельзя было обвинять и буссоль!

Таким образом, положение острова Виктории относительно стран света изменилось еще раз и теперь гораздо заметнее. С тех пор как остров отделился от американского континента, он повернулся вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов, и повернулся не только самый остров, но и огромное ледяное поле, которое окружало его. Это вращательное движение указывало на то, что ледяное поле уже не соединено с материком, что оно отошло от побережья, и, следовательно, вскоре начнется передвижение льдов.

— Во всяком случае, — сказал лейтенант Гобсон путешественнице, — эта перемена фронта пойдет нам только на пользу. Мыс Батерст и форт Надежды повернулись к юго-востоку, то есть в направлении континента, и теперь ледовый затор, оставлявший нашему судну лишь очень узкий и трудный проход, уже не загораживает-нам путь к Америке.

— Значит, все к лучшему? — спросила с улыбкой миссис Барнет.

— Все к лучшему, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, правильно оценивший последствия этой перемены положения острова Виктории.

С 10 по 21 марта никаких событий не произошло, но уже чувствовалось приближение весны. Температура держалась между сорока тремя и пятьюдесятью градусами по Фаренгейту (от +6° до +10°C), и эта оттепель могла вызвать внезапный разлом и движение льдов. На ледяном поле появились новые трещины и разводья. По меткому выражению китобоев, трещины эти были «кровоточащими ранами» ледяных полей. Треск ломающихся льдин раздавался подобно артиллерийским залпам. Теплый дождь, продолжавшийся несколько дней подряд, ускорил таяние ледяной поверхности моря.

Птицы, покинувшие плавучий остров в начале зимы, возвращались теперь огромными стаями. То были белые межняки, кайры, тупики, дикие утки и прочие. Марбр и Сэбин настреляли их немало. Среди убитых оказалось несколько птиц с теми записками на шее, которые несколько

месяцев назад были составлены лейтенантом Гобсоном и путешественницей. Оглашая воздух громким клекотом, проносились стаи белых лебедей. Что касается четвероногих — грызунов и хищников, — то они по старой привычке посещали окрестности фактории и вели себя как настоящие домашние животные.

Почти ежедневно, когда это было возможно по состоянию неба, лейтенант Гобсон определял географическое положение острова. Иногда ему в этом помогала или даже заменяла его миссис Барнет, прекрасно научившаяся обращаться с секстаном. Действительно, тщательное наблюдение за малейшим изменением положения острова, в смысле долготы и широты, было крайне необходимо. Серьезный вопрос о влиянии на остров одного из двух противоположных течений до сих пор не был решен, и лейтенанта Гобсона и путешественницу больше всего беспокоила мысль, в каком направлении — на север или на юг — двинется остров, когда море освободится от льдов.

Надо сказать, что миссис Барнет, обладавшая смелым и мужественным характером, всегда и во всем проявляла необычную для женщины энергию. Обитатели форта Надежды ежедневно наблюдали, как она, невзирая на усталость и дурную погоду, в дождь и снег отправлялась либо на разведку в какую-нибудь часть острова, либо на ледяное поле, уже наполовину покрытое трещинами и разводьями. Возвращаясь домой, она сразу же входила во внутреннюю жизнь фактории и заботилась о благополучии своих товарищей, помогая им советом и делом. Верная Мэдж не отставала в этом от своей госпожи.

Миссис Барнет смело смотрела в будущее и ничем не выдавала ни сомнений, иногда против воли охватывавших ее, ни предчувствий, которых не мог победить ее здравый ум. Все видели в ней женщину, исполненную твердой уверенности и всегда готовую оказать поддержку другому. Она всегда была в ровном настроении, и никто не подозревал о той мучительной тревоге, которую она не могла в себе побороть. Джаспер Гобсон глубоко восхищался ею.

К Калюмах лейтенант Гобсон тоже чувствовал полное доверие и часто полагался на природный инстинкт молодой эскимоски, подобно тому как охотник полагается на инстинкт своего верного друга — собаки. Умная Калюмах была к тому же хорошо знакома с особенностями полярной природы и связанными с ней случайностями. Эта юная эскимоска смело могла бы заменить на борту китобойного судна так называемого «ice-master» — ледового лоцмана, которому поручается вождение судна во время плаванья среди льдов. Калюмах ежедневно отправлялась на ледяное

поле проверить его состояние и по одному только доносившемуся издалека треску айсбергов угадывала, как идет разлом льда. Никогда еще более смелая нога не ступала по льдинам. Калюмах инстинктивно чувствовала, какая из «подгнивших» льдин может еще выдержать ее легкое прикосновение, и бесстрашно носилась по испещренной трещинами ледяной поверхности океана.

Начавшаяся ранее оттепель с 20 по 30 марта еще усилилась, а обильные дожди ускорили таяние. Появилась надежда, что ледяное поле вскоре само распадется и через каких-нибудь две недели лейтенант Гобсон, воспользовавшись широкими разводьями, спустит свое судно на воду, и обитатели форта двинутся сквозь плавучие льды. Джаспер Гобсон был человек решительный и не стал бы колебаться, тем более когда грозила опасность, что Камчатское течение возьмет верх над течением Берингова пролива и остров Виктория будет унесен на север.

— Этого не надо бояться, — упорно твердила Калюмах, — ведь льды не поднимаются к северу, а, наоборот, спускаются к югу. И вот это-то и опасно! — повторяла она, указывая на юг, где простирались необозримые воды Тихого океана.

Юная эскимоска была совершенно уверена в этом. Лейтенанту Гобсону было известно ее мнение, и он успокоился, так как считал, что гибель острова в Тихом океане еще не означает гибели людей. Ведь весь персонал фактории заблаговременно перейдет на судно, которое доставит его на ближайший берег того или другого континента, ибо Берингов пролив является настоящей воронкой между мысом Восточным на азиатском побережье и мысом Принца Уэльского на американском.

Итак, можно понять, с каким вниманием надо было следить за малейшим перемещением острова. Обсервации производились всякий раз, когда это позволяло состояние неба, и начиная с этого времени лейтенант Гобсон и его товарищи принимали все нужные меры в предвидении близкой и, быть может, неожиданной посадки на бот.

Нечего и говорить, что обычные для фактории работы — охота и установка капканов и ловушек — были теперь полностью заброшены. Склады и так были переполнены мехами, большая часть которых должна была неизбежно погибнуть. Охотники и звероловы остались без дела. Что касается старшего плотника и его подручных, то они закончили постройку судна и, в ожидании того времени, когда море очистится от льдов и бот можно будет спустить на воду, занялись укреплением главного дома форта. Это было разумно, так как в период движения льдов дом мог подвергнуться сильному сжатию со стороны оттаявшего вдоль побережья припая, если бы

мыс Батерст не оказал льдам достаточного сопротивления. Поэтому деревянные стены дома укрепили толстыми подпорами. В комнатах установили вертикальные столбы, послужившие новыми точками опоры для потолочных балок. Кровля дома, стропила которой были в свою очередь усилены подпорками и железными прутьями, напоминала теперь свод каземата и могла выдержать большую нагрузку. Все эти работы были закончены в первых числах апреля, и вскоре пришлось убедиться не только в их полезности, но и в своевременности.

Между тем с каждым днем появлялись все новые признаки близкой весны. Весна была удивительно ранняя, и наступила она после на редкость мягкой для северных областей зимы. На деревьях распустились первые почки. Кора берез, ив, толокнянки набухла под влиянием согретых теплом соков. Нежно-зеленого цвета мхи покрыли склоны холмов, открытые лучам солнца, и грызуны, которыми кишели окрестности форта, изголодавшись за зиму, с жадностью набрасывались на молодую зелень, едва она появлялась на поверхности земли.

Но кто чувствовал себя в те дни действительно несчастным, так это почтенный капрал. Читатель уже знает, что супругу миссис Джолиф был поручен надзор за огородными участками, засеянными его женой. При других обстоятельствах ему пришлось бы охранять урожай щавеля и ложечника от посягательств одних лишь пернатых грабителей — чистиков и тупиков. Для устрашения этих прожорливых птиц достаточно было бы пугала, а уж тем более самого капрала! Однако на этот раз к птицам присоединились и грызуны, а также жвачные животные полярной фауны. Зима так и не заставила их уйти, и, чуя инстинктом опасность, они держались вблизи фактории. Ни северные олени, ни полярные зайцы, ни мускусные крысы, ни землеройки и куницы не боялись угроз капрала. Бедняга не мог с ними справиться: пока он охранял один край поля, они опустошали другой.

С факторией вскоре предстояло расстаться, и, конечно, самым благоразумным было бы уступить этим многочисленным четвероногим врагам урожай, которым все равно не пришлось бы воспользоваться. Миссис Барнет так и советовала поступить упрямому капралу, докучавшему ей двадцать раз на дню своими жалобами, но Джолиф и слышать об этом не хотел.

— Помилуйте, сударыня, ведь затрачено столько труда, — отвечал он. — Расстаться с факторией, когда она вступает на путь процветания! Пожертвовать семенами, которые миссис Джолиф и я с такой заботливостью сеяли!.. Ах, сударыня, у меня иногда является желание

отпустить всех, вас и остальных, и остаться здесь вдвоем с женою. Уверен, что компания согласилась бы отдать нам остров в полную собственность...

Миссис Барнет не могла удержаться от смеха, слушая эти нелепые рассуждения, и отсылала капрала к его жене, давно уже махнувшей рукой на свой щавель, ложечник и другие, теперь уже ненужные, противочинготные средства.

Надо сказать, что здоровье зимовщиков, как мужчин, так и женщин, было в превосходном состоянии. Одни только болезни и щадили их. Ребенок совершенно поправился и, греясь в первых лучах весеннего солнца, рос всем на радость.

В течение 2, 3 и 4 апреля продолжало усиленно таять. Заметно потеплело, но погода была пасмурная. Часто шел дождь, падавший крупными каплями. Дул юго-западный ветер, насыщенный теплыми испарениями, поднимавшимися с континента. Сквозь густую завесу не видно было ни солнца, ни луны, ни звезд; обсервация становилась невозможной в этой туманной атмосфере, что было весьма досадно, так как наблюдать за малейшим перемещением острова было крайне важно.

В ночь с 7 на 8 апреля началось настоящее движение льдов. Взойдя утром на вершину мыса Батерст, лейтенант Гобсон, миссис Барнет, Калюмах и сержант Лонг установили, что ледяной затор принял несколько иной вид. Этот огромный ледовый барьер, разделившись почти пополам, представлял теперь два отдельных крыла, и казалось, что его более высокая часть двигалась к северу.

Было ли это влияние Камчатского течения? И должен ли был блуждающий остров следовать в том же направлении? Легко понять, какая тревога поднялась в душе лейтенанта и его товарищей. Их дальнейшая судьба могла решиться в течение нескольких часов. Если бы роковое стечение обстоятельств отбросило их еще на несколько сот миль дальше к северу, добраться до материка на таком маленьком судне, как бот, было бы почти невозможно.

По несчастью, зимовщики не могли определить силу и характер происходившего перемещения льдов. Тем не менее движение ледового барьера было вполне ощутимо, и можно было установить, что остров, по крайней мере по отношению к затору, не перемещается. Таким образом, казалось вероятным, что часть ледяного поля отделилась и поднимается к северу, тогда как окружающие остров льды все еще остаются неподвижными.

Неожиданное перемещение огромного ледового массива нисколько, однако, не изменило мнения Калюмах. Она продолжала утверждать, что

льды пойдут на юг и влияние Берингова течения вскоре скажется и на самом ледовом барьере. Чтобы ее лучше поняли, она взяла щепку и, изобразив на песке, где и как расположен пролив, начертила направление течения и показала, что, следуя ему, остров приблизится к берегам Америки. Никакие возражения не могли поколебать ее на этот счет, и зимовщики почти успокоились, слушая, с какой уверенностью отстаивала смышленная девушка свою правоту.

Однако 8, 9 и 10 апреля состояние ледового барьера как будто опровергало доводы Калюмах. Северная часть его все больше и больше отодвигалась к северу. Мощное движение льдов сопровождалось невероятным гулом. Во всех точках побережья с ужасающим треском взламывался лед, и разговаривать из-за шума можно было лишь в доме. Беспреданно раздавался грохот, подобный непрекращающейся канонаде. В полумиле от берега, в той части побережья, над которой высился мыс Батерст, лед уже начинал тороситься. Ледовый массив распадался на множество отдельных ледяных гор, которые уплывали на север. Таким по крайней мере казалось направление их перемещения. Как ни старался лейтенант Гобсон скрыть свою тревогу, она все возрастала, и настойчивые доводы Калюмах уже не могли его успокоить. Он возражал ей, но эскимоска упорно стояла на своем.

Наконец, однажды — это было утром 11 апреля — Джаспер Гобсон указал Калюмах на последние ледяные горы, которые, скрываясь на севере, уже исчезали из виду, и сослался на это, казалось, основанное на факте и тем самым неопровержимое доказательство.

— Да нет же, нет! — ответила Калюмах более, чем когда-либо, убежденным тоном. — Нет! Не ледовый затор поднимается на север, а наш остров спускается к югу!

Ее ответ чрезвычайно поразил Джаспера Гобсона. А что, если Калюмах права? В самом деле, разве движение затора на север не могло быть только кажущимся, а в действительности — это увлекаемый ледяным полем остров Виктория перемещался к проливу? Но зимовщики не могли установить ни факта самого движения, ни его скорости, ни местоположения дрейфующего острова.

Между тем погода не только не прояснялась, что мешало наблюдениям, но еще одно свойственное полярным странам явление, к несчастью, совсем затемнило атмосферу и значительно ограничило видимость.

Как раз к началу движения льдов температура понизилась на несколько градусов, и вскоре всю эту часть океана окутал какой-то

странный туман. Все вокруг покрылось особой, не похожей на обычный иней, белой коркой, которая образовалась из замерзших после своего осаждения водяных испарений. Чрезвычайно тонкие частицы этого замерзшего тумана прилеплялись к деревьям, кустарникам, стенам форта, ко всем выступам и вскоре образовали на них толстый слой, испещренный прожилками призматической или пирамидальной формы, верхушки которых отклонялись в направлении ветра.

Джаспер Гобсон узнал это атмосферное явление, которое китобои и зимовщики нередко наблюдают весной в полярных странах.

— Это вовсе не туман, — сказал он своим товарищам, — это род инея, изморози, это сгустившиеся испарения, остающиеся в состоянии полного замерзания.

Но был ли то туман или изморозь, — такое атмосферное явление было одинаково нежелательно, — эта завеса, поднимавшаяся по меньшей мере на высоту ста футов над уровнем моря, обладала такой густотой и плотностью, что люди не видели друг друга на расстоянии трех шагов.

Надежды зимовщиков были обмануты. Невзгоды следовали за невзгодами, и, казалось, природа ни в чем не хотела пощадить их. Как раз во время движения льдов, когда блуждающий остров должен был освободиться от сжимавших его в продолжение стольких месяцев оков, когда надо было особенно зорко следить за его передвижением, спустился этот мешавший всякому наблюдению туман!

Так продолжалось четыре дня! Туман рассеялся только 15 апреля; подувший с утра резкий южный ветер прорвал и разогнал его пелену.

Засияло солнце. Лейтенант Гобсон бросился к своим приборам. Он произвел измерение высоты, и в результате вычислений были определены координаты острова на тот день: широта — $69^{\circ}57'$, долгота — $179^{\circ}33'$.

Калюмах была права. Остров Виктория, уносимый Беринговым течением, дрейфовал к югу.

17. ОБВАЛ

Итак, зимовщики приблизились, наконец, к менее пустынной части Берингова моря. Теперь им уже не приходилось опасаться, что остров будет отнесен к северу, и оставалось только наблюдать за его перемещением и определять скорость движения, которая менялась в зависимости от встречающихся на пути препятствий. Именно этим и занялся Джаспер Гобсон, производя поочередно самые тщательные вычисления высоты солнца и звезд. На следующий же день, 16 апреля, вычисления показали, что если скорость движения останется неизменной, то к началу мая остров Виктория достигнет Полярного круга, от которого его отделяло не более четырех градусов широты.

Можно было предположить, что остров, оказавшись в узкой части пролива, остановится в своем движении и останется неподвижным до тех пор, пока море не очистится ото льдов. Тогда зимовщики спустят на воду свой бот и поплывут, распустив паруса, к американскому континенту.

Читатель знает, что все было предусмотрено и готово к немедленному отплытию.

Обитатели острова запаслись теперь еще большим терпением, а главное — стали больше надеяться на свое спасение. Этим несчастным, столько пережившим людям казалось, что недалек час избавления и что они очутятся вскоре так близко от того или другого побережья, что ничто не помешает им причалить через несколько дней к земле.

Эта надежда возвратила зимовщикам мужество и подняла их упавший было дух. К ним снова вернулась прирожденная живость, давно уже утраченная в тяжелых испытаниях. За столом опять стало весело, тем более что в съестных припасах недостатка не было, а в связи с новыми перспективами уже не приходилось их экономить. Скорее наоборот! Кроме того, уже чувствовалось веяние весны, и все с упоением вдыхали теплый ветерок, который она несла с собою.

В последующие дни было предпринято несколько экскурсий вглубь острова и вдоль побережья. Ни пушные звери, ни жвачные животные, ни хищники и думать не могли о том, чтобы покинуть остров, так как ледяное поле, державшее их в заточении и разъединявшее с американским континентом, — что подтверждалось перемещением льдов, — не дало бы им возможности добраться до материка.

Ни мыс Эскимосов, ни мыс Майкл, никакая другая часть побережья

острова не подверглись каким-либо изменениям.

Ничто не изменилось ни в центре острова, ни в лесной поросли, ни на берегах озера. Большая расселина, образовавшаяся вблизи мыса Майкл во время бури, за зиму закрылась, и никаких других трещин на поверхности земли не появлялось.

Во время экскурсии зимовщики встречали не одну стаю волков, рыскавших по острову. Только эти хищники из всей фауны острова Виктории, несмотря на общую с человеком опасность, не стали ручными.

Несколько раз видели зимовщики и спасителя Калюмах: благородный зверь печально бродил по пустынным равнинам; когда мимо проходили люди, он останавливался. Чувствуя, что ему нечего бояться этих добродушных людей, не имевших намерения причинить ему зло, медведь иногда провожал их до самого форта.

Двадцатого апреля лейтенант Гобсон установил, что блуждающий остров продолжает продвигаться к югу. Остатки ледового затора — ледяные горы южного крыла — следовали за островом; но изменение его местоположения, за отсутствием ориентиров, можно было определить лишь путем астрономических наблюдений.

По распоряжению Джаспера Гобсона, желавшего выяснить толщину льдины, поддерживавшей земляной покров острова, в нескольких местах, а именно у подножья мыса Майкл и на берегах озера, производилось несколько раз бурение почвы. Было установлено, что толщина льдины не увеличилась, как не увеличилась и высота острова над уровнем моря. На основании этого было решено как можно скорее покинуть этот ненадежный остров, который, попав в более теплые воды Тихого океана, неминуемо растаял бы.

К этому времени, 25 апреля, положение острова в отношении стран света еще раз изменилось. Ледяное поле обернулось вокруг своей оси, с востока на запад, на три восьмых своей окружности. Вершина мыса Батерст была теперь обращена на северо-запад, и последние остатки ледового затора закрыли северный горизонт. Это было доказательством того, что ледяное поле свободно перемещалось в проливе и еще не соединилось ни с какой землей.

Приближался решительный момент. Дневные и ночные наблюдения точно устанавливали местоположение острова, а следовательно, и местоположение ледяного поля. 30 апреля вся эта масса льдов дрейфовала мимо залива Коцебу — большой треугольной выемки, глубоко врезающейся в американский берег. Мыс Принца Уэльского, выдающийся вперед в южной части залива, мог бы задержать блуждающий остров,

отклонись он только от самой середины узкого прохода.

Погода стояла довольно хорошая, и термометр нередко показывал пятьдесят градусов по Фаренгейту (+10°C). Уже несколько недель, как зимовщики расстались со своей зимней одеждой. Они в любой миг готовы были к отплытию, и Томас Блэк уже перенес свою поклажу ученого — астрономические приборы и книги — в стоявший на стапеле бот. Погрузили также часть провизии и наиболее ценные меха.

Второго мая весьма тщательное наблюдение показало, что остров Виктория отклоняется к востоку, приближаясь тем самым к американскому материку. То было чрезвычайно благоприятное обстоятельство: ведь Камчатское течение, как известно, проходит вдоль Азиатского побережья, и больше не приходилось опасаться, что оно вновь захватит остров в свои воды. В первый раз зимовщикам улыбнулось счастье!

— Мне думается, мы, наконец, утомили враждебную нам судьбу, сударыня, — сказал сержант Лонг, обращаясь к миссис Барнет. — Очевидно, несчастья наши подходят к концу, и я считаю, что нам больше нечего опасаться.

— Да, я того же мнения, сержант Лонг, — ответила миссис Барнет, — какое счастье, что несколько месяцев назад нам пришлось отказаться от этого путешествия через ледяное поле. Желая нас спасти, провидение сделало его непроходимым!

Говоря так, миссис Барнет была безусловно права. В самом деле, сколько опасностей, сколько препятствий ожидало их на этом пути, сколько трудностей пришлось бы им перенести для того, чтобы зимой, в долгую полярную ночь, преодолеть шестьсот миль, отделявших их от материка.

Пятого мая Джаспер Гобсон объявил своим товарищам, что остров пересек Полярный круг. Наконец, он снова попадал в ту зону земного сфероида, которую солнце не покидает даже в период своего наибольшего склонения к югу. И этим достойным людям казалось, что они опять возвращаются в обитаемый мир.

В тот день изрядно выпили, «спрыснув» Полярный круг, подобно тому, как «спрыскивают» экватор на борту пересекающего его впервые корабля.

Теперь оставалось лишь ждать, когда распавшиеся и подтаявшие льды откроют проход боту, который увезет всех обитателей фактории.

Днем 7 мая положение острова относительно стран света снова изменилось, на этот раз на четверть окружности. Мыс Батерст был теперь обращен на север, и над ним нависали все оставшиеся от затора ледяные массы. Таким образом, он почти вернулся к положению, которое занимал на географических картах в те времена, когда он составлял еще одно целое

с американским материком. Остров сделал полный оборот вокруг своей оси, и в последние месяцы восходящее солнце приветствовало по очереди все точки его побережья.

Наблюдение 8 мая показало, что остров стоит неподвижно приблизительно в середине Берингова пролива, меньше чем в сорока милях от мыса Принца Уэльского. Итак, земля была на сравнительно небольшом расстоянии от них, и спасение зимовщиков было, казалось, обеспечено.

Вечером торжественно поужинали в большой зале и провозгласили тосты в честь миссис Барнет и лейтенанта Гобсона.

В тот же вечер лейтенант решил разведать, какие изменения могли произойти в южной части ледяного поля, и установить, не обнаружится ли там проходимый для судна путь.

Миссис Барнет выразила желание сопровождать Джаспера Гобсона, но он уговорил ее отдохнуть и ушел, взяв с собою только сержанта Лонга. Уступив настоятельной просьбе лейтенанта, миссис Барнет ушла вместе с Мэдж и Калюмах в главный дом. Солдаты и их жены также расположились на ночлег в отведенной им пристройке.

Была чудесная ночь. Луна не появлялась, и звезды сияли особенно ярко. Расстилавшаяся впереди даль была освещена неясным светом, отражавшимся ледяным полем.

Лейтенант Гобсон и сержант Лонг, выйдя из форта в девять часов вечера, направились к части побережья, расположенной между исчезнувшим портом Барнет и мысом Майкл.

Оба путника прошли вдоль берега две-три мили. Но какое зрелище являло собою это ледяное поле! Какие разрушения! Какой хаос! Гигантская груда кристаллов причудливой формы — точно море, внезапно застывшее в самый разгар шторма! Все вокруг было еще забито льдами, и судно не могло бы пройти.

Джаспер Гобсон и сержант Лонг задержались на побережье до полуночи, наблюдая и беседуя между собой. Убедившись, что все осталось в прежнем состоянии, они решили возвратиться в форт и немного отдохнуть до утра.

Пройдя сотню шагов, они оказались у высохшего русла реки Полины. Но вдруг их остановил неожиданный шум. То был какой-то отдаленный гул, доносившийся с северной части ледяного поля. Шум все усиливался и вскоре совсем оглушил их. Там, несомненно, совершалось какое-то могучее стихийное явление! Лейтенанту Гобсону показалось, что почва дрогнула у него под ногами, и это встревожило его больше всего.

— Шум доносится со стороны ледового затора! — сказал сержант

Лонг. — Что там случилось?..

Джаспер Гобсон ничего не ответил и, до последней степени взволнованный, увлек своего спутника к побережью.

— К форту! К форту! — закричал лейтенант Гобсон. — Вероятно, лед разошелся, и можно будет спустить бот в море!

И оба во весь дух бросились кратчайшим путем к форту Надежды.

Множество мыслей проносилось в их голове. Какая новая катастрофа произвела этот неожиданный шум? Знают ли о происходящем уснувшие обитатели форта? Да, безусловно! Ведь беспрерывно усиливавшийся грохот мог бы, как говорится, «разбудить и мертвого»!

За двадцать минут Джаспер Гобсон и сержант Лонг пробежали две мили, отделявшие их от форта Надежды. Но, еще не дойдя до ограды, они услышали отчаянные крики и увидели своих товарищей, беспорядочно разбегавшихся в смятении и ужасе. Плотник Мак-Нап подошел к лейтенанту, держа на руках своего малыша.

— Посмотрите, мистер Гобсон, — сказал он, увлекая лейтенанта на пригорок, возвышавшийся в нескольких шагах за оградой фактории.

И вот что открылось взору Джаспера Гобсона!

Остатки ледового барьера, находившиеся до ухода лейтенанта в двух милях от острова, внезапно устремились на побережье. Мыса Батерст больше не существовало, и гигантская груда земли и песка, сметенная ледяными горами, обрушилась на факторию. Главный дом и прилегавшие к нему с северной стороны строения исчезли под огромным обвалом. Льдины со страшным шумом громоздились друг на друга и снова рушились, низвергая все на своем пути. Казалось, ледяные глыбы пошли в наступление на остров.

Что касается судна, стоявшего у подножья мыса, то оно было уничтожено!.. Исчезла последняя надежда несчастных зимовщиков!

В эту минуту строение, где недавно находились и откуда вовремя успели выскочить солдаты и женщины, рухнуло под тяжестью упавшей на него огромной ледяной глыбы. Раздался отчаянный вопль несчастных людей.

— А остальные наши товарищи?! — воскликнул лейтенант, и в голосе его послышался невыразимый ужас.

— Там, — ответил Мак-Нап, указывая на груду песка, земли и льда, под которой исчез главный дом фактории.

Да, под этой лавиной были погребены застигнутые во время сна миссис Барнет и вместе с нею Мэдж, Калюмах и Томас Блэк!

18. ВСЕ ЗА РАБОТОЙ

Произошла страшная катастрофа. Ледовый барьер надвинулся на блуждающий остров! Глубоко погруженный в воды океана, так что над поверхностью выступала лишь пятая часть его, этот огромный ледовый массив не мог противиться подводным течениям. Проложив себе путь среди разошедшихся льдов, он всей тяжестью обрушился на остров Викторию, который под этим мощным ударом двинулся к югу.

Заслышав грохот обвала, придавившего псарню, олени стойла и главный дом фактории, Мак-Нап и его товарищи успели выскочить из флигеля, которому угрожала та же опасность. Через минуту и это строение рухнуло. Вокруг не осталось и следа человеческого жилья! А остров между тем уносил своих обитателей вглубь океана! Но, быть может, заваленные лавиной Полина Барнет, Мэдж, юная эскимоска и астроном все же уцелели? Надо было поспешить к ним на помощь и извлечь их на поверхность — живыми или мертвыми.

Лейтенант Гобсон в первое мгновение ошеломлен, но тотчас же обрел свое обычное хладнокровие и воскликнул:

— Все за кирки и лопаты! Дом построен прочно! Он мог устоять! За работу!

В инструментах недостатка не было. Но приблизиться к ограде оказалось невозможным. Она была завалена льдинами — отколовшимися пиками айсбергов; некоторые из этих обезглавленных гор, остатков торосистого барьера, все еще возвышались футов на двести над поверхностью острова Виктории. По одному этому легко было себе представить разрушительную силу этих пришедших в движение ледяных громад, которые, казалось, заполнили всю северную сторону горизонта. Часть побережья между исчезнувшим мысом Батерст и мысом Эскимосов была сплошь покрыта, буквально усеяна движущимися глыбами. Неудержимо стремясь вперед, гигантские торосы уже продвинулись на четверть мили вглубь острова. Каждую минуту сотрясение почвы и оглушительный грохот возвещали, что где-то обрушился айсберг. Но ужаснее всего было то, что придавленный этим невероятным грузом остров мог пойти ко дну. Рельеф местности заметно изменился, и стало очевидным, что северная часть побережья мало-помалу погружается: воды океана уже подступали к самому озеру.

Положение зимовщиков было ужасным; не имея возможности что-

либо предпринять для спасения товарищей, отброшенные от ограды напором ледяной лавины, не в силах отразить ее грозное вторжение, а тем более остановить его, они вынуждены были весь остаток ночи бездействовать, охваченные мрачным отчаянием.

Наконец, начало светать. Какое страшное зрелище являли собой окрестности мыса Батерст! Весь видимый горизонт был опоясан ледовым барьером. Но наступление льдов как будто приостановилось, по крайней мере на время. Впрочем, кое-где айсберги, теряя равновесие, накренились, и с них срывались глыбы льда. Основная масса ледяных гор, глубоко погруженная в воду, сообщала теперь острову всю силу дрейфа, которую сама черпала в подводном течении, и остров с опасной быстротой устремлялся на юг, иначе говоря, в пучину.

Но те, кого он уносил с собою, этого не замечали. Они думали лишь об одном: о спасении жертв катастрофы, и прежде всего — смелой путешественницы, которую все они так любили и ради которой охотно отдали бы жизнь. Наступало время действовать. Теперь, наконец, уже можно было приблизиться к ограде, и нельзя было терять ни минуты — уже десять часов несчастные были погребены под лавиной.

Как уже было сказано, мыса Батерст больше не существовало. Под ударом исполинского айсберга он всей своей массой обрушился на факторию, уничтожил судно, завалил псарню и оленье стойла и раздавил их вместе с находившимися там животными. Вскоре и главный дом исчез под слоем песка и земли, над которым выросла гора льда высотой в пятьдесят — шестьдесят футов. Двор форта был так загроможден, что не видно было ни одного столба ограды. Чтобы добраться до людей, заживо погребенных под этой массой льда, земли и песка, нужно было употребить титанические усилия.

Прежде чем приступить к раскопкам, лейтенант Гобсон подозвал старшего плотника.

— Как вы думаете, Мак-Нап, — обратился он к нему, — устоял ли дом под тяжестью лавины?

— Надеюсь, лейтенант, — отвечал Мак-Нап, — и почти готов в этом поручиться. Как вам известно, мы укрепили дом. Крыша стала прочнее сводов каземата, подпирающие потолок столбы крепки и должны выдержать. Кроме того, на дом обрушился сначала слой земли и песка, и это должно было ослабить удары ледяных глыб, которые падали на него с высоты торосистого барьера.

— Дай бог, чтобы вы оказались правы, Мак-Нап, — проговорил Джаспер Гобсон, — и да избавит он нас от страшной беды.

Затем лейтенант обратился к жене капрала.

— Миссис Джолиф, — спросил он, — есть ли в доме провизия?

— Конечно, мистер Гобсон! В кладовой и в кухне были мясные консервы.

— А вода?

— И вода и бренди, — отвечала миссис Джолиф.

— Отлично, — воскликнул лейтенант, — значит, от голода и жажды они не погибнут! Только бы не задохнулись.

На это мастер Мак-Нап ничего не ответил. Действительно, если дом уцелел, как надеялся плотник, то самой большой опасностью, угрожавшей жертвам обвала, был недостаток воздуха. Вот почему надо было быстрее освободить замурованных или по крайней мере возможно скорее установить сообщение между засыпанным домом и внешним миром.

Все, и мужчины и женщины, вооружившись кирками и лопатами, принялись за работу. Они с ожесточением набросились на огромную кучу льда, песка и земли, рискуя вызвать новые обвалы. Мак-Нап стал во главе спасательных работ и методически направлял их.

Он решил атаковать гору с вершины. Оттуда можно было скатывать нагроможденные глыбы в сторону озера. Киркой и ломом нетрудно было справиться с льдинами средней величины, но более крупные глыбы приходилось сначала раскалывать на части, а самые большие — растапливать у костров, в которые все время подбрасывали хвойные смолистые дрова. Все силы были употреблены на то, чтобы быстрее разрушить и сбросить вниз всю эту массу льда.

Самоотверженные люди работали без передышки и останавливались лишь, чтобы перекусить; но нагромождение льдов было столь велико, что солнце давно уже скрылось за горизонтом, а чудовищная гора как будто и не уменьшилась. Все же вершина ее мало-помалу выравнивалась. Решили работать всю ночь; и когда будет устранена опасность обвалов, Мак-Нап должен был прокопать в плотной массе льда и земли отвесный колодец, что позволило бы самым прямым и коротким путем достичь крыши дома и обеспечить доступ воздуха оставшимся в нем людям.

Всю ночь лейтенант Гобсон и его товарищи занимались разравниванием ледяного массива. Огонь и железо яростно атаковали беспорядочное нагромождение льдин, и оно медленно убывало. Мужчины работали кирками и лопатами. Женщины поддерживали пламя костров. Всеми владела одна мысль: спасти миссис Барнет, Мэдж, Калюмах, Томаса Блэка!

Наступило утро. Уже тридцать часов несчастные были заживо

погребены и, несомненно, страдали из-за разреженного воздуха.

Теперь, когда ночные работы окончились, Мак-Нап мог приступить к рытью колодца, через который можно было добраться до крыши дома. По его расчетам, глубина колодца должна была быть не меньше пятидесяти футов. Пробить слой льда толщиной футов в двадцать было сравнительно легко, но затем трудности должны были возрасти: ведь надо было преодолеть слой земли и песка толщиной по крайней мере футов в тридцать, а эти сыпучие породы требовали укрепления стенок колодца. Поэтому заранее приготовили длинные доски, и прокладка шахты началась! В ней могли работать одновременно только три человека. Люди часто сменяли друг друга, и можно было надеяться, что дело пойдет быстро.

Как всегда бывает в минуты опасности, зимовщики то и дело переходили от надежды к отчаянию. Когда непредвиденные трудности задерживали работу или неожиданный обвал частично уничтожал ее, всех охватывало чувство безнадежности, и только твердый и уверенный голос Мак-Напа снова вселял в них бодрость. Пока мужчины рыли по очереди колодец, женщины, собравшись у подножья небольшого холма, терпеливо ожидали, изредка перебрасываясь словами, и тихо молились. Единственно, чем они могли помочь работающим, — это приготовить пищу, которую солдаты наспех проглатывали в короткие минуты отдыха.

Пока рытье колодца шло без особых трудностей; правда, лед был чрезвычайно плотным, и это, естественно, замедляло работу. Только к вечеру Мак-Нап достиг слоя земли и песка, и нельзя было рассчитывать, что его удастся пройти раньше чем за сутки.

Наступила ночь. Рытье шахты не прекращалось. Было решено продолжать спасательные работы при свете смоляных факелов. На побережье, в одном из торосов, была на скорую руку выдолблена ледяная пещера для женщин и малыша. Ветер дул теперь с юго-запада, и вскоре, полил довольно холодный дождь, перемежавшийся сильными порывами ветра. Но ни лейтенант, ни его товарищи и не думали прекращать работу.

Как раз в это время начались большие трудности. Рыть колодец в сыпучем песке оказалось невозможно, и, чтобы помешать осыпанию рыхлой почвы и песка, пришлось сначала обшивать стенки досками. Затем с помощью привязанного к веревке ведра солдаты стали вытаскивать вырытую землю на поверхность. Работа в этих условиях подвигалась, разумеется, очень медленно. Постоянно приходилось остерегаться оползней и соблюдать все меры предосторожности, чтобы землекопы сами не оказались засыпанными.

Мак-Нап почти все время находился на дне узкой шахты и сам руководил работами. Он то и дело ощупывал дно длинной киркой, но не чувствовал сопротивления, которое свидетельствовало бы, что колодец соприкоснулся с крышей дома.

Опять наступило утро, а между тем за ночь было пройдено всего десять футов земли и песка; если допустить, что дом устоял и кровля его, таким образом, находится на том же уровне, что и до обвала, то, прежде чем добраться до нее, надо было пройти еще футов двадцать.

Уже пятьдесят четыре часа миссис Барнет, две ее спутницы и астроном оставались в засыпанном доме.

Несколько раз лейтенант и Мак-Нап задавали себе вопрос, не пытаются ли несчастные жертвы обвала со своей стороны установить сообщение с внешним миром. Зная бесстрашие и стойкость миссис Барнет, они не сомневались, что мужественная женщина, если только она сохранила свободу передвижения, постарается пробить выход наружу. В доме были инструменты, и один из подручных плотника, Келлет, хорошо помнил, что он оставил в кухне свою лопату. Быть может, узники выломали дверь и начали прокладывать штольню? Но они могли вести ее лишь в горизонтальном направлении, и эта работа потребовала бы куда больше времени, чем предпринятое Мак-Напом рытье колодца: ведь нагромождение льда, возвышаясь футов на шестьдесят, покрывало собою пространство не менее пятисот футов в диаметре. Узники не могли, конечно, этого знать; во всяком случае, если предположить, что они приступили к прокладке штольни, то достичь края ледяной горы им удалось бы не раньше чем через неделю. А к этому времени, если бы у них и хватило пищи, они задохнулись бы от недостатка воздуха.

И все же Джаспер Гобсон самолично обходил все части ледяного массива, надеясь уловить хоть какой-нибудь звук, свидетельствовавший о подземной работе. Но ничего не было слышно.

С наступлением дня Мак-Нап и его товарищи с новой энергией взялись за свой тяжелый труд. Земля и песок безостановочно подавались на поверхность, и колодец постепенно углублялся. Грубая дощатая обшивка удерживала рыхлую землю. Все же произошло несколько оползней, которые были быстро приостановлены, и до вечера больше никаких досадных происшествий не случилось. Правда, солдата Гарри ранило в голову осколком льда, но рана оказалась не опасной, и он не захотел даже бросить работу.

К четырем часам дня глубина колодца достигла пятидесяти футов; из них двадцать футов были прорыты во льду, а тридцать — в толще земли.

Именно на этом уровне Мак-Нап рассчитывал встретить кровлю дома, если она уцелела под давлением лавины.

Он находился в это время на дне колодца. Легко понять его разочарование, когда, вонзив глубоко в землю свою кирку, он не ощутил ожидавшегося им сопротивления. Скрестив руки, плотник с минуту молча смотрел на стоявшего рядом с ним Сэбина.

— Ничего? — спросил охотник.

— Ничего, — ответил Мак-Нап. — Ничего. Но будем рыть дальше. Крыша, как видно, продавлена, но быть не может, чтобы перекрытия чердака не выдержали! Меньше чем через десять футов мы наткнемся на потолок комнат... или...

Мак-Нап не закончил фразы и вместе с Сэбином яростно принялся за работу.

К шести часам вечера глубина колодца увеличилась еще на десять — двенадцать футов.

Мак-Нап снова вонзил кирку в землю. Опять ничего! Кирка, как и раньше, свободно ушла в рыхлую почву.

Плотник на мгновение выпустил из рук свое орудие и закрыл лицо руками.

— Несчастные! — прошептал он.

Затем, цепляясь за крепления деревянной обшивки колодца, выбрался на поверхность.

Здесь он застал лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга в состоянии крайней тревоги и, отведя их в сторону, рассказал о разочаровании, которое только что испытал.

— Значит, — воскликнул Джаспер Гобсон, — значит, дом раздавлен обвалом и наши несчастные товарищи...

— Нет! — перебил плотник, и в голосе его послышалась твердая уверенность. — Нет! Дом не раздавлен! Он должен устоять, он ведь такой прочный! Нет! Он не раздавлен! Этого не может быть!

— Но что же тогда случилось? — спросил лейтенант, и по щекам его покатались две крупные слезы.

— А вот что, — отвечал Мак-Нап. — Дом-то устоял, ну, а почва под ним провалилась. И он сразу пошел ко дну! Он проломил ледяную корку — основу нашего острова. Так что дом не раздавлен, а поглощен океаном... И наши несчастные товарищи...

— Утонули? — воскликнул сержант Лонг.

— Да, сержант, утонули, не успев сделать ни одного движения! Утонули, подобно пассажирам идущего ко дну корабля!

Несколько мгновений все трое молчали. Догадка Мак-Напа была правдоподобна. Было вполне логично предположить, что ледяная опора острова подломилась под такой огромной тяжестью. Дом благодаря крепким столбам, поддерживавшим потолочные балки, устоял, но-пробил ледяной фундамент и погрузился в глубины океана.

— Ну что ж, Мак-Нап, — сказал лейтенант Гобсон, — если нам не суждено обнаружить их живыми...

— Да, — подхватил плотник, — надо по крайней мере отыскать их мертвыми!

Мак-Нап вновь спустился на дно колодца и, ничего не говоря товарищам о своей ужасной догадке, распорядился возобновить прерванную работу. Лейтенант Гобсон последовал за ним.

Рытье колодца продолжалось всю ночь, люди сменялись каждый час; и пока солдаты пробивали песчаный слой земли, Мак-Нап и Джаспер Гобсон, примостившись на креплениях обшивки, наблюдали за ходом работы.

В три часа утра кирка Келлета, внезапно наткнувшись на какое-то препятствие, издала глухой звук. Старший плотник скорее почувствовал, чем услышал его.

— Мы у цели! — вскричал солдат. — Они спасены!

— Молчи и рой дальше! — хрипло отозвался лейтенант Гобсон.

С того времени как лавина обрушилась на дом, прошло почти семьдесят шесть часов.

Келлет и его товарищ Понд продолжали копать. Дно колодца по всем расчетам должно было уже быть почти у уровня моря, и поэтому Мак-Нап больше ни на что не надеялся.

Не прошло и двадцати минут, как твердый предмет, на который наткнулась кирка Келлета, обнажился. Оказалось, что это одна из кровельных балок. Мак-Нап стремительно спустился на дно колодца, схватил кирку и стал пробивать крышу. В несколько секунд образовалось широкое отверстие...

И в этом отверстии показалось человеческое лицо. Его с трудом можно было узнать в темноте. То была Калюмах!

— Помогите! Помогите! — чуть слышно прошептала несчастная девушка.

Джаспер Гобсон быстро спустился вниз. Его охватил сильный холод. Он очутился по пояс в воде. Вопреки предположениям, крыша не была продавлена, но догадка Мак-Напа частично оправдалась: дом пробил льдину, и вода проникла в комнаты, но, не затопив чердака, остановилась на фут от его пола. Таким образом, надежда еще не была потеряна!..

Продвигаясь в темноте, лейтенант наткнулся на неподвижное тело! Он подтащил его к отверстию, а Понд и Келлет подхватили тело и вынесли наверх. Это был Томас Блэк.

Вскоре лейтенант обнаружил и тело Мэдж. На дно колодца были спущены веревки, и Томас Блэк, а затем и Мэдж были извлечены на поверхность. Свежий воздух быстро привел их в чувство.

Оставалось спасти Полину Барнет. Джаспер Гобсон, следуя за Калюмах, прошел в самый дальний угол чердака и здесь нашел ту, кого искал. Путешественница лежала неподвижно, по шею погруженная в воду. Она казалась мертвой. Лейтенант поднял ее на руки и понес к отверстию в крыше. Через несколько мгновений он в сопровождении Калюмах и Мак-Напа с миссис Барнет на руках выбрался из колодца.

Все обитатели форта — друзья отважной женщины — собрались здесь. Они замерли в отчаянии, не в силах произнести ни слова.

Юная эскимоска, едва державшаяся на ногах, с рыданием бросилась к неподвижному телу своей покровительницы.

Миссис Барнет еще дышала, сердце ее слабо билось. Чистый воздух, проникнув в легкие, постепенно вернул ее к жизни. И, наконец, она приоткрыла глаза.

Крик радости вырвался из груди собравшихся. В нем звучала благодарность небу, и она была, несомненно, услышана!

Тем временем стало рассветать, солнце взошло над горизонтом и своими первыми лучами осветило окрестность.

Миссис Барнет с видимым усилием поднялась. С высоты господствовавшей над островом ледяной громады она огляделась вокруг. Затем со странным выражением прошептала:

— Море! Море!

И действительно, с обеих сторон — с востока и запада — море, свободное ото льдов море, окружало плавучий остров!

19. БЕРИНГОВО МОРЕ

Итак, остров Виктория, толкаемый ледовым барьером, со стремительной быстротой прошел мимо берегов Берингова пролива и очутился теперь в водах Берингова моря. Под непреодолимым напором айсбергов, приводимых в движение глубоким подводным течением, он дрейфовал к югу. Ледяные громады продолжали увлекать остров в более теплые воды, которые должны были вскоре стать его могилой. А бот между тем был разбит в щепы, и воспользоваться им было нельзя.

Как только миссис Барнет окончательно пришла в себя, она в нескольких словах рассказала историю семидесяти четырех часов, проведенных ею и ее товарищами в полузатопленном доме. Путешественница, Томас Блэк, Мэдж и юная эскимоска были захвачены лавиной врасплох. Они бросились к двери, к окнам. Поздно! Выхода не было! Толща земли и песка, за мгновение до того еще носившая название мыса Батерст, засыпала дом. И почти тотчас же узники услышали грохот огромных льдин, которые обрушились на факторию.

Не прошло и четверти часа, как миссис Барнет, обе ее спутницы и астроном почувствовали, что дом, устоявший под этим ужасным напором, погружается в землю. Ледяная основа острова проломилась! В помещение хлынула морская вода.

Взять из кладовой немного провизии и подняться на чердак было делом одной минуты. Их толкнуло на это бессознательное чувство самосохранения. И, однако, оставался ли у этих несчастных хотя бы проблеск надежды? Между тем чердак, очевидно, должен был выдержать; возможно, что две ледяные глыбы образовали над кровлей род арки и спасли ее от немедленного разрушения.

Сидя на чердаке, узники слышали, как сверху на крышу то и дело падали огромные глыбы ледяной лавины. А снизу, не переставая, подымалась вода. Что будет с ними? Раздавит их или они пойдут ко дну!

Но можно сказать, что каким-то чудом крыша дома, поддерживаемая прочными балками, выдержала, и самый дом, погрузившись до определенной глубины, остановился; однако вода достигла чердака и поднялась на фут над его полом.

Миссис Барнет и ее друзьям пришлось забраться под самые стропила. Там они и просидели все эти долгие часы. Преданная Калюмах превратилась для всех в добровольную служанку: по колено в воде, она

переходила от одного к другому, предлагая поесть. Сами они ничего не могли предпринять для своего спасения. Помощь могла прийти лишь извне.

Положение было ужасное! Дышать спертым воздухом, почти лишенным кислорода и перенасыщенным углекислотой, становилось все труднее... Если бы несчастные пробыли в этом тесном помещении еще несколько часов, лейтенант Гобсон нашел бы уже их трупы.

К физическим страданиям прибавились и нравственные муки. Миссис Барнет догадывалась о том, что произошло. Она поняла, что на остров обрушился ледовый барьер, и по тому, как под домом бурлила вода, путешественница поняла, что остров неудержимо дрейфует к югу. Вот почему, едва открыв глаза и оглядевшись; она и произнесла слова, которые после гибели судна звучали так страшно:

«Море! Море!»

Но в ту минуту все окружающие не хотели ничего видеть, ничего понимать, кроме того, что они спасли ту, ради которой охотно пожертвовали бы жизнью, а вместе с нею — Мэдж, Томаса Блэка, Калюмах. В конце концов, несмотря на все испытания и опасности, до сих пор все, кто отправился в эту злосчастную экспедицию под командой лейтенанта Гобсона, были налицо.

Однако обстоятельства становились теперь более угрожающими, чем когда-либо раньше, и, без сомнения, приближали последнюю катастрофу: развязка не могла заставить себя долго ждать.

В тот день первой заботой лейтенанта Гобсона было определить местоположение острова. Отныне нечего было и думать о том, чтобы покинуть его, так как бот был уничтожен и море, наконец освободившееся ото льдов, нигде не оставило никакой прочной опоры. Находившиеся на севере айсберги представляли собою лишь обломки мощного ледового барьера, гребень которого обрушился на мыс Батерст, а основание, погруженное глубоко в воду, толкало остров к югу.

В развалинах главного дома отыскивали инструменты и карты Томаса Блэка, которые астроном первым делом захватил с собой; по счастью, они не пострадали. Небо было покрыто тучами, но порою проглядывало солнце, и лейтенант Гобсон мог в нужное время с достаточным приближением определить высоту солнца.

Из этого наблюдения выяснилось, что в тот день, 12 мая, ровно в двенадцать часов, остров Виктория находился на $168^{\circ}12'$ западной долготы и на $63^{\circ}27'$ северной широты. Этот пункт, нанесенный на карту, оказался против залива Нортон, между остроконечным мысом Чаплин на азиатском и мысом Стефенс на американском континенте, больше чем в ста милях от

того и от другого.

— Значит, нам не удастся, как видно, пристать к материку? — спросила миссис Барнет.

— Да, сударыня, — ответил Джаспер Гобсон, — на это нет никакой надежды. Течение стремительно несет нас в открытое море, и мы можем рассчитывать теперь разве только на встречу с каким-нибудь китобойным судном, которое пройдет в виду острова.

— Однако, — возразила путешественница, — если мы не можем пристать к материку, почему бы течению не выбросить нас на какой-нибудь из островов Берингова моря?

Да, на это еще оставалась слабая надежда, и отчаявшиеся люди ухватились за нее, как утопающий за соломинку. В этой части Берингова моря было немало островов: Святого Лаврентия, Святого Матвея, Нунивак, Святого Павла, Святого Георгия и другие. В то время блуждающий остров находился недалеко от острова Святого Лаврентия — довольно обширной земли, окруженной несколькими островками; в крайнем случае, если бы даже все эти участки суши остались в стороне, можно было надеяться, что цепь Алеутских островов, замыкающих Берингово море с юга, остановит движение острова Виктории.

Да, без сомнения! Остров Святого Лаврентия мог стать гаванью спасения для наших зимовщиков. А если бы они миновали его, остров Святого Матвея и вся группа расположенных вокруг него островков могли еще оказаться на их пути. Что до Алеутских островов, от которых их отделяло более восьмисот миль, то они вряд ли достигли бы их. Раньше, значительно раньше, остров Виктория, подточенный и размытый теплыми водами, расплавленный солнцем, которое уже приближалось к знаку Зодиака, именуемому Близнецами, должен был погрузиться на дно морское!

Да, этого следовало ожидать. В самом деле, расстояние, на которое льды приближаются к экватору, весьма различно. В Южном полушарии оно короче, в Северном — длиннее. Их иногда встречают у мыса Доброй Надежды, то есть примерно на тридцать шестой параллели, в то время как айсберги, приплывающие из Северного Ледовитого океана, никогда не переходят за сороковой градус северной широты. Но граница таяния льдов, очевидно, связана с колебаниями температуры и зависит от климатических условий. В долгие зимы льды держатся даже в относительно южных широтах, тогда как при ранних веснах наблюдается противоположная картина.

Именно раннее наступление теплой погоды в том, 1861 году и должно

было привести вскоре к разрушению острова Виктории. Синие воды Берингова моря, — они бывают такими вблизи от айсбергов, как это заметил мореплаватель Гудзон, — уже окрасились в зеленый цвет. Вот почему теперь, когда судна уже не существовало, надо было каждую минуту опасаться катастрофы.

Джаспер Гобсон решил встретить опасность во всеоружии и построить для этого плот, достаточно просторный, чтобы на нем поместились все обитатели фактории; на этом плоту можно будет как-нибудь добраться до материка. Он распорядился собрать весь лес, пригодный для постройки такого плота, который будет держаться на поверхности моря, не грозя пойти ко дну. Как-никак, а в такое время года, когда китобойные суда, преследуя свою добычу, заходят далеко на север, встреча с каким-нибудь кораблем была вполне возможна. Поэтому Мак-Напу было поручено построить большой и прочный плот, на который люди перешли бы, если б остров Виктория был поглощен пучиной.

Но прежде всего надо было приготовить какое-нибудь жилье, которое могло бы приютить несчастных обитателей острова. Самым простым оказалось очистить от обломков флигель, где прежде жили солдаты; стены этого помещения, примыкавшего к главному дому, сохранились. Все дружно взялись за работу, и через несколько дней уже было готово помещение, в котором люди могли укрыться от непогоды, нередкой в этих краях с капризным климатом, где столь часты шквалы и ливни.

Произвели также раскопки в главном доме. Из затопленных комнат извлекли немало полезных предметов: инструменты, оружие, постельные принадлежности, мебель, воздушные насосы, резервуар для воздуха и прочее.

На следующий день, 13 мая, пришлось отказаться от мысли пристать к острову Святого Лаврентия. Определили местоположение острова Виктории, и оказалось, что он находится значительно восточнее острова Святого Лаврентия. Действительно, морские течения обычно избегают естественных преград и охотнее обходят их; лейтенант Гобсон понял, что течение не прибьет остров ни к какому берегу. Одни только Алеутские острова, растянувшиеся на пространстве в несколько градусов, точно огромное разорванное ожерелье, могли еще, пожалуй, остановить остров; но, как уже говорилось, можно ли было добраться до них? Правда, остров плыл довольно быстро, но было вполне вероятно, что скорость эта сильно уменьшится, как только айсберги, толкавшие его вперед, почему-либо оторвутся от него или растают: ведь слой земли не защищал их от солнечных лучей!

Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, сержант Лонг и старший плотник, часто беседовавшие на эти темы, по зрелом размышлении пришли к выводу, что остров ни в коем случае не достигнет группы Алеутских островов — потому ли, что будет выброшен из Берингова течения, или же потому, что растает, наконец, под двойным воздействием воды и солнца.

Четырнадцатого мая мастер Мак-Нап и его подручные дружно взялись за сооружение большого плота. Их задача состояла в том, чтобы плот держался как можно выше над водой и волны не заливали бы его. Дело было нелегкое, но это не уменьшило рвения работников и не остановило их. По счастью, кузнец Рэй разыскал на складе, примыкавшем к дому, множество железных болтов, которые были привезены из форта Релайанс; они должны были прочно скрепить между собой различные части плота.

Что касается места, на котором сооружали плот, то оно заслуживает особого упоминания. По совету лейтенанта, Мак-Нап поступил следующим образом: вместо того чтобы сколачивать балки и доски на земле, плотник сразу же разместил их на поверхности озера. Сначала на берегу в различных частях будущего плота просверлили отверстия и выбрали пазы, а затем части эти были порознь брошены на поверхность маленького озера и здесь без труда пригнаны друг к другу. Такой способ работы имел два преимущества: во-первых, плотник мог тотчас же судить о глубине погружения и степени устойчивости, которую надо было придать плоту; во-вторых, к тому времени, когда остров Виктория растает, плот уже будет плавать на волнах и не пострадает от смещения слоев почвы и толчков, которые рассеявшийся грунт мог бы передать ему, если бы он находился на земле. Эти два весьма серьезных соображения заставили старшего плотника поступить так, как сказано выше.

Пока продолжалась эта работа, Джаспер Гобсон, иногда один, иногда в сопровождении миссис Барнет, бродил по побережью. Он наблюдал за состоянием моря и за изменениями в извилистой береговой линии, которую постепенно размывали волны. Взгляд его блуждал по пустынному горизонту. На севере не видно было больше ни единой ледяной горы. Тщетно искал он, как все потерпевшие кораблекрушение, «тот корабль, который никогда не появляется!» Спокойную гладь океана нарушали только дельфины; они часто заплывали в эти зеленые воды, кишевшие мириадами мельчайших животных — их единственной пищей. Время от времени мимо проплывали деревья различных пород, вырванные с корням в жарких странах: их занесли в эти места мощные океанические течения.

Однажды — это было 16 мая — миссис Барнет и Мэдж прогуливались в той части побережья, которая заключена между мысом Батерст и местом,

где был когда-то порт. Стояла теплая, ясная погода. Уже несколько дней как на поверхности острова не осталось и следа снега. Одни только льдины, которыми ледовый барьер усеял северную часть побережья, еще напоминали о полярном пейзаже тех мест, откуда дрейфовал остров. Но и эти льдины мало-помалу таяли, и все новые водопады каждый день обрушивались с вершин и склонов айсбергов. Несомненно, солнце в скором времени должно было растопить последние скопления образованных морозами льдов.

Любопытную картину представлял собою остров Виктория! Люди, глядевшие на мир менее печальными глазами, с любопытством наблюдали бы ее. Весна заявляла о себе с неожиданной силой. На острове, оказавшемся в более теплых широтах, жизнь забила ключом. Мхи, крошечные чашечки цветов, посевы миссис Джолиф распускались со всей щедростью. Животворящая сила земли, освободившейся от оков сурового полярного климата, проявлялась не только в обилии растений, которые покрывали ее поверхность, но и в яркости их оттенков. То были уже не бледные, словно разбавленные водой краски, а сочные тона, достойные освещавшего их теперь солнца. Заросли толокнянки, многочисленные деревья — ивы, сосны, березы — покрылись темной зеленью. Их почки, напоенные мощными соками, разогретыми в жаркие часы дня, когда температура достигала шестидесяти восьми градусов по Фаренгейту (+20°C), быстро распускались. В этих широтах, соответствовавших широтам Христианин или Стокгольма — самых богатых растительностью мест умеренного пояса, — полярная природа словно преображалась.

Однако миссис Барнет не хотела замечать этого преображения. Могла ли она изменить состояние своих недолговечных владений? Могла ли она спать этот блуждающий остров с прочной корою земного шара? Нет! И в ней все больше крепло предчувствие неизбежности конечной катастрофы. Она инстинктивно ощущала ее приближение, как ощущали его сотни животных, которыми буквально кишели окрестности фактории. Все эти лисы, куницы, горностаи, рыси, бобры, мускусные крысы, норки и даже волки, которых сознание близкой и неотвратимой опасности делало менее свирепыми, — все они с каждым днем ближе и ближе жались к своим истонным врагам — людям, как будто люди могли их спасти! То было молчаливым, инстинктивным признанием превосходства человека, и именно в таких обстоятельствах, когда это превосходство ничего не могло дать!

Нет! Миссис Барнет не хотела замечать этой новой жизни на острове, и взор ее не отрывался от безжалостного моря — безбрежного и

беспредельного, сливавшегося на пустынном горизонте с небом.

— Бедная моя Мэдж, — внезапно проговорила миссис Барнет, — это я виновна в том, что ты погибнешь, ты, которая всюду следовала за мной, чья преданность и дружба заслуживают иной участи! Простишь ли ты меня?

— Я не простила бы тебе, дочка, только одного, — отвечала Мэдж. — Я говорю о смерти, которую я не разделила бы с тобой!

— Мэдж! Мэдж! — воскликнула путешественница. — Если бы моя жизнь могла спасти жизнь этим несчастным, я отдала бы ее не задумываясь!

— Дочка, — спросила Мэдж, — стало быть, ты больше не надеешься?

— Нет!.. — прошептала миссис Барнет и спрятала лицо на груди своей верной подруги.

В этой мужественной натуре на мгновение проявилась женская слабость. И кто не оправдал бы этой минутной слабости в столь жестоких испытаниях!

Миссис Барнет рыдала! Сердце ее было переполнено. Слезы катились у нее из глаз.

— Мэдж! Мэдж! — прошептала путешественница, поднимая голову. — Только не говори им, что я плакала!

— Не скажу, — отвечала Мэдж. — Впрочем, они бы мне все равно не поверили. Ведь мужество лишь на миг оставило тебя! Встань, дочка, ведь ты — наша душа, наша надежда! Встань и возьми себя в руки!

— Значит, ты еще надеешься? — воскликнула миссис Барнет, вперив взор в лицо своей верной спутницы.

— Я всегда надеюсь, — просто ответила Мэдж.

Между тем можно ли было сохранять хотя бы проблеск надежды, когда несколько дней спустя блуждающий остров миновал группу островов Святого Матвея: теперь он уже не мог пристать ни к какой земле в Беринговом море!

20. В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Остров Виктория плыл теперь сто просторам Берингова моря, он находился в шестистах милях от первых Алеутских островов и более чем в двухстах милях от ближайшего материка, расположенного к востоку от него. Он по-прежнему дрейфовал с довольно большой скоростью. Но, если даже предположить, что скорость эта не уменьшится, все же ему понадобилось бы еще по крайней мере три недели, чтобы достичь южной границы Берингова моря.

— Алеутских островов.

Но мог ли до тех пор продержаться остров, чья ледяная основа становилась с каждым днем все тоньше под влиянием уже заметно потеплевших вод, средняя температура которых поднялась до пятидесяти градусов по Фаренгейту? (+10°C) Не грозила ли почва острова ежеминутно разверзнуться под ногами его обитателей?

Лейтенант Гобсон изо всех сил торопил с окончанием плота, нижний настил которого уже покачивался на поверхности озера. Мак-Нап хотел придать своему сооружению наибольшую устойчивость, чтобы, если потребуется, плот мог как можно дольше сопротивляться ударам волн. В самом деле, можно было предполагать, что если он не встретится с каким-нибудь китобойным судном здесь, в просторах Берингова моря, то ему придется плыть до самых Алеутских островов, то есть преодолеть огромное морское пространство.

Тем не менее остров Виктория пока еще не испытал заметных изменений в своих очертаниях. Ежедневно производилась разведка местности, но люди, уходившие к побережью, должны были проявлять величайшую осторожность: надлом земли и расчленение острова могли ежеминутно изолировать их от остальных обитателей фактории. Приходилось постоянно опасаться, что уходивших на разведку никогда больше не увидят.

Глубокая расселина вблизи мыса Майкл, скованная зимними морозами, мало-помалу опять раскрылась. Теперь она уходила на целую милю вглубь острова — вплоть до высохшего русла речушки. Это угрожало дальнейшим продвижением расселины по руслу, которое уже и так уменьшало толщину льдины. В этом случае вся часть острова Виктории между мысом Майкл и местом, где некогда был порт Барнет, ограниченная на западе руслом речки, могла исчезнуть, а ведь то был огромный участок

территории площадью в несколько квадратных миль! Поэтому лейтенант Гобсон не рекомендовал своим товарищам заходить в эти места без крайней нужды, так как достаточно было сильного волнения на море, чтобы вся эта часть отделилась от острова.

В то же время в нескольких местах в почве были проделаны скважины, чтобы определить те участки острова, которые благодаря своей толщине могли бы дольше противостоять таянию. И оказалось, что наибольшая толщина была именно в окрестностях мыса Батерст, в том самом месте, где прежде находилась фактория; причем дело было отнюдь не в толщине слоя земли и песка — это не служило бы никакой гарантией, — а в толщине ледяной основы острова. В сущности это оказалось счастливым обстоятельством. Скважины, проделанные в земле и во льду, были оставлены открытыми, и каждый день можно было наблюдать, как ледяная кора становится все тоньше. Процесс этот шел медленно, но неуклонно. Надо было полагать, что остров не продержится больше трех недель, имея в виду то досадное обстоятельство, что он дрейфовал в водах, все сильнее нагревавшихся лучами солнца.

Всю неделю, начиная с 19 и кончая 25 мая, стояла очень дурная погода. Разразилась сильная гроза. Небо прорезали сверкающие молнии, слышались раскаты грома. Северо-западный ветер поднял на море сильную волну, которая доставила немало тяжелых минут обитателям острова. Морские валы несколько раз чувствительно сотрясали остров. Вся маленькая колония была начеку, готовая погрузиться на плот, верхний настил которого был уже почти закончен. На плот перенесли даже немного провизии и пресной воды, чтобы никакие случайности не застали людей врасплох.

Гроза сопровождалась сильным ливнем; теплые струйки воды проникали глубоко в почву и разъедали ледяную основу острова. Такое просачивание привело в некоторых местах к таянию верхних слоев ледяной коры и к образованию опасных оползней. Кое-где на склонах небольших холмов почва была совершенно размыта и обнажилась сверкающая ледяная кора. Чтобы спасти ледяную основу от действия внешней температуры, пришлось спешно засыпать рытвины землей и песком. Без этих мер предосторожности почва оказалась бы вскоре изрешечена отверстиями, точно шумовка.

Гроза нанесла также непоправимый ущерб лесистым холмам, покрывавшим западный берег озера. Земля и песок были размыты проливным дождем, и множество деревьев, корни которых лишились опоры, рухнуло. В одну ночь вид части острова между озером и местом, где

когда-то находился порт Барнет, неузнаваемо изменился. Здесь осталось только несколько березовых и еловых рощиц, устоявших против урагана. Все эти факты свидетельствовали о разрушениях, которых нельзя было не замечать, но люди против них были бессильны. Лейтенант Гобсон, миссис Барнет, сержант — все видели, что их хрупкий остров постепенно гибнет, и все это чувствовали, кроме разве Томаса Блэка, мрачного, молчаливого, казавшегося человеком не от мира сего.

Во время бури 23 мая, выйдя утром из жилища, охотник Сэбин из-за довольно густого тумана едва не утонул в образовавшемся ночью широком провале, который появился на месте главного дома фактории.

До сих пор казалось, что дом этот, заваленный слоем земли и песка и на три четверти погруженный в воду, прочно застрял в ледяной коре острова. Но, видимо, волны, размывая это широкое отверстие снизу, увеличили его, и дом, придавленный огромной тяжестью земли, некогда составлявшей мыс Батерст, окончательно затонул. Земля и песок исчезли в отверстии, куда тотчас же с шумным плеском хлынули морские воды.

Сэбин успел уцепиться за скользкие края расселины, и прибежавшие на крик охотника товарищи вытащили его оттуда. Он отделался неожиданной ванной, которая, однако, могла для него кончиться очень плохо.

Позднее зимовщики; заметили, что балки и доски дома, который провалился под остров, плывут у его берегов, точно обломки потерпевшего крушение корабля. То было последнее, что разрушила буря, и это еще больше ослабило прочность острова, так как волны разъедали его теперь и изнутри. Провал в льдине должен был, точно рак, постепенно уничтожить остров Викторию.

Двадцать пятого мая направление ветра переменялось — теперь он дул с северо-востока. Шквал превратился в сильный ветер, дождь перестал, и море начало успокаиваться. Ночь прошла спокойно, и утром с появлением солнца Джаспер Гобсон мог сделать точную обсервацию.

В полдень 25 мая он по высоте солнца определил координаты острова: широта — $56^{\circ}13'$, долгота — $170^{\circ}23'$.

Значит, скорость движения острова продолжала оставаться весьма значительной, ибо он проделал около восьмисот миль от того места, которое занимал два месяца назад в Беринговом проливе, то есть в начале движения льдов.

Такое быстрое перемещение острова дало Джасперу Гобсону некоторую надежду.

— Друзья мои, — обратился он к своим товарищам, показывая им

карту Берингова моря, — видите ли вы эти Алеутские острова? Теперь они находятся всего в двухстах милях от нас! Быть может, еще неделя — и мы очутимся там!

— Неделя! — отозвался сержант Лонг, покачав головой. — Это немалый срок — неделя!

— Замечу еще, — продолжал лейтенант Гобсон, — что, если бы наш остров держался сто шестьдесят восьмого меридиана, он бы достиг уже широты, на которой расположены эти острова. Но он, совершенно очевидно, отклоняется к юго-западу, следуя направлению Берингова течения.

Это наблюдение было справедливо. Течение стремилось отбросить остров от всякой земли, его могло отнести в сторону даже от Алеутских островов, которые тянутся только до сто шестьдесят восьмого меридиана.

Миссис Барнет молча изучала карту. Она пристально смотрела на точку, поставленную карандашом, которая указывала местоположение острова. На карте крупного масштаба точка эта была едва заметной — настолько велико было в сравнении с ней Берингово море! Путешественница мысленно окинула весь пройденный островом путь, путь, начертанный роком, а вернее, непреложным направлением течений. Пройдя мимо стольких островов, мимо двух континентов, он нигде не коснулся суши. И теперь перед зимовщиками открывались безбрежные просторы Тихого океана!

Так сидела она, погрузившись в мрачную задумчивость, и, наконец, воскликнула:

— Но неужели мы не можем управлять нашим островом? Неделя, еще одна неделя такой скорости, и мы, пожалуй, достигнем последнего из Алеутских островов!

— Эта неделя — в руках божьих! — торжественно ответил лейтенант Гобсон.

— Пожелает ли он подарить нам ее? Скажу совершенно чистосердечно, сударыня, — наше спасение может явиться только с небес.

— И я того же мнения, мистер Гобсон, — отозвалась миссис Барнет, — но, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай! Не можем ли мы что-нибудь сделать, или попытаться сделать, предпринять какие-нибудь не известные мне меры?

Джаспер Гобсон с сомнением покачал головой. Он считал, что осталось лишь одно средство к спасению — плот; но надо ли было перебраться на него немедленно и, смастерив из одеял и покрывал паруса, попытаться достичь ближайшего берега?

Лейтенант посоветовался с сержантом Лонгом, плотником Мак-Напом, которому очень доверял, кузнецом Рэем и охотниками Сэбином и Марбром. Все они, взвесив «за» и «против», пришли к единодушному решению — покинуть остров лишь в том случае, если не будет иного выхода. Действительно, плот мог служить лишь самым последним, самым крайним средством, ибо волны непрестанно заливали бы его и он был бы лишен даже той скорости, с какой дрейфовал остров, гонимый на юг айсбергами. Что касается ветра, то он дул большей частью с востока и мог, вероятнее всего, отбросить плот далеко от всякой земли.

Таким образом, оставалось ждать, терпеливо ждать, ибо остров Виктория стремительно неся по направлению к Алеутским островам. Приблизившись к группе этих островов, можно будет понять, как лучше поступить.

Это было наиболее благоразумным решением; через неделю, если быстрота движения острова не уменьшится, он либо пристанет к Алеутским островам — этой южной границе Берингова моря, — либо его отнесет еще дальше на юго-запад, в воды Тихого океана, где он безвозвратно погибнет!

Но злой рок, так долго и упорно преследовавший зимовщиков, готовил им новый удар. Та скорость движения острова, на которую они рассчитывали, должна была в ближайшем будущем резко сократиться.

Действительно, в ночь с 26 на 27 мая остров Виктория внезапно изменил свое положение относительно стран света. Последствия этого оказались весьма серьезными. Остров совершил полуоборот вокруг своей оси. Айсберги — остатки огромного ледового затора, окружавшие остров с севера, — оказались таким образом с его южной стороны.

Наутро потерпевшие кораблекрушение — не уместно ли их так назвать? — увидели, что солнце встает над мысом Эскимосов, а не над той частью побережья, где был когда-то порт Барнет.

К чему могло привести это изменение в положении острова? Не отойдут ли от него ледяные горы?

Все предчувствовали приближение новой беды, и каждый понял, что имел в виду солдат Келлет, воскликнувший:

— Еще до вечера мы лишимся винта!

Келлет хотел этим сказать, что айсберги теперь, когда они располагались не сзади, а впереди острова, не замедлят отделиться от него. А ведь именно они придавали ему относительно большую скорость, ибо на каждый фут их надводной массы приходилось от шести до семи футов подводной. Погруженные глубже, чем остров, в море, льды именно поэтому

сильнее подвергались влиянию подводного течения, и можно было опасаться, что оно оторвет их от острова, с которым они ничем не были спаяны.

Да, солдат Келлет был прав. Остров походил бы тогда на судно со сломанными мачтами и без руля.

На восклицание Келлета никто не ответил. Но не прошло и четверти часа, как послышался страшный треск. Вершины айсбергов содрогнулись, и горы льда, отделившись от острова, оставили его позади, а сами, гонимые неодолимой силой подводного течения, быстро понеслись к югу.

21. ОСТРОВ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОСТРОВОК

Через три часа последние остатки ледового барьера скрылись за горизонтом. Столь быстрое их исчезновение доказывало, что отныне остров почти не двигался с места. Дело в том, что вся сила течений была сосредоточена в глубинах моря, а не на поверхности.

Между тем произведенная в полдень обсервация дала точное положение острова. Через сутки новая обсервация показала, что остров Виктория не переместился и на милю.

Итак, оставалась только одна возможность спасения: быть может, поблизости пройдет какой-нибудь корабль или китобойное судно и подберет потерпевших крушение зимовщиков, которые будут находиться либо еще на острове, либо уже на плоту, если остров к тому времени растает.

Остров Виктория находился тогда на 54°33' широты и 177°19' долготы и отстоял на несколько сот миль от ближайшей земли — Алеутских островов.

Лейтенант Гобсон собрал в тот день своих товарищей и еще раз спросил у них, как следует поступить.

Все придерживались одного мнения: оставаться на острове, пока он не пойдет ко дну, так как благодаря его размерам на нем по крайней мере не отражается состояние моря; но когда над ним нависнет угроза окончательной гибели, — разместить вею маленькую колонию на плоту и ждать.

Ждать!

Плот был к тому времени закончен. Мак-Нап построил на нем вместительное помещение наподобие рубки: оно должно было служить убежищем для всех обитателей форта. Была изготовлена мачта, которую можно было установить на плоту в случае необходимости, паруса же, ранее предназначавшиеся для бота, были готовы уже давно. Плот был сколочен прочно, и, если бы дул попутный ветер, а море было относительно спокойно, это сооружение из балок и досок могло бы, пожалуй, спасти всю колонию.

— Нет ничего, — сказала миссис Барнет, — нет ничего невозможного для того, кто повелевает ветрами и волнами!

Джаспер Гобсон подсчитал запасы провизии. Они были невелики, ибо обвал нанес фактории значительный ущерб, но зато вокруг было вдоволь

жвачных животных и грызунов, которым остров, весь в зеленеющих мхах и кустарниках, без труда доставлял корм. Когда стало необходимым увеличить запасы мясных консервов, охотники подстрелили изрядное количество оленей и зайцев.

В общем, здоровье обитателей острова было в хорошем состоянии. Они легко перенесли последнюю столь умеренную зиму, а нравственные испытания пока еще не подрывали их физических сил. Однако — и об этом надо сказать — все с крайней тревогой и дурным предчувствием ожидали минуты, когда им придется расстаться с островом, или, вернее, когда остров расстанется с ними! Они ужасались при одной мысли, что им предстоит плыть по этому безбрежному морю на дощатом настиле, подверженном любому капризу морских валов. Даже в спокойные часы волны будут заливать плот, и положение людей станет крайне опасным. Надо иметь в виду и то, что обитатели фактории не были моряками, привыкшими к водной стихии и не боящимися довериться легкому плоту; нет, то были солдаты, всегда ощущавшие под ногами прочные земли компании. Их остров был хрупок, он покоился всего лишь на тонком ледяном поле, но все же над этим льдом был слой земли, а на этой земле — зеленеющие травы, кустарники, деревья; бок о бок с людьми жили и животные; остров был совершенно нечувствителен к волнам и казался неподвижным. Да! Они любили его, этот остров, на котором прожили почти два года, который исходили из конца в конец, на котором взошли их посевы! И он как-никак устоял до сих пор перед столькими катастрофами! И, если им придется покинуть остров, они покинут его с чувством сожаления и лишь в том случае, если он сам уйдет у них из-под ног!

Лейтенант Гобсон знал об этих настроениях и находил их вполне естественными. Ему было известно, с какой неохотой его товарищи взойдут на плот, но стремительное развитие события вело к тому, что в этих теплых водах остров должен был в скором времени растаять. И действительно, уже появились первые грозные предвестники, которыми нельзя было пренебрегать.

Что же представлял собою их плот? Каждая сторона его равнялась тридцати футам, — следовательно, общая площадь достигала девятисот квадратных футов. Верхний настил плота подымался на два фута над водой, и невысокие щиты защищали его от небольшой волны, но было очевидно, что более сильные валы без труда перехлестнут через этот недостаточный барьер. Посреди плота старший плотник построил настоящую рубку, в которой могло поместиться человек двадцать. Вокруг были установлены огромные лари для провизии и бочки с водой; все это

было прочно прикреплено к настилу железными болтами. Мачта футов в тридцать высотой опиралась о рубку и удерживалась в вертикальном положении канатами, которые закрепили по углам плота. На этой мачте в случае необходимости можно было поднять четырехугольный парус, который, конечно, служил бы лишь при попутном ветре. Этому плавучему сооружению, снабженному самым примитивным рулем, всякое другое движение было полностью противопоказано.

Таков был плот, построенный мастером Мак-Напом; на нем должны были укрыться двадцать человек, не считая сынишки плотника. Плот этот спокойно покачивался на поверхности озера, удерживаемый у берега крепкой якорной цепью. Нет сомнения, что он был построен более тщательно, чем это могли бы сделать люди, неожиданно потерпевшие кораблекрушение и оказавшиеся на поверхности моря; плот наших зимовщиков был куда прочнее и лучше оснащен, но все же это был только плот!

Первого июня произошло новое событие. Солдат Хоуп пошел к озеру за водой для кухни. Миссис Джолиф, попробовав воду, нашла ее соленой. Она подозвала Хоупа и заметила ему, что просила принести пресной, а не морской воды.

Хоуп ответил, что набрал эту воду в озере. Между ними загорелся спор, в разгар которого подошел лейтенант Гобсон. Услышав заверения Хоупа, он побледнел и бегом бросился к озеру...

Вода в озере была совершенно соленая! Было очевидно, что дно озера дало трещину и в пробоину хлынуло море.

Как только об этом стало известно, всех охватил страх.

— У нас нет больше воды, пригодной для питья! — воскликнули несчастные зимовщики.

В самом деле, после исчезновения реки Полины исчезло и озеро Барнет.

Но лейтенант Гобсон поспешил успокоить своих товарищей.

— У нас много льда, друзья мои, — сказал он. — Не бойтесь ничего. Достаточно растопить несколько кусков нашего острова; и я надеюсь, что нам не придется выпить его целиком, — добавил он, пытаясь улыбнуться.

В самом деле, соленая вода, испаряясь или замерзая, полностью освобождается от соли, которая до этого содержалась в ней в растворенном виде. Тут же выкопали, если можно так выразиться, несколько ледяных глыб и растопили их не только для повседневных нужд, но и для того, чтобы наполнить бочонки на плоту.

Однако этим новым предупреждением природы пренебрегать не

следовало. Остров, совершенно очевидно, подтаивал снизу, и проникновение моря в озеро доказывало это самым убедительным образом. Почва могла ежеминутно провалиться под ногами, и Джаспер Гобсон больше не разрешал своим людям уходить далеко, так как это было связано с риском утонуть или быть унесенным в море.

Казалось, животные тоже чуяли близкую опасность. Они собрались вокруг бывшей фактории. После исчезновения пресной воды нередко можно было наблюдать, как они лизали вырубленные глыбы льда. Звери были в тревоге, некоторые точно обезумели, особенно волки, которые стремительно пробегали целыми стаями и так же внезапно исчезали с хриплым рычанием. Пушные звери расположились возле круглого провала, образованного затонувшим домом. Их насчитывалось здесь несколько сот, причем они принадлежали к различным породам; что касается медведя, то он бродил в окрестностях, не причиняя вреда ни животным, ни людям. Он был, видимо, чем-то сильно встревожен и охотно попросил бы защитить его от опасности, которую инстинктивно чуял, но не мог предотвратить.

Птиц, до последнего времени весьма многочисленных, становилось все меньше и меньше. За последние дни большие стаи пернатых, которым мощные крылья позволяли преодолевать большие пространства (среди них были и лебеди), улетели на юг. Там лежали ближайшие из Алеутских островов, где они могли найти себе надежное пристанище. Это усиленное движение в воздухе обратило на себя внимание миссис Барнет и Мэдж, которые в то время бродили по побережью. Обе усмотрели в этом дурное предзнаменование.

— Птицы находят себе на острове достаточно пищи, — заметила миссис Барнет, — а между тем они улетают! И это неспроста, милая Мэдж!

— Да, — ответила Мэдж, — они, конечно, соблюдают свои интересы, но тем самым предупреждают и нас, и мы должны подумать над этим. Я нахожу, что и животные встревожены больше, чем обычно.

В тот день Джаспер Гобсон распорядился перенести на плот большую часть провизии и лагерных принадлежностей. Было решено, что люди также перейдут туда.

Но море в тот вечер, как нарочно, было беспокойно, и на крошечном «Средиземном море», образовавшемся теперь на месте озера, волнение Берингова моря воспроизводилось даже с еще большей силой. Волны, заключенные в сравнительно узком пространстве, ударялись о берега и с яростью разбивались. Точно буря разразилась над озером, или, вернее, над бездной, столь же глубокой, как и окружавшее ее море. Плот сильно качало, вздымавшиеся валы поминутно захлестывали его. Пришлось даже

приостановить погрузку вещей и провизии.

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах лейтенант Гобсон не торопил своих товарищей. Лучше уж было провести еще одну ночь на острове. На завтра, если море успокоится, можно будет закончить погрузку.

Поэтому солдатам и женщинам не было предложено покинуть в тот вечер их жилье и оставить остров: ведь, переходя на плот, они уже навсегда расставались с ним.

Впрочем, ночь прошла лучше, чем можно было ожидать. Ветер стих. Море понемногу успокоилось. Правда, разразилась гроза, но она закончилась с быстротой, характерной для всех явлений атмосферного электричества. К восьми часам вечера море совсем утихло и волны чуть плескались о берега озера.

Несомненно, остров не мог избежать неминуемого разрушения, но было бы лучше, если б он постепенно растаял, а не разлетелся на куски во время бури; а ведь это могло произойти каждую минуту, когда морские валы горами вздымались вокруг него.

Гроза сменилась легким: туманом, который угрожал к ночи сгуститься. Он надвигался с севера и вследствие нового положения острова покрывал собою большую часть его территории.

Перед тем как лечь спать, Джаспер Гобсон осмотрел цепи, которыми был прикреплен плот: они были обмотаны вокруг толстых стволов берез. В качестве дополнительной предосторожности их обмотали еще лишний раз. Впрочем, самое худшее, что могло случиться, — это что плот был бы отнесен на середину озера, но ведь озеро было не столь велико, чтобы он мог на нем затеряться.

22. ЧЕТЫРЕ СЛЕДУЮЩИХ ДНЯ

Ночь — в сущности какой-нибудь час сумерек и предрассветного тумана — прошла спокойно. Лейтенант Гобсон, встав поутру с твердым намерением распорядиться, чтобы все обитатели острова в тот же день перешли на плот, прежде всего направился к озеру.

Густой туман еще не рассеялся, но сквозь него уже пробивались первые лучи солнца. Небо было будто омыто вчерашней грозой, и день обещал быть жарким.

Подойдя к берегу озера, Джаспер Гобсон не мог разглядеть его поверхности, еще скрытой клубами тумана.

В эту минуту миссис Барнет, Мэдж и кое-кто из солдат присоединились к лейтенанту.

Туман постепенно редел. Он отступал вглубь озера и медленно приоткрывал его поверхность. Однако плота пока что не было видно.

Внезапно порыв ветра разорвал пелену тумана...

Плот исчез! Озеро исчезло! Вокруг перед их глазами расстилалось безбрежное море!

Лейтенант Гобсон не мог удержать жест отчаяния. Когда он и его спутники обернулись и окинули взором весь горизонт, из их груди вырвался общий крик!.. Остров Виктория превратился в островок!

Ночью шесть седьмых прежней территории мыса Батерст, разъеденные и размытые прибоем, без шума, без малейшего толчка погрузились на дно моря, я плот, найдя выход, уплыл на простор. Те, кто видел в нем свою последнюю надежду, не могли теперь даже разглядеть его на пустынной глади моря!

Несчастные, очутившись в полной власти пучины, грозившей их поглотить, не имея никаких средств, никакой возможности спастись, пришли в отчаяние. Несколько солдат в припадке помешательства хотели броситься в море. Миссис Барнет стала на их пути. Они вернулись. Некоторые плакали.

Кто не поймет положения этих людей, потерпевших крушение? Могла ли у них сохраниться хотя бы тень надежды? Пусть читатель судит и о состоянии лейтенанта Гобсона среди этих отчаявшихся, полуобезумевших людей! Двадцать взрослых и одного ребенка уносил этот небольшой островок льда, который должен был вскоре неминуемо уйти из-под их ног! Вместе с затонувшей частью острова Виктории исчезли и его лесистые

холмы. Итак, здесь больше не было ни одного дерева. В распоряжении несчастных оставалось лишь несколько досок, из которых было сбито жилье, но они совершенно не годились для постройки нового плота, который мог бы выдержать всех обитателей фактории. Таким образом, жизнь потерпевших кораблекрушение отныне определялась долговечностью островка, иначе говоря, сводилась к нескольким дням; стоял июнь месяц, и средняя температура была уже больше шестидесяти восьми градусов по Фаренгейту (+20°C).

В тот же день лейтенант Гобсон счел необходимым обследовать островок. Быть может, людям надо будет перейти в другое место, где толщина ледяной коры обеспечивала большую прочность почвы? Миссис Барнет и Мэдж отправились вместе с ним.

— Ты все еще надеешься? — спросила миссис Барнет свою верную подругу.

— Как всегда, — ответила Мэдж.

Путешественница ничего не ответила. Джаспер Гобсон и обе женщины быстро шли вдоль побережья. Весь берег протяженностью в восемь миль — от мыса Батерст до мыса Эскимосов — остался цел. Остров раскололся у мыса Эскимосов, и линия излома шла по кривой вплоть до южной границы озера. Новая линия берега тянулась по северной стороне озера, которая омывалась теперь морем. От верхней границы озера другая линия излома продолжалась до побережья, заключенного между мысом Батерст и местом, где когда-то находился порт Барнет. Таким образом, островок представлял собою продолговатую полосу земли, средняя ширина которой не превышала одной мили.

От ста сорока квадратных миль, некогда составлявших площадь острова, не осталось и двадцати!

Лейтенант Гобсон с величайшим вниманием обследовал новое строение острова и пришел к выводу, что самая его толща по-прежнему находится там, где раньше помещалась фактория. Вот почему он решил, что будет правильно не менять места стоянки; не случайно, что и животные, следуя своему инстинкту, оставались там же.

Между тем заметили, что множество жвачных животных и пушных зверей, а также большинство собак, которые бегали на воле, исчезли вместе с затонувшей частью острова. Впрочем, небольшое количество животных, главным образом грызунов, еще оставалось. Медведь, словно помешанный, бродил по островку, кружа вдоль побережья, как в клетке.

К пяти часам вечера лейтенант Гобсон и обе его спутницы вернулись к жилью. Мужчины и женщины, сбившись в кучу, сидели молча, не желая

ничего видеть и слышать. Миссис Джолиф готовила какую-то еду. Охотник Сэбин, не столь удрученный, как его товарищи, ходил взад и вперед, намереваясь добыть немного свежего мяса. Что же касается астронома, то он сидел поодаль, устремив на море блуждающий и равнодушный взгляд. Его уже, казалось, ничто не могло удивить!

Джаспер Гобсон рассказал товарищам о результатах своей разведки. Он подтвердил, что место, где находится жилье, — самое надежное на веем островке, и посоветовал далеко не уходить от него, так как на полпути между домом и мысом Эскимосов уже заметны признаки близкого разлома. Вполне возможно, что поверхность островка в скором времени еще уменьшится. И ничего, ничего нельзя было сделать!

День выдался по-настоящему жаркий. Льдины для питьевой воды таяли сами по себе, без огня. На крутых склонах побережья подтаивала ледяная кора, и тонкие струйки воды стекали в море. Было заметно, что островок еще немного погрузился. Теплые воды безжалостно разъедали его основу.

Наступила ночь, но в лагере никто не сомкнул глаз. Да и кто мог заснуть, кроме малыша, беззаботно улыбавшегося матери, которая ни на мгновение не выпускала его из рук? Ведь каждый помнил, что пучина в любую минуту могла поглотить островок!

Наутро, 4 июня, солнце, поднявшись над горизонтом, осветило безоблачный небосклон. За ночь не произошло никаких изменений. Размеры островка не уменьшились.

Днем смертельно перепуганный голубой песец забежал в жилище зимовщиков и ни за что не хотел оттуда выходить. Надо сказать, что окрестности бывшей фактории просто кишели куницами, горностаями, полярными зайцами, мускусными крысами, бобрами. Они вели себя, как ручные. В фауне островка не хватало теперь только волков. Эти хищники, рыскавшие во время катастрофы на противоположной стороне острова, очевидно, были поглощены морем. Видимо, чуя опасность, медведь не уходил далеко от мыса Батерст. Но пушные звери были в такой тревоге, что, казалось, даже не замечали присутствия хищника. Люди и сами привыкли к исполинскому медведю и не мешали ему бродить взад и вперед. Опасность, которую одинаково чувствовали и люди и животные, как бы сблизила разумные существа с неразумными тварями.

За несколько минут до полудня несчастные путешественники испытали живейшее волнение, которому суждено было вскоре превратиться в жестокое разочарование.

Охотник Сэбин, стоявший на небольшом пригорке, уже несколько

мгновений пристально вглядываясь в море, внезапно крикнул:

— Корабль! Корабль!

Все, точно под действием электрического тока, вскочили и бросились к нему. Лейтенант Гобсон вопросительно посмотрел на охотника.

Сэбин указал рукой на белый дымок на востоке. Все взоры устремились на море, и никто не решался прервать молчание. И вот показался силуэт корабля, который с каждой минутой становился все отчетливее.

Да, это был корабль, очевидно китобойное судно. Ошибиться было невозможно; и действительно, через какой-нибудь час можно уже было различить его корпус.

По несчастью, корабль приближался с востока, то есть со стороны, противоположной той, куда должен был уплыть унесенный волнами плот. Как видно, это китобойное судно попало сюда случайно, и, поскольку оно не встретило плота, нельзя было рассчитывать ни на то, что оно прибыло на поиски потерпевших кораблекрушение, ни даже на то, что оно подозревает об их существовании.

Но, быть может, с корабля все же заметили островок, едва выступавший над поверхностью моря? Не приближается ли он к нему? Обратят ли моряки внимание на сигналы, которые им станут подавать с островка? Днем, при ярком солнце, на это было мало надежды. Ночью можно было бы сложить из досок, выломанных в стенах жилища, костер, заметный даже с большого расстояния. Но не исчезнет ли корабль из виду еще до наступления темноты, которая и вообще-то должна была продлиться не более часа? Так или иначе, сигналы были поданы, раздались ружейные залпы.

Между тем корабль приближался. То было длинное трехмачтовое судно, видимо китобойное, следовавшее из Ново-Архангельска; обогнув полуостров Аляску, оно направлялось к Берингову проливу. Корабль находился с подветренной к островку стороны: идя левым галсом, под нижними парусами, марселями и брамселями, он поднимался к северу. Внимательно изучив направление судна, опытный моряк сразу бы определил, что оно должно оставить островок в стороне. Но, быть может, его заметят с корабля?

— Если они нас и заметят, — прошептал лейтенант Гобсон на ухо сержанту Лонгу, — если они нас и заметят, то тотчас же устремятся в бегство.

Джаспер Гобсон с полным правом говорил это. Корабли ничего так не боятся в этих широтах, как айсбергов и ледяных островов. Ведь это —

плавучие рифы, о которые они рискуют разбиться, особенно ночью. Вот почему мореплаватели, едва заметив опасность, спешат изменить курс. Не поступит ли так же и это судно, завидев островок? Это было весьма вероятно.

Невозможно передать волнение, с каким люди на островке переходили от надежды к отчаянию. До двух часов дня они еще верили, что провидение, наконец, сжалилось над ними, что помощь придет, что спасение близко. Судно все время приближалось, описывая длинную кривую. Оно находилось всего лишь в шести милях от них. Усилили сигналы, стреляли из ружей, разожгли сильно дымивший костер, употребив для этого несколько досок, выломанных из стен жилища.

Но все было напрасно. Либо на корабле ничего не заметили, либо он поспешил удалиться от островка, едва завидев его.

В половине третьего судно повернуло по ветру и удалилось на северо-восток.

Час спустя от него остался лишь белый дымок, но вскоре и он растаял.

Тогда солдат Келлет разразился каким-то странным хохотом, затем упал на землю и стал кататься по ней. Казалось, он сошел с ума.

Миссис Барнет пристально посмотрела в лицо Мэдж, как будто спрашивая, надеется ли она еще?

Мэдж отвернулась.

Вечером этого злосчастного дня раздался сильный треск: большая часть островка отломилась и пошла ко дну. Послышался громкий визг животных.

От островка остался только небольшой участок земли: он занимал пространство от места, где прежде стоял затонувший дом, до конечности мыса Батерст.

Теперь это была лишь льдина!

23. НА ЛЬДИНЕ

Льдина! Всего лишь льдина треугольной формы с основанием в сто и самой длинной стороной в сто пятьдесят футов! И на ней — двадцать один человек, сотня пушных зверей, несколько собак да исполинский медведь, который в это время сидел на задних лапах на самом краешке льдины!

Да! Все потерпевшие кораблекрушение были налицо! Пучина пока еще не поглотила ни одного человека. Островок раскололся в ту минуту, когда все люди находились в жилище. Судьба и на этот раз спасла их, видимо желая, чтобы они погибли все вместе.

Какое ужасное положение! Никто не произнес ни слова! Никто не шевельнулся! Быть может, малейшего движения, самого легкого толчка было достаточно, чтобы льдина подломилась?

К нескольким ломтикам сушеного мяса, которые раздала миссис Джолиф, никто не прикоснулся. Для чего?

Почти все несчастные путешественники провели ночь на открытом воздухе. Они предпочитали пойти ко дну, так сказать, на свободе, а не в тесном помещении из досок.

На следующий день, 5 июня, сверкающее солнце осветило группу отчаявшихся людей. Они почти не разговаривали между собой. Они как будто избегали друг друга. Некоторые тревожным взором обводили безбрежные просторы, со всех сторон окружавшие злосчастную льдину.

Море было совершенно пустынно. Ни паруса, ни плавучих льдов, ни островка! Их льдина была, без сомнения, последней, которая еще бороздила воды Берингова моря!

Температура все время поднималась. Ветра не было. Грозное спокойствие царило в воздухе. Волны легонько качали этот последний обломок земли и льда, еще сохранившийся от острова Виктории. Он поднимался и опускался, не двигаясь вперед, точно обломок кораблекрушения. Да он и в самом деле был таковым!

Но когда судно терпит крушение, остается какая-то часть корпуса, хотя бы кусок мачты, сломанный марс, несколько досок, — и все это держится на волнах, плывет, не может потонуть! Между тем льдина — всего лишь замерзшая вода, которую лучи солнца рано или поздно растопят!..

Уцелевшая льдина составляла когда-то часть острова, достигавшую наибольшей толщины; и этим объясняется, почему она дольше сохранилась. Слой земли и растительный покров защищали ее, точно

шапка, и вполне возможно, что толщина ее ледяной основы была еще довольно значительна. Должно быть, длительные морозы Ледовитого океана «напитали ее льдом» в те далекие времена, когда мыс Батерст веками представлял собою самый северный мыс американского материка.

Теперь льдина еще возвышалась в среднем на пять-шесть футов над уровнем моря. Из этого можно было заключить, что ее подводная часть была примерно такой же толщины. Но если в этих спокойных водах ей и не грозила опасность расколоться, то она должна была постепенно растаять и превратиться в воду. Это было легко установить, наблюдая за краями льдины, которые под действием волн, лизавших их своими длинными языками, заметно уменьшались, и участки земли, покрытые зеленеющей растительностью, один за другим навсегда скрывались в море.

В тот же день в час пополудни откололась та часть льдины, где находилось жилище, стоявшее теперь у самой воды. По счастью, в жилье никого не было, но спасти от него удалось только несколько досок да две-три кровельных балки. Почти все инструменты и астрономические приборы погибли! Обитатели маленькой колонии спешно перебрались в самую возвышенную часть островка, где их уже ничто не защищало от непогоды.

Сюда перенесли оставшиеся инструменты, насосы и резервуар для воздуха, в который по приказанию Джаспера Гобсона собрали во время ливня несколько галлонов дождевой воды. И действительно, не стоило вырубать из уже сильно уменьшившейся льдины глыбы льда, до тех пор служившие для получения питьевой воды. Теперь приходилось беречь буквально каждую крупцу льда!

Часа в четыре солдат Келлет, у которого и прежде проявлялись признаки безумия, подошел к миссис Барнет и сказал ей спокойным тоном:

— Сударыня, я решил утопиться.

— Что вы, Келлет! — воскликнула путешественница.

— Повторяю, я решил утопиться, — настаивал солдат. — Я долго думал. Нам ни за что не выпутаться. И лучше уж я покончу с собой по собственной воле!

— Келлет, — сказала миссис Барнет, взяв солдата за руку и пристально посмотрев в его остекленевшие глаза, — Келлет, вы этого не сделаете!

— Непременно сделаю, сударыня. А так как вы всегда были добры ко всем нам, мне не хотелось умереть, не простившись с вами. Прощайте же!

И он направился к морю. Испуганная миссис Барнет схватила его за плечо. Джаспер Гобсон и сержант Лонг прибежали на ее крик. Они присоединились к ней, пытаясь помешать Келлету осуществить его

намерение. Но несчастный, одержимый навязчивой идеей, лишь отрицательно качал головой.

Можно ли было заставить этого полупомешанного человека прислушаться к доводам рассудка? Нет! Между тем поступок безумца, бросающегося в море, мог оказаться заразительным! Кто знает, не последуют ли примеру Келлета и другие его товарищи, те, кто окончательно пал духом. Надо было любой ценой воспрепятствовать несчастному покончить с собой.

— Келлет, — с мягкой улыбкой обратилась к солдату миссис Барнет, — ведь вы искренне питаете ко мне добрые, дружеские чувства?

— Да, сударыня, — спокойно ответил Келлет.

— Так вот, Келлет, если хотите, умрем вместе... но только не сегодня.

— Сударыня!..

— Нет, нет, мой добрый Келлет, я еще не готова... лучше завтра... завтра, хорошо?

Солдат пристально посмотрел на бесстрашную женщину. Казалось, он мгновение колебался; он бросил свирепый, полный зависти взгляд на сверкающую гладь моря и, прикрыв рукой глаза, пробормотал:

— Завтра!

Произнеся это слово, он спокойно отошел и присоединился к своим товарищам.

— Бедняга! — прошептала миссис Барнет. — Я просила его дожидаться завтрашнего дня, но кто знает, не будем ли мы все к тому времени поглощены пучиной!..

Между тем Джаспер Гобсон, не желавший сдаваться, спрашивал себя: не существует ли какого-либо средства приостановить таяние островка, чтобы сохранить его до той поры, когда люди окажутся в виду какой-нибудь земли?

Полина Барнет и Мэдж больше не разлучались ни на минуту. Калюмах, как верный пес, лежала возле своей покровительницы, стараясь согреть ее. Миссис Мак-Нап, завернувшись в несколько мехов, оставшихся от богатых запасов фактории, дремала, крепко прижав свое дитя к груди.

Остальные, растянувшись на земле, лежали так неподвижно, словно это были трупы, оставшиеся на палубе тонущего корабля. Ни малейший звук не нарушал этого жуткого спокойствия. Слышался лишь плеск волны, постепенно размывавшей льдину, да сухой треск отламывавшихся кусков, напоминавший о роковом уменьшении ее размеров.

Сержант Лонг иногда вставал и оглядывался вокруг. Обведя взором морской простор, он тотчас же вновь ложился на землю. На краю льдины

неподвижно, точно огромный снежный ком, возвышался медведь.

На какой-нибудь час наступила темнота. В положении терпящих бедствие ничего не изменилось! Низкий утренний туман окрасился на востоке в светло-оранжевый цвет. В зените растаяло несколько облачков, и вскоре лучи солнца засверкали на поверхности моря.

Лейтенант Гобсон решил прежде всего обойти льдину. Ее периметр заметно сократился, но самое главное — она еще глубже погрузилась в море. Волны заливали большую часть ее. Только верхушка небольшого холма была для них еще недостижима.

Сержант Лонг, со своей стороны, отметил происшедшие изменения. Таяние льдины зашло так далеко, что у него не оставалось ни малейшей надежды.

Миссис Барнет подошла к лейтенанту.

— Это произойдет сегодня? — спросила она.

— Да, сударыня, — ответил он, — и вы исполните обещание, которое дали Келлету!

— Мистер Гобсон, — торжественно обратилась к нему путешественница, — все ли мы сделали, что было в наших силах?

— Да, сударыня.

— Ну что ж, да свершится тогда воля божья!

Тем не менее днем была предпринята последняя отчаянная попытка. На море поднялся довольно свежий ветер; он дул в юго-восточном направлении, то есть именно в том направлении, где находились самые близкие из Алеутских островов. Но на каком они были расстоянии? Этого никто не знал, так как за отсутствием нужных приборов определить положение льдины не было возможности. Она не должна была уплыть далеко, разве что ее подхватило какое-либо течение; ветер же не мог ускорить ее движение: ему, так сказать, «не за что было ухватиться».

И все же ничего определенного нельзя было сказать. Что, если, допуская невозможное, льдина была ближе к земле, чем полагали несчастные путешественники? Что, если неизвестное течение отнесло ее к столь желанным Алеутским островам? Ветер дул теперь в направлении этих островов и мог бы быстро гнать льдину, если бы встретил на ней точки опоры. Быть может, льдине надо было продержаться на волнах всего несколько часов, быть может, через эти несколько часов показалась бы земля либо по крайней мере какое-нибудь каботажное или рыболовное судно, которое держится вблизи побережья.

Некая мысль, сначала смутно мелькнувшая в сознании лейтенанта Гобсона, постепенно приобрела удивительную четкость. Почему бы не

поставить на льдине парус, как делают на обычном плоту? Это и в самом деле было осуществимо.

Джаспер Гобсон поделился своей мыслью с плотником.

— Вы правы, — отвечал Мак-Нап. — Поднять все паруса!

Этот проект, как мало шансов на успех он ни сулил, воодушевил несчастных людей. Да и могло ли быть иначе? Как было им не ухватиться за все, что давало надежду на спасение?

Все принялись за работу, даже Келлет, который пока еще не напоминал миссис Барнет о ее обещании.

Балку, некогда поддерживавшую кровлю флигеля, где жили солдаты, установили вертикально, глубоко врыли в песчаную почву холма и привязали веревками, заменявшими ванты и штаг. Из крепкой жерди соорудили рею, прикрепили к ней вместо парусов одеяла и покрывала, которыми раньше пользовались, и установили ее на верхушке мачты. Попутный ветер надул этот парус, или, вернее, целую систему должным образом прилаженных парусов, — и вскоре все почувствовали, что льдина начала быстро дрейфовать в юго-восточном направлении.

Это был подлинный успех! Павшие духом люди оживились. Их льдина больше не оставалась, на месте, она двигалась, и как ни медленно было это движение, оно пьянило их. Особенно был доволен достигнутым результатом плотник. Впрочем, все, точно добровольные наблюдатели, не отрывали глаз от горизонта, и, если бы им сказали, что они не увидят земли, они бы этому не поверили!

И тем не менее это было именно так.

Уже три часа льдина плыла по сравнительно спокойной глади моря. Ей не приходилось бороться против ветра и волн, наоборот — волны не только не противились ей, но сами несли ее вперед. И, однако, ее по-прежнему со всех сторон окружал пустынный горизонт, «а котором не видно было ни единого пятнышка. И все же несчастные продолжали надеяться.

Около трех часов пополудни лейтенант Гобсон отвел в сторону сержанта Лонга и сказал ему:

— Мы движемся в ущерб прочности и долговечности нашего островка.

— Что вы хотите этим сказать, лейтенант?

— Я хочу сказать, что вследствие трения о воду, которое возросло из-за быстрого движения, наша льдина катастрофически уменьшается. Она просто расползается на куски и с тех пор, как мы поставили парус, сократилась на треть.

— Вы в этом уверены?..

— Совершенно уверен, Лонг. Кажется, будто льдина удлиняется, а это она становится все уже и уже. Смотрите, море уже плещется в десяти футах от холма.

Лейтенант Гобсон был прав: именно это и происходило со льдиной, быстро увлекаемой вперед ветром.

— Сержант, — спросил Джаспер Гобсон, — не считаете ли вы, что нам следует приостановить дальнейшее движение?

— Я полагаю, — отвечал сержант Лонг, немного подумав, — я полагаю, что надо посоветоваться с товарищами. Теперь все должны разделять ответственность за наши решения.

Лейтенант утвердительно кивнул головой. Они вернулись на холм, и Джаспер Гобсон объявил о сложившемся положении.

— Скорость движения, — сказал он, — быстро разрушает льдину. Это может приблизить на несколько часов неизбежную катастрофу. Решайте, друзья мои! Хотите ли вы продолжать наше движение вперед?

— Вперед!

Это слово слетело с уст всех этих несчастных.

Льдина продолжала плыть, хотя решение отчаявшихся людей могло иметь серьезнейшие последствия. В шесть часов вечера Мэдж поднялась и, указывая на юго-восток, воскликнула:

— Земля!

Все, словно под действием электрического тока, вскочили на ноги. На юго-востоке, милях в двенадцати от них, действительно показалась земля.

— Парус! Парус! — закричал лейтенант Гобсон.

Его поняли. Площадь паруса была увеличена. К веревкам прикрепили наподобие маленьких парусов одежду, меха — все, что могло дать опору ветру.

Скорость движения возросла, тем более что ветер все свежел. Но льдина таяла со всех сторон. Чувствовалось, как она сотрясается. Она грозила каждую секунду погрузиться в море.

Но об этом никто не думал. Все были полны надежды! Там — на континенте — их ждало спасение. Люди простирали вперед руки, кричали! Они были точно в бреду!

В половине восьмого вечера льдина заметно приблизилась к берегу. Но она таяла прямо на глазах и все больше погружалась в воду. Теперь она почти уже не выступала над поверхностью, волны заливали ее и постепенно уносили обезумевших от ужаса животных. Каждое мгновение надо было опасаться, что льдина пойдет ко дну. Пришлось облегчить ее как тонущий корабль. Затем заботливо прикрыли землей и песком, еще

остававшимися на ледяной поверхности, края льдины, чтобы предохранить их от прямого действия солнечных лучей. Разостлали также меха, которые, как известно, по природе своей плохо проводят тепло. Словом, эти энергичные люди употребили все средства, чтобы отдалить конечную катастрофу. Но принятых мер оказалось недостаточно. Внутри льдины слышался треск, а на ее поверхности появились трещины. Некоторые солдаты схватили доски и гребли ими, как веслами. Но вода уже проступала сквозь лед, а до берега оставалось еще не меньше четырех миль!

— Скорее сигнал, друзья! — воскликнул лейтенант Гобсон, действовавший в эти часы с необычайной энергией. — Быть может, его заметят!

Все, что могло еще гореть — две-три доски, балка, — была сложено в кучу, и вспыхнул костер! Яркое пламя поднялось над хрупким обломком острова Виктории.

Но льдина с каждым мигом таяла и все глубже погружалась в воду. Вскоре над поверхностью моря виднелся лишь невысокий холм. Там собрались все путешественники, охваченные смертельной тревогой, вокруг находились немногие животные, еще не ставшие добычей волн. Медведь громко рычал.

Вода неумолимо поднималась. Ничто не говорило о том, что терпящих бедствие заметили с берега. Без сомнения, меньше чем через четверть часа они пойдут ко дну!..

Но неужели не было способа продлить существование льдины? Еще три часа, каких-нибудь три часа, и они, пожалуй, достигли бы земли, от которой их отделяло всего три мили! Но что делать? Что предпринять?

— Ах! — воскликнул Джаспер Гобсон. — Если б найти какое-нибудь средство, чтобы помешать этой льдине растаять! Я отдал бы жизнь, лишь бы отыскать его! Да! Жизнь!

В это мгновение кто-то отрывисто произнес:

— Есть такое средство!

То говорил Томас Блэк! Да, это был астроном, давно уже, можно сказать, не раскрывавший рта, астроном, которого его обреченные на смерть товарищи уже перестали считать живым существом! И он нарушил свое молчание, чтобы сказать: «Да, есть средство помешать льдине растаять! Да, есть еще средство спасти всех нас!»

Джаспер Гобсон бросился к Томасу Блэку. И он и другие зимовщики с волнением смотрели на астронома. Они решили, что ослышались.

— Какое же это средство? — спросил лейтенант Гобсон.

— К насосам, — вместо ответа проговорил Томас Блэк.

Не сошел ли астроном с ума? Не принимал ли он льдину за тонущий корабль, в трюме которого набралось футов на десять воды?

Между тем на льдине действительно еще оставались воздушные насосы и даже резервуар для воздуха, служивший в то время баком для пресной воды. Но что могли дать эти насосы? Как могли они укрепить грани льдины, таявшей со всех концов?

— Он помешался! — пробормотал сержант Лонг.

— К насосам! — повторил астроном. — Наполните резервуар воздухом!

— Сделаем так, как он говорит! — вскричала миссис Барнет.

Насосы присоединили к резервуару, крышку его плотно захлопнули и закрепили болтами. Насосы тотчас же заработали, и воздух, нагнетаемый с силой в несколько атмосфер, наполнил резервуар. Затем Томас Блэк, взяв в руки кожаный шланг, соединенный с резервуаром, отвернул кран, чтобы дать выход сжатому воздуху, и направил шланг на края льдины, туда, где под влиянием жары они особенно быстро таяли.

Результат, произведенный этим, поверг всех в изумление! Везде, куда попадал направляемый рукою астронома сжатый воздух, таяние прекращалось, трещины затягивались, лед снова замерзал!

— Ура! Ура! — закричали несчастные путешественники.

Работать у насосов было утомительно, но в охотниках недостатка не было. Люди сменяли друг друга. Грани льдины утолщались, как будто подвергаясь действию сильного мороза.

— Вы нас спасаете, мистер Блэк! — воскликнул Джаспер Гобсон.

— Что может быть проще! — коротко ответил астроном.

И в самом деле, ничего не могло быть проще! Вот что за физическое явление имело тогда место.

Новое замерзание льдины происходило по двум причинам: во-первых, потому, что под действием сжатого воздуха вода, улетающая с поверхности льдины, создавала сильный холод; во-вторых, сжатый воздух, разрежаясь, поглощал с оттаявшей поверхности льда тепло. Всюду, где образовывалась трещина, холод, вызванный разрежением воздуха, скреплял ее разошедшиеся края, и благодаря этому льдина мало-помалу обретала прежнюю прочность.

Так продолжалось несколько часов. Несчастные путешественники, вновь загоревшись надеждой, неутомимо работали.

Земля приближалась.

Когда до берега осталось не больше четверти мили, медведь бросился

в воду, вплавь добрался до суши и быстро исчез из виду.

Через несколько минут льдину выбросило на песчаную отмель. Еще остававшиеся на ней животные устремились в бегство. Люди сошли на берег и, упав на колени, возблагодарили небо за свое чудесное спасение.

24. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проделав на своем плавучем острове с начала движения льдов больше тысячи восьмисот миль, обитатели форта Надежды высадились, наконец, на одном из островов Ближних; это был последний в группе Алеутских островов, расположенных в южной части Берингова моря. Рыбаки, прибежавшие к ним на помощь, гостеприимно встретили путешественников. Вскоре лейтенант Гобсон и его товарищи вошли в сношения с находившимися на континенте соотечественниками — агентами Компании Гудзонова залива.

После нашего подробного рассказа незначем особо подчеркивать мужество всех этих смелых людей, вполне достойных своего командира, и энергию, которую они проявили за время выпавших на их долю тяжких испытаний. Выдержка не изменила ни мужчинам, ни женщинам. Отважная путешественница в пору грозных невзгод являла пример стойкости и покорности воле неба. Эти люди боролись до конца и не пали духом, даже узнав, что часть материка, на которой они основали форт Надежды, превратилась в блуждающий остров, этот остров — в островок, а островок — в льдину; они не пали духом и тогда, когда под соединенным действием теплых вод и солнечных лучей льдина эта растаяла! И если компании предстояло повторить свою попытку, так как вновь основанный форт погиб, — никто не мог упрекнуть в этом Джаспера Гобсона и его товарищей, ибо они оказались жертвой обстоятельств, которые человеческий разум не в силах был заранее предвидеть. Во всяком случае, все девятнадцать человек, доверенных лейтенанту, вернулись здоровыми и невредимыми; больше того, в маленькой колонии даже прибавились два новых члена — юная эскимоска Калюмах и сынишка плотника Мак-Напа, крестник миссис Барнет — Майкл.

Через шесть дней после спасения зимовщики прибыли в Ново-Архангельск, главный город Русской Америки.

Здесь эти люди, сильно привязавшиеся друг к другу в обстановке общей опасности, должны были расстаться, быть может, навсегда! Джасперу Гобсону и его отряду предстояло возвратиться через земли компании в форт Релайанс, в то время как миссис Барнет, Калюмах, которая не захотела с ней разлучаться, Мэдж и Томас Блэк рассчитывали вернуться в Европу через Соединенные Штаты Америки, в частности через Сан-Франциско. Но перед тем, как разъехаться в разные стороны, лейтенант

Гобсон перед строем своих товарищей взволнованно обратился к путешественнице с короткой речью:

— Сударыня, да благословит вас бог за все то добро, что вы содеяли для нас! Вы были нашей верой, нашим утешением, душою нашего маленького мирка. Я благодарю вас за это от имени всех присутствующих!

Троекратные крики «ура» раздались в честь миссис Полины Барнет. Затем каждый захотел пожать руку мужественной путешественницы. Женщины от всего сердца расцеловались с нею.

Что касается лейтенанта Гобсона, который испытывал к миссис Барнет искреннюю привязанность, то он с грустью в последний раз обменялся с ней рукопожатием.

— Неужели мы никогда больше не свидимся? — проговорил он.

— Нет, Джаспер Гобсон, — ответила путешественница, — мы обязательно свидимся! И если вы не приедете в Европу, то я сама возвращусь сюда, чтобы разыскать вас... здесь или в новой фактории, которую вы когда-нибудь создадите...

В эту минуту Томас Блэк, к которому после того, как он вновь ступил на твердую почву, вернулся дар речи, выступил вперед.

— Да, мы обязательно свидимся... через двадцать шесть лет! — воскликнул он убежденным тоном. — Друзья мои, меня постигла неудача во время затмения тысяча восемьсот шестидесятого года, но этого не повторится во время затмения, которое произойдет в этих же широтах и в тех же условиях в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. А посему я назначаю вам, сударыня, и вам, мой храбрый лейтенант, новую встречу у берегов Северного Ледовитого океана — ровно через двадцать шесть лет!

1873 г.

Примечания

1

Дорогу мехам! (лат.)

это предвидение капитана Крэвенти действительно в скором времени осуществилось

псарня (англ.)

сизигии — фазы луны (полнолуние и новолуние)

лыжи для глубокого снега, буквально — «снеговые башмаки» (англ.)

перевод слова «эскимос» (прим. авт.)

Добро пожаловать! (англ.)

в то время председатель Королевского географического общества
(прим. авт.)

неизменное положение вещей (лат.)